

Владислава

Нарисуй

узоры болью...

...Острыми ножами на моей душе. Именно это хочется вопить без конца Гроттер — девушке, умудрившейся попасть в этот сгусток зла, в игру под названием "Тибидохс". Провидица от рождения — она не знала даже, что когда-то окажется среди всего этого мрака, не знала и того, что когда-то сможет встретит здесь зрителя-некромага, Глеба Бейбарсова. Можно ли назвать это чувствами — или просто набором боли? И выживет ли хоть кто-то в этом году?

===== Боль первая. Письмо смерти =====

Гроттер никогда толком не верила в счастье — и вот сейчас, глядя на неизменно весёлого Ивана, кривилась и недовольно отворачивалась; она, как Провидица, могла видеть сплошную смерть вокруг него, изрезанную неизмеримо большим количеством грехов и боли, которые должен ещё пережить Ванька, её милый и добрый Ванька.

Провидица — звучало как приговор; собственно, это и было приговором, и девушка то и дело ожидала того мгновения, когда ей придёт приглашение на "Тибидохс" — самые страшные игры, которые только могли существовать за всю историю человечества. Рыжеволосая практически не боялась — она была просто уверена в том, что когда-то погибнет, а вот на каком раунде, когда именно — девушке было практически всё равно.

Таня вновь подняла взгляд на зеркала, которыми Валялкин умудрился увешивать все их стены, но при этом сам никогда не смотрел. Гроттер ненавидела своё отражение, терпеть не могла; особенно Таня не ненавидела свои рыжие волосы. Они были невероятно яркие, кудрявые, вечно непослушные, и Гроттер без конца хваталась за ножницы, пытаясь отрезать их, перекраситься, вырвать их с корнями, чтобы больше никогда даже не видеть.

Куда больше рыжих волос девушка терпеть не могла свои глаза — глаза Провидицы, тоже слишком яркие, слишком зелёные, слишком красивые как для этого жестокого мира; глаза были единственными во всей картине собственной внешности, что только могло немножко нравиться Тане. Все остальное она нещадно критиковала — считала себя слишком худощавой, хотя это, конечно, смотря с кем сравнивать; немного неуклюжей, что, конечно, было правдой; с длинноватым носом, доставшимся в наследство от родителей; со слишком бледной кожей, которая была пятном фоне ярких глаз и волос — но зато без единой веснушки.

Валялкин был куда более обычным — обычный светловолосый, щуплый паренёк среднего роста, правда, немного вихрастый, с голубыми, пронзительными глазами, которые напоминали Тане небо; Гроттер небо не любила, она всегда боялась в него смотреть, потому что могла там видеть — видеть всё без исключения, все эти страшные смерти, сами игры, которые никогда никому не показывали.

"Тибидохс" существовал исключительно для слишком богатых личностей. Они ставили ставки и ожидали — там, на поле, даже камер наблюдения не было, только датчики, которые вводили с уколom шприца под кожу каждому участнику и которые попросту прекращали работать, когда жертва умирала, ну, или просто покидала зону игр.

Но покинуть зону "Тибидохса" могли лишь те несколько победителей, что выжили и сумели победить всех, а вырубившийся датчик переходил в кровь или в что-то там ещё — Таня особо не разбиралась, — а потом каким-то образом, с помощью определённого препарата, попросту выводился из организма естественным путём — датчик был самой

безопасной вещью, которую только использовали на играх.

— Таня! — тихо позвал Валялкин, присаживаясь рядом с девушкой. — Танечка, ты меня слышишь? — он осторожно, словно пытаясь разбудить её, прикоснулся ладонью к плечу Гроттер, и та едва заметно вздрогнула, но не отпрянула — они вроде бы как давным-давно уже вместе, хотя на самом деле вроде бы и нет.

У Провидиц никогда не было пары — Таня, можно сказать, первая, которая решила впутать ещё одного человека в проблемы собственного Дара, эгоистка, как думала она сама, и слишком жертвенная, как считал Ванька. Валялкин — он просто никогда не был волшебником, вот и не понимал, что именно скрывается за таким простым словом, как Провидица, понятия не имел, как страдает Гроттер и что она обязана переживать каждый раз, когда у неё что-то случалось.

— Что, Вань? — оглянувшись, спросила рыжеволосая, внимательно всмотревшись в глаза невероятно ненавистного цвета неба, которое всегда приносило Гроттер так много боли. И Валялкин обязан принести — она это чувствовала и почему-то была уверена в том, что нормально всё это точно не закончится, верила в то, что всё завершится более чем плохо, она... Она просто терялась в собственных видениях.

Валялкин промолчал. Он просто осторожно сжал в своей руке маленькую ладошку Гроттер и, наконец-то решившись, надел на безымянный палец тонкое золотое колечко — достаточно дорогое, как для невыносимо бедного Ваньки, но для Тани служившее ещё одним камнем, который обязан потянуть её на дно. И потянет. В любом случае.

— Ты станешь моей женой? — шепотом спросил светловолосый, обнимая Таню за талию — ему невероятно хотелось поцеловать девушку, в конце концов, наконец-то быть с нею... как мужчина, но Гроттер не позволяла никогда попросту прикоснуться к себе, не позволяла поцеловать себя в губы, не позволяла... вообще ничего не позволяла. Она просто решила ограничить себя во всём человеческом.

Она была Провидицей, она была действительно проклятой, и от этого никак не избавиться!

— Ваня, ты же знаешь, что я не имею права, — вздохнула Гроттер. — Я... Мы будем находиться в состоянии обручения, если ты хочешь, до игр — до моих последних игр. Не более.

Валялкин кивнул — он был согласен на всё, что угодно, лишь бы остаться с Таней — он искренне считал, что любил её, но толком никогда не мог понять, любит на самом деле или всё же нет. Ему вдруг невероятно сильно захотелось прижать к себе Гроттер и всё-таки наконец-то поцеловать её, но рыжеволосая словно прочла это намерение в его глазах, посему сочла нужным отодвинуться на несколько сантиметров и посмотреть настолько строго, что становилось совсем уж не по себе.

— Всё будет в порядке, — вздохнул парень. Он собирался пообещать Тане ещё что-то не слишком реальное, но при этом невероятно прекрасное и замечательное, что-то жизнеутверждающее, но Гроттер ещё раз отодвинулась и вдруг оглянулась на какой-то тихий, слишком тихий звон.

— Письмо! — воскликнула Таня — казалось бы, она даже обрадовалась этому. — Письмо, письмо! — она схватила тонкий свёрток, который свалился на очередное упавшее на пол зеркало, а после протанцевала по нему, своими тонкими каблучками попросту разбивая его на мелкие кусочки. — Зеркало к несчастью, Ваня, и письмо — тоже! Знаешь, что это! Это... — девушка развернула письмо. — Это извещение о том, что мы участвуем в

“Тибидохсе”!

Ванька удивлённо посмотрел на девушку — она, словно безумица, кружилась по комнате, сбрасывая зеркала на пол и наступая на них, заставляя их расколоться на несколько частей и просто рассыпаться мелкими осколками по дому. Валялкин, который перед этим умудрился разуться, не знал даже, куда ему ступить и как что-то сделать, дабы успокоить Таню.

— Я так и знала, — вздохнула наконец-то она. — Я так и знала, что мы попадём в “Тибидохс”, я так и знала! — девушка прикрыла глаза и села прямо на стекло — крови не было, — а после вдруг подкинула свёрток вверх — и в воздухе начали появляться синеватые буквы приглашения.

“Уважаемые Татьяна Гроттер и Иван Валялкин — Провидица и абсолютный дурак, вздумавший влюбиться в ту-в-которую-ни-в-коем-случае-нельзя-влюбляться. Ведунья и простак, Верная и вроде-бы-не-предатель, вы попали в “Тибидохс”.

С огромным прискорбием обязана сообщить вам, что правила не изменились, и выживает неопределённое количество человек, но меньше общего количества, пройдя определённое количество раундов и убивая определённое количество людей. Вы можете погибнуть — и тогда ставки тех, кто выбрали вас, перейдут в огромный банк нашей державы, — вы можете выжить, и тогда деньги будут ваши, а каждый человек на улице будет знать, что вы убийцы.

Дорогие мои Провидица и Простак, не смейте, ни в коем случае не смейте опаздывать, ибо я терпеть не могу людей, которые опаздывают. Прошу вас быстро-быстро-быстро броситься в “Тибидохс” — удачи вам в вашей смерти. Предлагаю вам дойти самим, или же вы будете доставлены сюда насильно.

Удачного прозрения, мисс Гроттер, удачных изменений, господин Валялкин...

Покровительница “Тибидохса”, госпожа Чума-дель-Торт.”

— В “Тибидохсе”, - промолвила Таня. — В “Тибидохсе” будет то, что должно было быть всегда — сотни смертей, и кровь, наша кровь... Боюсь, наши судьбы будут разделены!

— Почему? — удивился Валялкин.

— Потому что я никогда не вижу тех, кто имеет ко мне отношение, — промолвила Татьяна, а после, приблизившись к Валялкину и приподняв его лицо за подбородок, прошептала: — А я вижу каждый твой грех, Простак... Удачных изменений, Ваня!

И, выдохнув последние слова, девушка рухнула на пол без сознания — осколки её Дара наконец-то объединились в одно, и девушка сумела всё-таки избавиться от назойливого видения...

Сарданапал вздохнул — в свои несколько тысяч лет он продолжал бояться “Тибидохса” по крайней мере за то, что сам его и создал. Черноморов мог только с невероятной, невообразимой грустью вспоминать о том, что когда-то устраивал состязания для детей, мирные, в которых никто никогда не умирал. Не умирал до тех пор, пока его не захватила госпожа Чума.

Она — Сарданапал знал, что весь мир называет только так, только по-одному, только “Чума-дель-Торт”, но для него это была она.

— Сарданапал, как ты думаешь, а что будет на этот раз? — в этой мелкой камере Медузия оставалась невероятно спокойной, невероятно мудрой сначала девушкой, а сейчас уже женщиной на вид лет сорока, давней волшебницей, человеком, которая сумела породить

что-то правильное в этом мире.

— В нашей тюрьме никогда не бывает ничего нового, — покачал головой Черноморов. — Я не верю в то, что на сей раз Чума придумает что-то новое — она просто записывает убийства и раз за разом прокручивает их перед нашим носом. Жестоко, конечно, но мы могли давно уже привыкнуть. В конце концов, это просто дети — дети, которые пали жертвой её абсолютной ненависти, которые...

Сарданапал запнулся. Он знал, что сам породил эту ненависть, знал, что и Медузия находилась здесь исключительно по его вине, потому что когда-то предала её, великую госпожу.

Горгонова была до сих пор невероятно красивой. Она походила на угасающее лето, плавно перетекающее в осень, долгое, великолепное, прекрасное лето, которое с каждым днём становилось всё более рыжим. У Медузии были огненные волосы — они словно горели каким-то непонятным огнём изнутри, и все окружающие, кто только видел её раньше, удивлялись тому, что на самом деле её пряди существуют, а не просто являются выдуманными, нереальными и неправильными.

А ещё они могли превращаться в змей; змей Медузия в молодости очень боялась, поэтому проклятье, что пало на её волосы, было первым порывом злобы госпожи Чумы, тем самым противным для молодой девушки, которая вынуждена была стареть здесь, в клетке.

Она так и увядала, раз в год наблюдая за тем, как Чума-дель-Торт устраивает смерти для других людей, рассматривая с профессионализмом маньяка-убийцы то, как кто-то выгрызает сердце другого. Медузия прекрасно знала, что человек не может быть нормальным, спокойным и прекрасным, когда участвует в этом; из “Тибидохса” самые хорошие люди выходили чудищами или выезжали в гробах.

Их хоронили, всегда хоронили — и пленные небольшой клетки всегда удивлялись подобной особенности со стороны Чумы. Но, казалось, ей просто нравилось наблюдать за тем, как родственники или просто люди рыдают на изувеченными телами порой вообще обыкновенных детей, у которых не было места в этом мире.

Сарданапал же состарился, казалось, слишком быстро. Он и когда попал сюда, был не самым молодым человеком на свете — в тот день мужчина праздновал своё тысяччетырехсотвосемидесятилетие; слово, которое Медузия до сих пор не могла выговорить без запинки. Но тогда у него не было ни усов, ни бороды — а сейчас появились, длинные-предлинные, потому что основателю “Тибидохса” они нравились.

Он был очень невысок ростом, даже слишком, а ещё обладал особенностью без конца наступать на свою бороду. Рыжая красавица Меди, как он её называл порой, очень любила заплетать косички из тонких волосков этой бороды и усов; наверное, она делала это только по той причине, что никакого иного занятия в тюрьме не было.

— Смотри, Сард, — вздохнула Горгонова. — Смотри — вот оно, письмо пришло. Читать будем?

Ответ всегда следовал один и тот же — Сарданапал даже не задумывался над тем, читать или нет. Он просто подкидывал свиток в воздух, и на фоне стены появлялись строчки непонятных слов, которые после переобразовывались в нормальные слова, что их уже знал каждый в этом мире, ведь Чума заботилась о том, чтобы народ был образованный.

“Персонально для моих врагов, Сарданапала и Медузии, я составляю эту писульку ровно столько, насколько будет продлена ваша спокойная жизнь — несколько минут. А сейчас же могу поздравить вас с тем, что вы больше не будете смотреть на смерти в “Тибидохсе”.

Вы будете в них участвовать.

Знаете, почему я больше не хочу рассматривать ваши глупые, скучные, неинтересные напуганные рожи, на которых отпечатывается весь ваш слишком сильный страх перед будущим? потому что я устала от этого, просто устала, и сейчас хочу чего-то нового. Теперь вы не будете смотреть на то, как умирает человек — вы будете вынуждены переступить через себя и убивать окружающих.

Я знаю, вы хотите сказать, что никогда не станете ничего такого делать. Но если вы победите, я отпущу вас на свободу; с деньгами, с силами... Хороший соблазн, разве не так? Так; и я знаю, что вы, сколько бы сейчас не повторили, что являетесь добрыми и праведными, будете поступать с куда большей ненавистью и остервенением, чем окружающими.

Удачи вам в “Тибидохсе”; я с удовольствием посмотрю на то, как вы станете подыхать во всём этом, дорогие мои; удачи!..

Учредительница “Тибидохса”, преданно ваша, Чума-дель-Торт...”

— Вы ведь не будем убивать? — с надеждой поинтересовался Сарданапал, пытаюсь отказаться от игр.

— Будем, — строго ответила Медузия. — Мы будем, и обязательно выживем — и я больше не намерена сидеть в этой дыре!

Мечта о свободе оказалась для неё куда более опьяняющей, чем для старого, слишком давно опустившего руки мага с длинными усами и бородой, которая заплетена в мелкие косички...

Бейбарсов откинулся на спинку стула, в который раз изучая взглядом стены небольшой комнатухи, в которой он нынче находился. Она казалась для него полупустой и слишком серой; впрочем, точно так же думали и Ленка с Жанной, но никогда не жаловались. Не жаловался и Бейбарсов — для него всё это было пустым звуком, чем-то неинтересным и совершенно незначительным; можно сказать, что Глеб жил только во время “Тибидохса”, а вот в обычное время здесь, за закрытыми окнами и бетонными стенами, он просто существовал.

— Чума говорила, что это будут наши последние игры, — вздохнула Жанна, устраиваясь поудобнее на ковре — она любила сидеть на полу, потому что так удобнее было рассматривать потолки, покрытые трещинами, исписанные какими-то гадкими рунами, что на разных языках мира означали одно и то же.

Ленка на пол предусмотрительно не садилась — она говорила, что не желает тратить собственные силы потом на то, чтобы регенерировать из-за банальной простуды; Бейбарсова просто не интересовали потолки, комфорт или уют. Он знал, что эти игры будут последними и без Аббатиковой; прекрасно понимал, что и зрителей иногда менять надо, потому что иначе слишком скучно; ему и было слишком скучно, вот только не хотелось расставаться с “Тибидохсом” так рано.

— Мы все заключили контракт на три года, — отметил Бейбарсов. — И так долго продержались — в конце концов, уже прошло два сезона, а мы всё ещё живы; но Чума уверена в том, что не все мы доживём до завершения этих игр — слишком скучно становится, говорят, что никто уже особо не рвётся делать свои ставки.

— Ску-у-учно-о, — протянула Свеколт. — Какое смешное слово! — она оттолкнулась ногой от пола, и странное кресло, предназначенное явно не для комфорта человека,

завертелось вокруг своей оси. Ленка безумно хохотала, изредка сама себя дёргая то за зелёную, то за жёлтую косу, словно таким образом она пыталась затормозить, но, очевидно, безуспешно.

Елена всегда была настоящим учёным. В “Тибидохсе” ей нравилось только то, что можно было понаблюдать за действиями людей, что попадали в странные, непривычные для всех них условия. Мало ли что могло случиться — и вправду, каждый метался, убивал, издевался над окружающими; Ленка порой считала себя садисткой, порой — вполне нормальной девушкой, которая просто — просто! — развлекается и никак не может успокоиться в этом мире.

— Прекрати кривляться, — покачала головой Аббатикова. — Скучно — не скучно. Какая к чёрту разница? Не знаю, кто из нас погибнет, но это точно буду не я! — девушка вскочила на ноги и стала ходить взад-вперёд. — Скоро закончатся наши последние игры — и всё, свобода! Вы представляете? Сво-бо-да!

Жанна чётко выговаривала каждый слог пыталась доказать, что она права, а Бейбарсову без конца хотелось послать её куда подальше, а ещё больше — попросту выставить девушку на улицу. Неужели можно себя так вести?

Глебу в играх нравился адреналин; ему было интересно преодолевать препятствия и дожидаться того мгновения, когда кто-то попытается убить её; ни у кого не получалось, никто до сих пор не смог убить его, но почему-то желающих было слишком много, а исполнителей — ноль. Впрочем, Бейбарсову хотелось и на свободу, подальше отсюда, от этого жалкого домишки, который давно уже достал его; Глебу хотелось вдохнуть свежего воздуха подальше от “Тибидохса”, но когда подписываешь контракт, ты не имеешь права покидать небольшую территорию, кажется, гектара два, не имеешь права ни с кем, кроме коллег, общаться, не имеешь права ставить свои ставки...

Зато потом выходишь богатым человеком из игры — если выжил, — и спокойно, ни о чём не переживая, спокойненько живёшь дальше. Покой, правда, Бейбарсова интересовал мало — он пытался просто применить каким-то образом свою некромагию. Они все пытались, поэтому, когда Чума сделала столь интересное предложение, согласились, не особо долго думая, и бросились с головой в бесконечный вихрь убийств.

Аббатикова, немного побродив по комнате, безо всякого стеснения уселась на колени Бейбарсову, положив руки ему на плечи. Наверное, если бы кто-то посмотрел со стороны, то подумал бы, что перед ним какая-то относительно счастливая парочка — но Глеба раздражало то, что Жанна столь часто пыталась наладить хоть какие-то отношения; одиночество было второй его страстью, кроме, конечно, жестокости, и предавать свои собственные убеждения Бейбарсов совершенно не собирался.

— Чего ты такой? — поинтересовалась Жанна, не встретив со стороны Глеба никакой взаимности — парень ей всё же нравился. — Да и вообще, в последнее время только молчишь и молчишь! — рассмеявшись, она откинула прядь жгуче-чёрных волос со лба Бейбарсова, а после попыталась заглянуть ему в глаза, но встретила там всё ту же чернильную некромажью пустоту. — Словно облили чем-то!

— Ты только сейчас это заметила? — язвительно поинтересовался черноволосый, сталкивая Аббатикову — девушка от неожиданности даже упала на пол, но так и осталась валяться там, не собиралась ничего больше делать. — Я всегда не особо много разговариваю — жаль, что ты не желаешь принимать это во внимание, Жанна. И вообще, думай лучше об играх — нам наконец-то прислали список!

Бейбарсов взмахнул рукой, и на стене появились какие-то странные, витиеватые буквы. Как зрители — а они ими и являлись, пускай и принимали весьма активное участие в играх и многих уничтожали, — они имели полное право знать всех участников ещё до начала игр. Работа зрителя и вовсе заключалась в том, чтобы устроить лишние испытания для несчастных игроков; за смерть каждого из них игрок получал огромную премию, потому что поймать такого человека было невыносимо сложно, но при этом зрители не брали прямого участия в “Тибидохсе” — они не боролись за главный приз, они просто выполняли свою работу: чётко, слаженно и с присущей жестокостью.

Это был последний год из тех трёх, что Бейбарсов, Аббатикова и Свеколт работали в “Тибидохсе”. За такой договор тоже платили немало, а требовали не такие уж и большие жертвы, как от людей, у которых никогда не было собственной семьи, да и родных вообще. Зато потом можно было спокойно продолжать заниматься любимым делом и уж точно не переживать по тому поводу, что когда-то каким-то образом они и сами станут участниками “Тибидохса”.

— В этом году интересные участники, — отметила Лена. — Ой, ты только посмотри, Чума пошла на крайние меры: она выпустила своих пленных! Уж не ожидала, что на нашем веку станется то, что уж несколько столетий ожидалось теми, кто делает свои ставки. Сами Сарданапал и Медузия.

— Они давно уже потеряли прежнюю сноровку, — пожал плечами Глеб. — Поэтому большого соперничества не стоит ожидать, я думаю, со стороны людей, которым давно уже перевалило за тысячу лет.

Он позволял себе говорить пренебрежительно о людях, которые были старше его на многие века — самому Бейбарсову только-только исполнилось двадцать один, но он уже до такой степени ненавидел человечество, что мог вполне продолжать сотрудничать с Чумой. Что поделать — некромаг, он и в “Тибидохсе” некромаг, поэтому изменять какие-либо условия бесполезно.

— Меня больше интересует Провидица, — хмыкнул Глеб, наконец-то решив высказать своё мнение. — Они всегда были опасны, жаль только, не могли видеть свои собственные судьбы... А это кто? Бездарный? Боги, ну почему в играх постоянно так много этих предателей-бездарных, которые в своей жизни ничего никогда не делали, а сейчас пытаются выживать...

— Ну, зато у нас есть внук великой богини... — скривилась Ленка. — Какие-то девчонки — и как их свет до “Тибидохса” донёс? — заучка с каплями магии, бесконечное число тупых качков... Ставки какие-то будут, а, Бейбарсов?

— Мне уже хочется кое-кого убить, — покачал головой Глеб. — И Провидица, кажется, должна быть интересным игроком — они часто сумасшедшие и ведут себя так, словно с самого начала были приговорены, но при этом почему-то предают собственные принципы и рушат всё на пути; жаль, конечно, что нет никого с боевым даром, как в прошлом году, кроме этих... пленных... Ну что же, зато скоро у нас будет возможность со всеми ними лично познакомиться.

— Скоро? — уточнила Аббатикова, как всегда, проворонив сообщение от Чумы.

— Естественно, — кивнул Бейбарсов. — Круг сложен, а это значит, что “Тибидохс” начинается прямо сейчас! Добро пожаловать, сёстры, на наш последний путь смерти.

И, усмехнувшись, Глеб направился к выходу, прихватив собственную трость — игры манили, а игроки медленно, один за другим, всходили за золотые постаменты. Он имел

право видеть это вблизи — а уже через несколько часов начнётся безумная гонка длиной, кажется, чуть меньше месяца...

===== Боль вторая. Круг =====

Таня уже давно успокоилась; её истерика попросту подошла к концу, и девушка даже плакать заставить себя не могла — она просто смотрела в пустоту и пыталась понять, за что же оказалась в этом ненормальном кругу.

Она просто молча рассматривала людей, которые остановились напротив неё. Они все были невероятно разные — некоторые слишком бледные, многие — наоборот; кто-то действительно мечтал попасть сюда, на страшную игру под названием Тибидохс, но большинство даже в самом страшном сне не могло представить, что когда-то ступит на эту выжженную солнцем землю и сделает хотя бы один шаг в сторону своего персонального, личного, особенного летального исхода.

Они все до единого молчали — Гроттер чувствовала взгляды на себе и видела окружающих сама, водя глазами туда-сюда и пытаясь разобраться, кто именно может быть самым страшным соперником.

— Представьте, — суровый голос местного судьи заставил рыжеволосую. — Все по очереди должны назвать свои имя, фамилию и то, что они ещё должны сообщить о себе.

Таня отчаянно надеялась, что начнут не с неё — но странная стрелка крутилась на невероятном циферблате; она не хотела получать номер один, но...

— Представьте, — страшная стрела указала именно на неё. — Представьте, девушка с рыжими волосами.

— Татьяна Гроттер, двадцать лет, — выдохнула девушка. — Провидица. Номер... один.

Всё-таки первая — никто из номеров один никогда не выигрывал, и рыжеволосая даже не хотела ничего слышать о том, чтобы быть этим самым первым номером; ей стало невероятно страшно, и девушка опасалась даже сделать шаг в сторону портала, чтобы часом не случилось чего-то особо опасного.

— Иван Валялкин, двадцать лет, — прошептал Ванька. — Ветеринар. Номер второй.

Гроттер скривилась. Второй — и он не мог стать немного дальше? Таня чувствовала — добром всё это точно не закончится; знала, чувствовала, но ничего поделать не могла, не могла заставить Ивана хотя бы на несколько метров от неё отойти.

— Баб-Ягун, — продолжил третий — какой-то светловолосый лопоухий парень, который, кажется, вообще-то был весёлым и позитивным — но сегодня едва-едва дышал и мечтал провалиться, пожалуй, под землю. — Двадцать один год. Спортивный комментатор. Номер третий

Таня долго пыталась понять, где она слышала этот голос — достаточно долго, пока не пришло осознание, что это парень комментировал “Тибидохс” вот уж несколько лет подряд. Гроттер помнила, как он весело рассказывал о том, кто принимает участие и кто уже погиб — короткую сводку игроков подавали на центральном телевидении для тех, кто поставил ставки, ну, и для родственников, конечно же.

У самой рыжеволосой никого не было — её родители погибли достаточно давно, в какой-то очередной битве, коими был испещрён сей жуткий мир. Таня даже не пыталась думать о том, как бы они счастливо жили вместе — её это почему-то в данный момент практически не интересовало.

Девушка не хотела идти на игры, вот только выбора ей никто не предоставил — и она прекрасно помнила, с какой же радостью рассказывал Ягун о том, сколько смертей лежит на

душе у победителя — молоденькой девчушки, чудом выбравшейся из ужаса.

Девчушки, которая повесилась через несколько дней, не выдержав подобного груза.

Таня знала — был бы у неё шанс, она никогда бы не стала умирать просто так. Она, вырвав победу зубами — да всем, чем придётся, — обязательно сохранила бы собственную жизнь. Обязательно. Если переживаешь такой кошмар, нет никакого смысла продлевать его.

— Екатерина Лоткова, двадцать лет, врач, номер четыре, — выпалила какая-то хорошенькая блондинка, заправляя выбившуюся прядь за ухо и одёргивая собственное достаточно коротковатое платье.

Она вообще показалась Гроттер предельно странной. В коротком платье, вопреки тому, что это не слишком-то и приветствуется здесь, какая-то слишком... Расфуфыренная, что ли? В любом случае, молодая провидица никак не могла подобрать более подходящее слово.

— Гробыня Склепова, — голос следующей девушки отчаянно дрожал, — двадцать лет, телеведущая, номер пятый.

Таня покосилась на девушку и вздохнула — она никогда её не видела, ведь если бы лицо незнакомки хотя бы мелькнуло — Гроттер бы обязательно запомнила. Такое сложно забыть — вроде бы и миловидная девушка, вот только почему-то слишком ярко накрашенная, с фиолетовыми волосами, вот только уже в брюках, в отличие от той же Екатерины.

Катя вызывала отчаянное отвращение — Таня помнила таких тихоней, она многих подобных знала, часто видела, как они умирают — она прекрасно понимала, что если к рыжей ведьме никто по собственному желанию не сунется, то к такой хорошенькой куколке — запросто; знала, как те пытаются вырваться, а после лишь тихонько попискивают непонятно по какой причине, словно пытаясь отвоевать собственное спасение.

Гроттер ненавидела, когда вели себя так, словно они слабые. Рыжеволосая вообще слабых ненавидела — в этом мире они были слишком недопустимыми. Да и вообще, что можно говорить о стране, в которой, собственно говоря, закон только один — принять участие в “Тибидохсе”, если к тебе пришло письмо.

Остальное если и существовало, то вот уж как несколько столетий, пожалуй, не выполнялось — об этом Гроттер тоже прекрасно знала, хотя и понимала, что сама с радостью увидела бы хоть какой-то закон.

Закон, что мог бы помочь ей или кому-то из людей, близких и дорогих девушке, спастись.

Она помнила, как впервые — право, совершенно случайно, — столкнулась в тёмной подворотне с группой сумасшедших; они, пожалуй, ослепли и не увидели то, каким ярким пламенем сияли волосы девушки.

Гроттер знала — она убивала уже однажды, правда, совершенно случайно, взрывом волшебства, но убивала же!

А значит, будет намного легче сейчас.

— Гуня Гломов, — протянул следующий. — Двадцать три года, силач, номер шестой.

На его лице не отбилась ни единой эмоции — складывалось такое впечатление, что парень и вовсе не переживает по тому поводу, что именно с ним произойдёт, словно его вообще ничего никогда не волновало.

Таких Гроттер тоже знала — обычно именно подобные ему люди, напившись, и поджидают в чёртовых подворотнях.

У Гуни на лице было написано, что он предельно глуп — Таня не смогла сдержаться, поэтому упорно рассматривала своих соперников, анализировала данные о них и пыталась

понять, как именно с ними бороться. В этом и было преимущество первого — потому что его представление никто так и не успел услышать.

Гроттер отчаянно надеялась, что хотя бы чем-то ей удастся когда-либо воспользоваться во время игры, поэтому продолжала держать голову высоко и гордо поднятой, даже забывая о том, что можно придумать какую-либо тактику слабости.

Как любая провидица, Таня ложь просто ненавидела. Она даже не надеялась на то, что победит, но прекрасно знала, что уничтожит каждого, кто только встанет на её пути.

С Провидицами лучше не связываться вообще никогда.

— Номер седьмой, Сарданапал Черноморов, — седобородый мужчина умолк, словно совершенно не желая делиться собственными откровениями.

— Профессия, — строго отметил смотритель.

Мужчина закусил губу. Он совершенно не хотел делиться подобной информацией, да и вообще, считал, что куда более важным было поскорее пустить их в “Тибидохс”. Он в любом случае не собирался сообщать о том, кто он — раньше профессию никто никогда не сообщал.

— Сарданапал Черноморов, несколько тысяч лет, номер седьмой, — он сделал длинную паузу, словно специально оттягивая время. — Основатель “Тибидохса”.

Гроттер даже не осознала, откуда в ней вдруг могло появиться такое количество ненависти. Но если остальные вызывали лишь мимолётное отвращение или даже какое-то там уважение, то Сарданапала она просто ненавидела.

Слабый.

Да, право, он был действительно слабым — он создавал развлечения, которые в своём модифицированном виде каждый год травят всё большее и большее количество человек, которые должны, скорее всего, привести к её смерти.

Таня умирать не хотела.

Гроттер всегда боялась смерти, потому что провидицы не попадают в Рай. Она не хотела ещё и на том свете пытаться спастись и играть в вечный Тибидохс; жизнь с её повседневными грехами ей нравилась куда больше.

Таня помнила о том, как она танцевала на зеркалах, помнила, как хохотала, словно сумасшедшая — она вдруг отчаянно захотела всё это повторить и высказать в лицо этому чёртову Сарданапалу абсолютно всё, что только она о нём думает.

— Медузия Горгонова, несколько тысяч лет, основательница “Тибидохса”, номер восьмой, — следующая женщина говорила невероятно спокойно, словно для неё это было уже далеко не в первый раз.

Оно, в принципе, и так — Таня помнила о том, кто такая Медузия. Она была победительницей первого забега “Тибидохс” — того самого, во время которого случайно погибла Чума-дель-Торт.

Та самая, что превратила игры в ад.

Гроттер отчаянно ненавидела их обоих — и Медузию, и ещё больше Сарданапала. Ненавидела потому, что знала — именно из-за них и случилось то, что происходит сейчас вокруг; именно из-за этих двоих людей и появились самые страшные в истории человечества игры, и конца им не будет больше никогда.

Таня смотрела на них с невероятным презрением: на сгорбленного старичка и высокую, статную женщину. Они поступили бы честно, отказавшись — но они стояли здесь среди всех и даже словом не обмолвились о собственных преимуществах.

— Рита Шито-Крыто, двадцать два года, зельевар, номер девятый, — следующая девушка, облачённая во всё чёрное, мрачная и очень скрытная, была Гроттер едва-едва, но всё же знакома.

У Марго был один козырь — она могла отравить практически каждого, причём такими способами, что даже нельзя было угадать, что именно подстроит девушка не следующий раз.

Впрочем, скорее всего, девушка стала бы использовать это только с целью уничтожения зрителей — Таня продолжала гадать, кем же будут они.

Почему-то Гроттер никогда не представляла на месте этих людей старых опытных магов, хотя стоило признать, что пытки у них действительно были просто потрясающие. Когда Татьяна видела изображение всего этого кошмара, когда узнавала, кто да как умер, она уже могла предугадать, что убивал зритель.

Чувствовалось.

— Шурасик, — продолжал представляться следующий участник, — двадцать лет, учёный, номер десятый.

А этот — этот ещё совсем почти ничего не прожил, так, появился на этом свете, а потом просто попал на самое жуткое игрище, на которое только и мог попасть — стал участником “Тибидохса”.

Гроттер никогда не жалела соперников — она даже Валялкина в данный момент уже почти не жалела, вот только понимала, что это сейчас так легко представлять, как именно она будет их убивать.

У Провидиц нет жестокости в крови.

Нет, она — какая угодно; расчётливая, возможно хитрая, скорее всего действительно могущественная, но при этом совершенно не умеющая убивать.

Смелость — какая бы она ни была, — помогла бы Гроттер выжить. Но победить — никогда, потому что Таня не умела убивать человека, который повернулся к ней спиной. Не могла вонзить нож между теми позвонками, между которыми его вонзить следовало бы.

Она вообще ничего не могла из того, о чём только что думала.

— Номер одиннадцатый, — сбивчиво сообщил следующий, — Георгий Жикин, двадцать два, фотомодель.

Захотелось смеяться — было видно, что парень куда больше переживает о своей внешности, чем о том, что именно случится с ним дальше. Таня даже представить не могла, чтобы она так старательно прикасалась каждые две минуты к своему носу — чуть длинноватому в случае Гроттер, но такому слишком уж ровному у Жикина.

Раздражение.

Таня практически видела их смерти — видела, как будут издеваться над ними те, кто и создан для подобной цели...

Почти что знала, чем всё это может закончиться.

Но она не видела победителя — Таню это порой пугало, а порой успокаивало, заставляя думать о том, что она сможет выиграть. Если бы так — тогда они бы с Ванькой уехали куда-нибудь и больше никогда в жизни не побывали бы на играх.

Валялкин хотел детей — много и почему-то сразу. Рыжеволосая повторяла, что ценит собственную честь и не собирается соглашаться.

До свадьбы.

Гроттер знала — ей не дано. Какие дети, если у неё каждые несколько секунд видения, связанные со смертями? Как она может позволить своим детям попасть в мир, в котором

они рождаются Провидцами?

И вообще, с чего Иван взял, что люди с таким даром, как у неё, вообще могут родить, а не потерять своего ребёнка на первых же порах?

Таня помнила слова умирающего деда Феофила — они с Иваном были совершенно несовместимы. Гроттер так и не рассказала об этом самому парню — девушка, в чьих жилах течёт кровь Чумы-дель-Торт, не может просто так стать невестой ветеринара.

О том, чья она родственница, тоже никто не знал — но Гроттер помнила. Гроттер помнила и странные слова о том, что кровь водой не разбавишь и не смоешь; Гроттер знала, что на ней древнее проклятие.

Она — родственница Чумы-дель-Торт.

Великая повелительница тоже, естественно, знала. Она вообще всё знала, эта великая повелительница. Но ничем никогда не делилась.

Это было выше сил самой Гроттер.

Рыжеволосой хотелось сбежать — лишь бы умереть поскорее и больше никогда в жизни не видеть ничего того, что связано с её жуткой жизнью. Совершенно не хотелось продолжать собственное существование — но Гроттер пыталась.

Гроттер умирала медленно и со вкусом.

— Кузьма Тузиков, двадцать пять, продавец, — парень запнулся, — номер двенадцатый.

— Елизавета Зализина, двадцать лет, гувернантка, — прислушиваясь к писклявому голосу, Таня моментально пожалела её воспитанников, — номер тринадцатый.

Тринадцатый — он тоже несчастливый, но Гроттер была бы рада, если б данная девушка не попадалась ей на глаза — не просто раздражала, выводила из себя так, что прямо тошнило, кажется.

Таню, впрочем, вообще в последнее время от всего тошнило.

У страха бывают странные свойства.

Таня отчаянно мечтала сбежать, слушая дежурные фразы — их слишком много, их куда больше, чем тринадцать, их настолько... настолько потрясающе много — а выживет слишком малое количество людей.

— Пенелопа Дурнева, двадцать два года, безработная, номер четырнадцатый.

Бодрый, слишком бодрый голос полноватой девчонки, родственницы Тани, с которой Гроттер никогда в жизни не виделась, да и не увиделась бы, если б не игры. Эта родственница не имела к Чуме совершенно никакого отношения — она просто значилась, да и всё, но Таня видеть её всё равно не желала.

— Геннадий Бульонов, двадцать три года, дворник, номер пятнадцатый, — высокий, слишком длинный жених той самой Пенелопы.

Будущий несостоявшийся родственник.

Ещё один труп на поле — Гроттер умела читать по глазам и прекрасно знала, что этот долго не проживёт. Почему-то так — и чёрт знает, как так сложилось.

Таня даже не подозревала; собственно говоря, и подозревать не могла.

— Гурий Пуппер, двадцать два года, спортсмен, номер шестнадцатый, — поправляя смешные очки на носу, промолвил следующий — самый богатый местный.

Племянник жутко богатой тётки; даже он не смог попросту улизнуть, куда-то сбежать с чёртовых игр, оказаться не здесь, а в другом месте и в совершенно иное время.

А что ж тогда говорить Гроттер?

Таня не знала, да и, собственно говоря, не хотела знать — она хотела дослушать список

и не чувствовать на себе каких-то ненормальных взглядов со стороны. В конце концов, их всего двадцать — осталось всего четверо, совсем мало.

— Джейн Петушкофф, — Таня скривилась — и это имя она тоже уже слышала по местному телевидению — судя по всему, “Тибидохс” попросту разрушил все планы надоедливой девицы, — двадцать лет, — рыжеволосая вновь хмыкнула — двадцать четыре же! — но от комментариев воздержалась, предпочитая молчать, — невеста Гурия Пуппера! — ну и профессия, право, — номер семнадцатый.

Ещё трое — Таня уже молилась, чтобы список вместе с правилами скорее огласили, и она могла ринуться в бой, дабы больше никогда не видеть всей этой тягомотины.

Одно радует — она уже точно не попадёт никогда в жизни в самый страшный на свете круг.

— Вера Попугаева, двадцать два, экстрасенс, номер восемнадцать. — экстрасенс без Дара — право, весело звучит; Гроттер вновь хмыкнула — двое ещё.

— Готфрид Бульонский, несколько сотен лет, страж. Номер девятнадцатый.

Этот — попал в немилость великой королевы; Гроттер знала. Она частенько, когда парады смотрела, его замечала.

Последняя.

— Маланья Нефертити, — черноволосая девушка гордо подняла голову, — двадцать лет, номер двадцатый, — она выдержала паузу и гордо промолвила: — Маг Смерти!

Звучало, как и обычно, страшным приговором — некромаги выживали практически всегда, Гроттер знала. Редко когда попадали, но — выживали всегда.

— Прошу пройти сюда зрителей! — объявил судья. — Итак, с вами на поле находится трио некромагов: Елена Свеколт, — Гроттер удивлённо посмотрела на молодую девушку с разноцветными волосами, — Жанна Аббатикова и... Глеб Бейбарсов!

Пауза казалась неуместной до поры до времени — Таня вполне могла узнать третьего ученика некроведьмы; не видела никогда, но знала — кто это; трудно не узнать человека, являющегося будущим преемником дара самого Тантала.

— Итак, правила, — продолжил судья. — Я прошу выслушать меня предельно внимательно, потому что от этого зависит ваша судьба — не моя, уважаемые, — голос почему-то стал подобен грому. — У вас есть пять раундов для того, чтобы убить соперника.

“Победить” — было неуместно. Да, именно убить — жестокость и честность всегда были отличительной чертой великого Тибидохса.

Гроттер это помнила.

Она всегда любила честность, хотя, как провидица, частенько умалчивала правду не во благо, но потому, что так хотела — но сейчас была благодарна за это самое “убить”.

Оно готовило, чёрт возьми.

— Каждый раунд будет длиться шесть дней, — долго, да, пожалуй, слишком долго. — И за эти шесть дней должно отсеяться минимум три человека — и так каждый раз, — судья усмехнулся — период увеличили. — В финальный, пятый раунд, выходят восемь или меньше человек — помните, победить могут четверо, но количество их может быть куда меньшим. Последний победивший, если остальные погибнут до того времени, в случае смертельных травм будет исцелён.

Гроттер усмехнулась — почему не остановиться, когда осталось четверо?

А разве хоть кто-то из них будет знать, сколько вообще осталось?

— Главное правило “Тибидохса”: играйте без правил. Вы должны выжить, —

продолжал судья. — Остальное беспокоит только тех, кто хочет умереть.

Гроттер усмехнулась — опять жестокость.

Она не могла уже смотреть на игроков — только на зрителей нельзя было, и так огромный плюс, что их уже показали.

Вот только для кого?

— За убийство одного из зрителей вы получаете денежное вознаграждение, — продолжал судья.

Он ещё что-то говорил, но Таня не желала слушать о дурацком “комбо”, которое означало бы несколько смертей одним махом.

Она считала, что это уже... слишком, что ли, наверное.

— Не стоит беречь себя, — продолжал судья. — Убейте или умрите. Не собирайтесь группами. Врага убить легче.

Гроттер кивнула. Она была согласна. И как пояснить это Ваньке?

То, что врага и вправду убить куда легче?

— Удачного “Тибидохса”! — завершил свой рассказ судья. — Много вам крови, жестокости и зрелищ. Ждём победителей.

Гроттер даже не кивнула — знала, что лишнее будет, что тогда обязательно заметят. Услышала лишь сигнальный звук и увидела, как мир вокруг растаял.

Первый раунд и первый день начнутся завтра утром: нынешняя цель уйти подальше. Так ведь интереснее получается...

===== Боль третья. Фотомодель на заказ =====

Осознание того, что надо бежать, и бежать как можно быстрее, пришло как-то слишком внезапно. Сначала Гроттер остановилась на одно короткое мгновение, словно пытаясь соотнести собственные мысли со всем, что происходило вокруг, а после поняла, что ещё одна минута на месте — и она погибнет. Защита, которая невидимой пеленой окружала каждого, не позволяя сделать ни единого шага в сторону, сейчас попросту рухнула, и участники, отчасти напуганные, отчасти уверенные, осматривались, приближались друг к другу.

Бейбарсов, Аббатикова и Свеколт растворились в воздухе, не собираясь больше задерживаться рядом с участниками. Гроттер испуганно оглянулась — она почему-то была уверена в том, что сейчас эти люди просто начнут их уничтожать, но подобного не случилось. Наверное, у каждого есть свои правила, свои указания, и только игроков бросают безо всякого осознания.

У них есть шесть дней для того, чтобы убить троих людей. Таня надеялась на то, что ей никого не придётся убивать — она надеялась на то, что когда-то наступит тот священный момент, когда она с чистыми руками, не замаранными в крови окажется попросту на пороге собственной смерти и покинет этот мир.

Рыжеволосая сделала шаг, другой, и Валялкин, сделав резкий шаг в её сторону, вдруг схватил её за руку.

— Смотри! — воскликнул он. — Телепортационные круги, бежим!

Телепортационные круги — Таня с усмешкой вспоминала о том, зачем они вообще создаются. Разве учредители могут позволить, чтобы участники вот так взяли и сразу же умерли? Нет, ни в коем случае — поэтому все пытаются вскочить сюда, уклоняясь от боя, будто бы это могло привести к более-менее нормальному результату. Гроттер, криво усмехнувшись, помчалась к самому дальнему, к которому никто не хотел идти, чтобы его не

успели убить; она хотела оказаться дальше от всех, не оказавшись ни с кем, оставшись одной, и видела уже даже, как медленно полыхали, угасая, огромные круги, но всё равно не могла оторваться от Валялкина. Иван направлялся за нею слишком уверенными шагами, срываясь на быстрый бег, а после переходя на какой-то странный полушаг и обходя участников.

Гроттер не разбирала дороги. Она несколько раз натолкнулась на кого-то, прекрасно осознавая, что тонкая царапина на её щеке вполне может оказаться смертельной отравленной раной, а в самое последнее мгновение содрогнулась и вдруг замерла на одном месте — случайное прикосновение заставило её вновь получить очередную дозу видений и едва ли не задыхаться от того, насколько страшными они были.

Кровь. Вокруг сплошная кровь, смерть, которая переливается через край, всепоглощающий ужас. Среди всего этого нет ни одного хотя бы относительно знакомого человека, но она никак не может смириться с мыслью, что всё равно видит видения. Это превращается в сплошной кошмар, и Таня отчаянно пытается бороться с тем отчаяньем, которое накатило на неё. Она вырывается, поднимается и вновь падает, сталкиваясь с кровью, которой слишком много. У человека, кажется, всего пять литров течёт по жилам, но ведь это волшебники, это ускоренная регенерация и творение крови, которое не может остановиться до тех пор, пока сердце отмеряет последние удары своей короткой жизни.

Ему всего двадцать два, и Таня не помнит его имени. Она видит точно такие же порталы, как и здесь вокруг, встречает убийцу и знает, что нож в паренька вонзят сразу же, как он окажется за её спиной. Она не знает, чей будет это нож, но чувствует, что летело не в того, в кого попало.

Оглянуться и увидеть море крови, которое разливается вокруг, а ещё — практически пропавших магов и какую-то кривую ухмылку где-то в отражении самого последнего, самого дальнего портала, к которому она так стремилась.

“Это ради тебя, милая. Он хотел тебя убить”

Тихий шёпот раздаётся в ушах...

Свист оружия пронесётся мимо, и Георгий Жикин падает трупом совсем рядом, замирая в неестественной позе. В руке он сжимает что-то вроде кинжала, которым, кажется, замахнулся на саму Гроттер — она ожидала того, что станет самой лёгкой жертвой.

“Он хотел тебя убить”, - бесплотным голосом пронесётся в голове, но Таня так и не успевает осознать, что именно случилось — она видит лишь море крови.

Нож попал весьма удачно — Таня была уверена, что кто-то метал его как раз кто-то из портала, но не могла понять, кто именно. Странная, незнакомая ей ухмылка какого-то неизвестного лица до сих пор стояла перед глазами, и рыжеволосая не могла заставить себя отвести взгляд от трупа. Она не должна была это видеть, не имела никакого права — видение имело пусть косвенное, но отношение к ней. А у неё нет никакого права видеть то, что может послужить подсказкой, ведь Провидицы не могут так!

“Он хотел тебя убить”.

Что за голос? Таня никак не могла понять — всё смешалось перед глазами, и она с отчаяньем смотрела на Жикина, который растянулся на траве, упав на спину и как-то смешно раскинув руки в сторону. Нож попал ему в глаз — Гроттер не ожидала, что от этого может быть столько крови, а лишь после осознала, что он был отравлен. Тело Георгия словно расплзлось на мелкие части, и Таня в отчаянье наблюдала за тем, как медленно появлялись кровотокащие раны на его руках, не особо прикрытых. Светлая рубашка была насквозь пропитана красноватой жидкостью, символизирующей смерть — сегодня будет

нечего забирать.

Обычно за трупами появлялось что-то вроде вертолѐта — Таня никак не могла запомнить конкретное название данного приспособления, — но сегодня всё было совершенно иначе. Она смотрела с огромным испугом на то, как тот, кто представился фотомоделью, поспешно терял всю красоту. Его лицо разлезалось пополам, разрезанное неизвестным ядом как раз по линии ровного носа, и сейчас казалось, что страшный труп вот-вот вновь поднимется на ноги и направится к ней.

— Таня, скорее! — прикрикнул на неё Иван, стремясь утешить девушку как можно дальше от страшной картины. Он видел, как закрывался постепенно портал, но сама Гроттер не хотела поворачивать голову, будто бы для неё единственным важным событием было то, какой страшной смертью умер Георгий.

Ещё минуту назад он ощущал боль оттого, как его рука постепенно отделялась от тела, а через всё туловище проходила тонкая полоса, но сейчас парень превратился в обыкновенный кусок мяса. Его заберут тогда, когда отсюда уйдут абсолютно все, наверное, и Гроттер уже могла представить себе, сколько будут мучиться с тем, чтобы забрать его как можно скорее и не показать своё присутствие на играх.

— Пойдѐм! — в который раз едва ли не на ухо Тане закричал Ванька, и она наконец-то подчинилась. Девушка медленно шагала следом за Иваном, а после позволила затолкнуть себя в портал. Она не помнила того, что обещала никогда не ходить вместе с Валялкиным, она просто не имела права на то, чтобы сказать хоть что-то.

Незнакомая девушка была уже мертва. Её смерть оказалась менее ужасной — застыв в неестественной позе, она просто не двигалась, испустив дух несколько дней назад. Смотреть на неё было противно по другой причине — сейчас уже мѐртвой девушке что-то неизвестное ломало все кости — одну за другой, даже самые мелкие, словно пытаясь заставить девушку треснуть как раз посередине, разорвать её на мелкие кусочки.

Таня не могла различить её внешности, но чувствовала, что это точно произойдѐт. Она видела ненормальное видение раз за разом, и перед глазами прокручивалось то, как незнакомое существо поднимало мѐртвую за волосы и заставляло труп стоять на месте, шепча на ухо полубезумное “оживи”...

Бейбарсов довольно усмехнулся, посмотрев в небольшое отражение в лужице, кивнул и прищѐлкнул пальцами — вид трупа растворился в воздухе.

— Кто его убил? — хрипловатым голосом спросила Аббатикова. Она не верила в чудеса и прекрасно понимала, что даже если Глеб не собирается что-то рассказывать, он явно знает о том, что за странное лицо мелькнуло в портале.

Неизвестная усмешка весьма сильно напоминала Жанне самого Бейбарсова — она уже так хорошо выучила каждый его жест, что просто не могла заставить себя не воспринимать некоторые слишком неправильные действия Глеба. К тому же, та ухмылка отчаянно напоминала девушке брата по Дару, и если бы она не видела сейчас перед своими глазами Бейбарсова, то сказала бы, что это он метнул нож.

— Заговорѐнный портал, — пожал плечами Глеб. — Обыкновенное проклятие, которое накладывается для того, чтобы уничтожить побольше неловких и глупых участников и после получить желанный результат — зрелища.

— Мы не должны открывать игру! — строго отметила Елена.

Преыдущие два года и вправду было именно так. Бейбарсову это не нравилось — его

радовала сама мысль о том, что можно вмешаться и изменить чью-либо судьбу, попытаться разрушить жизнь кого-то и сделать то, что другому не под силу.

— Чума заработала на этом очень много денег. На тупую фотомодель мужского пола поставили богатые дамочки с хронической нехваткой интимных отношений, — всё так же спокойно ответил Бейбарсов. — Поэтому было выгодно убить его.

Глеб относился к смерти не просто спокойно — ему, казалось бы, и вовсе было всё равно, кого именно и как убивать. Парень был готов уничтожить весь мир просто потому, что ему стало скучно — и это поведение давно уже стало для большинства нормой. Такой человек должен был быть не зрителем; впрочем, на сам “Тибидохс” его никто не пустил.

— Ты слишком меркантилен, — отметила Жанна.

— Милая моя, заря очей моих, я коплю деньги на то, чтобы отыскать любовь всей своей жизни и подарить ей все звёзды на небе, — рассмеялся Бейбарсов, усаживаясь на приятную наощупь, мягкую траву, а после и ложась на неё, потому что так ему показалось гораздо удобнее.

— Не издевайся над чувствами!

— Аббатикова, не будь двуличной, — Бейбарсов рассмеялся и, прищурившись, внимательным взглядом окинул Жанну с ног до головы. — Тебе ведь плевать, кого ты должна убить, но при этом сейчас ты демонстрируешь мне, как любишь мир и людей.

— Всё, ребята, разошлись, — поспешила встать между Глебом и Аббатиковой Елена.

Она всегда пыталась поддерживать нейтралитет. Ей нравилось подобное отношение — что-то вроде дружбы, верности друг другу, — но из-за Жанны и её вечной демонстрации своих правил перед Глебом всё медленно разрушалось и раскалывалось на мелкие кусочки. Ленке это не просто не нравилось — она боялась подобных проявлений поведения Бейбарсова, да и Аббатиковой тоже, к тому же, не могла понять, кто именно ей был ближе.

— Мы и разойдёмся, — кивнул Глеб. — Я в этом году один.

— Что?

Аббатикова смотрит слишком широко раскрытыми глазами; в голове у Бейбарсова почему-то сразу же всплывают десятки заклинаний, как только он видит подобный взгляд. Почему Жанна ведёт себя так, словно она беззащитная дурочка? Она — могущественная некромагиня, и ей не место среди обыкновенных девушек.

— Вы можете идти. Я уже занял своё место, — язвительно сообщил Бейбарсов, а после, отмахнувшись от Ленки, которая пыталась воззвать его к голосу разума, принялся смотреть на слишком ясное небо — интересно, зачем это сделали?

— Мы пойдём тогда, — поделилась Свеколт, но Глеб лишь мрачно кивнул, даже не поднимая головы — и как пояснить ей, что ему абсолютно всё равно, идут они или нет?

Глеб давно уже привык к тому, что они играли вроде бы как в команде, но сам толком не мог понять, почему ему так сильно хотелось сменить обстановку. Так было веселее, что ли, потому что сейчас, в спокойствии и абсолютном умиротворении тихого одиночества, он наконец-то успокоился и позволил себе едва ли не уснуть.

Жанна постоянно читает морали. Ленка останавливает её, но порой постоянные перебранки невероятно раздражают, и ему хочется едва ли не разорвать сестёр в клочья. Сейчас он наконец-то, спустя долгое время, может побыть один — наверное, пора наконец-то проанализировать, сколько людей осталось и что делать.

Чума-дель-Торт уже считай выиграла очень немаленькую сумму денег в этих играх, потому что те, кто ставил на Жикина, сейчас расстаются со своими капиталами. Бейбарсов

усмехнулся — убивать ему даже отчасти нравилось, к тому же, это оказалось возможностью попытаться повлиять на несчастную провидицу, без конца испуганную и дрожащую где-то там, на арене.

Рыжая его веселила. Каждый год попадались Провидицы, и с ними было куда интереснее, чем без них, надо сказать. Глеб с удивлением наблюдал за многими из них — они металась, бегали туда-сюда, видели беспорядочный набор видений, которые никогда не касались их самих.

Впрочем, сегодня получилось что-то не то. Глеб был уверен в том, что девушка видела и саму себя, и то, что случилось с Жикиным, на несколько секунд раньше, чем всё произошло. Её лицо, как и у всех Провидиц в такие мгновения, исказилось от страха, и девушка едва ли не рухнула на колени — а, нет, упала, и Бейбарсов отчётливо видел это в коротких записях, которые мог видеть, — и всё пронеслось у неё перед глазами, вот только дело совершенно в другом.

Она видела себя.

Как любая Провидица, Гроттер не могла видеть себя. Глеб же прекрасно понимал — она видела смерть Жикина.

А не должна была это видеть.

Вызывая в голографическую реальность изображение того самого круга, который он практически выучил наизусть, Глеб внимательно рассматривал каждого из участников, внимательно высматривая слабые места. Он был уверен — многие из них просто не способны сделать хотя бы что-то. Он уже видел тех, кто умрёт ещё в самом первом раунде — осознавал, кто будет более кровожаден и кто не сможет выдержать и прожить хотя бы немного больше.

С усмешкой вспомнив о том, что выживут только четверо, если не меньше, он попытался определить победителя. Интересно, кто? Может быть, этот слишком болтливый комментатор, его девушка, фиолетововолосая телеведущая?

Может быть, эта странная рыжая?

Многие его раздражали — Глеб уже намечал определённых жертв, которых хотел бы убить — взгляд то и дело цеплялся за новых людей, которые непреодолимо раздражали его и заставляли кривиться от чего-то подобного ненависти. Может быть, всё это отвратительно для кого-то, но Бейбарсов не мог сдержаться и не представлять то, как именно будут умирать эти люди, с какими криками и мольбами на устах они покинут этот мир.

В “Тибидохсе” никто никого не щадит...

Особенно их.

Бейбарсов с презрением смотрел на тех людей, которые и разрушили весь их хороший, приятный маленький мирок и породили чудовище — сотворили “Тибидохс” своими руками. Он сначала даже и не думал о том, что будет кого-то из участников и вовсе ненавидеть, но сейчас, сжимая руки в кулаки и непроизвольно кривясь, выровнялся, внимательно глядя в добрые на первый взгляд, светлые, серовато-голубые глаза старика с огромной бородой и цветными усами, а так же его спутницу с рыжими волосами-змеями.

Первые учредители.

Казалось бы, кому ненавидеть систему? Возможно, участникам и их родителям, но ведь явно не тому, кто сам наблюдает за всем этим изнутри.

Вот только Бейбарсов никак не мог простить то, что успел уже потерять на этих играх. Раньше это казалось просто жутким представлением, но с каждым разом он чувствовал

смерть всё более и более отчётливо, а ещё — мог сказать, что она существовала. Он соприкасался со смертью уже миллионы раз и прекрасно знал, кого имеет полное право ненавидеть.

Этот человек был чудовищем.

Глеб помнил всё — у некромагов очень хорошая память. А самое главное, перед глазами то и дело всплывали картины первых убийств, первых игр, которые раз за разом просматривал когда-то давно.

Он помнил, кто там умирал.

Смешно наблюдать за тем, как твои родственники, знакомые, в прошлом — друзья превращаются в кровавых убийц и уничтожают тех, кто раньше тоже казался им такими же друзьями или дорогими людьми.

Бейбарсов невольно представил себе смерть проклятого Сарданапала — человека, которого он ненавидел больше всего на свете, куда больше, чем Чуму и каждого из участников, которые ещё имели определённый шанс победить на проклятых играх. Он помнил уже каждую черту ненавистного лица с длинными усами и бородой, знал, что именно этот добрый на вид старик и породил адскую машину, которая уничтожала людей раз за разом, разрушая все правила и воссоздавая новых чудовищ, которые сломленными куклами, марионетками Чумы выходили из ненавистной игры и давали первые трещины в тот же миг, когда впервые ставали на нормальную, не слишком кровавую землю.

Он вспоминал страх, который мелькал в глазах каждой матери, что только провожала своего ребёнка на верную смерть, духовную и физическую

Хорошо тому, кто умер с не окровавленными руками.

Бейбарсов презрительно скривился, радуясь отчасти тому, что сумел продержаться до этих игр. Цель появилась у него перед глазами — плевать на то, что хотела сделать Чума; этот седобородый старик будет убивать и умрёт сам. Он сам переплавится в том, что создал, осознает, какой Ад на земле успел сотворить во времена своего короткого творения, а потом будет умирать долго и мучительно.

Просматривать смерти? Нет, это недостаточно мучительно. Он будет переживать это раз за разом — у Чумы богатая фантазия, и счастье, если дух этого старика не будет долго задерживаться на земле.

Бейбарсов вновь осмотрел внимательно толпу, пытаясь понять, кто ещё вызывает у него какое-нибудь раздражение или ненависть, а после остановился на мгновение взглядом вновь на той же рыжеволосой. Странно — Провидица.

Чума ничего не говорила о Провидице.

Такие, как она, ломаются самыми первыми — Бейбарсову на мгновение даже стало жаль девушку, которая обязательно умрёт из-за того, что её дар слишком пассивен. Такие, как она, в основном сами прыгают со скал, не в силах поверить в то, что происходит вокруг.

Номер второй.

Те же самые голубые глаза, что и у проклятого старика — Глеб вновь сжал в руке трость, представляя себе, как будет убивать этого человека — может быть, просто остановить сердце, так, дистанционно? Нет, не получится, потому что Чума не разрешит так резко уменьшать количество людей.

Глеб покачал головой. Его раздражали правила; действительно, порой невероятно сильно хотелось наконец-то уничтожить всех до одного и просто гулять по арене всё это время, которое у него вообще есть. Впрочем, всё равно это казалось недостаточным — он

сам тоже давно уже отравлен кровью для того, чтобы сдерживаться.

Взгляд то и дело возвращался к красивой рыжеволосой девушке. Чёрт возьми, и чем она ему может нравиться? Глеб никак не мог этого понять, но, впрочем, даже и не пытался осознать, что такого было в незнакомой пока что Провидице.

Беззащитная, слабая и...

Точно такие же зелёные глаза, правда, ещё не спрятавшиеся в ошмётках отваливающейся кожи, такие же тонкие кисти рук, правда, пока что нормальных, живых, не таких, как у той, о ком он думает.

Рыжие волосы огненной волной пока что не обжигающего пламени, разметавшиеся по плечам, как и у неё — только от неё остался лишь полуизгнивший труп мстителя этой игры.

Дар Провидицы, которая может видеть себя.

Чума-дель-Торт.

Интересно, а что нужно этой девчонке для того, чтобы её, сломленную уже изнутри, можно было исцелить, собрать в что-то цельное, но уже совершенно иное, немного испуганное, немного испорченное и совершенно не понимающее, что порой людей действительно следует жалеть?

У него последний год контракта, а после ему обязательно нужно куда-то деться и чем-то заниматься — Глеб понятия не имел, чем именно, но пока что отчаянно пытался отыскать перспективу для себя хотя бы в мимолётных движениях незнакомой пока что ему девушки, которая явно приходилась родственницей Чумы-дель-Торт.

Рыжая — цвет протеста и огненной инквизиции, которую осуществляет великая умершая колдунья.

Что будет, если такую же вновь сломать?

Бейбарсов лишь скривился — ему нравились эксперименты. У него была слишком испорченная душа для того, чтобы воспринимать нечто светлое, то создавать мрак из того, что его не приемлет — это было, наверное, достаточно интересно. Он уже мог представить себе что-то вроде изрезанной души — и у него была такая, так почему же у кого-то другого должно быть нечто нетронутое?

Покачав головой, Глеб поспешил телепортироваться, выстраивая перед своими глазами план того, как именно он будет портить игру лидерам на сей раз. Смотрители ведь отвечают за непредсказуемость? Эта непредсказуемость в этот раз должна удивить не только участников, а и саму Чуму-дель-Торт!..

===== Боль четвёртая. Наш персональный третий день =====

Холодный воздух создавал ещё большую атмосферу присутствующей здесь смерти, которая огромным веером сметала со своего пути лёгкими порывами ветра каждого, кто только пытался подойти к краю и прикоснуться к странной грани. Она распускала свои огромные руки и хватала каждого за одежду, за руки и за ноги, сбрасывая куда-то вниз и пытаясь уничтожить окончательно. Смерть зачастую побеждала — таковым было правило проклятого Тибидохса.

Пройти круги Ада — не девять, а только пять, но зато по головам как минимум шестнадцати человек — это казалось простым и желанным только для самых настоящих идиотов, которых, впрочем, хватало в этом мире и без того; Тибидохс создавали для того, чтобы своим тонким потоком, дуновением воздуха разбросал в разные стороны лишних в обществе и больше не оставил им ни единого места в современности.

— Собираться парами — не самый лучший выход, — неуверенно сообщила Гроттер,

склонив голову набок и чувствуя, как сплошным потоком разлетаются во все стороны её яркие рыжие волосы, густые, даже слишком для того, чтобы их можно было привести в порядок. Мелкие, серые капли дождя, который вообще-то должен быть прозрачным, едва не растопили лес — кислотные испарения заставляли задыхаться, но ведь она послушала Ивана, соглашаясь повернуть на эту дорогу, вскочить в этот портал.

— Ты не выдержишь одна, — отрицательно покачал головой Валялкин, сжимая осторожно её ладонь и помогая рыжеволосой перескочить через очередной камень на их пути. — Ты же знаешь, что здесь слишком опасно продолжать оставаться одному, что это часто заканчивается летальным исходом.

— А ещё я прекрасно помню о том, что ты — мой жених и просто не хочешь, чтобы я оставалась одна. Да-да, я... Я знаю, — кивнула Таня.

— Выживают четверо. Поэтому у нас есть шансы остаться вместе.

— У вас есть отчаянные шансы отыскать более слабых, — шепчет бархатистый мужской голос на ухо. Видение оказывается чрезмерно сильным, и реальность вновь вылетает куда-то, оставляя свободное место для его приятного, обволакивающего голоса. — Кто-то говорит, что вы можете вместе выиграть, но потом сбросит тебя в какую-то кислотную яму и оставит подыхать, — горячее прикосновение губ к шее кажется слишком явственным, и хочется дрожать — с кем же это всё происходит. — Всем свойственно ошибаться, конечно же, но я на сей раз прав. Уж поверь, это далеко не первые игры, в которых так происходит.

Видение накрывает её сплошной волной и заставляет задыхаться от сумасшествия. Ледяное прикосновение длинных тонких пальцев к единственному замку старого и разодранного внизу плаща попросту лишает дурацкий предмет гардероба всякой опоры, и он скользит к ногам, бесформенной грудой оставаясь там — подбирать его некому. Обжигающе ледяные прикосновения рук к талии, горячее дыхание на шее, оставляющее незаметные ожоги где-то на душе, которые будут сильно кровоточить, наверное, завтра — или когда-нибудь потом.

— Ты всё ещё никак не можешь привыкнуть к тому, что это игра на выживание, а не просто какая-то очередная глупость, — пожимает плечами он; чёрные глаза смотрят немного хитро и как-то по-кошачьи. — Тебе повезло, что с твоей наивностью ты до сих пор жива, и я даже немного не хочу верить в это, — он перебирает пряди её волос, усмехается и прикасается губами к виску. — В этих играх не ходят парами. Второй обязательно убьёт первого, пытаясь отыскать того, кого убить будет проще. Не оставайся использованной — это же глупо.

Словам больше нет места. Слезинка скатывается по щеке девушки, оставляя тонкий солёноватый след и падая куда-то на старую, потрёпанную одежду; хочется выть от отчаянья, достать какой-то нож и ударить его настолько сильно, насколько она сможет, но стоит только столкнуться с его взглядом, и сразу становится понятно, что она не успеет среагировать настолько хорошо, чтобы уничтожить его. Как какая-то язва, что-то жутко разъедающее изнутри, он давно уже успел поселиться в сердце и уничтожить всё, что там было до этого.

Следующее прикосновение уже не кажется таким обжигающим, а вся суть прошёптанных на ухо слов стирается и превращается в абсолютный набор обыкновенных и никому не нужных звуков, но от этого ей не становится легче. Таять в его руках до ужаса приятно, но нарисованное кровавыми красками будущее сплошной игры кажется гадким и отвратительным, как и то, что им рано или поздно придётся идти по чужим костям.

Ему не страшно. Он давно уже привык к чему-то подобному и даже перестал оглядываться тогда, когда кто-то умирает, но она так не может.

Ей, как и любой девушке, хочется тянуться к прекрасному и почувствовать что-то идеально-великолепное, но всё равно получается слишком плохо, и она лишь шумно выдыхает воздух, склоняя голову набок и мягко-мягко улыбаясь, стараясь не видеть больше ничего из того, что неразрывными образами преследовало её раньше.

Падать или нет? Это вопрос, конечно, важный, но на него вряд ли можно будет отыскать ответ, если она так и будет продолжать смотреть в чужие и пока что не близкие для неё глаза — странно искать разницу между прошедшим и современным, когда будущее стучится слишком сильно в двери.

Кто она сейчас? Какая-то очередная жертва? Может быть, что-то новенькое, та, кого не было раньше на карте? Чью роль она исполняет?

При чём здесь рыжая провидица?

И где она, чёрт возьми? Как её зовут? Вспомнить, сколько бы она ни пыталась, не получается, поэтому приходится стоять в абсолютном неведении — кто и о ком сейчас слышит?

— Таня! Тань! — Ванька вырывает её из странного видения слишком грубо, встряхивая за плечи и заставляя прийти в себя, словно до этого она провалилась в какой-то неизвестный и незнакомый для него мир. — Что-то случилось?

На лице Валялкина отчётливо видно беспокойство, и Гроттер с облегчением выдыхает воздух — ей уже практически стало легче, и теперь она замечает, что кислотный дождь прекратился и можно идти дальше.

— Давай, не останавливаемся, — промолвила спокойно она. — Нам пора идти вперёд, причём как можно быстрее, потому что проклятое время здесь никого ждать не будет, и ты об этом прекрасно знаешь!

Валялкин кивнул. На самом деле их цель — просто прятаться столько времени, сколько будет нужно, до тех пор, пока место для жизни не станет свободным. На следующий этап они переносятся порталами не автоматически, конечно, их ещё найти надо, но, в конце концов, скорее всего создатели будут отправлять порталы туда, где остались выжившие. Они тоже ограничены во времени.

И они устроят бойню только в том случае, если это будет уже крайний вариант.

По крайней мере, по обыкновению зрителей набирали для того, чтобы они создавали как можно более увлекательный сюжет. Смешно звучит, конечно же, вот только они всё равно немного путаются в собственных обязанностях, выбирая тот вариант, который нравится больше всего — это правило каждого зрителя.

Ведь для них других правил нет. Им даже толком не запрещено помогать кому-либо.

— Ты видела что-то о себе? — неуверенно и с некоторым испугом спросил Валялкин, поднимая глаза на рыжеволосую и внимательно глядя на неё, словно пытаясь вытрясти правильный ответ.

— Ты же знаешь, что нет.

Тане на мгновение показалось, что Ванька вздохнул с облегчением — странное дело, ведь каждая провидица желает узнать именно о себе, особенно если она попадает сюда, в Тибидохс, и если уж кто-то прибывается к ней, то обязательно мечтает о подобном. А тут...

Впрочем, Таня не стала останавливать на этом внимание. Шёл уже третий день всего слитого кошмара — она хотела есть, хотя им всё-таки удалось отыскать какие-то орехи и

фрукты, хотела спать, пусть на самом деле они дремали часа два, и сейчас любые придуманные проблемы казались такой ерундой...

Не до неё было.

Гроттер шла автоматически. Ей казалось, что весь мир вокруг давно уже вымер, и хватит обращать на него какое-либо внимание. Всё это было абсолютной ерундой, и девушка просто шла вперёд медленным шагом.

Не поддаваться.

Усталость накатила следующей волной, но Таня, казалось бы, отмахнулась от неё как-то досадливо.

— Почему ты не хочешь, чтобы я увидела что-то о себе? — вдруг поинтересовалась она у Ивана.

— С чего ты взяла?

— Я же чувствую, — пожала плечами Гроттер, всё-таки решив высказать собственное беспокойство. — Я же хорошо разбираюсь в людях. Мне положено знать о том, кто что и о ком, а самое главное, как именно думает. И ты прекрасно это понимаешь.

Раньше, по крайней мере, Ванька всё это признавал. Тогда она могла поделиться с ним чем угодно и не переживать о том, что её кто-то когда-то предаст — сейчас звериная уверенность куда-то пропала, и девушка уже не знала, куда поворачивать и что делать дальше.

Она осознавала, что соврала. Да, вроде бы провидицы ничего не видят о себе, но Гроттер не знала, кто была та девушка. Не она, конечно же — куда ей? — но рядом со Смотрителем стояла какая-то незнакомка, которую Таня так и не сумела рассмотреть.

У неё был слабый Дар, и Гроттер видела всё какими-то неприятными осколками, что заставляло её хвататься за малейшие источники информации. Это порой доводило всех и её в том числе до безумия...

Но сейчас никого больше нет.

Тибидохс расставил все точки, которых только не хватало, и даже те, которые были уже лишними, на местах, где следовало бы просто оставлять пробелы. Таня не знала, что именно она случайно ловит собственной магией, но чувствовала, что следующее виденье уже накатывается на неё волнами тошноты. Легче от этого совсем даже не ставало, но она всё равно старалась сражаться со своими странными мыслями и отбросить куда-то в сторону все сомнения, которые только остались.

Надо было бороться. Бороться отчаянно и каждый раз всё с новыми и новыми препятствиями, а у неё не получалось, и девушка рвалась вперёд, сходя с ума. Она думала, что упадёт сейчас, но проходила страшный поворот.

— Сейчас опять будет дождь, — вдруг прошептала Гроттер. — Бежим.

Она сама не знала, что заставило отреагировать так быстро, но сорвалась с места, не отпуская руку Валялкина. Девушке казалось, что какой-то страшный зверь мчится следом за нею, не позволяет остановиться ни на одно мгновение и то и дело силится пнуть в спину, что означало только одно: она не должна останавливаться ни на одно мгновение.

Гроттер так и поступила. Она уже заметила небольшой уступ, за которым пряталось что-то странно похожее на углубление, и рванулась туда. Таня даже не помнила, как проскользнула в узкую щель и как рядом с нею встал Ванька, но знала, что теперь можно не бояться.

Дождь ринул вновь.

Потоки воды лились с неба нескончаемой волной. Раньше ею можно было как-то воспользоваться — да хотя бы выпить! — но сейчас такого шанса, естественно, не было, потому что кислоту пьют только самоубийцы.

Таня наблюдала за тем, как таяло дерево, молча. Она видела, как листья превращаются в неприятного вида зелёную кашу где-то на земле, как всё тает и превращается в сплошной кошмар.

— А как же звери? — прошептал Ванька.

Он был прирождённым ветеринаром, и Таня порой завидовала ему в этом, не понимая, почему сама не может сделать что-то подобное и добиться таких успехов, но сейчас призвание только играло против него.

— С ними всё будет в порядке, — сжала осторожно руку Ивана рыжеволосая.

Она старалась не проболтаться, что буквально перед её глазами пушистый заяц попросту растаял в воздухе. Казалось, весь лес был наполнен безмолвным криком — некоторые особо слабые деревья и вовсе таяли, не оставляя после себя ни единого следа и не позволяя себе продолжать существовать дальше в нормальном состоянии. Это было неправильно и слишком беспощадно...

Но Гроттер знала, что место Тибидохса будет обязательно восстановлено. Они каждый раз так делают.

Все эти испытания лишь для интереса.

Сердце пропустило удар совершенно случайно — Таня даже не поняла, когда очередная серая пелена окатила её с ног до головы, заставляя пошатнуться и уцепиться в камень пальцами, словно собираясь оставить на нём несколько царапин. Гроттер прикрыла глаза, концентрируясь, запрокинула голову и попыталась осознать, что произошло, но у неё очень плохо получалось.

— Теперь до следующего этапа осталось только уничтожить кого-то одного, — слабым голосом прошептала она. — Второй мёртв.

На вопрос кто девушка уже ответить не успела — Валялкин едва-едва успел поймать девушку, которая сползла по стене их небольшого укрытия...

Маланья услышала совсем тихий шелест откуда-то со стороны и удивлённо оглянулась. Она, как настоящий воин, сознавала, что в такой местности ни о какой безопасности даже думать не стоит, поэтому буквально пыталась прочувствовать всё, что происходило вокруг, а заодно и осознать до конца, какие именно события следует ждать. Девушка напряглась, насторожилась и неуверенно подалась вперёд, сжимая ладони в кулаки, словно пытаясь уничтожить незнакомого противника уже силой мысли — но опасность развеялась в ту же минуту.

— Привет, — улыбнулась выскользнувшая из густой листвы девушка, в которой Нефертити узнала Джейн Петушкофф — глупое и совершенно неспособное сражаться существо. — Ты кого-то уже убила?

В её голосе чувствовалось сладостное притворство, свойственное многим девушкам такого типа, и Маланья позволила себе расслабиться. Такие, как она, не воюют, а лишь выжидают, поэтому бояться её нет никакого смысла, к тому же, следует помнить о том, что на самом деле, если на них кто-нибудь и нападёт, то лишь для того, чтобы убрать Джейн — с ней, с Нефертити, никто не станет сражаться.

Это слишком опасно.

— Никого ещё, — отрицательно покачала головой Маланья. — Мой персональный третий день проходит скучно и серо.

Она вновь вслушалась в таинственные звуки природы, но так и не услышала совершенно ничего интересного. Где-то совсем далеко, кажется, шёл дождь, но больше ничего особенного, никаких отличающихся от стандарта звуков не было, и Нефертити даже не подумала насторожиться.

Она вела себя достаточно вальяжно, чувствуя определённое преимущество и радуясь ему. Это было приятно — прикасаться к победе кончиками пальцев, необратимо чувствовать её совсем-совсем рядом и не желать отпустить.

Маланья с улыбкой вспомнила о зрителях. Опасными были они, конечно же, если захотят вмешиваться и игры будут настолько неинтересными, что без них никуда, ещё эти два старика — Медузия и Сарданапал, правда, они, возможно, слишком уж жалостливые, чтобы убивать...

И ещё несколько человек, которые скользнули в ближние порталы, а значит, попали куда-то в неизведанную местность, достаточно далёкую от Маланьи.

Надо было бы сидеть на месте и спокойно продолжать изучать местность — к тому же, она отыскала источник пресной воды и даже какую-то еду, пусть гадкую и невкусную, но Нефертити не хотела сидеть на месте. Убивать ей очень нравилось, и она потирала руки, представляя себе кровавые следы на пальцах от смертей врагов.

Собственное поражение казалось слишком ирреальным, чтобы Нефертити успела в него поверить, и девушка даже не осознала, когда что-то произошло.

Нападение промчалось рядом подобно молнии, и она даже не успела среагировать так, как надо было бы. Девушка сначала не поняла, что случилось, но после почувствовала, как что-то тонкое и отдалённо смахивающее на копьё коснулось её спины, но только черкнуло — она успела вовремя вывернуться и отскочить в сторону, оглядываясь.

Маланья забыла о главном — у неё не было никакого оружия, кроме магии, а магия была сосредоточена в глазах и в руках. Сейчас она никак не могла увидеть своего противника, потому что тот стандартными, заученными, но весьма ловкими движениями прятался от каждого взгляда, перемещаясь по небольшой поляне, на которой они оказались.

Джейн была намного настороженнее, поэтому отскочила в сторону ещё за мгновение до нападения. Только сейчас Нефертити до конца осознала собственную самонадеянность и поняла, что нет совершенно никакого смысла надеяться на родную магию — она оглядывалась, в испуге и некотором приступе страха ища своего противника, но тот вновь скрылся с глаз, не собираясь показываться и вообще попадать под удар.

— Боишься, да? — язвительно поинтересовалась Маланья, забыв уже о проклятой Петушкофф — но странного вида нож, ржавый и явно потерянный здесь кем-то очень давно пронёсся всего в нескольких миллиметрах от её щеки.

Следующим вновь было копьё.

Поскольку они летели под слишком разными углами, а техника метания очевидно очень сильно отличалась, то Маланья осознала, что на неё напали сразу двое. Кто-то был слишком опытным и могущественным, однако не обладал хорошим расположением, поэтому не мог толком сориентироваться и нормально реагировать на каждый выпад защиты Нефертити, а вот второй находился на выгодной позиции, но плохо воспользовался ею.

Если бы они поменялись местами, то сейчас некроведьма была бы уже мертва, а неумелый нападающий, пожалуй, погиб бы после короткой схватки, но времени

просчитывать это не было. Маланья резко присела, чувствуя, что вот-вот её настигнет что-то ещё — копьё пролетело уже более неудачно и теперь сильно задело её правую руку — Нефертити едва сдержалась, чтобы не зажать рану рукой.

Если думать логически, то нападает проклятая Петушкофф и ещё кто-то. Вот только кто? Личность противника оставалась неизвестной. Маланье важно было понять по крайней мере пол этого человека — левой, нерабочей рукой она смогла бы пробить женщину, но мужчину — ни в коем случае.

Кто может бросать копьё? Кто?

Ответ пришёл слишком быстро.

Готфрид Бульонский, конечно, был неудобным стражем, но это никогда не уменьшало его квалификацию — Маланья в испуге оглянулась, осознав, кто это, и вдруг столкнулась взглядом с немного полноватым силуэтом среди листьев. Оттуда, именно оттуда летели все копьё — она поспешно увернулась и, сжимая в руке добытое оружие, бросилась к врагу, надеясь, что сможет хотя бы немного ему навредить.

Рука сильно кровоточила, а проклятая регенерация слишком уж плохо работала, чтобы на неё можно было полагаться, но Маланья не спешила признавать собственное поражение. Она запрыгнула на камень, собираясь нанести более сильный удар, уже практически расслабилась и успокоилась, услышав торопливые удаляющиеся шаги — сбегала Петушкофф, — и практически нанесла удар, но вдруг почувствовала сильный удар в спину и свалилась с ног.

Проклятое копьё попало в ребро, и вытащить его удалось легко, но кровь лилась цельным потоком. Маланья присмотрелась к силуэту где-то в противоположной стороне, и вдруг осознала, что напала не на Бульонского.

Она метнула копьё из последних сил — деревянное и какое-то слишком уж плохо сделанное, но всё равно сработало, и сквозь пелену боли девушка сумела заметить, как тот самый полный человек рухнул на землю, не издавая ни звука.

Притвориться мёртвой.

Раны наконец-то начали постепенно заживать, и Маланья поняла, что обязана не сдвигаться с места и даже не дышать по возможности. Готфрид был у неё за спиной — он слишком благороден, чтобы добивать мёртвого, но перевернуть её на спину или измерить пульс вполне способен.

Неприятные, скользкие и мокрые от пота руки вызывали отвращение, но пульса не было — Нефертити на то и была некромагом, чтобы уметь замораживать себя порой на несколько секунд. Настолько, чтобы её признали окончательно мёртвой. Бульонский больше не обращал никакого внимания на неё, а лишь переступил через труп и отправился к следующему, выдёргивая свои копьё и собирая всё оружие, которое только осталось.

— Молодец, девчонка. Выполнила лишнюю работу, — прошипел он себе под нос, выдёргивая второе копьё из груди Пенелопы Дурневой, а после, внимательно осмотрев её, добивая уверенным ударом копьё.

Кровь хлынула рекой. Было непонятно, откуда она вообще появлялась в таком количестве — но Пенелопа уже не имела никаких шансов выжить. Как она оказалась здесь одна, Бульонский не знал, но такие приятные минус два — пусть на самом деле лишь минус один, — оказались реальным бонусом современного нападения. Его Зуби должна жить дальше, а всё остальное совершенно неважно.

Оставив труп Дурневой, он поспешно зашагал куда-то в сторону — Маланья, незаметно

повернув голову набок, внимательно следила за ним взглядом, пытаясь вычислить путь, по которому можно было отыскать следующих жертв. Минус один ей не помешал — и если убить ещё кого-то, то план на эти шесть дней будет выполнен.

===== Боль пятая. Поднимайся, мой милый друг =====

Идти следовало как можно более осторожно, но, тем не менее, Ивану не удавалось следить одновременно и за тем, куда направиться, и за тем, чтобы Таня случайно не свалилась ни в какую дыру.

Он вёл себя сегодня достаточно самоуверенно — по крайней мере, именно это раз за разом отмечала Таня, ощущая на себя взгляд парня, полный желания доказать, что он-то как раз и способен ей помочь.

Таня в этом очень сомневалась.

Гроттер то и дело что-то преследовало. Она пыталась спокойно дышать и не чувствовать боли в сердце, но получалось из рук вон плохо, и пришлось только заставлять себя шагать чуточку быстрее.

— Ты в порядке? — Ванька протянул ей руку, помогая перескочить с кочки на кочку, и Таня почувствовала, что ноги у неё подкашиваются.

— Да, в полном, — кивнула девушка, хотя на самом деле до такой степени плохо ей не было уже достаточно давно. — Может, ты иди, а я тебя догоню?

Ванька отрицательно покачал головой.

...Раскинувшиеся вокруг топи явно являлись непроходимыми, по крайней мере, такая мысль возникла у Тани, когда она впервые увидела эту местность. Слишком редко попадающиеся сухие места, слишком много болот...

И всё покрытое сплошным слоем зелёного мха, который берётся непонятно откуда и, кажется, единственный способен в этом месте выживать.

Дышать на болотах было достаточно трудно. Таня то и дело чувствовала, как что-то непонятное сжимает её горло и вызывает желание закашляться, но, тем не менее, опять отгоняла от себя эти отвратительные мысли.

— Знаешь, мне кажется, что нам стоит идти немножечко быстрее, — прошептала она, чувствуя, как надвигалось что-то очень плохое.

— Мы не можем, ты ведь устала, — пожал плечами Иван. — Наоборот, передохни немного, и тебе станет легче.

Таня отрицательно замотала головой, но Ванька уже успел присесть на какую-то особенно хлипкую кочку.

Видения затопили всё вокруг.

“- Нет! — громко закричал кто-то приятным, пусть и немного хрипловатым женским голосом.

Она наблюдала за тем, как постепенно таял он среди болот и умирал, будучи погребённым среди отвратительной зелёной слизи.

Казалось, здесь всё вокруг было заляпано ею. Ключки болота, влажной, вязкой грязи лежали вокруг, а он всё колотил руками по поверхности, пытаясь понять, куда она, такая равнодушная и спокойная, могла подеваться.

Она стояла совсем рядом, но, тем не менее, за границами досягаемости, и спокойно любовалась на всё происходящее.

Дышала спокойно, не сбивалась и, казалось, была готова просто сейчас сделать что-то слишком эксцентричное.

— Помоги! — вновь вынырнул он, хватая ртом воздух.

— Жаль, что ты никак не подохнешь, — яркие рыжие волосы развеялись по ветру, создавая что-то вроде ореола пламени.

— Ты же меня любила!

— А ты уже сдох двадцать лет тому назад.

И вправду, когда из-за туч вынырнуло солнце, она увидела странные шрамы на его лице, неприятный оттенок мертвечины на коже, почувствовала запах, который распространялся во все стороны.

Он был трупом, погребённым заживо, и пытался выбраться, схватить свою жертву и упокоиться.

— Умри! — воскликнула девушка.

Солнце оказалось ещё более ярким, чем того можно было ожидать. Оно ярко вспыхнуло, и болота, казалось, загорелись.

По знакомым кочкам было достаточно просто шагать обратно, а у неё были свободны обе руки и она могла не освещать себе дорогу.

Сотни, тысячи погребённых заживо людишек, на которых однажды сделали ставку, тянули свои руки к ней, но она была не той, кто им нужен. Идти мимо оказалось слишком просто.

Он полз следом, оставляя какой-то гнойной отпечаток на земле, тянул руки и шипел что-то полным ненависти голосом.

Это было просто победить у себя в мыслях, и теперь надо было лишь сделать один шаг вперёд, и болота останутся позади.

— Ты меня спасёшь! — завопил он что есть мочи, пытаясь вырваться на свободу, потому что огонь уже не успел достичь его.

Все остальные обгорали, и громкими криками наполнилось всё болотистое кладбище, но он, тем не менее, всё ещё мог до неё дотянуться.

Рыжеволосая оглянулась и впиалась взглядом в мёртвое, отвратительное лицо, словно пытаясь отыскать в нём хотя бы несколько знакомых, родных черт, но после отмахнулась.

Солнце спешило вынырнуть из-за пелерины туч, оно то и дело оказывалось на свободе и демонстрировало свои мелкие лучики миру.

Наконец-то поднялся ветер.

Яркие лучи пронзили мёртвого насквозь, не позволяя ему ни вдохнуть, ни выдохнуть воздух, не давая ему возможность прожить ещё несколько дней, и всё вдруг загорелось настолько ярко, насколько это было возможно.

Смертью буквально воняло в воздухе.

Его буквально прорезало на множество сотен частиц яркими солнечными ножами. Отвращения больше не было — трупы не казались страшными, и это было глупостью, которую мог допустить кто угодно.

Солнце мертвякам смерть.

И зря он пытался вырваться из собственного маленького плена, следовало оставаться там до конца дней и ждать её, но, тем не менее, у него, у разложившегося, превратившегося в кусок бездумного мяса.

Зря”.

Таня широко открыла глаза и шумно вдохнула воздух, а после только заметила, что что-то случилось.

— Ванька?

Ивана не было. Только спустя несколько мгновений, когда она наконец-то повернула голову, девушка поняла.

Болота.

Иван тонул, и ему оставалось всего несколько мгновений до полного погружения. Всё ещё задыхаясь от собственного видения, Таня бросилась протягивать ему руку, чувствуя, как Иван благодарно сжимает её пальцы...

Вытащила.

Девушка понятия не имела, откуда взялись силы бежать, но, тем не менее, они буквально летели вперёд, стремясь оставить за спиной ужасные картины болота. Ванька то и дело падал, казалось, его тянуло это болото, но Таня протягивала ему руку, пыталась не сбиться с ног и вытащить его отсюда.

“- Вытащи меня! — громко кричал он, и прежде светлые волосы сбивались комком грязной болотистого цвета тины...”

Он уже практически превратился в прогнившее насквозь мясо, но несколько ран у него на запястьях и ещё где-то около сердце сохранились и оставались вполне видимыми. Хотелось задыхаться и убежать от него, но, так или иначе, у неё не было выбора.

— Ты сам подписал себе приговор, — и её глаза смотрели вперёд, уверенно минуя отвратительный полуразложившийся труп.

Его пальцы не могли схватить её за платье, потому что они разлагались буквально на ходу.

Он был одним среди моря трупов, которые остались здесь, погребённые в болотах, но, тем не менее, вытаскивать его отсюда не хотелось.

Они все шли немой армией, не имея возможности пользоваться магией, шагали стройными колоннами вперёд, уверенно, не хватая никакие оружия и не пытаясь ничего сделать.

Он тоже потерял контроль над остатком мыслей, которые у него были — он шёл в свой последний бой и поднимался на зов того, кому просто не мог сопротивляться.

...От рук некромага отрывались синие искры, которые вились и создавали сплошной купол вокруг него. Армия, огромная и подчиняющаяся ему одному, тоже выстроилась в ряды и тоже пыталась что-то отвоевать.

У них не хватало рук и ног, но они уже не боялись солнца, потому что то не жгло их. Теперь они получили подчинённое всесилие, которому попросту не могли никак сопротивляться.

Они слушали каждый его приказ и реагировали на короткий взмах руки, и она могла увидеть того, с кем разговаривала.

Это было первое нарушенное правило.

Армия поднималась — их было множество, сотни, тысячи, миллионы мёртвых, и город впереди пал, равно как и весь мир, на колени в безумной молитве с просьбой вытащить их из всего этого.

Громкий смех разрезал воздух, не позволяя утихнуть звону в ушах”.

— Это не ты, слышишь? — раз за разом шептал Иван, пытаясь её встряхнуть. — Понимаешь, не ты, не ты!

— Да, — хрипло выдохнула она. — Не я. Меня там нет, но ты там есть.

Болота остались позади и безвольная армия некромага осталась там же, но Таня готова

была поклясться, что только что видела мёртвого, не способного больше ничего сделать Ивана.

Живой труп.

Генка устал бежать. Он уже не мог искать её, но, тем не менее, не оставлял собственные попытки узнать, куда пропала та, которую он так сильно искал.

Бульонов остановился на мгновение посреди поляны и внимательно оглянулся, пытаясь отыскать человека, который только что что-то кричал, но, как оказалось, звук шёл откуда-то издалека.

Кажется, кричали на границе ворот, но, тем не менее, Генка всё равно не мог утверждать — ему было всё равно.

Он провёл ладонью по мокрым от недавнего дождя волосам и попытался осмотреться. Впереди действительно что-то шумело, а ещё ему показалось, что кого-то проткнули копьём.

Копьё могло оказаться полезным, если его наконец-то отыскать, и Бульонов, словно робот, направился туда.

И замер.

...Пенелопа казалась отвратительной. Она и прежде не была красавицей, но мертвенная синева только подчёркивала её уродливые, отвратительные черты, которым не было в живом виде сравнения.

Она была уже готовым трупом, а копьё проткнуло её насквозь, но его почему-то так никто и не подумал забирать.

Гена бросился к девушке, попытался встряхнуть её, но ведь было понятно, что после таких ран никто жить не станет, это просто нереально, невозможно и даже нежелательно, ведь ожившие трупы никого никогда не радовали.

— Оживай! — закричал он, пытаясь разбудить Дурневу, вот только она даже не пыталась хватать ртом воздух.

Она не могла дышать, и Гена попытался вытащить как-то это копьё, вот только ничего не получалось.

Приходилось упираться ногой в труп.

Бульонов пытался уговорить себя сделать это, и в конце концов решился, чувствуя некоторое моральное удовлетворение от случившегося.

Он получил.

То, что хотел.

— Я отомщу за тебя, — выдохнул Бульонов, закрывая ей глаза и прикасаясь губами к её холодному, мёртвому лбу.

Отомстит.

Когда придёт нужное время.

— Четвёртый день первого раунда, — равнодушно изрёк Бейбарсов, прокручивая в своей руке трость и внимательно глядя куда-то вперёд. — Скольким ещё предстоит умереть за этот круг?

— О, только один, — пожала плечами Свеколт. — Только, кажется мне, придётся самим поработать над этим вопросом.

Интересно даже.

Бейбарсов покачал головой. Ему было скучно — ещё ни одни игры не казались парню

настолько нагоняющими скуку, но, тем не менее, выбора не было. Он не собирался расторгать контракт, это было невозможно на таком этапе, а значит, придётся как минимум терпеть всё то, что тут происходит.

Елена посмотрела на него с некоторым удивлением, не услышав ни единого комментария в свою сторону, а после спокойно пожала плечами и вновь посмотрела куда-то вперёд, словно собираясь что-то заметить.

Увы, пока что впереди ничего не было — только огромный магический экран, который демонстрировал происходящее.

— Жаль, что девчонку так и не затянуло болото, — вдруг сообщила Елена. — Мне было бы интересно понаблюдать за тем, что будет происходить с нею.

Бейбарсов пожал плечами. Провидица продолжала оставаться живой — удивительно, что её спутник пока что ещё не попытался ничего сделать.

— Провидицы, которые видят свою реальность, крайне опасны, — продолжила Лена. — Но это самая обычная.

Глеб пожал плечами.

Разубеждать он её не стал — только посмотрел куда-то в противоположную сторону, останавливаясь взглядом на разбросанных вещах, на ещё каких-то глупых следах пребывания здесь живых людей.

Хотя, впрочем, необязательно живых — ведь они с Еленой были лишь промежуточной стадией, некромагами.

После, правда, шли не мыслящие мертвяки, а нечто куда более отвратительное, но Бейбарсов предпочитал об этом не думать.

— Плевать на Провидицу, — протянул он. — Мне больше интересно, зачем он бросил копье.

— Да? — усмехнулась Елена. — Чувства — это глупо, Глеб, и ты прекрасно об этом знаешь, не так ли?

Бейбарсов кивнул.

— А ты уже совершала подобные глупости? — внезапно весело поинтересовался он, оглядываясь и внимательно всматриваясь в чёрные глаза своей сестры по Дару. — Иначе ведь откуда тебе всё это знать?

Елена побледнела.

Её тихий ответ так и не стал услышан от громкого крика Бульонова, но, тем не менее, у Бейбарсова был хороший слух.

===== Боль шестая. Стрела =====

Гроттер не помнила, откуда появился этот портал, но они всё-таки сдуру сделали несколько шагов и попали в него. Тане казалось, словно она разрывается на несколько мелких, слишком крохотных кусочков — а потом она открыла глаза и осознала, что находится на неизвестном поле, на котором было слишком солнечно.

Где-то рядом отряхивался Валялкин. Болота действовали на него очень плохо, а тут Ванька наконец-то сумел вновь начать нормально дышать и даже улыбался, подставляя лицо солнцу, хотя Таня не видела ничего хорошего в том, что здесь была до такой степени открытая местность.

— Странное место, — наконец-то поделилась предположениями она. — Я бы не хотела находиться на играх тут.

Сколько времени они уже пытались что-то сделать, сколько времени мечтали оказаться

на свободе, и покинуть “Тибидохс” навсегда, но было только два способа сделать это — умереть или выиграть.

Шёл шестой день, и кто-то должен был погибнуть, а Таню не посетило пока что ни одно видение, которое могло бы что-то подсказать.

Гроттер даже потеряла сон, ожидая хотя бы одного знака свыше, но, тем не менее, это не давало совершенно никаких результатов.

— Ужасно выглядишь, — вдруг отметил Валялкин, посмотрев на собственную невесту. — Тебе надо во что-то переодеться, вся одежда превратилась в клочья.

Таня усмехнулась. Они столько раз падали в болота, что были все покрыты грязью, но в последнее время удавалось отыскать место, где можно было хотя бы умыться и смыть слой болота. Вот только это ни капельки не помогло одежде, а портал сработал, словно какой-то огромный и колючий кустарник.

Гроттер смотрела на собственную одежду, словно вдруг увидела впервые себя в зеркале — от её не самого-то и прекрасного наряда остались какие-то ужасные клочья, в которых не было ни капельки смысла.

Она смотрелась, понимая, что менять одежду не на что, но вдруг с удивлением заметила совсем рядом какой-то ком одежды, поднимая её и внимательно рассматривая.

— Кто-то бросил тут... Смотри, вот, выпало, — Гроттер вздохнула. Кажется, ей бы подошло по размеру, вот только всё равно, наверное, эта одежда могла оказаться опасной или брошенной в качестве приманки.

Иван так не считал.

— Переоденься, — пожав плечами, предложил он. — Так будет лучше, к тому же, на тебе вообще клочья.

Нельзя сказать, что эти слова со стороны Ивана были такими уж и приятными для девушки, но она кивнула.

— Отвернись.

Таня сама не понимала, почему настолько сильно стыдилась, между прочим, собственного жениха, но ничего не поделаешь. Девушка поспешно, насколько могла, сбросила с себя старые одежды, быстренько натягивая то, что нашла — какие-то штаны, достаточно длинные для неё, но их можно было подкачать, или же заправить в высокие сапоги неизвестного происхождения, — и зелёную, болотистого цвета блузку.

Здесь, на этом поле выделялись бы практически все цвета, и Гроттер даже не задумывалась над тем, что одевает.

Наверное, этот комплект мог принадлежать кому-то из тех, кто уже погиб... Почему-то Таня вспомнила полноватую Пенелопу.

Ей могло не подойти, вот и вышвырнула, не экономя собственные средства — судя по тому, что она с себя представляла, это могло случиться.

Она поспешно застёгивала пуговицы рубашки, одёргивая её и с удивлением понимая, что, возможно, лучше будет поспешить, пока Валялкин не решил оглянуться и посмотреть на неё.

Таня, несмотря на то, что он был её женихом, слишком сильно стеснялась Ивана, словно тот был для неё абсолютно чужим человеком, который, скорее всего, не сделал бы для неё ну совершенно ничего хорошего или полезного.

Всё это пугало — особенно тот факт, что, судя по всему, весь мир стремительно падал вниз и стремился раствориться в воздухе — это бессмысленно и беспощадно, когда ты

падаешь с огромной высоты и чувствуешь себя каким-то бесполезным набором костей и мышц, вот только сейчас она, провидица, чёртова провидица, которая попала сюда, чувствовала себя именно этим!

Непонятные удачи — или, возможно, наоборот; что-то ещё, что оставляет странные кровавые следы на собственных руках; набор чужих смертей, которые должны случиться. Их столько, и столько людей из них умудрится умереть, потому что кто-то поставил ставки и так пожелал.

Скорее всего, она умрёт, может быть, уже во втором круге, не в первом — вот только всё равно нет никакого смысла беречь себя.

— А если бы мы вдвоём выиграла, — вдруг предположил Валялкин, подавая голос и даже подходя к ней немного ближе.

Таня содрогнулась, но, оглянувшись, попыталась улыбнуться ему, хотя получилось достаточно натянуто, даже слишком, если так рассудить.

— Это было бы замечательно, — улыбнулась Таня, обняв его как-то слишком мимолётно, а после отступив.

— Тебе идёт.

Гроттер кивнула. Она не понимала, что вообще могло ей идти — то ли спутанные рыжие волосы, которые она ненавидела за то, что с ними ничего сделать было практически невозможно, и спрятать тоже...

То ли эта болотистого цвета рубашка, которую она застёгивала дрожащими пальцами, почему-то боясь даже примерять чужую одежду, то ли слишком длинные брюки, которые пусть и держались на ней, а не падали вниз, но при этом волочились бы по земле.

То ли сапоги, которые оказались на удивление подходящими — что даже не следовало ожидать подобной удачи от случайной, казалось бы, находки.

— Спасибо, — наконец-то выдавила она из себя и хотела было ещё что-то сказать, но вдруг заметила отразившийся на лице Валялкина ужас.

Тот толкнул её с силой вперёд, и Гроттер хотела было возмутиться, но вдруг услышала громкий свист стрелы.

Та промчалась где-то у них над головами и должна была попасть Тане в сердце, скорее всего. Теперь же она лишь просто воткнулась в землю где-то совсем рядом с ними, и Гроттер смотрела широко открытыми от ужаса глазами, пытаясь заставить себя успокоиться и унять слишком сильную дрожь в руках.

— Какой кошмар, — выдохнула наконец-то она. — Ты спас меня.

— Случайно заметил, — наконец-то прошептал совсем-совсем тихо Валялкин. — Чёрт...

Гроттер промолчала, никак не комментируя эти его слова. Ей было страшно, это да, но Таня и вовсе опасалась сказать хотя бы слово. Ей стало как-то не по себе, да и вообще — начало тошнить.

— Отойди от меня, — шёпотом попросила она наконец-то Валялкина, толкая его — и тот был вынужден откатиться в сторону по короткой траве. Рыжеволосая шумно дышала, даже не думая открывать глаза — ей было страшно, душно, просто отвратительно, и Гроттер не думала о том, что вообще-то следовало бы относиться к Ивану куда лучше, чем она сейчас поступила.

Девушка просто не способна соображать сейчас, и ей было невообразимо плохо; Тане казалось, что кто-то неизвестный душил её, просто перекрыл дыхание, не позволяя вернуться

и вновь прийти в себя.

— Ты в порядке?

Вопрос Валялкина был крайне неуместным, но Таня кивнула, пытаясь приподняться и чувствуя, что странная, смутная боль продолжает преследовать её.

Больно-то как.

— Всё замечательно, — наконец-то шёпотом ответила Таня. — Я чувствую себя хорошо. Давай куда-то идти?

— Надо найти укрытие, — мотнул головой Валялкин, но Гроттер лишь усмехнулась. Укрытие?

Тут нельзя было отыскать укрытие, потому что его просто не существовало — они оказались в настолько открытом поле, что это попросту заставляло дрожать от ужаса — тут и вправду было некуда деваться.

Она старалась не думать о подобном, но разве кто-то предоставлял ей хотя бы несколько мгновений на выбор?

— Мы должны уйти с этого поля, — наконец-то прошептала Гроттер, поднимаясь на ноги и отряхиваясь, а после вытаскивая стрелу из земли.

Та показалась знакомой и была, наверное, ядовитой — с непонятным чёрным оперением и какими-то рунами, нарисованными неизвестной, золотистой краской. Тане казалось, что она уже держала в руках что-то подобное, но она упрямо старалась не задумываться ни над чем подобным.

Уйти — прямо сейчас; Гроттер заставила себя идти, не обращая внимания на то, что вокруг было слишком много цветов, цветов родом из её детства — какие-то синие васильки, ещё что-то, похожее на маки, и много-много жёлтого вокруг.

А самое отвратительное — всё такое низкорослое, что даже не спрячешься.

Она так и швырнула стрелу на землю. Ванька остановился рядом с этим оружием, взял в руки, рассмотрел и хотел было оставить у себя, но, заметив испытывающий взгляд Гроттер, просто отшвырнул её в сторону.

— Как скажешь, — кивнул он. — Может быть, где-то рядом будет хоть какое-то укрытие, которое мы сможем найти...

Бульонову казалось, что весь мир сошёл с ума. Мир, в котором куда-то пропала его прекрасная, идеальная Пенелопа.

Мир, в котором её не было.

Он шёл вперёд, равнодушно, быстро, спокойно, стремясь отыскать убийцу, которой не было рядом — или которого, вдруг это был мужчина? Женщины вряд ли пользовались бы копьём.

Генка даже не помнил, куда дел то, которой оказалась проткнута Пенелопа — кажется, его кто-то забрал, но кто тогда? Он старался не думать об этом, а попросту равнодушно шёл вперёд, не оглядываясь и стараясь ни на кого не смотреть.

...Парень даже не понял, когда столкнулся с ними — но молча смотрел на светловолосого юношу и красавицу-блондинку, которых просто не мог даже вспомнить. Он мало кого запомнил из той инициации, это некоторые игроки слишком жадно прислушивались к тому, кто и что с себя представляет.

Блондинка выглядела как-то слишком испуганно и странно, словно на самом деле он пытался только что её убить, но не добил — а её спутник сжал ладонь девушки, будто бы так

мог спасти её от чего-то страшного.

Генка усмехнулся. Если б это было реальностью, то он никогда бы не отпустил ладонь своей Пенелопы!

А так — она оказалась без него всего на несколько минут, и умерла, погибла навсегда, и больше никто её не воскресит.

Это правило игр — жестокое, неправильное, но “Тибидохс” невозможно отменить. Прежде им казалось, что всё это — просто игра, но оказалось, что это не так. Достаточно просто умереть, просто погибнуть, чтобы осознать, что больше ничего не вернуть. Но как же хочется на свободу, свободу, которой у них попросту никогда не было.

Если победить — она появится. Но у Генки не было желания побеждать, он просто хотел отомстить, да и всё.

Мечь слепила его и толкала вперёд; если он победит, убив всех, то попросту повесится, чтобы оказаться рядом с Пенелопой, или подставит себя под стрелы некромагов, которые, возможно, будут даже рады его убить. Эти стрелы с чёрным оперением и с золотыми рунами очень опасны, они убивают практически сразу своим страшным ядом, и некромаги не пожалеют никого, если на них нападать.

...Он просто стоял и смотрел, наблюдая за тем, как порталы выбросили сюда сначала какую-то девушку с длинным носом, которая опять-таки не вызвала у него никакого интереса, а после неизвестного полноватого мужчину.

Может быть, если он выиграет “Тибидохс”, то сможет сделать так, чтобы Пенелопу восхваляли многие года.

Может быть, он просто сумеет достойно похоронить её, а не просто швырнуть в землю или прикрыть цветами.

Так будет лучше!

Мужчина почему-то привлёк его внимание собственным внешним видом — и только сейчас Бульонов осознал, что тот держал в руках то самое копье, которым была убита Пенелопа, его Пенелопа!

Прежде Генка никогда не испытывал такой сильной ненависти, но теперь банально рванулся вперёд, стремясь задушить его, голыми руками, безо всякого оружия.

— Ты её убил! Ты её убил! — без конца кричал он, пытаясь убедить кого-то в чём-то, словно пытаясь дожидаться поддержки. Разум его отказывался служить так, как это было прежде, и всё перед глазами банально плыло, вот только не оставалось больше ни единого шанса.

Он его убьёт.

Убьёт в качестве мести, и плевать, что будет дальше и...

Полыхнуло синим. Магия вокруг буквально пылала, словно мир вокруг банально загорелся и стремительно превращался в пепел — хотелось умереть, но такого шанса им предоставить пока что не могли.

Две девушки, одна за другой, появились на поляне. Бульонов смотрел на них широко раскрытыми глазами, пытаясь узнать, а после понял, кто это — ведь остальные просто не могли пользоваться таким волшебством.

Некромаги.

Две из троих — они просто дождались скопления народа, расставили порталы, которые спровоцировали бы столкновение — но отреагировал лишь один Бульонов, а остальные ещё верят!

Верят в то, что они будут совершенно чисты, когда победят в “Тибидохсе”, что на них не будет чужой крови.

Как же!

Тут уже этот, покрытый огромными бордовыми пятнами — пятнами крови его Пенелопы, самой прекрасной девушки, которую только можно было придумать!

Одна из некромагинь швырнула магический шар в кого-то из присутствующих. Бульонов только спустя несколько мгновений осознал — это по его душу, и вовремя успел дёрнуться в сторону.

Блондинка громко завизжала, убегая куда-то в лес; парень, который был с нею, попытался догнать свою девушку, убегая вместе с ней.

Та, с длинным носом, сидела на земле, покачиваясь, и кричала — долго, протяжно, так, что закладывало уши.

Бульонов выхватил копьё из рук своего соперника и хотел было убить её, просто заставить замолчать, но вдруг понял, что слишком поздно.

Он забыл о главных соперниках.

Магический шар дошёл и до него — его швырнула та высокая девушка с разноцветными волосами, кажется, хотя утверждать было слишком трудно — Бульонов и не пытался. Это было неважно.

Он прежде никогда не испытывал подобного рода облегчения, не был до такой степени счастлив.

Он упал прямо на собственное копьё, а после перевернулся на спину, хрипло дыша.

— Я иду к тебе, — выдохнул наконец-то парень, прикрывая глаза и пытаясь перестать дышать.

Впрочем, ему не пришлось слишком долго стараться — дыхание остановилось самостоятельно, и дух покинул его тело — казалось, он не собирался умирать и должен был отомстить, но ведь лучше так, лучше умереть просто сейчас, и не пытаться даже вернуть тот кошмар, который должен был испортить всю его жизнь!

А это даже не самоубийство.

Не грех!

...Готфрид вырвал собственное копьё из тела Бульонова, чувствуя себя более сильным. Он должен был защитить свою супругу, и плевать., скольких придётся убить ему лично. Хоть всех.

Больше ни та толстая девушка, ни этот парниша, странный и неприятный на вид, не посмеет прикоснуться к ней.

Его Зуби теперь в большей безопасности, потому что умерли те, кто мог бы попытаться убить её.

Она теперь будет счастлива. Она будет жива.

Тем не менее, Бульонский вдруг осознал, что слишком внимательно смотрит сейчас на какую-то неизвестную, практически незнакомую ему девушку. Кровь на копье придавала чего-то вроде вдохновения...

Он должен её убить.

У них с Зуби будет победа, а так появятся ещё и совершенно нелишние в хозяйстве деньги — Зуби будет счастлива!

Очень счастлива.

Она всегда так хотела семьи и детей, а после победы в “Тибидохсе” они смогут

позволить себе всё, что угодно.

Даже не обращая внимания на то, что девушка стояла к нему спиной, внимательно рассматривая мёртвого, Готфрид метнул копье, представляя уже себе, как оно переломает её позвоночник на две отдельные части...

Откуда появился некромаг, он так и не осознал. Казалось, две эти девушки только испуганно наблюдали за происходящим, ожидая своей смерти или хотя бы травмы, но вдруг копье остановилось.

Тот самый высокий брюнет, третий из некромагов, схватил копье, которое буквально на несколько мгновений не долетело до разноцветноволосой девушки.

Готфриду показалось, что это конец.

Он не успел окончательно защитить собственную любимую супругу, он ещё не уничтожил самых главных её врагов, самых сильных, только убрал двух слабаков, и всё? Это конец?

Парень внимательно посмотрел на копье, а после тоже метнул его в Готфрида. Тот едва успел отскочить в сторону, и оружие впилося в землю, едва ли не разломившись на две отдельные части.

Та кричавшая девчонка вдруг пришла в себя и поспешила куда-то убежать — рядом не осталось никого, кроме некромагов.

Невысокая светловолосая девушка прищёлкнула пальцами, и все трое растворились в воздухе, больше не собираясь оставаться тут ни на одно мгновение. Только тогда Готфрид осознал — он всё ещё жив.

Жив и даже здоров.

Презрительно глянув на труп, он усмехнулся — впереди ещё столько всего можно сделать. Ещё можно помочь его жене победить в проклятых играх! И гори ты пламенем, “Тибидохс”, вместе со своими учредителями.

===== Боль седьмая. Второй тур =====

Сарданапал остановился, пытаясь как-то вернуть себе ощущение реальности. Он хватал ртом воздух, словно надеясь почувствовать приятный, едва слышимый запах дождя.

Кружилась голова, и он давно ничего не ел и не пил. Конечно же, здесь можно было добыть еду, но почему-то даже пытаться это сделать Сарданапалу не хотелось — он чувствовал себя слишком беспомощным.

Мужчина закашлялся, пытаясь вернуть себя в нормальное, по крайней мере, относительно нормальное состояние.

Его что-то душило — сильно, с некой ненавистью, показавшейся ему слишком отчаянной, — вот только теперь никак уж не снимешь проклятые путы, которые не позволяли даже вдохнуть воздух.

— Тебе плохо? — Медузия осторожно прикоснулась к его плечу, словно пытаясь что-то понять.

Её рыжие волосы спутались и превратились в сплошной комок. Изредка можно было услышать недовольное шипение змей, но женщина не придавала этому совершенно никакого значения.

Складывалось такое впечатление, словно ей сейчас было абсолютно наплевать на собственное состояние, и в этом не было ничего странного или даже немного страшного. Женщина вдруг будто бы решила позволить себе не думать совершенно ни о чём дурном или страшном.

Может быть, она и была права, но, тем не менее, ничего хорошего в её поведении Сарданапал не видел.

— Мне плохо, — вздохнул он. — Ни одного ручейка, а вода в нашей фляге уже заканчивается... Почему мы оказались именно в такой местности? — мужчина грустно опустил голову. — Замысел “Тибидохса” был совершенно другим, тут не должно было быть столько смертей!

Горгонова не ответила.

Ей так хотелось, чтобы он просто замолчал — чёртов старикан, который втянул её когда-то во всё это, а теперь ходил и жаловался на собственную жизнь, будто бы это вообще могло хоть что-то изменить.

Она старалась сдерживаться — вот только в последнее время желание остаться живой было куда сильнее, чем какая-либо верность.

Они шли по невероятно сухому полю, или что это было — не пустыня точно, потому что на земле, явно глинистой и настолько забитой, что тут даже нельзя было никого похоронить, вились какие-то давно превратившиеся в что-то слишком сухое травы и растения.

Тут когда-то, очевидно, было очень зелено, но сегодня шагать по подобным просторам было практически невозможно.

Громкий вой сирены заставил её содрогнуться и от неожиданности даже схватить Сарданапала за руку.

Тот, словно ему почему-то было неприятно, даже попытался было высвободить собственную ладонь, но после моментально успокоился, будто бы ничего абсолютно не случилось, так, какая-то ерунда, о которой не следовало даже примерно задумываться. Может быть, в этом есть смысл?

Впрочем, не стоит его искать — скорее всего, этот мир можно просто похоронить, уже навсегда, и не искать в нём ни малейшего смысла. Может быть, несколько человек отыскали бы в этом что-то хорошее, но вряд ли сие было бы реальным.

Реальности вообще не существовало сейчас — они подписались на отвратительную игру, игру под названием “Тибидохс”.

— Что-то оглашают, — вспоминая записи, которые каждый день прокручивала перед ними Чума, прошептал Сарданапал, содрогаясь и желая, чтобы объявление скорее прозвучало.

“Первый тур завершён! Оглашается первый день следующего тура!”

Медузия содрогнулась и подняла голову, словно чего-то ожидая. Явно собираясь подтвердить её определённые мечтания, прямо на лоб женщины упала первая капля дождя.

Наконец-то он пошёл в полную силу. Теперь можно было дышать, не стесняясь, спокойно, с некоторым, возможно, отчаянным раздражением или презрением по отношению к кому-либо.

Здесь всё разбито, и сердце превратилось в осколки, но кровь от их прямого попадания надо было как-то смыть — и наконец-то стало легче.

— Трое умерло, — прошептал себе под нос Сарданапал, словно констатируя факт. Он упал на колени и заплакал. Его старая одежда, которая когда-то казалась чем-то замысловатым и, возможно, для кого-то даже интересным, теперь обвисла смятыми ключьями и походила на отвратительные тряпки.

Медузия знала, что с её одеждой точно то же — остальным выдавали, кажется, что-то,

готовили их к будущему, но их швырнули на игры просто так, предпочитая увидеть как можно более страшную смерть.

Можно было задохнуться практически сразу — всё это, весь этот дождь, скорее всего, однажды обязательно остановится и превратится в слишком страшную и быструю карусель, которая движется куда-то вперёд.

Со слишком большой скоростью.

— Зато мы никого не убили, — прошептала Горгонова едва-едва слышно, возводя руки к небу.

Вода лилась по её телу, оставляя какие-то странные хлёсткие следы и словно смывая всю ненависть, которая застыла в её сердце. Возможно, для этого следовало прожить, прождать целую вечность, чтобы наконец-то увидеть дождь, который банально отпустит все грехи.

— Я выиграю. И ты, Чума, получишь по заслугам, — выдохнула она. — Даже если для этого придётся убить всех.

Сарданапал не слышал этого.

Горгонова всё так же поднимала руки к небу, чувствуя капли дождя на своих ладонях и на лице, а он, напротив, плакал, упав на колени и стараясь сделать вид, что он совершенно ничего не чувствует и не понимает, и никогда не понимал.

Старый, забывчивый человек — о, Сарданапал Черноморов, ты всегда только так и поступал, не задумываясь над тем, что ты мог сделать кому-то хуже, что неизвестному человеку было бы от Тибидохса плохо.

Разве не они породили то чудовище, которым стала Чума, умерев один раз не до конца? Неужели так трудно было добить её, девочку с оторванными руками и сожжённым пламенем телом, девочку, у которой не было ни единого шанса выжить?

Тогда у Сарданапала было слишком много жалости.

Ленка спрыгнула с высокого утёса, спокойно приземлившись на ноги и улыбнувшись собственной ловкости.

Она не понимала, почему вечно казалась всем участникам “Тибидохса” самой слабой из троицы, просто не понимала.

Вот и сейчас вынуждена была сбегать куда-то, чтобы не слышать смех Жанны и Бейбарсова — те обсуждали недавнюю битву.

Недавнюю битву, на которой, между прочим, копьё опять швырнули именно в неё. Ясно, что не в Глеба — ведь он, мало того, что был самым могущественным среди них, так ещё и парень — его никто не пожелает тронуть.

Бейбарсов, наверное, и без магии достаточно долго продержался бы — он силён, молод и здоров, прекрасно владеет оружием, и не только стрелами, да и ничего не случилось бы с ним во время участия в “Тибидохсе”, а тут ещё и некромагия!

Но Жанна... Жанна никогда не умела колдовать так, как это прекрасно, практически идеально получалось у Елены.

Свеколт кипела от непонятной злости — именно поэтому, наплевав на то, что пока что всё шло по плану, пошла на охоту.

Она должна была убить кого-то, должна доказать, что достаточно сильна для того, чтобы ненавидеть и уничтожать.

Следует только вспомнить прошлогодний результат! Ведь именно она заняла второе

место по количеству убитых.

Она, а не вечно пытающаяся повременить Жанна, которая всегда старалась спрятаться за спины более могущественных коллег — вот только Аббатикову упрямо хвалили за то, что она такая прекрасная-распрекрасная, несмотря ни на один факт её прекрасной, пустующей, а не пестрившей подвигами биографии.

Жанночка!

Ленка никогда прежде настолько сильно не испытывала подобной ненависти, но ей так хотелось хотя бы раз быть замеченной, а не оказаться опять за спиной у Аббатиковой, которая считала себя лучшей.

Какая она там лучшее — но всё равно слишком высокого о себе самой мнения.

Что поделаешь.

Всё, что только ты не делаешь — всё записывается ей, ей. Ей!

Свеколт от неожиданности содрогнулась — где-то, пробиваясь сквозь сплошной шум дождя, она услышала чьи-то шаги.

Некромагов учили ходить тихо, и подкрасться для неё не становило совершенно никакой трудности.

Пугливо оглядываясь и пытаясь где-то спрятаться от будущих опасностей, посреди поляны стоял незнакомый ей юноша.

Впрочем, она ведь читала все характеристики.

Его звали Александр, кажется, хотя кто-то указывал, что “можно просто Шурасик”. Сначала Ленка не обратила на это никакого внимания, но парень сейчас вызвал у неё даже определённый оттенок симпатии.

К тому же, следовало помнить о том, что он, пожалуй, заслуживает определённой доли внимания от неё. Ведь, как ни крути, он учёный, единственный, среди всех этих гувернанток, моделей и спортсменов.

Среди всей мишуры, которая так сильно раздражала Ленку.

Она, пожалуй, должна была убить его, но, тем не менее, в этом не было никакого смысла, к тому же, она не имела на это пока что совершенно никакого права. Ведь прекрасно знала, что не следует убивать, пока у участников есть прекрасный шанс сделать это самостоятельно.

Он оглянулся и наконец-то увидел её, а после рванулся, собираясь убежать, но Елене было достаточно прищёлкнуть пальцами, пользуясь магией, чтобы он остановился.

Парень показался ей даже приятным внешне — достаточно высокий, только какой-то слишком, даже чрезмерно худой, словно ему не разрешали есть — вполне возможно, что он был беден.

Елена, правда, и сама не страдала низким ростом — и, усмехнувшись, остановилась напротив него, собираясь заглянуть в глаза.

Карие, приятного, каштанового оттенка против её чёрных. Ленка не помнила настоящий цвет собственных глаз, то, что у неё было, вполне её устраивало. Более чем, как порой говорила Елена — словно ничего лучше даже быть не могло.

— Шурасик, — улыбаясь, спокойно промолвила она, а после, радуясь тому, что из-за высоких каблучков на не слишком удобных сапогах могла даже не тянуться особо, поцеловала его в губы, возвращая парню возможность двигаться.

А вдруг в играх есть определённый смысл?

Маланья чувствовала себя уже победительницей. Возможно, это было слишком самонадеянно, вот только всё равно она ничего плохого в этом не видела — тем не менее, разве найдётся здесь кто-то, кто был бы могущественнее, чем она сама? Вряд ли, очень вряд ли — Нефертити чувствовала себя слишком сильной, если сравнивать с этими чёртовыми соперниками.

Тем не менее, были люди, которых она пожелала бы лучше не встречать — эти трое некромагов, от которых словно веяло силой.

Тем не менее, Маланья, возможно, сразилась бы с теми двумя девицами, которые, скорее всего, были бы не такой уж и тяжёлой добычей.

Она представляла себе приблизительно, насколько они могущественны, и это совершенно не пугало её.

Абсолютно.

Да и вообще, что страшного в подобных существах? Некромаги могущественны, да и она сама могущественна и сильна, так что нет никаких причин для того, чтобы отступить и попытаться сбежать в противоположную сторону от так званой ответственности, что шагала за нею следом и наступала на пяты.

Во всём в этом мире есть свой, определённый смысл, который остаётся только бесконечно преследовать, не упуская ни на одно мгновение, а она и без “Тибидохса” готовилась к тому, что надо было бы сделать.

Просто оказаться более сильной, чем есть на самом деле — это не желание для такой могущественной девушки, как Маланья. Нет, она собиралась не просто выиграть — а с фурором, победив абсолютно всех.

Удивительно: многие пытались спрятаться от окружающих, быть в одиночестве, считают, что это их спасёт. Маланья бы убила всех, и дождалась бы финала, чтобы наконец-то получить приз.

Но уже второй тур.

Многие, наверное, считают, что это больше счастье — быть ещё живым во втором туре, но вот девушка была уверена в том, что на самом деле это так, невысокое достижение, и радоваться тут уж точно пока что нечему.

Ей так хотелось выиграть, что даже дышать порой было слишком трудно — но, тем не менее, она слишком сильная.

Она справится.

Конечно же, справится.

Захотелось увидеть наконец-то хоть одного собственного врага в лицо, чтобы попытаться уничтожить.

Маланья сделала несколько шагов и остановилась на каком-то утёсе, а после посмотрела вниз.

Здесь было достаточно красиво — лес, зелёный-зелёный, словно кошачьи глаза, густой и окружающий внизу практически всё.

Только под самым утёсом росло усохшее, словно какой-то старик, дерево, которое своими острыми ветвями устремлялось куда-то в высоту, словно пытаясь дотянуться до каждого, кто только попытается сюда подойти.

Красиво, чёрт возьми.

Упасть на него, наверное, было бы очень болезненно, но это сейчас мало заботило Нефертити.

Ведь она прекрасно знала о том, что на самом деле сама-то никогда не окажется на этих ветвях.

...Интересно, а что могла бы рассказать эта Провидица? В этом году есть такая участница, было бы неплохо поймать её и немного поговорить, может быть, она рассказала бы хоть что-то интересное и стоящее.

Ведь тут столько всего важного и неподражаемого, что просто слишком жалко прощаться с определённым родом подобных размышлений.

Как это — быть слабой?

Маланья, впрочем, не стала задавать себе подобный вопрос. Вместо этого она внимательно осмотрелась и села прямо на зелёную траву, поднимая глаза к ясному-ясному небу.

Где-то далеко шёл дождь.

Сильный, потому что даже сюда доходил звук, с которым капли падали на землю сплошной, независимой стеной.

Маланья усмехнулась. Она не любила дождь, потому что терпеть не могла мокнуть просто так, не имея куда спрятаться, и не желала чувствовать себя слабой только из-за того, что промокла от воды.

Но, говорят, есть люди, которые просто боготворят эту стихию и буквально жить без неё не могут, так любят.

Вода...

Маланья не любила воду. Пламя нравилось ей куда больше, оно казалось каким-то... Более сильным, могущественным, что ли, и это всё-таки вселяло определённую веру в будущее.

Возможно, она и не умела управлять пламенем настолько, насколько хотелось бы уметь это делать, но всё же, скорее всего, это можно считать даже хорошей вариацией событий.

Говорят, что победитель в этом году может получить ещё и какую-то магическую силу — и эта мысль придавала Нефертити сил. Она водила ладонями по зелёной траве и представляла себя победительницей.

Скоро это станет реальностью.

Не стоило даже сомневаться в том, что так и будет — вот только сейчас Маланья вдруг почувствовала некую опасность, которая словно ходила за нею следом, и наконец-то догнала.

Она резко оглянулась, собираясь что-то увидеть, но никого не было. Тем не менее, кусты, которые были совсем-совсем рядом, казалось, немного пошевеливались и словно готовы были взорваться.

Нефертити даже пожалела, что так сильно расслабилась — она потеряла то, что называлось среди обычных людей бдительностью.

Да, она могущественна, но это пока что не повод расслабляться — очень даже не против, потому что это не слишком правильно, вот так позволить себе отдохнуть.

Нет.

Надо собраться, отреагировать достойным образом и сделать всё, что от неё зависит, а после уже отдыхать.

Потом, когда она наконец-то будет совершенно свободной от “Тибидохса” и получит вечный иммунитет от игр, которые многим могут стоить жизни — это она любит их, впрочем, только потому, что уже вроде бы даже привыкла к чему-то подобному и считает,

что тут можно получить могущество.

Маланья, нахмурившись, попыталась силой мысли поджечь кусты, но ничего не вышло. Дождь наконец-то догнал эту местность, накрывая её постоянной пеленой и заставляя погасить всё ещё невидимое пламя.

— Вот чёрт! — прошипела совсем тихо Нефертити, а после уверенным шагом направилась всё-таки к кустам, надеясь кого-то увидеть там и всё-таки заставить этого человека выйти с нею на сражение.

Долго ждать не пришлось.

Девушка, которую, кажется, звали Маргаритой, выпрямилась и внимательно смотрела на неё, холодно, надменно, с отчаянным вызовом во взгляде.

===== Боль восьмая. Рита =====

Маланья даже не стала реагировать на это хотя бы с одной ноткой удивления или чего-то подобного.

Она мотнула головой, даже не обращая внимания на то, что собственные чёрные волосы немного мешали, упав на лицо и не позволяя видеть всё до такой степени чётко, как она рассчитывала.

Нет уж.

Надо было наконец-то достойно отреагировать и сделать всё то, на что она так сильно сейчас рассчитывала.

И победить наконец-то, решившись на что-то подобное и разрушив эту проклятую привычку во втором туре всех прятаться.

— Неужели ты думаешь, что ты можешь меня победить? — у этой девушки, кажется, была фамилия Шито-Крыто, и она реагировала на всё достаточно холодно и самонадеянно.

Эти её слова тоже прозвучали достаточно грубо — возможно, Маланья попыталась бы ещё быть с нею достаточно осторожной, вот только сегодня возникло желание уничтожить соперницу окончательно.

Разорвать её на мелкие частички и превратить в пепел, в некоторый остаток того, что когда-то можно было считать поводом для гордости — ведь нет ничего лучше, чем победить своего соперника...

— Неужели ты думаешь, — кривясь и копируя тон соперницы, протянула Маланья, — что ты способна меня победить?

Она практически в точности повторила слова Маргариты, а после сделала несколько шагов вперёд и вдруг вскинула руку, используя волшебство, которое, кажется, давалось ей слишком легко.

Поскольку “Тибидохс” был игрой кровавой, с нарушением всех правил жизненной толерантности, которые только вообще можно было придумать, то тут никто даже не пытался заблокировать её магию или магию кого-либо другого.

Нефертити считала, что это совершенно нормально, и была уверена, что волшебство даёт определённое преимущество.

Кому угодно, кроме той провидицы, естественно — но она не могла вспомнить достаточное количество информации об этой девице, которая сейчас выступила против неё.

Маленькая искорка сорвалась с кончиков пальцев Маланьи, окрашенная в красный и словно собирающаяся зажечь тут всё.

Марго подпрыгнула с такой скоростью и резвостью, что это заставило Нефертити недовольно и мрачно хмыкнуть.

Куст загорелся и буквально через несколько секунд превратился в горстку пепла, но Марго осталась невредимой.

Шито-Крыто теперь презрительно смотрела на собственную соперницу, словно в этом было что-то совершенно нормальное и разумное, в том, что она только что умудрилась избежать собственной участи.

Почему бы и нет?

— Всё равно проиграешь! — в голосе Маланьи чувствовалась, естественно, сильная ненависть, которой она была практически переполнена.

Она с радостью бы убила сейчас всех, кого только смогла бы поймать за руку, вот только, увы, рядом не находилось достаточного количества людей, чтобы Нефертити могла успокоить собственную бушующую, рвущуюся на свободу ненависть, которая затопила её уже с головой.

Рита смотрела на неё абсолютно равнодушно. В тёмно-серых глазах её застыло навеки выражение некоторого наполовину страха, наполовину удивления, но вряд ли это можно было считать правдой.

Маланья сначала тоже повелась на её слабый вид и хотела было рассмеяться девушке прямо в лицо, но Шито-Крыто, дождавшись того мгновения, когда Нефертити, смеясь, запрокинет голову, прыгнула вперёд, толкая её.

От неожиданности девушка завизжала, хватая Риту за достаточно короткие каштановые волосы и ни на мгновение не отпуская.

Нефертити вдруг поняла, что физическая часть для неё более слабая, чем хотелось бы ожидать.

Она не могла даже дотянуться до горла Шито-Крыто, а та, прижимая её к земле, попыталась задушить.

Впрочем, Маланья практически никак не реагировала на эти попытки. Наконец-то она сумела впиться ногтями в руку Риты и заставить её упасть в сторону, а после моментально вскочила на ноги.

Надо было воспользоваться заклинанием, которое, скорее всего, убило бы Риту безо всяких сомнений, но она не могла позволить себе просто так отпустить соперницу, которая вздумала сопротивляться.

Нефертити наносила ей удары один за другим, метя в живот или куда-то по позвоночнику, чтобы Маргарите было хуже и хуже.

Шито-Крыто хрипела. На её губах появилась кровь, да и вообще, наверное, если бы та выжила, то всё равно пострадала бы.

Может быть, у неё даже были сломанные рёбра — Маланья стремилась к этому, и собиралась уже нанести решающий удар, но всё равно остановилась, наклоняясь пониже и язвительно ухмыляясь.

Её длинные чёрные волосы буквально сплошной стеной падали вниз, закрывая обзор, но теперь, когда Рита уже едва-едва дышала, это казалось совершенно неважным.

— Сдохнешь ведь, тварь, — наконец-то прошипела она, усмехаясь и явно пытаясь заставить Марго страдать.

Та едва заметно кивнула, а после вновь уцепилась в длинные чёрные волосы Маланьи и потянула её куда-то к обрыву, будто бы у неё появилась откуда-то невероятная сила в руках и возможность совершить практически всё, что только будет ей угодно.

Та завизжала, словно обыкновенная девчонка, которая просто не ожидала ничего

подобного, и попыталась вывернуться в руках Риты.

Тем не менее, Шито-Крыто была чертовски сильна. Она схватила какой-то камень и изо всех сил ударила Нефертити по голове, наблюдая за тем, как по тёмным волосам и по бледной коже стекает кровь, окрашивая лицо в некий алый цвет.

Это слепило глаза, да и Маланья почему-то ощущала, что буквально задыхается и не может ничего с этим поделать.

Она попыталась вывернуться и как-то спастись, но это не принесло ни капельки желаемого результата.

Маргарита, наконец-то одержав верх, не стала насмехаться. Она, не дожидаясь того момента, когда соперница наконец-то одумается, толкнула её куда-то в сторону, и Маланья, сначала удивившись глупости своей соперницы, вдруг осознала, что куда-то падает, потому что там был обрыв.

Она в последнее мгновение ухватилась за ногу Маргариты, потянув её вниз. Шито-Крыто едва успела схватиться за какую-то корягу, чтобы удержаться.

По её рукам стекала кровь, и Марго едва-едва выдерживала вес. Она с силой дёрнула ногой, за которую держалась Маланья, а после, решив поступить умнее, банально повисла на руках.

Нефертити, не имея возможности воспользоваться магией, попыталась взобраться наверх, пользуясь телом Риты, словно какой-то лестницей, но ведь Шито-Крыто была не так уж и проста.

Дождавшись удачного момента, она с силой ударила пятой наобум, целя Маланье в глаз — и попала.

Сапоги, которые она отыскала среди вещей там, на поляне порталов, были достаточно удобными, а на их невысоких каблуках оказались очень даже прочные набойки — и удар явно ослепил Нефертити на один глаз.

Та завизжала.

Она упала куда-то вниз, и Маргарита почувствовала, что должна добить её. Она думала, что соперница просто лежит на земле, ведь было не так уж и высоко, но случилось то, что заставило её продолжать держаться.

Маланья упала прямо на сухое дерево, которое при более внимательном рассматривании оказалось отнюдь не таким уж и безобидным и ломким.

Оно всё было покрыто огромными металлическими шипами, словно кто-то взрастил их магией.

Конечно же, Нефертити владела ею, но это было не её рук дело, равно как и не стараниями Риты.

Теперь Маланья оказалась насквозь проткнутой всеми этими шипами, теми, на которые упала.

Один из них пробил ей позвоночник, второй — руку, третий торчал прямо из живота. Было ещё несколько, но Марго уже не тратила время на то, чтобы что-то рассматривать, ей просто было не до этого.

Она пыталась подтянуться и выбраться, но осознала внезапно, что коряга была точно такая же, как и то дерево.

Теперь Марго не могла ни подтянуться, ни поудобнее перехватить корягу — она чудом ухватилась за шип, но тот теперь скользил под руками, и девушка понимала, что должна вот-вот свалиться вниз, и будет очень удивительно, если она после этого умудрится выжить.

Шито-Крыто уже собиралась попытаться прыгнуть, но так, чтобы пролететь мимо дерева, но вдруг осознала, что кто-то протягивает ей руку.

— Поднимайся! — послышался мужской голос откуда-то сверху, и Рита почувствовала, как её буквально выдернули наверх.

Она внимательно смотрела на огромного, похожего на самую настоящую гору парня, которого, кажется, звали Гуня или как-то так, и на его фиолетововолосую спутницу, которые почему-то решили ей помочь.

— Спасибо, — выдохнула Маргарита, при этом прекрасно понимая, что если они настроены враждебно, то ей всё равно надо притвориться дурочкой и тянуть время. А потом, может быть, удастся избавиться от не слишком удачной компании.

Для Ивана, очевидно, было огромным стрессом то, что он вынужден убивать животных, но иначе тут выжить было практически невозможно.

Гроттер холодно смотрела на кролика, точнее, на то, что от него осталось — они ели этого зверька уже второй день.

Ванька научился готовить его прекрасно, с какими-то травами, да ещё и умудрился где-то отыскать несколько огурцов, которые были более чем съедобными. Да и на воду они не особо жаловались, так что, можно было радоваться жизни и чувствовать себя более чем счастливыми и сытыми, вот только Таня никак не могла отыскать то самое чувство безопасности, которого ей так сильно всегда не хватало.

Всегда.

Она чувствовала себя испуганной и несчастной.

— Погибла участница номер... — Гроттер так и не услышала, кто именно это был, потому что Ванька внезапно громко закашлялся, не дав девушке возможности понять, кто именно погиб.

Единственное, что Таня поняла — так это то, что умерла девушка, а как, от чьей руки, да и вообще, кто это был, Гроттер понятия не имела.

Она хотела сказать что-то Валялкину, который слишком уж жалобно смотрел на кролика, которого вынужден был есть, но поняла вдруг, что не сможет проронить ни единого слова.

Её голову пронзила невероятная головная боль. Таня сжала виски руками, пытаясь как-то её унять, но это было бесполезно — видение надвигалось с невероятной быстротой, заставляя её захлёбываться.

Удивительным казалось другое.

Она видела прошлое.

“Огромное дерево казалось сделанным из самого настоящего металла. Нельзя было отрицать это — на самом деле, на нём просто вместо листьев росли огромные, пятидесятисантиметровые шипы.

Не надо было даже пытаться к ним прикоснуться, чтобы понять, что на самом деле они невероятно острые.

Красивая черноволосая девушка замерла в каком-то неестественном положении, распятая этими же шипами.

Она явно была мертва — да и после таких ран никто не выживает.

Один из шипов перебил ей позвоночник и вышел уже где-то через живот. Кровь не переставала идти ни на одно мгновение, но, тем не менее, она была уже густая, тёмная и

практически полностью остановилась.

Где-то около запястья пробило правую руку, превратив её в что-то изогнутое и превращённое в ужас.

Но самое страшное случилось с горлом.

Длинный, но невероятно тонкий шип пробил шею насквозь, выйдя наружу. С него скапывал яд и ещё что-то, кроваво-алое — кровь, наверное.

Девушка ещё даже попыталась захрипеть, но в следующее мгновение наконец-то жизнь покинула её тело, не оставляя несчастной ни единого шанса на то, что могло бы именоваться выживанием.

Она умерла.

Это было понятно.

Картинка изменилась поразительно быстро. Гроттер даже не успела понять, как это случилось — но теперь она находилась в будущем и буквально чувствовала его кончиками пальцев, а страх пронизывал её словно насквозь.

Она сама не понимала, как оказалась здесь.

Она стояла на берегу какой-то реки, испуганно глядя на кого-то — она, и ещё одна она, только уже напротив, невидимая, та, что смотрела на пророчество.

Она не могла сказать точно, кто именно оказался напротив неё, вот только этот человек явно не был настроен хотя бы на мгновение дружелюбно.

— Не надо! — воскликнула та, которая была в будущем. — Ведь мы... Пожалуйста!

Она отступила на шаг и поняла, что дальше идти некуда — только упасть в бурлящую реку.

Вода рванулась вперёд с невероятной скоростью, с такой, что её просто нельзя было остановить.

Она рвалась и рвалась куда-то в неизвестные дали — тонкая горная речушка, которая начиналась где-то очень высоко в горах, но, тем не менее, прибежала сюда всё такая же страшная и с камнями на дне.

Страшно было понять, что будет, если упасть туда — но, тем не менее, уже отсюда камни казались такими острыми...

Таковыми острыми!

— Не надо! — выдохнула Гроттер ещё раз, вскинула руки, словно пытаясь защититься, но кто-то толкнул её, и она почувствовала, что падает.

Бурлящая река открывала ей свои объятия.

Неизвестный смотрел на то, как она пыталась ухватиться за берег, как сжимала тонкими, бледными пальцами траву и кричала “помогите”, словно рядом мог быть человек, заинтересованный в её жизни.

Всё смешалось в сплошной круговорот — и она теперь не могла быть в безопасности нигде, совсем нигде...

Прошлое вновь открывало собственные объятия. Таня чувствовала, что тут она не настоящая, она просто как неизвестный дух чего-то непонятного и невидимого пока что, но...

Она видела.

Видела битву двух девушек, которая пролетела, словно неизвестная картина, перед

глазами, а теперь осознала, что уступ совершенно пуст.

Начинало постепенно темнеть — прошлое подбиралось к настоящему, — а девушка всё равно так и продолжала висеть на тех отвратительных шипах, словно её столь трудно было оттуда забрать.

Из её пробитого горла шла кровь, а сама она так и замерла с приоткрытым ртом.

Она уже стала ледяной, практически холодной, а Таня могла, ступая по воздуху, эфемерная, как и он, прикоснуться к её руке и даже остановиться слишком рядом, слишком-слишком близко.

Нежданнные и нежелательные слёзы катились по лицу, оставляя тонкие дорожки и будто бы издеваясь над всем происходящим.

Гроттер не должна была её жалеть, наверное, да и в этом вряд ли был какой-либо смысл, учитывая тот факт, что на самом деле она не была тут реальной, вот только всё равно жалела.

Страшно-то как!

— Помоги, — вдруг прошипела девушка, пытаясь поднять голову. Её бледная кожа уже практически при свете луны вдруг начала светиться.

Гроттер оглянулась, пытаясь понять, что происходит — и увидела, как дух выходит из тела.

Её тянуло куда-то в реальность, а она с отчаяньем хваталась за это видение, пытаясь осознать, видит её этот призрак, или только она его. Кажется, нет — но всё это было настолько непонятным и страшным...

— Берегись, — прошептал дух девушки, полупрозрачный и практически нереальный, если сравнивать со всем остальным.

— Чего? Чего?! — громко закричала Таня, но не услышала свой собственный голос, словно на самом деле его не было, никогда не существовало. — Чего мне беречься, скажи, скажи?

Дух не видел её, смотрел куда-то и словно пытался сейчас сказать неизвестную прописную истину, в которой не было совершенно никакого смысла, ни единой капельки, ни единого мгновения.

— Берегись тех, кто верен тебе, — выдохнула наконец-то незнакомка. Маланья, кажется, звали её при жизни. — Доверься тем, кому ты не можешь доверять. Они тебя обязательно предадут.

Пророчество растаяло, словно ничего и не было”.

— Маланья! — воскликнула Гроттер, приходя в себя, и только сейчас посмотрела на Валялкина. — Я... Это умерла Маланья Нефертити, у меня было видение.

— Она — сильная соперница... Была, — выдохнул Валялкин, словно радуясь чужой смерти.

Таня содрогнулась. Что-то подсказывало ей, что девушка не врала, говоря ей какие-то таинственные слова, а самое главное, поймала себя на мысли о том, что ни в коем случае не следует пересказывать Ивану что-либо, кроме той ситуации с деревом.

Может быть, только прошлое стоит открывать тем, кто никогда не способен увидеть будущее раньше настоящего?

===== Боль девятая. Твой личный третий день =====

Шурасик в очередной раз провёл ладонью по губам, словно пытаясь избавиться от какого-то странного ощущения — тем не менее, это совершенно не помогло, ему лишь вдруг

на мгновение показалось, что мир вокруг растаял или, может быть, просто полыхнул неясным светом истин и страхов, которые могли окружать его каждый день, но только теперь стали воистину заметными.

Парень терпеть не мог “Тибидохс” и всегда боялся, что попадёт сюда — и его страхи, его ночные кошмары стали реальностью.

Он остановился и попытался сосредоточиться на чём-то, что помогло бы отвлечься от грустных мыслей.

Парень провёл ладонью по собственным взъерошенным волосам, после — по лицу, словно пытаясь снять с бледной, практически просвещающейся кожи что-то, похожее на тоненькую паутину.

Ему было дурно, да и шагать по лесу, в котором недавно прошёл дождь, казалось достаточно тяжёлым.

Совсем рядом виднелось некое подобие поля, правда, трава на нём была сухая и давно уже мёртвая. Шурасик опасался, что там вынужден будет умереть от жажды, а тут совсем-совсем рядом тёк какой-то ручеёк, и можно было спокойно передвигаться вперёд. По крайней мере, появлялось что-то похожее на безопасность.

Деревья защищали его, впрочем, не так уж и хорошо, если помнить о той некромагине с разноцветными волосами, но, впрочем, она и стала тем самым последним приятным воспоминанием, которое он то и дело прокручивал в собственной голове.

Шурасик сел прямо на землю, закрывая глаза. Ему хотелось уснуть, но, тем не менее, сделать это было очень опасно, а умирать он не хотел, очень не хотел. Да и вообще, где та обещанная свобода, где то, что можно назвать нормальной, человеческой жизнью?

Он чувствовал себя ужасно разбитым и испуганным просто до ужаса, может быть, в этом и был какой-то смысл сейчас — и мелкие капельки воды, которые стекали по листьям огромных дубов, то и дело капали ему прямо на голову.

Шурасик лёг на влажную траву, скользя по ней ладонями и словно пытаясь что-то ощутить.

Это помогало — складывалось такое впечатление, словно силы перетекают в него, пусть и без особого на то желания.

Юноша шумно выдохнул воздух и едва-едва заметно улыбнулся, пытаясь заставить себя оказаться предельно спокойным и равнодушным, будто бы это вообще кому-либо хоть немного могло помочь.

Может быть, он когда-то доживёт до того дня, что будет действительно счастливым? Может быть, у него получится победить?

Но это вряд ли.

— Чудо, что я вообще выжил, — полушёпотом промолвил он, словно это мог кто-то услышать и взять его под свою защиту.

Люди предпочитали собираться кучками, искать защиту у тех, кого могли назвать своими друзьями, но Шурасик этого очень боялся.

Он был уверен в том, что стоит только попытаться кому-то поверить, как неизвестный человек моментально его убьёт, попросту разорвёт на мелкие кусочки.

Было холодно. Эта серая, болотистого цвета одежда, которую он получил, совершенно не согревала, а ботинки на ногах словно приковывали к земле, мешая нормально идти и вообще жить.

Хотелось есть. Он оглянулся и с удивлением наткнулся взглядом на какой-то куст с

ягодами — сначала Шурасик не мог понять, что это такое, а после вспомнил, что однажды покупал ягоды в супермаркете — именно такие.

Там они назывались малиной.

Он, житель холодного, каменного города, никогда не покидавший его границы, ничего не умел и не мог себя защитить так, как следовало, но, кажется, эти ягоды были съедобными — и Шурасик потянулся к одной из них.

Немытые, грязные и, вероятно, с кучей бактерий, они, тем не менее, оказались удивительно вкусными.

Шурасик уже даже престал сдерживаться. Он стоял рядом с кустом на коленях и жадно ел, понимая, что иначе просто не выживет.

Конечно, можно было бы попытаться поймать какого-то зверька, но ведь он не сможет сделать нормальные силки, не сможет того зверька пожарить, он вообще совсем ничего сделать не сможет.

Собственная слабость начинала постепенно раздражать, но он упрямо терпел. Он сам не оставил себе выбора и наделал слишком много глупостей, чтобы сейчас пытаться выбраться из слишком глубокой ямы собственного проигрыша.

Может быть, пора сойти с ума?

Парень оглянулся в поисках ещё каких-то кустов с малиной или, может быть, какими-то другими ягодами, а после с удивлением осознал, что на него кто-то смотрит, смотрит пристально и очень, очень настойчиво.

Сначала Шурасик подумал, что это могла быть та некромагиня — он бы даже хотел, пожалуй, её увидеть, вот только в этом пока что не было смысла. Да и... удивительно — неужели она обездвижила его только ради того глупого поцелуя, а потом просто так, щелчком пальцев, вернула дееспособность.

Глупости какие-то.

Его разум не мог понять это — он настолько привык жить в сплошных микросхемах, что всё прочее казалось глупостью.

Тем не менее, когда Шурасик наконец-то присмотрелся к тому, кто прятался в кустах, он вдруг осознал, что это совсем даже не некромагиня. Парень попытался, стремясь убежать, но незнакомка уже появилась прямо перед ним, преграждая путь и не давая никакой возможности рвануться в сторону.

— Стоять, — её голос был вполне мелодичным, но похожие на змеи пряди волос иногда шипели, словно голодные.

Он узнал её.

Медузия Горгонова, одна из учредительниц того “Тибидохса”, о котором только можно прочесть в пыльных книгах по истории. И пусть изначально его правила не включали в себя ничью смерть, именно она была виновата в том, что тут происходило.

Тем не менее, казалось, совесть женщину совершенно не мучила. Она пристально смотрела на Шурасика и шагала вперёд, забывая о том, что вообще-то виновата в смерти каждого из тех, кто погиб за все игры.

За весь “Тибидохс”.

Она уже занесла руку, стремясь убить его, а Шурасик, пятясь, зацепился за что-то и упал. В её руке блеснул нож, который она практически метнула, стремясь, пожалуй, убить кого-то, а может быть, и его самого — ведь других кандидатов на то не было, — но, тем не менее, ничего не получилось.

Мужчина, невысокий, седой, с длинной бородой и усами, схватил её за руку, словно пытаясь остановить.

Во взгляде его удивительно добрых глаз можно было прочесть лишь одно слово — “беги”. Шурасик не знал, как на это реагировать, но действительно поднялся и сорвался с места, не собираясь слушать их разговор — это было бы ужасно, умереть тут только потому, что он не умеет бегать, и парень не собирался поддаваться смерти вот так, просто, в первый же день.

— Зачем ты меня остановил? — прошипела женщина, глядя на Сарданапала и явно проклиная его.

Горгонова так хотела избавиться от лишнего противника, но чёртова доброта Черноморова всё время заставляла её останавливаться.

Она могла бы выиграть, а после прекратить всё это — ещё несколько лишних жертв “Тибидохса”, и всё, больше ничего не будет.

Но, тем не менее, не следовало забегать наперёд — ведь Сарданапал был буквально уверен в том, что никто никого не имеет права убить.

— Потому что это совсем ещё ребёнок, — мотнул головой мужчина. — Мы не имеем права быть ответственными за то, что он умер, просто не имеем, и точка. Как ты этого не понимаешь, Меди? Иначе мы станем такими же, как и Чума, и просто превратимся в жестоких зверей, да и точка.

— Ну и пусть! Зато мы будем свободны! — воскликнула Горгонова. — Не желаю ничего слышать. Больше не надо меня останавливать!

— Разве ты не знаешь, что она всё равно не даст нам выжить, — прошептал себе под нос Сарданапал, но больше не стал ничего говорить вслух, прекрасно понимая, что это совершенно бесполезно и что женщина попросту не желает его слушать.

Может быть, он и виноват в чём-то, но ведь это ещё не повод убивать невинных, кровь которых хочет взвалить на себя Медузия, даже не задумываясь относительно последствий и того, что это совсем ещё дети, а не взрослые. Ребята, у которых были свои мечты... Мечты, которые они сами же разрушили ещё задолго до их рождения, сотворив “Тибидохс”, который забрал уже столько жизней!..

— Я хочу спать, — шёпотом пожаловалась Таня. — Я больше не могу идти. Зачем нам вообще шагать в сторону леса, Ваня? — она посмотрела на него как-то слишком уж жалобно, но Валялкин упрямо мотнул головой.

Его светлые волосы цвета пшеницы превратились в какой-то сплошной ком болота и грязи, а глаза словно потускнели; но её символы Провидицы, сколько бы девушка ни пыталась заставить себя хотя бы немного меньше выделяться среди полей и лесов, оставались всё такими же яркими.

Девушка даже специально пыталась измазать болотом рыжие пряди, но те словно ещё больше сияли, и результатом было то, что она вынуждена была всё-таки смыть грязь и продолжать идти вот так.

Солнце словно специально льнуло к рыжим локонам, хотя Таня в последнее время практически ненавидела небесное светило.

Почему оно не может просто отвернуться?

Почему не желает светить куда-то в другую сторону, не издеваться над нею настолько сильно, не мучить её?

Гроттер было больно и неприятно осознавать один тот факт, что на самом деле она сама и может являться причиной того, что их заметят. Валялкин старался идти, склонив голову, и не смотреть никуда, а она, словно назло, вдруг стала идти гордо и слишком шумно, как на подобную местность.

Нашла, когда строить с себя королеву!

Ванька упрямо молчал, не стремясь её упрекать и зная, что девушка делает это не специально, но она не могла сделать ничего, чтобы всё это перестало быть реальностью хотя бы на несколько мгновений.

Таня чувствовала себя такой потерянной, такой испуганной, но, тем не менее, непонятная гордость откуда-то взялась...

На мгновение впереди мелькнуло зеленоватым свечением портала, и девушка даже не успела отшатнуться, равнодушно и в тот же момент с оттенком страха наблюдая за тем, как кто-то упал на землю.

Это поле, солнечное и прекрасное, не стремилось обрываться, хотя лес был уже гораздо ближе, чем прежде.

В лесу было куда больше еды, чем здесь, и девушка чувствовала себя потерянной и испуганной тут, на настолько открытой местности. Да и, к тому же, они отдалялись от последних источников воды.

Сегодня следовало дойти до того ручейка, который вился где-то в лесу — а тут вот портал, опять портал!

...На траве сидела высокая, достаточно некрасивая девушка с длинным носом. Таня едва-едва вспомнила о том, что её звали Верой, а вот фамилия “Попугаева” буквально застыла у неё в памяти, не стремясь оттуда куда-либо деваться.

— Люди, — прошептала Вера, поднимаясь на ноги и в тот же миг делая шаг назад, словно опасаясь кого-то.

— Мы не причиним тебе вреда! — прежде, чем Ванька вообще успел сказать что-либо или попытаться навредить девушке, воскликнула Таня, а после, рванувшись вперёд, схватила Попугаеву за руку.

Видение накрыло её с головой, заставив рухнуть лицом на землю, сжимать пальцами проклятые травы и цветы.

“Огонь прикасался к её коже, сначала достаточно ласково, а потом всё сильнее и сильнее, с новым могуществом.

Волшебство буквально зашкаливало вокруг, и этот костёр тоже был магическим, но Вера сначала даже ничего не поняла.

Где-то совсем рядом послышался громкий женский вопль, принадлежавший непонятно кому.

Верка только сейчас осознала, что с нею что-то происходило, и осмотрелась, словно пытаясь понять, что происходит, а после вдруг наконец-то ощутила то самое отвратительное жжение.

Она закричала громко и пронзительно, катаясь по траве и пытаясь погасить проклятое пламя.

Вокруг было много чего сухого, но пламя не переходило на траву. Вера горела, словно тот факел, и не могла ничего с собой поделаться.

Ей было ужасно больно — пламя ещё не дошло до лица, и на нём можно было увидеть отчаянную гримасу боли.

Кто-то, кто находился совсем-совсем рядом, попытался плеснуть на Веру воды, но та загорелась ещё по пути, и это было совершенно бесполезно. Было видно флягу, которая так и валялась рядом, и никто не мог ничем помочь этой несчастной умирающей девушке.

Вера кричала долго и пронзительно. Она била руками, пыталась схватить кого-то из людей, кто только был рядом, вот только подобного шанса ей, естественно, не предоставили.

Она вновь завопила.

Ничего.

Стоило только выть и рыдать, ожидая того момента, когда ей наконец-то станет легче — но ясно, что этого не будет.

...Она превратилась в угли — труп, который всё ещё пылал, и языки пламени скользили по белым костям.

Кто-то совсем рядом выл от ужаса, словно пытаясь как-то спасти подобными криками Попугаеву, но ведь было понятно, что слёзы тут не помогут. Наконец-то загорелась вокруг трава, создавая что-то вроде погребального костра вокруг, хотя, казалось, ничего не было прежде.

Даже крови не было.

Только сплошной страх”.

Гроттер очнулась уже где-то на земле. Она сжимала ладонями какие-то цветы, и кроваво-алые лепестки мака щекотали ей лицо.

Валялкин попытался помочь ей подняться, но Таня буквально швырнула ему в лицо цветы, которые сорвала, и посмотрела на изодранные ладони, которые были все в крови.

Ей стало страшно. Рыжеволосая попыталась подняться, но продолжила стоять на коленях, тихо плача и вытирая слёзы окровавленными ладонями. Царапины надо было промыть, но она уже не думала об этом.

— Что это с ней? — испуганно прошептала где-то совсем рядом Вера, и Гроттер, словно обезумев, вскочила на ноги.

Она схватила Попугаеву за руку, словно пытаясь как-то остановить её или попытаться помочь девушке.

— Берегись! — выдохнула Таня в полуужасе, всматриваясь внимательно в глаза Попугаевой. — Берегись огня!

Гроттер не могла рассказать о том, что увидела, до самого конца — но, тем не менее, пророчество опьянило её и лишило всего, что можно было назвать силами.

— Воды, — наконец-то выдавила она, вновь садясь на землю и закрывая лицо руками. Когда девушка наконец-то отняла ладони, то по её лицу текли струйки крови.

Царапин не было — это лишь следы крови с рук, — вот только Валялкин всё равно отшатнулся, испытав внезапно некое подобие ужаса от того, что только что был вынужден увидеть в исполнении девушки.

Гроттер совсем тихо, едва слышно даже, плакала, растирая слёзы по лицу. Постепенно кровь успокоилась, и царапины действительно оказались ничтожными, но она не обращала на это никакого внимания.

— Ты сгоришь, — выдавила она, внимательно глядя на Попугаеву. — Берегись пламени, оно погубит тебя!

— Что она мелет? — голос у Верки оказался слишком визгливый и какой-то предельно отвратительный. — Я не умру от пламени, что за ерунда!

— Она просто увидела что-то, — мотнул головой Валялкин, заставляя Таню лечь.

Гроттер прикрыла глаза, пытаясь уснуть. Её всё ещё била крупная дрожь, и девушка то и дело вскакивала, стремясь сделать что-то, вот только какая-то неизвестная сила упрямо держала её за горло.

Можно было сойти с ума от непонятной, отвратительной боли, которая терзала её и разрывала на мелкие кусочки.

Рыжеволосая, впрочем, даже сумела провалиться в беспокойный сон, чувствуя, что силы окончательно покидают её тело.

— Она та самая Провидица, да, я помню, — вдруг громко воскликнула Попугаева, не заботясь о том, что Таня может услышать и проснуться. — Мы коллеги с нею, между прочим!

— Коллеги? Ты провидица?

Валялкин покосился на девушку с некоторой опаской — вторую провидицу он просто не перенесёт, это слишком трудно, как для нормального, обыкновенного человека.

Верка, впрочем, моментально отрицательно замотала головой, словно пытаясь его в чём-то переубедить и продемонстрировать, что он очень даже не прав. Признаться, это Ивана обрадовало — он даже не думал, что когда-то Провидицы будут вызывать у него некое подобие страха, но раз уж так вышло...

— Я экстрасенс, — с уверенностью промолвила она, внимательно глядя на Ивана и то и дело поправляя собственные волосы.

Не слишком короткие, но и не длинные, они казались жалкими, если сравнивать с великолепными, царскими буквально локонами Татьяны.

— А она похожа на сумасшедшую, — сообщила вдруг Попугаева. — Блаженная! Я таких видела...

— Нет, она хорошая! — отрицательно покачал головой Иван. — Она прекрасная, понимаешь. Прекрасная!

Та лишь пожалала плечами, словно недоумевая и не понимая, что прекрасного могло быть в вопящей девице.

Почему-то у Валялкина вдруг возник аналогичный вопрос.

===== Боль десятая. Простите =====

— Такими темпами мы умрём!

Сарданапал никогда не думал, что у Медузии до такой степени визгливый и отвратительный голос, но сейчас впервые заметил, что она действительно реагирует именно так.

— Смерть — это ведь такое облегчение, — прошептал Сарданапал. — О, Меди, смерть — это роскошь!

— А я не привыкла к роскошествам! — мотнула головой она, упрямо глядя на мужчину. — И именно по этой причине я очень хочу жить! Я потеряла столько лет в той проклятой клетке...

— И неужели в этом тоже виноват я?

Сарданапал говорил очень грустно, но женщина не стала его разубеждать. Она опустила голову, глядя куда-то на землю и словно пытаясь заставить себя успокоиться, но ничего не получалось.

Ненависть разрывала её на мелкие кусочки, заставляя сердце останавливаться и биться немного медленнее, чем ему было положено — это так больно и так отвратительно, а она ничего поделать не могла.

— Да, возможно, — кивнула женщина. — Все мы виноваты, да, но... Неужели не было ни одного варианта, чтобы избежать это? Ведь столько способов, столько способов, но мы подчинились!

— Мы должны были сохранить жизни людей! — упрямо повторил Сарданапал.

Не обращая внимания на женщину, он подошёл к огромному дубу, уже наполовину усохшему, который словно никогда и не жил, и попытался обнять его. Несколько зелёных листочков, которые росли уже где-то высоко-высоко, словно в ответ на подобную нежность неслышно затрепетали на ветре.

Сарданапал попытался было получить энергию у этого дерева, но это тоже казалось кражей, вечной кражей.

— И много мы сохранили? — Горгонова горько улыбнулась и остановилась у другого дерева, молодого, сильного граба.

Она опёрлась о него спиной и прижала ладони к коре, чувствуя, как молодая сила перетекает в её бессмертное тело.

Убить бессмертного можно ножом или ядом, ударив или столкнув с обрыва, если это не некромаг, но бессмертный никогда не умрёт сам по себе.

Она так хотела жить!

Пусть даже в клетке, глядя внимательно на смерти кого-либо другого, а тут оказалось, что это практически невозможно.

Она так хотела жить, что дерево от одного её прикосновения начинало ссыхаться, словно старик.

— Как ты можешь! — воскликнул Сарданапал. — Даже одна жизнь бесценна...

— Не бесценнее тех тысяч, которые умерли во время “Тибидохса”. А всё почему? Потому что вы пожалели эту дрянь, пожалели!

Каждый год только Тибидохс забирает почти двадцать жизней. А остальные? Сколько людей умирает от того, что просто не может бороться, от того, что тирания Чумы переступает уже через всевозможные границы слишком настойчиво и быстро, так, что ничего не остановишь.

Вокруг слишком много разрухи, которую невозможно остановить, пока они там, в проклятой клетке, потому что пока что некому — но ведь каждая жизнь, даже жизнь Чумы, для Сарданапала бесценна!

Нет. Вместе с ним никого никогда не победишь, он обязательно утянет с собой на дно и позволит там умереть, лишь бы кто-то один ещё немного пожил, пожертвовав миллион жизней.

Сколько людей полегло!

— Отойди от дерева! — оттаскивая её, словно непослушную девчонку, воскликнул Сарданапал. — Ты его убиваешь!

Она оглянулась и с некоторым удовольствием поняла, что граб практически полностью высох, а она наконец-то полна сил и энергии, пусть даже не своей, а немного одолженной у кого-то другого.

— Это ведь всего лишь растение. Если б мы могли остановить Чуму, оно бы только порадовалось, что принесло себя в жертву, — пожала плечами Горгонова. — Разве ж это не логично?

— Причём тут логика?! — возмутился Сарданапал, глядя на неё. Его когда-то красивые, ясные синевато-зелёные глаза теперь казались тусклыми и очень некрасивыми, и Медузия

только сейчас это заметила.

— А что?

Горгоновой так хотелось ещё немного получить силы, чтобы наконец-то оказаться цельной, чтобы иметь силы сражаться. Ведь Чума должна будет её отпустить, если она выиграет в этих проклятых играх.

А когда она выберется, то разрушит “Тибидохс”, и никто больше не будет ей мешать, никто не будет убивать молодых ребят, никто не отберёт больше у людей жизнь, никто, никто!

Сколько страха, сколько кошмара, который буквально накрывает с головой, не давая ни единого шанса выжить и остаться цельным, настоящим.

Она возьмёт с собой в жизнь ещё как минимум троих, не стоит переживать. И тогда всё будет хорошо.

А Сарданапал всё равно не прав.

...Горгонова уже столько лет не пользовалась собственным волшебством, но сейчас наконец-то смогла. И дерево, огромное, но уже иссохшееся, упало, прямо на Сарданапала упало.

— Меди! — вскричал он, пытаясь как-то отбросить его в сторону и выбраться на свободу. — Меди, помоги, мне надо немного...

— Простите, — выдохнула она, доставая нож, который отыскала там, среди порталов, и всё-таки умудрилась сохранить. — Простите, но иначе у меня не получится спасти то, что осталось от этого чёртового мира.

Сарданапал даже не успел вскинуть руку, а она с силой всадила нож в его сердце, наблюдая за тем, как мужчина несколько раз дёрнулся и замер.

— Простите.

Она победит в “Тибидохсе” и сможет обеспечить счастливое будущее всем, кого только вытащит отсюда. Вообще всем.

Сарданапал всегда говорил о том, что он готов пожертвовать собой — а она не готова, но она сделает куда большее, чем просто оставит глупую жертву в виде собственного бренного тела. Нет, она выиграет эти игры и сможет наконец-то победить отвратительную Чуму-дель-Торт, а так же спасёт всех, кого ещё можно спасти. И мир будет счастлив, предельно счастлив.

Мир будет наконец-то, спустя столько лет, совершенно свободен, а Сарданапал с того света будет смотреть на неё.

Смотреть и гордиться своей ученицей.

Бейбарсов провёл кончиками пальцев по поверхности магического зеркала. По его поверхности пробежала рябь, на мгновение продемонстрировавшая Глебу собственный вид.

Он усмехнулся и прищёлкнул пальцами — собственное отражение парня интересовало меньше всего на свете, разве что его глаза стали ещё немного чернее, чем прежде, что могло означать только прогресс некромагии. Но это пустое, сейчас его подобные факты не интересовали.

Скоро наступит край, и он окончательно превратится в безжалостное чудовище — но это всё абсолютная ерунда, Глеб даже не особо обращал внимания на то, что происходило с ним самим — просто скоро закончатся проклятые игры, и не будет больше ничего, что превратит его в сплошной комок мрака.

Он внимательно всматривался в поверхность зеркала, ожидая того момента, когда оно наконец-то начнёт выполнять собственную основную функцию.

— Вот чёрт... — прошипел парень спустя минут пять — никакой реакции со стороны зеркала. — Какое ж ты ленивое... Яви настоящее!

Он прикоснулся к поверхности собственной тростью, и по той вновь словно прошла невидимая волна.

Наконец-то на поверхности зеркала начало проступать что-то вроде картин из другого мира — Глеб внимательно присматривался к ним, подмечая самые мелкие детали и запоминая то, что могло бы потом заинтересовать его и оказаться более-менее полезной информацией.

В конце концов, это даже хорошо, что пока что ему не надо вмешиваться — Лена и Жанна пусть делают всё, что думают, а Бейбарсов всё равно уже успел убить кого-то не по плану.

Рано пока что.

Уже идёт второй тур, и ему рано вмешиваться. Потом, когда наконец-то понадобится его вмешательство, он и сделает что-то, а пока что даже Чума совершенно ничего не желает, что для неё удивительно.

Он вновь внимательно присмотрелся к тому, что происходило там, за гранью, и усмехнулся, осознав реальность.

“Горгонова носилась по небольшой поляне, смывая с рук кровь. Она наконец-то поняла, что натворила.

Всё так же лежавший под каким-то дубом, что свалился на него, Сарданапал уже даже не хрипел.

Силы окончательно покинули его и явно не собирались возвращаться — следовало признать, что мужчина окончательно умер, но ведь как обидно было бы признавать всё это.

Он захрипел, и Горгонова оглянулась, словно пытаясь что-то увидеть, но, тем не менее, мужчина так и не ожил.

Медузия прошипела что-то себе под нос, а после отпрянула, не особо-то и стремясь присматриваться к тому, что происходило вокруг — и что могло стать относительной реальностью.

Кошмар, который творился вокруг, был её рук делом. Горгонова носилась от дерева к дереву, выпивая из них все силы и соки, и те падали, одной кучей згромоздившись чем-то вроде склепа вокруг Сарданапала”.

— Предала всё-таки, — прошептал себе под нос Бейбарсов, усмехаясь. Зеркало вновь засеребрилось, давая сбои, а после продемонстрировало ему плачущую Провидицу и её спутников.

Теперь к ним присоединилась ещё какая-то девица. Бейбарсов, бросив взгляд на список, осознал, что зовут её Верой, но, тем не менее, в этой фигуре не было ни капельки важности, если, конечно, она не станет источником сил или кого-то не предаст.

Или провокация — всё возможно.

Провидица упрямо настаивала на Глеба. Слишком уж много в ней было сил, и слишком часто она падала, одолеваемая собственными видениями. Всякое, конечно, может быть, но порой ему казалось, что девушка попросту сходит с ума и едва ли не воеет там от ужаса, который буквально гонится за нею.

Вот и сейчас она выглядела испуганной и потерянной, словно не знала, что делать, но

казалась относительно вменяемой.

Тот парень, который был с нею, Валялкин, кажется, упрямо пытался её успокоить, а Бейбарсов, читая по губам его “всё будет хорошо”, едва сдерживал смех.

Зеркало не передавало ни единого звука, но, тем не менее, ему это и не нужно было — Глеб просто проверял, всё ли в порядке и происходит ли всё хотя бы относительно по правилам игры.

Конечно, сёстры бы не одобрили подобного поступка — впрочем, Лена сама изобрела это зеркало, а если напомнить ей о поцелуе с каким-то пареньком, о чём, по её мнению, никто не знает, то никаких возражений не последует.

А вот Аббатинова...

Жанна вообще понятия не имела, что он умел пользоваться этим зеркалом, но ей бы уж явно не понравился подобный подход.

Делиться, впрочем, событиями с Аббатиновой Глеб не собирался. В прошлом году её за то, что она практически ничего толком и не сделала, всё равно хвалили — вероятно, Жанна уже успела отыскать какие-то связи для себя самой и даже подыскала место для жизни в будущем.

Они трое покидали “Тибидохс” уже навсегда, и теперь не следовало даже сомневаться в том, что, возможно, Жанна убежит отсюда как можно скорее, чтобы больше никогда не попытаться вернуться.

Она не хотела участвовать в играх изначально, пока не получила личное приглашение — а Глеба и Ленку прежде мало волновало её мнение.

Впрочем, сейчас Бейбарсова куда больше занимала провидица. Зеркало упрямо показывало именно её — каждую истерику, каждую попытку скрыть собственные видения от других.

Когда она что-то видела, то совершенно себя не контролировала, только без конца рыдала и падала.

Если кто-то нападёт на неё во время подобного видения, то девушка скорее всего погибнет — Глеб прекрасно знал, что Провидицы никогда не побеждали в играх, “Тибидохс” слишком жесток для них.

Но эта показалась особенной.

...Послышались чьи-то шаги где-то за спиной, и Бейбарсов успел накрыть зеркало магической пеленой раньше, чем порог их укрытия пересекла Жанна, позволяя себе усмехнуться ему даже немного презрительно.

— Осторожнее, сестрица. Может быть, среди чужих мне не хватит смертей для статистики, — усмехнулся он, и на мгновение белки глаз залило сплошной некромагической чернотой.

С каждым разом сдерживаться становилось всё труднее. Жаль, что Аббатинова этого так и не поняла до сих пор.

Какими же они были наивными!..

Рита наблюдала за тем, как Гуня что-то говорил своей девушке, Гробыне, достаточно нежно улыбаясь ей.

Они шагали по какой-то иссохшейся, уставшей слишком от постоянного солнца земле. Сюда бы дождь...

Шито-Крыто вспоминала об утёсе, достаточно зелёном, но таком страшном. Склепова

пыталась её поддержать, то и дело тихо шептала на ухо, что, возможно, не следует переживать о том, что Рита кого-то убила.

Впрочем, Марго уничтожала людей и раньше. Она предпочитала изощрённые яды, так ей было намного спокойнее.

Тем не менее, скорее всего, следовало банально отбросить все эти слова в сторону и убить их ножом.

Как оказалось, вид крови куда более неприятен, чем просто подлить какую-нибудь гадость в варево и понаблюдать за тем, как кто-нибудь будет упрямо подыхать где-то далеко-далеко.

Смешно.

— Ты в порядке? — в очередной, наверное, даже в сотый уже раз поинтересовалась Склепова. — Выглядишь бледной...

Гробыня пыталась продемонстрировать доброту. Она где-то отыскала ткань, которой перемотала израненные руки Риты, и то и дело следила за тем, чтобы Шито-Крыто что-то ела, а не голодала.

— В полном, — мотнула головой Шито-Крыто, а после наконец-то размотала проклятый бинт на правой руке.

Там он был совершенно бесполезен — если на левой её рана оказалась достаточно глубокой, то на правой — лишь царапины, которые уже давно затянулись.

Рита отбросила несколько прядей волос с собственного лица, стараясь не обращать на это совершенно никакого внимания, а после обмотала бинтом ладонь и потянулась к небольшой сумочке.

Там она хранила все свои ингредиенты для будущего зелья — те, которые она столько собирала для того, чтобы убить соперников.

Девушка постаралась прихватить с собой вещи как можно более незаметно, когда с Гломовым и Гробыней они уходили с утёса.

Она наконец-то отыскала главный компонент своего будущего зелья, но опасалась прикоснуться к нему руками.

Как ни крути, он должен был оставить ожоги даже в таком, сыром виде, а что же будет в вареве! Но Марго не стремилась рисковать собой — а тряпки, которыми её обматывала Гробыня, оказались как нельзя кстати.

— Зачем ты сняла бинт? — воскликнула Гробыня. — У тебя же раны, ты можешь пострадать и занести инфекцию!

— Просто тут царапина, я хотела сохранить ткань для второй руки, когда надо будет делать перевязку! — поспешила воскликнуть Рита.

— Точно? — Склепова мотнула головой, и её фиолетовые волосы рассыпались по плечам. Она выглядела достаточно удивлённой, но, тем не менее, не испуганной, и это уже могло радовать.

— Точно! — воскликнула, кивнув, Рита.

Склепова наконец-то отвернулась — она не смотрела на Шито-Крыто ни своим наивно-голубым, ни язвительно-фиолетовым глазом, и теперь Марго могла сделать всё, что задумала только что.

Она наконец-то обмотала ладонь тряпками и сорвала цветок. После как можно более осторожно завернула его в бинты и спрятала в сумку.

Чудо, что его удалось отыскать.

Варево и без него было бы смертельным и не сделало бы совершенно ничего хорошего, но так подействовало бы куда быстрее и радикальнее, что и нужно было Рите. Теперь осталось только приготовить его.

— Сдохните, твари, — прошипела она себе под нос, а после мило улыбнулась Гуне, который проходил мимо.

Такой яд должен был подействовать даже на некромагов, впрочем, не так уж явственно, и это радовало девушку.

Она сумеет победить, особенно если будет менее самонадеянной, чем эта чёртова Маланья, которая набросилась на неё.

Рита уже была готова умереть там, когда та занесла руку над нею, но, оказывается, это так важно — провозгласить целую речь над будущим трупом.

Вот над трупом бы и произносила.

Она усмехнулась и поднялась на ноги, внимательно косясь на Склепову. Погубит тебя добро, девочка.

===== Боль одиннадцатая. Берегись пламени =====

Шёл четвёртый день этих отвратительных игр — точнее, четвёртый день второго тура, который казался куда более отвратительным, чем третий или второй. Таня чувствовала, что что-то приближается, смерть кого-то неизвестного, а может даже и наоборот. Она понимала, что кто-то должен погибнуть — ведь иначе игры не состоятся, и тогда на тропу битвы выйдут некромаги.

Это казалось очень страшным, но Таня старалась не задумываться над этим, ощущая, что её сердце то и дело начинает биться медленнее, чем должно.

— И всё-таки, что ты видишь? Как это происходит? Мне важно знать! — вновь спросила Попугаева, хватая её за руку.

Они всё шли и шли этим цветастым полем, и пить хотелось так, что можно было сойти с ума. Гроттер уже увидела впереди, совсем рядом, речушку, но дойти туда самостоятельно попросту не могла.

Валялкин, как единственный мужчина в их компании, отправился туда один — до реки было около полукилометра, и он, взяв с собой флягу, единственную, которая у них была, шагал достаточно уверенно.

Таня чувствовала, что опасность стремительно приближалась к ним, вот только ничего поделать, естественно, не могла — она и вовсе чувствовала себя совершенно бессильной и не способной на активные действия девчонкой, которая сдалась и потеряла возможность выбраться на свободу.

Она практически задыхалась — то ли от ужаса, то ли ещё от чего-то, словно непонятная верёвка опутала её шею и не давала возможности нормально, по-человечески вдохнуть воздух.

— Зачем тебе это знать? — наконец-то поинтересовалась Таня, пытаясь говорить как можно спокойнее.

Конечно же, она не хотела срывать и демонстрировать собственное негодование, поэтому попросту сорвала какой-то цветок и попыталась сосредоточить внимание на нём, присматриваясь к тоненьким белым прожилкам, которые пронизывали его лепестки, к яркому синему цвету.

Рассматривание цветка немного успокаивало и заставляло перестать думать обо всякой ерунде, поэтому Таня почувствовала себя более уравновешенной и перестала дрожать

настолько сильно, как это было прежде.

Верка смотрела на неё очень внимательно и явно дожидалась каких-то слов. Гроттер не особо стремилась разговаривать с нею, ей просто было не до этого — не хотелось говорить ни единого слова.

Может быть, в этом всё есть какой-то смысл, конечно.

Но Гроттер его совсем-совсем не видела, да и, казалось, всё это превратилось в окончательное безумие.

Она скоро сойдёт с ума.

Рыжеволосая принялась рвать цветы, плетя из них венки. Под руки попадались одни васильки, синие, словно небеса или, может быть, глаза Ваньки, и кроваво-алые маки.

Таня не пропускала ни того, ни другого, чередуя и пытаясь отвлечься на эти проклятые цветы, которые так сильно её раздражали, когда они шли.

— Понимаешь, я ведь работаю экстрасенсом, — наконец-то подала голос Вера. — И мне очень надо знать, как именно вести себя правильно и что надо говорить, как показывать, что на самом деле мне только что пришло видение.

Гроттер возмущённо посмотрела на неё, ощущая, что резко покраснела и испытала что-то вроде приступа ненависти.

— Так ты делаешь это исключительно для того, чтобы потом обманывать людей?! — вспыхнула она, внимательно глядя на Попугаеву. — Как ты вообще можешь?

— Я зарабатываю деньги.

Только сейчас Таня поняла, что, наверное, в их стране не все живут до такой степени бедно. По крайней мере, большинство людей старается заработать деньги так, как у них это действительно получается.

Но у неё не выходило вообще никак — она просто подчинялась судьбе и делала то, что могла — то есть, ничего. Гроттер, конечно, работала, по крайней мере, пыталась, но частые видения вызывали головную боль, поэтому она то и дело избегала большое количество людей, стараясь постоянно быть там, где этих самых людей меньше всего. Так ведь было намного проще.

Сейчас же она испытала отчаянное желание сказать Вере, что та подла и отвратительна, но так и не смогла выдать из себя эти слова.

Гроттер стало как-то не по себе — она ждала от себя куда более яркой и сильной ненависти, чем сейчас присутствовала.

Тане казалось, что она окончательно погасла, и что нет ни единого шанса попытаться выжить и вырваться из этого отвратительного места.

Ванька хотел на ней жениться! Они могли бы быть счастливыми, а у неё появились бы когда-то дети, вот только, чёрт возьми, она провидица, а практически все провидицы, рано или поздно, попадают на “Тибидохс”.

“Тибидохс”, который ради развлечения каких-то чёртовых богачей каждый год убивает столько людей.

Хотя...

Есть вещи похуже.

— Неужели ты до сих пор веришь в то, что ты доживёшь до собственной победы? — вдруг поинтересовалась Таня настолько холодно, что даже сама испугалась собственного тона.

— А думаешь, не доживу? — возмутилась Верка. Она говорила своим отвратительным,

немного визгливым голосом, и Тане стало противно. Гроттер поднялась на ноги и отошла от неё как можно дальше, стараясь не смотреть. Это отвратительно — быть настолько самоуверенной.

Таня упрямо молчала, не отвечая на вопрос Попугаевой. Ей казалось, что та превратилась действительно в такую себе птичку, которая повторяет человеческие словосочетания и без конца всем мешает, но на самом деле ничего сделать не может.

Наверное, считать так намного легче, чем без конца корить себя в чём-то и пытаться убедить в том, что на самом деле именно в тебе все проблемы этого человека. Таня сейчас испытывала отчаянное облегчение — она могла позволить себе и вовсе уйти отсюда, и была бы, признаться, невероятно счастлива от этого.

— Думаешь, не доживу?! — ещё более визгливо поинтересовалась Попугаева с такой язвительностью в голосе, что Тане стало противно.

Она никак не унималась и, вскочив на ноги — до этого Верка сидела в траве, — силой повернула Таню к себе, схватив за плечи.

Гроттер хотела было что-то сказать, но вдруг завизжала от ужаса, посмотрев на ноги Веры.

Та удивлённо усмехнулась, словно не понимая, откуда такие крики, а после вдруг завопила и сама, падая на землю и катаясь по ней, пытаясь что-то сделать.

Цветы не загорались. Пламя поглощало Веру, и её истошный вопль раздавался над ними сплошной волной, словно это было самым страшным, что только могло произойти сейчас, на чёртовых играх.

Не доживёт.

Прибежал Валялкин — он пытался потушить пламя флягой, но вода лишь ещё больше вспыхнула, словно её кто-то превратил в нефть или в бензин.

Таня тихо пошатывалась взад-вперёд, что-то бормоча себе под нос — это было её видение, её!

— Это сделала я, — внезапно осознала Гроттер, шепча это совсем тихо себе под нос. — Ванька, это сделала я! Я её убила!

Девушка где-то там, далеко, пылала и, очевидно, умоляла о помощи. Бейбарсов смотрел на это абсолютно равнодушно.

Прекрасное магическое пламя, надо сказать, что его даже потушить не получилось — он, собственно говоря, даже и не пробовал бы.

Хорошо же эта Попугаева достала Провидицу.

Впрочем, следует отметить, что “минус один” — это не так уж и отвратительно. У каждого из тех, кто участвует в “Тибидохсе”, появилось больше шансов выиграть, попасть в ту финальную четвёрку.

Хотя, мало ли, ведь четвёрка может стать и самой настоящей единицей — и тогда ничего хорошего ждать не следует.

Впрочем, Бейбарсову-то было абсолютно наплевать, он прежде и вовсе совершенно беспристрастно следил за “Тибидохсом”.

Сейчас вот почему-то обращал слишком много внимания на эту рыжеволосую девчонку, но, следует согласиться, у неё действительно был практически уникальный дар.

— На что смотришь? — голос Аббатиковой застал его врасплох, и Бейбарсов прищёлкнул пальцами, заставляя изображение погаснуть.

Он терпеть не мог, когда получалось вот так, когда Жанна стремительно подкрадывалась к нему и желала услышать ответы на собственные вопросы.

В Аббатиковой никогда не было ни капельки толерантности или культуры, и следовало запомнить это раз и навсегда, по крайней мере, у Бейбарсова запомнить прекрасно получилось, и он даже не сомневался в том, что остальным, возможно, было бы лучше прислушаться к его мнению.

Ленка слишком идеализировала собственную сестричку, которая, возможно, с радостью бы толкнула бы саму Свеколт в пропасть, лишь бы получить то, что, по собственному мнению, Жанна заслуживала.

— Да так. Слежу за смертями, — усмехнулся Бейбарсов, заставляя зеркало окончательно погаснуть и даже остыть.

Теперь поверхность его не отражала ничего и казалась какой-то серебряной и совершенно матовой.

Аббатикова заправила прядь собственных почему-то уже рыжих волос за ухо и весело подмигнула Глебу.

Ему эти заигрывания никогда не нравились, но, тем не менее, парень не делился прежде собственным мнением по этому поводу, предпочитая просто молчать и не обращать никакого внимания на происходящее.

Следить за смертями — это, конечно, весело, но, тем не менее, он даже себе не мог признаться в том, что наблюдал скорее за Татьяной, которая упорно казалась ему ну уж слишком интересной.

— И как смерти? — рассмеялась слишком весело, чтобы это выглядело хотя бы немного натурально, Аббатикова.

Глеб отмахнулся от неё.

У него было слишком плохое настроение, чтобы сейчас выслушивать Жанну и ждать того момента, когда она соизволит куда-то отойти и, возможно, перестанет лезть ему в душу, что делает ну уж слишком часто.

— Не желаешь поделиться? — усмехнувшись, уточнила она, обвивая руками шею Бейбарсова и пытаясь его поцеловать.

Впрочем, Жанне всегда не хватало роста, и ей приходилось едва ли не подпрыгивать немного, а когда Бейбарсов, словно издеваясь, отворачивался и отталкивал её от себя, то поцеловать его аж никак не получалось. Сегодня она лишь мазнула губами по подбородку и моментально была отстранена от некромага.

— Я тебя, наверное, удивлю, но мы родственники, — язвительно протянул Бейбарсов. — Пусть только по дару, но всё же.

— А с каких пор это ты стал таким правильным? — рассмеялась Жанна. — Ведь не пропустишь в реальной жизни ни одной юбки мимо.

— Ну, дорогуша, напомним, сейчас мы на “Тибидохсе”, — усмехнулся он. — А ты никогда не носила юбок.

На самом деле, Аббатикова всегда преувеличивала, но разубедить её никто не собирався, и Глеб в том числе.

Она громко фыркнула, словно пытаясь что-то заявить ещё, чтобы быть более уверенной в себе, но, тем не менее, повернулась к Бейбарсову спиной и зашагала куда-то к выходу из избушки.

— Между прочим, — вдруг, оглянувшись, промолвила девушка, — я видела, что ты там

пялился на какую-то...

— Это исключительно моё дело, — грубо оборвал её Бейбарсов, отмахиваясь от неё. — А эта девица достаточно интересная.

— Тебе нравятся рыженькие? — она накрутила на палец собственный рыжий локон и подмигнула.

— Мне нравятся зеленоглазые, — отрезал Глеб, отмахиваясь от неё и недовольно кривясь. — Тебе такой никогда не быть, некромагия разъедает любые линзы, которые ты только попытаешься нацепить.

Она нахмурилась, а после махнула рукой, словно пытаясь сбежать от него куда-то как можно скорее.

Обиделась, наверное.

— Провидицы? — вдруг, осознав что-то, воскликнула Жанна. — Зеленоглазые ведь провидицы — тебе провидицы нравятся? — то, что она повторила одно и то же слово уже третий раз за последнее время, весьма сильно настораживало.

— Не некроведьмы, дорогуша, — пожал плечами Бейбарсов, пользуясь надменным обращением от бывшей наставницы, которой не было уже в живых.

Жанна фыркнула и поспешила всё-таки уйти, громко хлопнув дверью, от чего избушка едва ли не развалилась на мелкие кусочки.

Иван попытался перехватить её, хотя всё это явно было безрезультатным, но Гроттер с силой оттолкнула его от себя.

Прежде девушка была слабой и едва могла стоять на ногах, а сегодня в неё словно какой-то бес вселился.

— Не прикасайся ко мне! — прошептала Таня, падая на колени над тем, что осталось от Попугаевой.

Верка давно уже умерла, но её кости и те остатки мышц, которые ещё не превратились в пепел, всё ещё ярко пылали.

— Я убила её, — покачиваясь взад-вперёд, испуганно прошептала Таня. — Я убила её, убила... Целенаправленно убила!

— С чего ты эту ерунду вообще взяла? — возмутился Валялкин, устремляясь к Гроттер и заставляя её подняться.

Та, впрочем, явно отказывалась стоять на ногах и падала вновь и вновь. Ей было плохо, да и вообще, Таня, казалось, окончательно потеряла всё, что только можно было называть самоконтролем.

Валялкин считал, что это не уместно здесь, на “Тибидохсе”, вот только девушка пока что не слышала ни единого его слова.

— Послушай, нам надо идти, — выдохнул Иван, вновь хватая её за руку, но девушка дёрнулась и попыталась отодвинуться от него.

Она отползала по земле, покрытой дурацкими цветами, и пыталась как-то спастись от компании людей.

Да и каких людей — того, кого называла собственным женихом столько времени, а теперь боялась, словно сумасшедшая.

Гроттер не обращала внимания на то, что содрала руки в кровь, и что та струйками стекала на землю, оставляя следы.

Теперь они станут привлекательной жертвой что для людей, что для зверей, и Валялкин

осознал, что Таня защищаться не сможет. Её надо было как-то встряхнуть, но вряд ли это возможно, особенно в подобной ситуации.

Гроттер словно не понимала, где находится. Она, наконец-то добравшись до костей Попугаевой, схватила её череп и, запрокинув голову, громко рассмеялась, глядя на небеса, которые не спешили отзываться на её слова.

Раскалённый череп обжигал её руки, но Тане казалось, что энергия возвращается к ней, перетекает обратно в её тело.

Она никак не могла остановиться и хватала кость за костью, словно это могло чем-то помочь ей, а после вновь и вновь смотрела на небо, готовясь закричать ещё громче, чем прежде, будто бы это вообще могло чем-то помочь.

Девушка чувствовала себя слабой и несчастной, но это вряд ли сейчас было правдой — она не понимала даже, откуда взялась такая отвратительная мысль, но внезапно решила, что на самом деле это хорошо, что Вера умерла.

Вера и вера.

— Послушай, — Валялкин силком поднял её на ноги и легонько встряхнул, словно пытаясь как-то оживить и заставить девушку хоть как-то реагировать на происходящее. Тем не менее, она никак не отреагировала, просто сжимая кость в руках. — Послушай, эта Вера всё равно не сделала бы ничего хорошего.

— Я знаю.

— Она обманывала людей, — продолжал шептать Иван. — Убеждала их в том, что могла что-то сделать!

— Я знаю.

Таня кивала, словно какая-то игрушка, старая-старая, та, которой она игралась в раннем детстве.

Детстве, в котором она была счастлива и никогда не думала совершенно ни о чём плохом, когда у неё было счастье.

— Я убила её. — прошептала Гроттер. — Я боюсь, что однажды могу просто так взять и убить тебя тоже.

— Ты этого не сделаешь.

Валялкин говорил невероятно уверенно, но Таня, глядя на него, чувствовала, что Иван совершенно не считает, что на самом деле всё у них будет хорошо.

Да и вообще, Таня уже успела понять, что на самом деле тот опасался её и смотрел на неё как-то слишком внимательно, чрезмерно пристально, что всё это не привело бы ни к какому добру.

— Знаешь, мне кажется, нам лучше всё-таки разойтись на время, — сообщила вдруг Гроттер. — Так будет лучше.

— Прекрати! — воскликнул Валялкин, порывисто обнимая её и притягивая к себе. — Поверь, всё будет хорошо и без расставания. Я ведь люблю тебя, Таня, больше жизни люблю!

— Не верю.

Гроттер смотрела на него своими огромными зелёными глазами и словно пыталась что-то ещё сообщить, но после отрицательно мотнула головой и отвернулась в противоположную сторону.

Казалось, она окончательно потеряла интерес к разговору и теперь не могла сделать совершенно ничего.

Только пила воду, которую он принёс, и сжимала в руке череп.

Чума сделала ещё несколько шагов и буквально свалилась на землю, почувствовав невероятную боль.

Она мучала её.

Грызла.

Каждый день это случалось — отвратительные приступы, фантомные боли, ведь настоящего тела у неё никогда не было.

Хотя, почему же никогда? Несколько сотен лет назад она была красивой, молодой девушкой, которая могла бы ещё жить и жить, если бы её не выбрали в качестве участницы “Тибидохса”.

Тогда это казалось стране развлечением, счастьем для всех окружающих и тем, что могло бы немного развеселить некоторых людей.

Ставили ставки, которые не радовали совершенно никого собственными размерами — это ведь было так скучно.

И игры.

Опасность, конечно, была, но Медузия и Сарданапал говорили, что она ничтожна. За последние пятнадцать лет — а это были те игры, которые помнила Чума с детства, — никто не умер, и когда её выбрали, она могла только радоваться возможности заработать деньги и достигнуть цели.

Но всё рухнуло, рухнуло так быстро, так поспешно... Она даже не надеялась на то, что выживет...

А обрела могущество.

Женщина махнула тем, что люди называли её руками, перед зеркалом, наблюдая за тем, как оно резко помутнело, и усмехнулась.

Да, конечно.

Рыжеволосая девчонка с огромными зелёными глазами — кажется, такие же были и у Чумы, вот только она не помнила, потому что вот уж сколько лет любовалась в зеркале на пустые глазницы.

Рядом с нею был какой-то светловолосый мальчишка — Простак, да и только. Чума вспоминала собственное прошлое — точно такое же, как и у этой, только немного более счастливое, наверное.

Очень счастливое.

Прошлое, которое в одно мгновение разрушил Тибидохс проклятой смертью, что её хочется остановить.

Пришло время мести — и столько главных фигур собралось здесь, в одном месте, столько ещё предстоит переиграть.

...Чума сделала несколько шагов и не рухнула на пол только потому, что это тело было ненастоящим.

Она так боялась пламени, ещё с самого детства видела его на каждом углу, и это всё-таки случилось с нею давно. Но она выжила, выжила, несмотря на чёртово пророчество и отрубленные руки, которые оттянуло, кажется, каким-то механизмом, оторвало от её тела.

Она не могла даже шевелиться тогда, ничего не могла сделать, просто хрипло дышала и кричала от боли.

Скорее бы победить.

Отмахнувшись от зеркала, которое вновь перестало показывать то, что она желала

увидеть, Чума остановилась напротив стола с характеристиками. Там было столько всего, столько интересного...

Она взяла в руки какую-то бумагу, присматриваясь к ней, а после вдруг швырнула все папки на пол.

Те разлетелись вихрем бумаг, и один из листов попал прямо в руки Чуме, замирая, словно не желая падать.

Она пробежалась взглядом по строкам и рассмеялась — да, тот самый молодой некромаг, который выступал зрителем на играх уже третий год.

Срок его работы на “Тибидохсе” уже заканчивался, контракт подходил к своему логическому завершению.

Чуме достаточно трудно было отыскать настолько хороших зрителей, Глебом она была поразительно довольна, равно как и его двумя сёстрами по дару, и трудно будет отыскать кого-то нового.

Она осклабилась, прекрасно зная, что нормально улыбаться не способна, и сжала бумагу в руке, точнее, попыталась.

Увы, ничего не получилось, и Чума прищёлкнула пальцами, точнее, тем, что от них осталось.

Все бумаги взмыли в воздух, а после собрались в папки, каждая попадая туда, где ей было место, и улеглись прямо на стол.

Да, колдовать она не научилась. Если бы ещё вернуть хоть какое-то желание жить, то было бы просто прекрасно!

Чума хотела подойти к зеркалу, по которому могла просматривать всё, что происходило вокруг, и остановилась напротив него, но так и не успела прошептать до конца заклинание, которое имела в виду.

По поверхности, серебряной, драгоценной и слишком прекрасной, пробежала рябь, словно откуда-то появилось стекло.

Чума ожидала увидеть там кого-то, но осознала, что заглядывает в собственные пустые глазницы.

Она смотрела на те лохмотья, которые остались от её одежды, старой, как и она сама, на перерубленные руки, и понимала, что от её лица, когда-то давно даже достаточно привлекательного, осталась лишь уродливая маска.

— Ох, красавица, — прошипела женщина, а после непонятно откуда вытащила лист бумаги, быстро сочиня очередной приказ.

Тот превратился в пепел, телепортируясь куда-то к некромагам...

Рита вот уж несколько минут внимательно смотрела на Гробыню и Гломова, словно надеясь на что-то.

Гуня умудрился отыскать и хорошей воды, и достаточно вкусной еды — по крайней мере, мясо он пожарил просто великолепно.

Шито-Крыто ждала того момента, когда они наконец-то попытаются запить то, что съели, и Склепова действительно потянулась за флягой, которую они добыли чёрт знает где, но что-то остановило её.

Рита вздохнула.

Она умудрилась тайно приготовить зелье, говоря, что это её лекарство, притворилась, что всё выпила, а после спокойно подлила в воду, и сама отказывалась пить.

— Хочешь выпить? — Гробыня протянула Рите флягу, словно ожидая того момента, когда та первой попробует воду.

— Нет.

Марго ответила слишком резко и уже опасалась, что Гробыня и её верный Гуня хоть что-то заподозрят.

— Тогда я выпью.

Шито-Крыто едва-едва сдержала торжество в собственном взгляде, наблюдая за тем, как Склепова поднесла к губам флягу, собираясь уже сделать глоток. Но внезапно она отодвинула её от себя и посмотрела достаточно мрачно на Риту.

— Понюхай, от неё чем-то воняет, — наконец-то протянула Гробыня. — Ужасная вода, Глом, где ты её нашёл?

— Я пил из того ручья, она была хорошая, — отмахнулся парень, обнимая Склепову за талию.

Он уткнулся носом в её волосы, которые каждый день меняли цвет и теперь уже были ярко-салатовыми.

Вскоре заклинение, которое поддерживало их цвет, должно было оказаться уже менее действенным, но пока что приходилось спокойно наблюдать за тем, как вечно перекрашивались эти пряди.

Прежде она была фиолетововолосой.

Риту всё это крайне раздражало — она испытывала даже что-то похожее на ненависть, но, впрочем, старалась не демонстрировать ничего открыто. Гломов вытащил её, помог, надо было делать вид, что она предельно благодарна.

Другое дело, что у Марго получалось очень и очень плохо — она знала, что тут, на этих отвратительных играх, все должны были друг друга ненавидеть.

Странно то, что пока что никаких особенных проявлений ненависти нельзя было отметить, словно ничего совершенно не происходило.

Хотелось заставить Склепову показать правду о себе самой. Убедить Гломова в том, что на самом деле он полон ненависти, а не добрый, словно какой-то сказочный косолапый мишка, который всех любит.

Так не бывает!

Но сейчас, глядя на то, как они обнимали друг друга и целовались, Рита просто не могла терпеть это.

Они всё ещё находились на этом пожухлом поле, которое буквально покрылось непонятными полосами из трав.

Отвратительное поле.

Ритке ужасно хотелось пить, но, тем не менее, она понимала, что брать воду из фляги подобно смерти, поэтому упрямо отказывалась от столь желанного напитка, который мог бы остудить её и утолить жажду.

Склепова вновь собиралась было выпить воды, но, только-только вдохнув её аромат, моментально отодвинула от себя флягу.

— Нет, я эту гадость пить не буду. Глом, до того ручейка как далеко?

— Километра два, — пожал плечами он. — Мы можем добраться туда, если вы двое уже способны нормально передвигаться, и идти вдоль него, ручеек выведет нас к горам. А там будет легче.

— Либо к лесу, — мечтательно протянула Склепова. — Либо к морю, я всегда так

сильно мечтала увидеть море...

— Увидим ещё, ты не беспокойся, — рассмеялся Гломов, глядя внимательно на девушку, а после потянулся к фляге.

Он был до того неприхотлив, что Марго даже поверила в том, что он сделает глоток, вот только у того ничего не получилось.

— Фу! — громко воскликнул Гломов, поднимая глаза на синее небо. — Нет, пить эту гадость просто невозможно.

Теперь он стал напоминать Марго уже не доброго, а какого-то слишком переборчивого медведя.

Казалось, этот образ только дополняли его карие глаза и каштановые волосы, достаточно коротко стриженные, а самое главное, широченные плечи, которые, казалось, нельзя было никогда хотя бы немножечко уменьшить, да и грубые черты лица.

— Я ж тебе говорила! — кивнула Склепова. — Рит, понюхай, она отвратительно воняет. Надо вылить!

Шито-Крыто возмущённо хмыкнула — если вылить, то ей придётся опять искать травы, чтобы сделать новое варево.

Она прекрасно знала, что пахнет и вправду неприятно, но, вдохнув запах, отрицательно замотала головой.

— А как по мне, совершенно нормально! — воскликнула она. Гробыня, разозлившись, попыталась вырвать флягу у той из рук, и вдруг с удивлением выронила её из рук.

Вода облила Риту с ног до головы — и она, помертвев, продолжала стоять на месте, чувствуя, что ей начинает не хватать нормального воздуха.

Как такое могло случиться? Как?

Бейбарсов зевнул и внимательно посмотрел на Ленку, которая слишком задумчиво глядела куда-то вперёд, то и дело косясь на окно, словно за ним должен был появиться какой-то принц на белом коне.

— Ждёшь кого-то? — поинтересовался наконец-то он. — Жанна совсем рядом, её ждать не надо.

— Не жду! — воскликнула моментально Ленка, отрицательно мотая головой и словно пытаясь убедить парня в том, что на самом деле на окружающих её абсолютно наплевать. — Совсем не жду!

— Я знаю об этом твоём... — Бейбарсов стихил голос и подался вперёд. — Шурасик его, кажется, зовут, я прав?

Ленка отпрянула, сжимая руки в кулаки, и смотрела на Глеба с предельной ненавистью, словно больше ничего не могла сделать.

— Прекрати! — выдохнула она едва-едва слышно. — Прекрати говорить о нём, Глеб, слышишь? Если ты...

— Я не скажу ничего Жанне, успокойся, — рассмеялся Глеб. — Ей вообще много чего не следует знать.

— Она опять?

Бейбарсов кивнул.

К Ленке он относился, словно к своей кровной сестре, хотя, на самом деле, родственниками они были лишь по магии. А вот Аббатикова... Аббатикова порой вызывала у него достаточно странные чувства.

Иногда, правда, очень редко, это было определённое желание — раньше, да, возможно. Но сейчас ненависть становилась всё сильнее и сильнее, а потихоньку даже начала переходить в какое-то презрение.

В обычное время Глеба Жанна просто раздражала, и он совершенно не пытался бороться с этими ощущениями. А зачем, какой смысл?

Если она не пытается ничего в себе изменить, то не стоит пытаться перекрутить и своё отношение к ней, перевернуть его с ног на голову, или, может быть, наоборот — Бейбарсов не вникал в подробности собственных мыслей, ему с головой было достаточно и простой ненависти, которая то казалась слабой, то достаточно сильной — но это не имело никакого значения.

Он вообще в последнее время был очень равнодушен ко всему, что только можно назвать реальностью.

...Ленка подалась вперёд, а после вдруг схватила его за руку, словно собираясь что-то сказать, и пристально посмотрела парню в глаза.

— Точно не скажешь никому ничего? — наконец-то полушёпотом поинтересовалась она. — Глеб, поклянись мне!

— Не скажу, обещаю, — усмехнулся Бейбарсов.

— Тогда и я не скажу, — довольно улыбнувшись, кивнула Свеколт. — Даже помогу, если будет нужно.

— Взаимно.

Он не имел ничего против какого-то учёного, которого нашла себе его сестра по дару — по крайней мере, победителей всё равно может быть больше, чем один, и это немного радовало его.

Бейбарсов не задумывался над вопросом о том, что, скорее всего, что-то может измениться в лучшую сторону.

Или в худшую.

“Тибидохс” — это просто слишком большое количество смертей, которое оправдывается азартом тех, кто платит за него деньги; и даже его создатели в этом году участвуют в нём, что кажется предельно смешным.

— К нам послание! — воскликнула вдруг Жанна, запрыгивая в окно, которое она перед этим открыла магией.

Бейбарсов досадливо прищёлкнул пальцами, вновь закрывая оное, и мрачно посмотрел на Аббатикову.

Ленка мотнула головой — её разноцветные волосы, заплетённые обычно в две косы, нынче растрепались и походили на что-то сродни одуванчику.

— Тише, — прошипела она. — Неужели нельзя вести себя более-менее спокойно, Жанна? Ты же понимаешь, что привлекаешь к нам опасность.

— К нам? Опасность? — рассмеялась Аббатикова. — О чём ты мелешь, Ленка, мы ведь некромаги — и мы всемогущи!

Бейбарсов, который, впрочем, всегда был самым сильным из их тройки, вскочил на ноги и, даже не задумываясь относительно собственных действий, схватил Аббатикову за горло, вытянув руку и сжимая её тонкую шею так, словно это была какая-то верёвка. Жанна была невысока, и поэтому едва-едва касалась кончиками пальцев земли.

Она никогда не видела, чтобы Глеб превращал собственную магию в физическую силу, но, впрочем, сейчас ей показалось это невероятным.

Бейбарсов, казалось, должен был приложить к этому хоть какие-то силы — но сейчас стоял так, словно держал за горло какую-то обыкновенную куклу, а не живую, ещё и вырывающуюся девушку.

— Если мы с Ленкой уйдём, а сюда явится эта Горгона, — начал вполне равнодушно он. — То ты сдохнешь, не успев даже использовать магию.

Жанна дёрнулась, а после резко протянула ему какую-то бумажку и вновь попыталась освободиться, почувствовав, что её ноги буквально отрываются от земли.

Бейбарсов наконец-то отпустил её, и девушка рухнула на землю. Он наконец-то поднял бумагу с пола и развернул её.

Там была всего лишь одна-единственная запись, но она его совершенно не порадовала, скорее очень даже наоборот.

“Убить девчонку”.

Два коротких слова.

— Она даже не указала какую, — воскликнула наконец-то Жанна, отряхиваясь и поднимаясь на ноги.

Её голос оставался немного хриплым, вероятно, Бейбарсов что-то там повредил Аббатиковой, а её регенерация ещё не успела сработать до самого конца. Впрочем, теперь он с радостью убил бы её окончательно, да только было уже, пожалуй, слишком поздно для этого.

— Ну, значит, убьём любую, — равнодушно пожал он плечами.

Ленка поняла, но, придерживаясь их немого взаимного договора, не обмолвилась ни единым словом.

Она понимала, что не стоит портить жизнь тому, что может защитить её и её Александра. От неё требуется только посильная помощь.

===== Боль тринадцатая. Подруга =====

До конца второго тура оставалось несколько часов, но Рита уже не осознавала этого. Она просто не могла сдержать крик, который буквально вырывался из её груди, заставляя вопить, словно сумасшедшую, и хвататься руками за траву, которая росла вокруг.

На её теле появлялись страшные, отвратительные раны, которые невозможно было заживить.

Рита и до этого не была сильным или хотя бы посредственным магом, она могла спастись исключительно за счёт собственных зелий, и именно они погубили его.

Где-то рядом продолжала сидеть Склепова. Она опасалась брать Шито-Крыто за руку или хотя бы прикасаться к ней, но, тем не менее, всё ещё считала подругой, и Ритке от этого было хуже всего.

Ей так захотелось признаться в том, что именно она собиралась отравить Гробыню и Гломова, что она сделала этот яд, что сдержаться было практически невозможно. Тем не менее, Рита понимала, что подобное её заявление приведёт только к огромным проблемам, поэтому упрямо молчала, стараясь не говорить вообще ничего, что могло бы привести к плохим последствиям.

— Не плачь, — наконец-то прохрипела Рита.

Её одежда осталась целой и невредимой, потому что средство не могло навредить неживым предметам, а вот кожа покрылась струпьями и отвратительными, кровоточащими ожогами.

— Да ты не переживай! — воскликнула Гробыня, смахивая слезинку, которая

скатывалась по её щеке. — Ты ещё справишься. Молодая, сильная — чего тебе бояться? Выздоровеешь и ещё бегать будешь!

Шито-Крыто посмотрела на неё даже не недоверчиво, а презрительно, словно пытаюсь заставить себя хотя бы немного меньше ненавидеть Склепову, но упрямо не справляясь с подобного рода заданием.

Она усмехнулась наконец-то и склонила голову набок, словно рассматривая что-то, а после наконец-то вздохнула и закрыла глаза.

От её волос уже не осталось практически ничего — только несколько прядей, которые сохранились, обожжённые проклятой кислотой. Даже если б она и выжила, то стала бы уродиной, а ещё большой вопрос, что из этого хуже.

Когда Рита попыталась открыть глаза, то осознала, что не может — она ослепла, а это означало, что скоро она должна была умереть.

— Слушай сюда, — она попыталась прикоснуться к Склеповой, но та, очевидно, отпрянула. — Я знаю, что это за варево. Оно более чем серьёзное и обязательно убьёт меня окончательно, причём довольно скоро.

Рита закашлялась.

Вот, теперь ожоги на теле будут отражаться и на состоянии организма. При каждом слове её легкие невероятно жгло, что могло свидетельствовать только об одном — наконец-то наступит смерть.

— Не сжигайте меня и не хороните, — выдохнула Шито-Крыто. — Так я буду совершенно безобидна, но если прикоснётесь ко мне хотя бы кончиком пальца, то обязательно умрёте.

Она попыталась прикоснуться к Гробыне, протянув руку, но та вовремя отскочила в сторону и замерла, наверное, на достаточном расстоянии.

— Если не будете прикасаться, то всё будет хорошо, — рассмеялась хрипловато Рита, чувствуя, что это практически последние её слова.

— Откуда ты всё это знаешь? — удивлённо переспросила Гробыня, чувствуя что-то схожее со страхом.

Рита превратилась из симпатичной молодой девушки в практически обгоревший труп. Её кожа лопалась, что доставляло Шито-Крыто, наверное, невероятную боль, волосы её пропали, словно переплавились, и вокруг пахло палёным.

— А ещё уходите отсюда, — наконец-то выдохнула Рита. — Я знаю... Я была зельеваром и я при...

Она так и не завершила рассказ, потому что вдруг захрипела. Гломов бросился было к девушке, но Склепова преградила ему дорогу, отрицательно покачав головой. Она чувствовала, что Рите уже вряд ли можно было чем-то помочь — и упрямо считала её собственной подругой.

— Кто-то подсыпал какой-то яд в нашу флягу, — наконец-то прошептала девушка. — Оставим флягу тут и пойдём к воде, там нам будет немного безопаснее. Рита говорит... — Склепова отвернулась. — Рита говорила, чтобы мы её не хоронили.

— Но... — Гломов запнулся, не в силах закончить то, что желал сказать. Достаточно было одного взгляда на Шито-Крыто, чтобы понять, что она права.

Склепова взяла его за руку и потянула за собой. В конце концов, Ритка была им никем, просто спасённой девушкой.

Она должна была позаботиться о себе и о Гломове, а не о какой-то там девушке,

которая, возможно, могла принести им вред.

Напоследок Гробыня сорвала какой-то цветок и швырнула его на Риту — на практически сожжённых губах той появилась едва заметная улыбка.

Склепова потянула Гуню за собой, стараясь идти как можно быстрее. Ей почему-то было как-то не по себе, и девушка чувствовала себя потерянной и несчастной.

— Мы уходим как можно быстрее, — наконец-то выдохнула она. — И не станем ждать того момента, пока нас кто-то убьёт.

Рите хотелось окликнуть Склепову и подождать до того момента, пока она действительно умрёт, но девушка внезапно осознала, что на самом-то деле Гробыня уже успела догадаться.

Рита — Зельевар, тот самый зельевар, который способен убить их своим новым, очередным варевом.

Шито-Крыто уже ничего не слышала, не видела и не могла говорить. Она не чувствовала боли, потому что яд подействовал на нервные окончания, но, тем не менее, ей было до жути одиноко.

Марго попыталась дотянуться до того цветка, который ей положили на грудь, и наконец-то сжала его в руке, проведя кончиками пальцев по немного шероховатой поверхности лепестков.

Удивительно, её тактильные ощущения сейчас стали невероятно сильными, и она почувствовала буквально каждый изгиб в этом маленькой, практически незаметном цветочке, и поднесла его к носу.

Великолепный запах распространялся вокруг, и Марго чувствовала, что буквально падает в прекрасный сон, сон, который просто не может оборваться или быть прерванным какой-то ерундой.

Она могла дышать.

Казалось, пора было кашлять кровью, но Рита уже ничего не чувствовала. Дурман или сон-трава — неважно, она просто расслабилась и позволила крови застыть в жилах. Больше ничего не было, ни единого следа от происходящего, она могла лишь равнодушно смотреть невидящими глазами куда-то в небо.

Когда смерть настигла Риту, она уже давно смирилась с нею и чувствовала, что даже рада, что убила лишь Маланью.

Она была сильной и проиграла. Нефертити являлась фаворитом и тоже погибла... К чему всё это?

К чему подобное развитие событий, когда двух самых сильных конкурсанток уже удалось отсеять?

И только сейчас, в последнее мгновение собственной жизни, она поймала себя на решающей мысли.

Не следовало надеяться на собственную силу. “Тибидохс” не играет по правилам, “Тибидохс” убирает тех, кого получается убрать, и самонадеянность стоит первой в списке всевозможных грехов.

Ей надо было умереть, чтобы продемонстрировать всем участникам следующих годов, насколько всё это страшно.

Смерть уже настигла её, уже схватила и не стремилась отпускать, но одно следовало признать окончательно — дело даже не в том, что она погибла. Самое страшное то, что не имела ни единого шанса выжить.

Что такое “Тибидохс”? Это место, где ради развлечения каждый год сталкиваются двадцать неугодных самой Чуме людей.

Гроттер давно не испытывала настолько сильного ужаса. Обычно она старалась быть хотя бы немного более сильной, чем остальные провидицы, и как-то выстраивала то, что могла назвать личной жизнью.

Сейчас всё сгорело.

“Тибидохс” и смерть Веры забрали всё, что у неё только было, всё спокойствие, всё равнодушие, которое она вообще только могла отыскать где-либо. Её накрыло сплошной волной ужаса от своих собственных действий, и не осталось ни капельки сознания вокруг, чтобы можно было как-то позволить себе поверить в лучшее.

— Я никуда не пойду, — наконец-то, садясь вновь прямо на землю, мокрую и холодную, потому что недавно шёл дождь, промолвила Таня.

Гроттер чувствовала, что ей нет никакого смысла продвигаться дальше. Она предвидела собственную смерть — кто-то столкнул её в ту проклятую горную речушку, которая открыла свои объятия перед нею и позволила нырнуть в ледяные воды, которые ни на мгновение не желали остановиться.

Рыжеволосая возвела глаза к небу, чувствуя, что дождь вновь вернулся. Её одежда промокла насквозь, но Гроттер не обращала на это особого внимания, а просто молчала и смотрела куда-то вверх.

— Холодно, — прошептала наконец-то она, словно пытаясь подтвердить какое-то собственное предположение.

— Надо идти, — упрямо мотнул головой Валялкин, схватив девушку за руку и потянув за собой.

Таня не проявляла совершенно никакой жизненной активности.

Она продолжала сидеть на месте и даже не пыталась сдвинуться, чтобы хотя бы на мгновение позволить себе быть немного более живой, чем прежде. Это казалось очень неправильным, но...

Гроттер внимательно рассматривала Ивана, словно пытаясь запомнить каждую чёрточку его лица.

Он прежде казался более добрым — сейчас же черты немного заострились, наверное, от того, что есть было и вовсе нечего, а синие глаза показались более тёмными, чем обычно.

Пшеничного цвета волосы, обычно всколоченные, лежащиеся обязательно вихрями, после дождя свисали лишь мокрыми прядями.

Таня провела ладонью по собственным огненным локонам и осознала, что те уже давно успели высохнуть.

Это казалось странным.

Действительно, ведь на самом деле её волосы были длинными и очень густыми, а у Ивана — короткими, как и следовало парню. Но в прядях Валялкина всё ещё оставалась какая-то влага, а её волосы теперь были невероятно сухими и похожими наощупь на какой-то шёлк, который, впрочем, Таня никогда не держала в руках.

Одежда её была невероятно мокрой, и поэтому без конца прилипала к телу, заставляя содрогаться и дрожать от холода.

Болотистый цвет рубашки всё ещё сохранялся, но, тем не менее, теперь Таня вообще сама чувствовала себя болотистой.

— Даже если выколоть эти глаза, — она провела кончиками пальцев от виска к переносице, остановившись на мгновение на собственных глазах и словно пытаясь пригладить как-то ресницы, — то они всё равно останутся зелёными.

— У тебя красивые глаза, — пожав плечами, промолвил Валялкин, обнимая за девушку. — Но ты должна понять, что нам давно уже пора уходить отсюда, Таня. Мы в опасности, слышишь?

Она рассмеялась, словно пытаясь проигнорировать его, а после равнодушно отмахнулась, словно признавая определённую слабость со своей стороны и соглашаясь с тем фактом, что должна просто позволить себе самой погибнуть.

— Я так хочу сдохнуть, — наконец-то прошипела Гроттер.

Не осталось больше времени на высокопарные речи или что-то в этом роде — она просто потерялась в собственных холодных, равнодушных признаниях, которые держали её за горло и не давали ни единого шанса выжить.

— Надо идти! Игрок “Тибидохса” должен быть активным! — в голосе Ивана послышалось достаточно неожиданное негодование.

Таня усмехнулась.

Она не хотела быть активной или мобильной, к чему её постоянно призывал Валялкин, а мечтала о том, чтобы наконец-то все оставили её в покое, но это, очевидно, давно уже превратилось в просто-таки nepозволительную роскошь.

— Я не хочу быть активной, — выдохнула Гроттер. — Я вообще ничего не хочу, оставь меня и делай всё, что хочешь!

— У тебя истерика. Я просто хочу, чтобы ты выжила, понимаешь? — Иван приподнял её голову за подбородок, внимательно всматриваясь в зелёные глаза. Удивительно, когда-то он полюбил девушку именно за них, а сейчас те казались признаком её чёртова дара, который останавливал девушку.

— Это до тебя не доходит, — грубо оборвала его Гроттер. — Провидицы рано или поздно умирают на играх!

— Мы ещё выживем, — упрямо повторил он. — Выживем и спасёмся, слышишь меня, слышишь?!

Прежде Валялкин никогда бы не позволил себе сказать это даже мысленно, но сейчас что-то заставляло его буквально выдохнуть, что в противном случае, если Таня не поспешит идти за ним, то он обязательно сбежит отсюда и не станет совершенно никого ждать, потому что желает жить.

Гроттер слишком странно себя вела, чтобы с нею можно было оставаться тут, на “Тибидохсе”, но ведь между ними всё ещё были чувства, которые невозможно было погасить пламенем страха.

— Игры меня не страшат. Мы победим, — наконец-то промолвил Валялкин.

Таня усмехнулась, словно не собираясь больше возражать, и всё-таки пошла следом за ним по цветущему полю.

Они наконец-то добрались до реки, к которой Иван тянул её вот уж чёрт знает сколько времени, и Гроттер почувствовала определённую слабость, подумав, что, возможно, ей бы стоило оказаться немного более свободной, чем она чувствует себя прямо сейчас.

Хотя бы на несколько мгновений свободнее, чем она оказалась в данный момент, когда кто-то выпил её кровь.

— Река, — усмехнулась Таня, шагая по крутому берегу над небольшим ручейком, а

после остановилась на каком-то камне.

“Она падала с невысокого утёса, на котором стояла. Вокруг было слишком много зелени, а над нею уже не светило солнце, хотя, впрочем, всё ещё могло перемениться.

Она так ненавидела все эти пустые клятвы, которые, так или иначе, превратились в её окончательную смерть!

Это было до такой степени глупо — то, что происходило сейчас, когда она просто не могла никак сопротивляться всему происходящему, когда чувствовала себя банально потерянной в этой массе смертей.

Кто спасёт её? Вероятно, никто, но не следовало бы надеяться на то, что, возможно, у неё будет счастье в этой жизни.

Она уже практически падала вниз, но вдруг почувствовала какую-то сильную магически ауру, впрочем, так и не подняла глаз на незнакомого человека, позволяя себе свалиться в объятия смерти.

Ей осталось только бросить одну маленькую грудочку земли в могилу, и за этим можно ставить все точки над “ё” и забывать о том, что в жизни существуют ещё несколько лишних правил.

“Тибидохс”, рано или поздно, закончится, и Провидица обязательно должна быть в его списках.

Теперь она могла только смотреть в его глаза и чувствовать, что ненавидит этого человека больше, чем любит.

Он толкал её вниз, а она не могла рассмотреть ни единой черты его лица, только где-то вдалеке мелькнувшая чернота упорно пугала или, может быть, вселяла то, что именовалось хотя бы капелькой надежды”.

— Таня! — Валялкин встряхнул её, оттаскивая от небольшого обрыва, который оказался выше, чем она думала.

— Что?

— Ты едва ли не свалилась туда, — выдохнул Ванька, сжимая её в своих объятиях, и Таня наконец-то почувствовала себя немного более спокойной.

Ей показалось, что, возможно, не всё ещё потеряно и можно однажды стать окончательно счастливой, хотя, возможно, на самом деле это предельно ложная надежда, за которую не следует совершенно хвататься.

Она почувствовала себя слишком глупой и равнодушной, словно в этом всём было слишком много странностей.

— Мне было видение, — наконец-то прошептала Таня, а после подумала, что не следует признаваться публично в том, что она способна увидеть что-то о себе, а не только об окружающих.

Ну, или у неё есть сестра-близнец.

В любом случае, сейчас Гроттер не хотела думать об этом, а только мечтала о том, чтобы оказаться как можно дальше от страшного места, которое было способно её убить.

Таких мест очень много, но она всё же потянула Валялкина за собой, заставляя его ускорить шаг.

— Пойдём быстрее, — упрямо промолвила Таня. — Как можно быстрее, слышишь меня, Ванька, слышишь?!

Он кивнул.

Валялкин был рад тому, что Гроттер наконец-то согласилась вообще идти, поэтому

даже и не спорил.

Ему казалось, что так будет лучше.

Гроттер спешила, словно кто-то подгонял её, и это внушало определённое беспокойство, но, тем не менее, он был даже не особо против того, чтобы она ускорила ещё немного, а не задерживалась тут.

Так будет лучше.

Таня же даже не оглядывалась, испытывая что-то вроде подсознательного страха — она чувствовала, что тут её ждёт окончательная смерть, которая просто так не вовремя подкрадётся.

Схватит за горло.

И уничтожит её.

===== Боль четырнадцатая. Сама доброта =====

Лиза чувствовала себя слишком слабой, но, тем не менее, Кузьма, который решил идти с нею, был ещё хуже, ещё более слабым, чем она.

Это раздражало.

Она бросила ещё один холодный взгляд на Тузикова, который продолжал идти следом. Лизу в нём раздражало практически всё, но она старалась не показывать этого, по крайней мере, сейчас.

Кузя согласился с тем, что лучше объединиться и идти вместе, потому что так их будут немного больше опасаться.

Тем не менее, сейчас девушка вдруг поняла, что от него, кажется, только сплошные проблемы, с которыми невозможно бороться. Наверное, следовало бы просто оттолкнуть Кузю от себя, но она испытывала определённую опаску относительно того, чтобы идти самостоятельно.

Впрочем, уже начался третий тур. Радовало как минимум то, что она всё ещё была жива и здорова — и гувернантка почувствовала себя какой-то более уверенной, более спокойной, могла уже позволить себе жить спокойно и реагировать на происходящее хотя бы немного равнодушно.

— Ты смотришь куда-то в пустоту и бормочешь что-то себе под нос, — вдруг совсем тихо прошептал Кузя, глядя на неё.

Лизка усмехнулась и отрицательно покачала головой. Пожалуй, ей пора научиться следить за своими действиями немного лучше, иначе это может привести к огромным проблемам.

Девушка не хотела оказаться в ситуации, в которой надо было защищаться — лучше всего нападать первой, но сделать так она пока что не могла, да и Кузьма казался слишком ничтожной целью.

Она заправила прядь собственных светлых волос за ухо и вздохнула, внимательно глядя на лес, который простирался прямо перед нею, словно притягивая к себе и заставляя сделать ещё несколько шагов, чтобы оказаться в нём и теперь иметь возможность быть уже там, внутри.

— Я? — она вздохнула. — Мы подошли к лесу, Кузьма. И подошли к третьему туру, понимаешь?

Он понимал. Его щенячьи глаза показались просто слишком жалкими, если сравнить с тем, чем он был на самом деле, и всё это продолжало просто невероятно раздражать и выводить из себя.

Она почувствовала себя какой-то слишком жалкой и несчастной, да и вообще, идти дальше в одиночестве было бы страшно, но Лиза, эта сама доброта, когда она возилась с детишками, сейчас просто не собиралась заниматься благотворительностью для отдельно взятого лица.

Ей самой надо было выжить, и желательно выиграть “Тибидохс”, который в последнее время заставлял её всё больше и больше переживать относительно того, что будет дальше. Она чувствовала себя в какой-то предельной опасности, да и вообще, это казалось отчаянной авантюрой, но у неё пока что не осталось совершенно никакого выбора и возможности для манёвров.

О каких действиях речь?

— Знаешь, мне кажется, что в жизни каждого человека наступает то мгновение, когда он должен попытаться действовать самостоятельно, — обернувшись к Кузе, уверенно промолвила девушка.

Тот помрачнел и шмыгнул носом, словно собираясь разрыдаться, а после мотнул головой.

Его волосы, какого-то странного, то ли русого, то ли пепельного цвета, содрогнулись вместе с головой, а после, словно гонимые ветром, превратились в непонятную причёску, похожую на петушинный гребень.

Лиза сама не понимала, как умудрилась подметить подобный факт, но при этом не обращала внимания ни на что другое, но теперь не осталось совершенно никакого смысла в том, чтобы исправлять недостатки собственного внимания и того, на что именно оно распределяется.

— Ты хочешь бросить меня?

В болотистых, не зелёных, но и не серых или карих, глазах несчастного Кузи мелькнули слёзы.

Лиза скривилась. Мужчина не должен плакать, это ниже его достоинства, но Тузиков, кажется, не догадывался о том, что вообще значит слово “достоинство”, это его банально не волновало.

Достойным быть он не умел.

Это невероятно раздражало, но она отчаянно пыталась убедить себя в том, что, пожалуй, в его действиях не было совершенно ничего преступного.

На самом деле, преступное было, но не следовало заострять на этом собственное внимание, ведь это не подарило бы ни капельки счастья, скорее очень даже наоборот.

— Ты хочешь убить меня? — теперь в голосе Кузьмы было ещё больше отчаянья, и от отпрянул от Лизы. — Ну, конечно... Ты дождалась третьего этапа, пока мы прятались, а теперь уберёшь меня и...

— Я не собираюсь пачкать руки кровью без крайней необходимости! — воскликнула громко Зализина.

Она вновь посмотрела на лес. Тот теперь показался очень мрачным и холодным, но девушка понимала, что лучше находиться там, чем на открытой местности.

Она внезапно поняла, что в этот лес вело сразу две дороги, которые расходились в разные стороны и явно не смыкались в единое целое.

— Знаешь, будет лучше, если мы разойдёмся, — наконец-то поделилась собственным мнением Лиза. — Я понимаю, тебе не хочется это делать, но так будет немного лучше, Кузя.

Он кивнул, чувствуя, что так и вправду будет немного лучше, а после, тоскливо

посмотрев на Елизавету, медленно направился вперёд по одной из дорог.

Она улыбнулась, а после бросилась бежать по второй дорожке. Это забирало много сил, но зато можно было убежать достаточно далеко от Кузьмы, чтобы тот не удумал вернуться к ней и вновь начать без конца ныть, словно это вообще могло дать хоть какой-то результат.

Как же раздражает!

Она чувствовала, что это просто выводило её из себя, но, тем не менее, пока что держалась более-менее нормально.

Где-то вдалеке послышался громкий крик, и она понимала, что тот принадлежал Тузикову, вот только не стала замедлять шаг, всё так же идя вперёд по тоненькой тропинке, которая извивалась у неё под ногами.

Кузя закричал ещё раз, но имени Зализиной так и не назвал, понимая, что не имеет права её вот так подставить.

Если она не придёт, значит, успела уйти достаточно далеко и ничего не услышала, а тогда это свидетельствует, что она в безопасности от хотя бы этой отвратительной женщины, которая сейчас остановилась напротив Кузьмы.

— Здравствуй, дорогой, — протянула она своим достаточно приятным, немного певучим голосом.

— Здравствуй?! — возмутился он. — Вы учредительница “Тибидохса”!

Горгонова ослабилась и собиралась было уже схватить его, но Кузьма удивительно быстро успел отпрыгнуть.

Он свалился на землю и попытался как-то отползти куда-то, но не успел, потому что непонятно откуда появился ещё один мужчина.

Тузиков не обратил на него никакого внимания, только осознал вдруг, что на самом деле этот незнакомец совершенно не желает убивать его самого. Тот бросился на Горгонову, пытаясь её удушить.

Кузьма всё отползал и отползал, чувствуя, что это способно подарить ему ещё хотя бы несколько лишних часов жизни, которая очень даже может пригодиться, особенно пока эти двое так увлечены взаимным убиванием.

— Тварь! — прошипел Бульонский, пытаясь сжать горло Медузии. Горгонова узнала его буквально с первого мгновения, и это совершенно не порадовало её.

Да и вообще, такая встреча вряд ли могла принести хотя бы капельку радости, но, тем не менее, она сейчас вообще ничего не могла промолвить.

— Ты повредила моей Зуби и пытаешься сделать это опять! Ты пожелаешь помешать ей выиграть тут, на “Тибидохсе”!

Он кричал так, что это, очевидно, слышал весь лес. Горгонова, наконец-то изловчившись, толкнула его ногой, заставляя откатиться, и вскочила на ноги.

— Идиот! — воскликнула она. — Среди всех участников “Тибидохса” в этом году нет ни одной Зуби!

На мгновение Готфрид замер, а после схватился за голову, внезапно вспомнив о том, что, кажется, он оказался тут один.

Он только сейчас осознал до конца, что его любимая супруга так и не попала сюда, что ей нет тут места.

Все смерти оказались бессмысленными! За что он боролся?

Тем не менее, попытавшись сконцентрироваться, он внезапно поймал себя на мысли,

что Горгонова всё равно виновата. Ведь именно из-за её проклятого вмешательства оказалось так, что его жена стала калекой.

— После вашего “Тибидохса” все остаются калеками. Моральными или физическими, — прохрипел он. — Тут всех просто убивают, а тогда вы щадили их, бросая калек, которые не могли выиграть.

Он вскочил на ноги и вновь набросился на неё, словно ненависть вновь вспыхнула где-то в глубине его души.

Горгонова попыталась вырваться, но ничего не получалось. Она словно потеряла вдруг силы.

Тем не менее, магия всё ещё кипела вокруг неё. Женщина не пользовалась ею потрясая долго, но теперь наконец-то могла восполнить все силы, которых в ней было столько после того дерева...

Скорее!

Она тоже схватила Готфрида за горло, пытаясь передать ему боль, которую ощущала. Впрочем, он от этого не стал ни на мгновение слабее, скорее очень даже наоборот, и ситуация только ухудшалась.

Ей не хватало воздуха, ему — тоже, и непонятное магическое кольцо свернулось вокруг них, не отпуская ни на одно мгновение, не желая дать хотя бы маленькую возможность выжить и почувствовать что-то вроде удовольствия, определённого рода счастья от того, что можно убить врага.

Она ведь не собиралась это делать!

— Тварь! — шипел Готфрид, сжимая её горло всё сильнее и сильнее. Медузия потеряла счёт секундам, но понимала, что вскоре попросту не сможет больше бороться, потому что он был удивительно устойчив к магии.

Волшебство буквально рванулось к ней, пытаясь уничтожить и разорвать её на мелкие кусочки, вот только от этого становилось только хуже и хуже.

Она хрипела и понимала, что скоро наступит конец и её, и его жизни, если ей удастся наконец-то связать их окончательно.

...неизвестная, незнакомая буря раскидала их в разные стороны, заставляя Готфрида вспомнить что его жена дома и в безопасности, а Медузию — вспомнить о своём грехе и о том, как она предательски убила Сарданапала.

Всё ради победы.

Она же собиралась спасти ещё троих — но, очевидно, просто не поняла пока что, кого собирается спасать, если они все так быстро умирают. Это даже хорошо, что время идёт так быстро, поразительно быстро...

Скорее бы убить их!

Она попыталась воспользоваться магией ещё раз, но непонятная волна ещё раз налетела на них обоих, останавливая собственным магическим влиянием всех, кого только можно было остановить.

Лиза была невероятно рада, когда умудрилась выйти к какому-то ручейку. Так стало немного легче и спокойнее идти.

Она мечтала выбраться из леса.

Вокруг, казалось, была дичь, появлялся шанс спрятаться, вот только Зализина прежде никогда не гуляла по лесу.

Нет, гуляла, конечно, когда следила за детьми и предлагала им совершенно невинные прогулки, вот только теперь рядом не было горы детей, к тому же, на неё охотились, а она охотилась на кого-то ещё.

В этом не было, наверное, особого смысла, потому что эта жизнь уже не соглашалась идти по разумным, нормальным правилам — оставалось только задохнуться от ужаса и постепенно упасть вниз, успешно умереть и больше не пытаться выбраться на свободу.

На деревьях можно было увидеть следы от огромных отвратительных когтей, вот только рядом не было ни одного страшного зверя.

Лиза чувствовала, что её голова слишком сильно кружится.

Хорошо, что она шла рядом с рекой, поэтому могла не сбиться с пути — если, конечно, этот путь у неё был, — вот только, казалось, сейчас ей стало слишком дурно, чтобы вообще иметь шанс нормально думать.

Наконец-то Зализина увидела кого-то впереди и с удивлением замерла, а после рванулась вперёд с невероятной силой.

...Лес уже закончился, и теперь она бежала по травянистому берегу, радуясь тому, что тут было до такой степени легко дышать.

— Подождите! — громко окликнула незнакомых ей пока что людей Зализина, а когда те обернулись, наконец-то поняла, кто они такие.

Рыжеволосая девушка явно была той самой Татьяной Гроттер, которая, единственная Провидица в этом составе, почему-то до сих пор была жива. Удивительно, что шагающий с нею парень не воспользовался её слабостью.

— Подождите!

Светловолосый парень, ветеринар, кажется, которого точно звали Иваном, остановился, и дёрнул свою спутницу за рукав.

Та нехотя замерла на месте.

Когда Лиза наконец-то остановилась рядом с ними, то она почувствовала определённое облегчение — этих двоих можно было убить, точнее, хотя бы попытаться, и тогда оказаться в более выигрышном положении.

Она пожалела Кузю.

Но эту рыжеволосую девушку совершенно не жалела, всё равно Провидицы всегда были в огромной немилости здесь.

Их всегда убивали.

Лиза не могла вспомнить ни об одной Провидице-победительнице, а ведь она столько всего искала в библиотеке!

Столько всего...

Впрочем, сейчас это было совершенно неважно — она не собиралась задумываться над тем, кого можно убивать прямо сейчас, а кого всё-таки нет, ведь, как ни крути, жизнь стремительно тянулась куда-то к земле, стремясь развалиться на мелкие кусочки, и ей было уже почти что наплевать.

— Можно мне с вами?

Рыжеволосая нахмурилась на этот вопрос, но Валялкин моментально кивнул, соглашаясь и буквально приглашая её в эту компанию.

— Думаю, — моментально промолвила Лиза, пытаясь завоевать доверие, — нам вместе будет намного легче победить и суметь как-то завоевать приз, правда!

— Да, ведь выжить могут четверо! — с радостью ответил Иван. — А нас трое, это даёт

шансы на победу...

— Если, конечно, никого не убьют, — вдруг отозвалась Гроттер, продолжая идти с опущенной слишком низко головой.

Впрочем, это ни на мгновение не прятало её великолепных рыжих волос и зелёных глаз.

Лиза, наверное, хотела бы быть такой же зеленоглазой, если бы, конечно, не знала, к чему именно ведёт подобный знак — знак Провидицы, который словно клеймом выжжен на лбу этой девушки.

— Только мы очень заметные тут! — воскликнула Лиза.

У неё в голове уже появился какой-то план, и она практически придумала, что надо делать, вот только, кажется, её могли и не послушать.

А жаль.

— Да? И что же сделать? — Гроттер посмотрела на неё с некоторым презрением и уж явно очень недовольно.

— Спрячь свои волосы.

— У меня нет капюшона.

— Тут полно болота.

Гроттер фыркнула, словно издеваясь, а после, посмотрев на Валялкина и на Елизавету с предельным недовольством, направилась куда-то к реке. Она взяла в руку немного грязи и попыталась замазать ею собственные волосы, но те словно вспыхнули.

Мгновение — и грязь буквально стекла по ним на землю.

Казалось, ей стоило закрыть глаза — и зелень пробивалась бы даже из-под густых ресниц. Да и красивые волосы теперь словно ещё ярче светились.

— Ещё пару раз я помаскируюсь, и всё, меня можно будет увидеть только сквозь очки. Солнцезащитные.

— Твои волосы так сияют... — Лиза прикоснулась к своим, достаточно редким, светлым и тонковатым.

Она хотела бы, чтобы у неё была такая же густая шевелюра, как и у Тани, правда, всё же не тогда, не в тот момент, когда они пребывали здесь.

“Тибидохс” — место, где надо быть мобильным и более чем незаметным, чтобы никто не успел тебя убить.

Это залог успеха.

Тем не менее, когда она, Лиза, выиграет, то попытается сделать себе именно такие, рыжие волосы.

А она выиграет.

В нужный момент Гроттер станет первой жертвой, которой она поспешит воспользоваться как можно скорее.

Умрёт.

===== Боль пятнадцатая. Постороннее вмешательство =====

Горгонова была уверена в том, что противодействовать сильному волшебству она долго не сможет. В любом случае, большую часть собственной силы она безвременно потеряла, и не было теперь никакого смысла грустить по тому, чего больше нет. Она, впрочем, попыталась бы вернуть магию, если бы такая возможность была, но на “если” сейчас полагаться не получалось — к тому же, она чувствовала, что сил не хватит ни на одно толковое заклинание.

Магический вихрь, закрутившийся вокруг, явил ей и Готфриду силуэт какого-то

практически незнакомого мага.

Женщина не могла сказать вот так сразу, кто это, а вот Бульонский всё равно полушёпотом выдохнул “некромаг”, а после попытался вновь налететь на Горгонову.

Некромаг наконец-то появился — и вправду, даже его внешность напомнила Медузии о том, какое кровавое прошлое было у игр и у их зрителей. Отвратительное ощущение дежавю заставило её содрогнуться и испытать какую-то капельку ужаса, с которым она просто не могла бороться.

У неё не было для этого сил.

Парень вскинул руку, в которой моментально застыл буквально сгусток энергии, сильной, собравшейся в единое целое некромагии, которой не было сейчас ни конца, ни начала — сплошные натянутые электросети невероятно могущественного волшебства.

Бейбарсов усмехнулся, внимательно глядя на них, и отскочил куда-то в сторону, когда Готфрид вновь метнул своё копьё, пытаясь достать до некромага.

Казалось, для одного не составило никакого труда отпрянуть, и тогда копьё впилося в землю совсем рядом с Медузией, пришивив её к грунту за край одежды.

Бульонский, игнорируя присутствие здесь и другого врага, бросился душить её. Женщина продолжала пользоваться волшебством, от которого становилось только хуже. Оно полыхало в воздухе и отказывалось искать хотя бы малейшие границы, что могли бы сделать его более-менее логичным.

Горгонова потеряла всё, что можно было бы величать здравым смыслом — она решила, что так будет лучше.

Так будет легче.

У неё возникало отчаянное желание воспользоваться волшебством и как можно сильнее ударить Бульонского ещё раз, но Готфрид слишком сильно сжал её горло...

А после вдруг всё прекратилось.

Некромаг провернул собственную трость, отбрасывая в сторону Бульонского, и тот лежал на земле, не имея ни единого шанса подняться и хоть как-то воспротивиться всему происходящему.

Горгонова громко рассмеялась, запрокинув голову и глядя на синее-синее небо, словно надеясь на то, что это могло бы иметь хоть какой-то результат.

Некромаг презрительно скривился, словно демонстрируя таким образом всю глупость её действий, а после взмахнул рукой.

Только в этот момент наконец-то она осознала, что не имеет ни единого шанса шевельнуться, равно как и Готфрид.

Её путы были точно такими же — невидимыми и невыносимо крепкими. Справиться со всем, что тут происходило, ей было не под силу.

Невыносимо болезненное волшебство заставило запрокинуть голову и внимательно рассматривать деревья.

— Неужели нельзя запомнить, что когда волшебник теряет большинство собственных сил, он не должен сражаться с теми, у кого та магия всё ещё сохранилась? — презрительно протянул Бейбарсов, глядя на неё с определённым оттенком ненависти, который, впрочем, показался Горгоновой достаточно логичным.

В конце концов, нельзя сказать, что она сделала много чего хорошего кому-либо, да и “Тибидохс” — теперь только её заслуга.

Теперь только её, потому что Сарданапал умер.

— Ты не мне должен мстить! — прохрипела она, умудрившись наконец-то победить заклинание немоты. — Не мне, а ему! Он был создателем, а я — лишь наивной душой, которая согласилась поддержать этот чёртов “Тибидохс”!

Она наконец-то вспомнила о том, что Чума рассказывала о некромагах — подумала, что, пожалуй, нет ничего в человеке, который должен был получить совсем-совсем скоро дар от самого Тантала, вот только, как ни крути, ничем себе теперь уж точно не поможешь, и никак уж точно не спасёшься.

— Но ведь ты его убила, верно? — язвительно поинтересовался Бейбарсов, вскидывая руку с небольшой молнией.

Он внимательно смотрел на Горгонову, словно испытывая её этим проклятым пронзительным взглядом, и словно потерял ощущение реальности.

Медузия наблюдала за тем, как его глаза начинали стремительно чернеть и как мрак растекался из зрачка по всем глазам.

Казалось, у него не осталось даже белка, и этот ужас вызывал отчаянное желание вновь рвануться в сторону.

...Какой чёрт дёрнул этого Готфрида швырнуть копьё ещё раз, Медузия не знала, но теперь была с удивлением благодарна ему.

Некромаг оглянулся слишком быстро, как для нормального человека, и перехватил проклятое оружие ещё в полёте, в очередной раз — у него получалось это с удивлением легко, словно Бейбарсов не был человеком.

Впрочем, кто его, некромага, знает — мало ли, какие расы принимаются к этому ремеслу, вдруг какие-то эльфы-гномы-драконы?

Эльфы-громы-драконы, которых никогда в этом мире, естественно, не существовало даже приблизительно, но разве есть хотя бы малейшая разница?

Наконец-то. Разозлившись, он вновь воспользовался магией, приковывая Бульонского к земле, а после безжалостно ударил его копьём в грудь, даже не испытав ни капельки сожаления по этому поводу.

— Слишком медленно и скучно проходит этап, — равнодушно сообщил он Медузии. — Ты, возможно, следующая.

Она не успела ничего сказать или хотя бы возразить, как вдруг почувствовала, что её буквально насквозь пронзила очередная доза электричества, которая заставила выгнуться и почувствовать странное покалывание, а после — отчаянное жжение во всём теле, невероятное и слишком сильное.

Всё вокруг запылало пламенем, и краешком ускользающего сознания Медузия успела осознать, что некромаг швырнул в неё молнией.

Будь ты проклят, чёртов Бейбарсов!

Кузя даже не помнил, когда успел отползти на достаточное расстояние. Ему было невероятно страшно тогда, и он наблюдал за тем, как Горгонова и Бульонский бросались друг на друга...

Словно звери.

Они, вероятно, ненавидели друг друга невероятно сильно, а Кузе тогда было абсолютно наплевать на это. Он мечтал лишь о том, что, возможно, станет свободным и сумеет сбежать отсюда.

А после, когда там полыхнуло волшебством, он, мечтая о том, чтобы некромаг не

заметил его, рванулся куда-то в глубину леса.

Конечно, тут, под ветвями слишком высоких и слишком страшных деревьев, он не знал, что делать.

Но здесь хотя бы не было некромага.

Кузя оглянулся, пытаясь увидеть, что там, сзади, а после почувствовал, как столкнулся с кем-то.

Он резко повернулся к незнакомцу лицом и замер, лихорадочно пытаясь вспомнить о том, взял ли он хоть какое-то оружие. Естественно, нет, но признаваться в этом не было ни капельки смысла, и казалось, что всё становится всё более и более страшным, более кошмарным и жутким.

Сбежать бы как можно скорее, вот только некуда!

Цепкие пальцы невероятно худого паренька схватили его за ворот рубашки, а после потянули куда-то.

Тузиков попытался сопротивляться, но, тем не менее, его не били и не убивали, хотя, пожалуй, могли, если б воспользовались тем коротким, десятиминутным шоком при первой встрече.

— Я Шурасик! — голос этого парня был хрипловатый, словно он очень долго кричал перед этим, а рукопожатие порывистым.

Впрочем, Александр от этой попытки подружиться испытывал не больше удовольствия, чем сам Тузиков.

Ладонь у Кузьмы была невероятно потной и отвратительной, он предпочитал не вытирать её перед рукопожатиями, и поэтому получилось как-то... Скользко, как и любые отношения тут, на “Тибидохсе”.

— Кузьма, — дрожащим голосом представился Тузиков. — Я... я пойду? Я не хочу никого убивать!

Шурасик смотрел на него невероятно спокойно, словно пытался оценить какие-то шансы и понять хоть что-то, вот только не стал говорить ни о чём, лишь равнодушно кивнул, но так и не отпустил его.

— Лучше держаться вместе, — поделился наконец-то он собственным мнением. — Если мы разойдёмся, будет плохо.

Кузьма едва заметно кивнул.

Ему хватило предыдущего побега, да и вообще, всё вокруг казалось слишком враждебным — особенно эти высокие сосны, между которыми они сейчас находились, эта земля, осыпанная иголками.

— Там есть ручей, — неопределённо махнул руко й он. — Я видел издалека. Может быть, следует попытаться дойти туда, это будет более... Правильно.

Шурасик пожал плечами.

Ему нравился этот набор коричнево-зелёных цветов сплошной реальности, он привык к этому за последнее время.

С тех пор, как Ленка не убила его, парень проводил большинство времени в лесу. Он невероятно хотел есть, но, тем не менее, вскоре даже немного наловчился и привык тянуть в рот всё, что попадало под руки.

Кузьма же, осматривая место, где его поймали, наконец-то заметил следы человеческого пребывания.

Совсем рядом тихонько потрескивал костёр — Шурасик не зря учил столько

теоретического материала.

Развести костёр он сумел.

Тем не менее, ему сейчас тоже было не по себе, и одиночество, казалось, давило на голову всё с новой и с новой силой, что совершенно не радовало. Да и вообще, оставаться тут одиноким было невероятно опасно, и Шурасик прекрасно это понимал. Он знал, что так будет куда меньше шансов сбежать, ибо враг ни на кого не отвлечётся.

— Голоден? — наконец-то поинтересовался он у Кузьмы и, дождавшись того момента, когда тот отрицательно покачает головой, усмехнулся и бросился к костру, забрасывая его какими-то мокрыми ветвями.

Удивительно, но спустя минут пять у него даже получилось потушить костёр.

Шурасик прыгал по нему ногами, пытался перекрыть доступ воздуха, и наконец-то ему удалось что-то сделать.

Повалил густой дым, но, тем не менее, костёр уже не казался таким уж опасным, как прежде.

— А теперь пора идти, — наконец-то, подхватывая свой небольшой вещмешок, промолвил Шурасик.

— Куда?

— Ну, если мы объединяемся, то туда, — он вновь неопределённо махнул рукой, явно не интересуясь мнением Кузи по этому поводу.

А после быстро пошёл вперёд.

Тузиков медленно побрёл следом, опасаясь отставать и оставаться в одиночестве, со своими страхами.

Шурасик едва заметно усмехнулся. Возможно, его тактика и не самая выигрышная, но если этого идиота надо будет убить, то сделать это намного легче, чем отыскать какого-то врага, будучи одиноким.

К тому же, можно было даже не замарать руки, наверное, подставив Кузьму под основной удар.

Для этого надо было оказаться умным — Шурасик умным, естественно, был, единственное, чего ему не хватало, так это сил, но теперь, пожалуй, с этим увальнем не придётся столь сильно переживать по этому делу.

И всё будет просто замечательно — правда, немного позже.

Он его уничтожит, и сам окажется победителем — плевать на то, что, скорее всего, сделать это будет трудно.

А вдруг ему помогут?

Гроттер чувствовала себя сейчас слишком неуверенно, но, собственно говоря, альтернативы у неё никакой не было.

Ей хотелось сорваться с места и попытаться сделать что-то, но она не имела никакого права на это, опасаясь того, что вообще происходило.

— Кто-то присоединится к нам ещё, — сообщила холодно и равнодушно она, не собираясь, собственно говоря, предупреждать Лизу, но слишком переживая за Валялкина, который мог бы достаточно сильно пострадать из-за прибытия незнакомцев.

Мало ли, что могло случиться — Гроттер хотелось бы, чтобы и Лизы с ними не было, да и она опасалась того, что её собственные силы вырвутся на свободу, и что всё будет точно так же, как и с Верой, но, увы, блондинка упрямо не собиралась от них отставать.

...Полыхнуло. Это явно был портал — Таня уже научилась их отличать, правда, опасаясь того, что это может занести непонятно куда.

Перед нею стоял какой-то среднего роста черноволосый парень, поправляющий сломанные очки, перемотанные скотчем, которые, впрочем, были невероятно дорогими и, кажется, ценными, а рядом с ним стояла какая-то худосочная блондинка.

Впрочем, волосы её явно были крашенными, ещё и с помощью магии, да и это не дало нужных результатов.

Казалось, колдовала она уже на “Тибидохсе”.

Тратить магию на то, чтобы попытаться сделать что-то со своими волосами? Глупо, но, впрочем, что поделывать, раз уж что-то подобное было совершено? Тем не менее, ничего не изменить.

Пока что ничего уж точно не изменить.

Гроттер хотелось убежать. У неё было отвратительное предчувствие, но, тем не менее, ничего изменить было практически невозможно, и Таня чувствовала себя потерянной и несчастной.

— Что за чёрт, — прошипела наконец-то она, чувствуя, что ненависть буквально подходит к горлу.

— Можно к вам присоединиться?

Спрашивала та самая светловолосая девица, которая сразу же не понравилась Гроттер собственным поведением и внешним видом.

Их так станет уже пятеро. Трое или четверо — это ещё нормально, чтобы бороться за общую победу, но пятеро...

Таня знала, что кого-то одного попытаются убить по дороге, для этого даже никакой дар пророческий не был нужен.

Более того, она понимала, что этим кем-то, как самым слабым звеном, будет именно она. Всегда она.

Провидица.

— Да, конечно, — словно сойдя с ума, вдруг решил согласиться Валялкин, а после ободряюще улыбнулся Гроттер.

Рыжеволосая внимательно смотрела на того парня в очках — девушка её уже давно перестала интересоваться.

Тот, казалось, не желал совершенно ничего злого, но, тем не менее, у Тани было просто отвратительное предчувствие.

— Тут все становятся зверьми, — прошептала она, даже не таясь и не пытаясь говорить немного тише. — Объединяться — это то ли увеличивать, то ли уменьшать собственные шансы на победу... Легче переждать где-то в одиночестве до того момента, пока все остальные друг друга поубивают, не так ли?

Валялкин сердито посмотрел на неё, а после дёрнул её за рукав рубашки, но Таня даже не посмотрела на него.

Она молчала, поджав губы, и тяжело дышала, словно пытаясь убедить этих двоих в том, что лучше было бы им уйти.

— Мы не боимся.

Улыбка у этого... Гурия, кажется, была достаточно открытой и приятной, но, тем не менее, в ней чувствовалась фальшь.

Таня вспомнила то, как улыбался Валялкин, и ей вдруг показалось, что на самом деле

тот тоже постоянно ей врал.

Тут, на “Тибидохсе”, никто не имеет права улыбаться — да и, собственно говоря, как подобное желание вообще у кого-то возникает, если вокруг такое невероятное количество смертей?

Ей вот хотелось только плакать.

Наконец-то, вырвав собственную руку из цепких пальцев Валялкина, она посмотрела на него таким взглядом, словно собиралась прожечь насквозь, и зашагала куда-то вперёд, не оглядываясь.

— Ну и ходи с ними сам! — даже не посмотрев на парня, закричала Таня куда-то в синие-синие небеса, словно надеясь на то, что те прольются им на головы благодатным, невероятно синим дождём.

— Она часто бывает такой странной, — пояснил совсем тихо Валялкин, и Таня вздохнула — ведь она слышала.

Они были уверены в том, что всё наоборот, вот только Гроттер подумала, что не следовало бы так сильно её недооценивать.

Ни за что.

Она чувствовала себя наконец-то спокойно.

Спокойной и несчастной — настолько, насколько это вообще было возможно в этом чёртовом мире на столь гадких и отвратительных играх.

===== Боль шестнадцатая. Звери =====

Таня была уверена в том, что Ванька пожалел уже миллион раз о том, что согласился, дабы эти двое присоединились к ним.

Гроттер почувствовала, что в ней вдруг просыпается определённый оттенок мстительности, по крайней мере, прежде во взгляде девушки никогда не было столько предельного самодовольства, как вот сейчас.

Она посмотрела на Валялкина в очередной раз за последние пять минут, а после поймала на себе взгляд Лизы.

Холодный, напряжённый — та явно переживала.

Они уже доходили до более-менее сухой местности, а Таня всё пыталась вспомнить собственное видение. Ей казалось прежде, что на том уступе, на котором она стояла, не было ни единой травинки.

Ну, или она была сухая.

Впрочем, они упрямо шагали вдоль русла этой небольшой речушки. Та могла привести к чему-то важному, ну, или просто приносила какую-то цель, а отходить далеко от воды было очень опасно.

Таня вообще не понимала, почему они не могут без конца сидеть, но, тем не менее, передвижение было тем, что дарило им всем жизнь. Жизнь, новые столкновения и, наконец, еду.

Валялкину теперь приходилось убивать больше животных, а те упрямо шли ему на руки и не желали верить в то, что такой добрый ветеринар мог желать им хотя бы капельку зла. Валялкин, впрочем, сам тоже в это не верил, но постепенно ему приходилось свыкаться с мыслью, что иначе не выживешь.

Теперь он скручивал им головы равнодушно и спокойно, а Таня чувствовала, что в этом было уж явно что-то не то.

Ей как-то не по себе.

— Ай! — закричала Джейн, вновь подвернув ногу. Не надо было натягивать на ноги какие-то босоножки, лучше бы шла босиком, но, тем не менее, Петушкова — или как там её фамилия? — не собиралась отступать.

Ни на одно мгновение.

— Что такое? — Пуппер оглянулся, немного недовольно глядя на невесту и даже не протягивая ей руку.

Вероятно, Жанна — или Женя, никто толком не знал, как её зовут на самом деле, но понятно же, что не Джейн, — в очередной раз просто притворялась, но спустя мгновение стало уже не до догадок.

Её громкий визг означал о чём-то страшном, и огромные твари, которые казались просто отвратительными, вынырнули откуда-то из небытия, словно им кто-то открыл портал.

На самом деле, они просто прежде подкрались, шагая вниз, слишком близко к берегу, чтобы на них обращали внимание.

Но да какая разница?

Они не были похожи на волков, скорее на рысей или на леопардов, только увеличенных раза в два и с отвратительными клыками.

В любом случае, твари явно были из семейства кошачьих, если судить по грации каждого движения.

В них можно было отыскать что-то привлекательное — в длинных лапах, в пушистом хвосте, в шерсти, которая отливала чем-то серебристым, правда, покрытая пятнами — если бы не огромные зубы.

Гроттер не могла вспомнить, как назывались эти звери, хотя уже раньше видела их, но и не до догадок сейчас было.

— Бежим! — закричала наконец-то Лиза, и они, словно по команде, сорвались с места, потеряв всякое чувство реальности. Гроттер чувствовала, что всё вокруг превратилось в окончательный ужас, но не могла не оглянуться, потому что испытывала уже даже не страх, а благоговение.

Что это за твари?

Впрочем, всё резко сменилось отвращением. Огромный зверь перекусил Джейн руку, словно какую-то спичку, а второй моментально бросился на её шею, перегрызая её. Можно было только смотреть на то, как проклятая голова Петушковой покатила по земле, а после Таня наконец-то начала бежать, чувствуя, что если остановится хоть на мгновение, её настигнет точно такая же судьба.

Она не могла остановиться ни на мгновение, и земля мелькала под ногами серо-коричневыми пятнами.

Таня чувствовала, что у неё сильно колото в боку, задыхалась от ужаса, но не могла ничего поделать.

Ей казалось, словно её лёгкие жгло, будто бы она только что вдохнула какой-то ядовитый газ, но поздно уже задумываться над чем-либо, над всем, чем угодно.

Становилось всё страшнее и страшнее, и она испытывала желание замереть и перестать бежать.

— Таня!

Гроттер даже не услышала ни одного восклицания. Иван и остальные были уже слишком далеко, а Таня потеряла слишком много сил и буквально свалилась на землю,

больно ударившись коленями и локтями.

Она не успела даже подняться, как чудовище, огромное и в тот же момент красивое, пнуло её собственной лапой.

Второе мчалось за остальными, а это заставило её лечь на спину и внимательно всматривалось в глаза девушки.

Она буквально задыхалась, чувствуя, что сейчас попросту будет растерзана, вот только почему-то огромное животное пока что даже не попыталось ранить её. Почему-то она заворочено смотрела на его длинные, похожие на слишком удлинённые клыки, зубы. Как-то они назывались, но Таня не могла вспомнить.

Когда-то она читала о саблезубых тиграх, но это были не тигры, что-то другое, поразительно похожее.

Где-то оттуда родом, если уж правильно выражаться.

Внезапно огромная кошка, стараясь не ранить её собственными длинными зубами, лизнула Таню и уткнулась мордой куда-то в шею.

Гроттер показалось, что жизнь на мгновение ушла с её тела, но ничего не случилось. Зубы мелькнули уже где-то совсем рядом, а после зверь перепрыгнул её и бросился куда-то дальше.

Таня провела ладонью по лицу, словно пытаясь понять, какие повреждения получила, но ничего не было — совершенно никакого вреда.

Гроттер казалось, словно она осталась живой только чудом — и девушка никак не могла пояснить причины подобной случайности.

Ей было страшно, но, тем не менее, не оставалось ни капельки смысла в том, чтобы задумываться над тем, что сделало только что животное.

Её, очевидно, признали.

— Таня! Таня, ты жива? — послышались восклицания Валялкина, и Гроттер поспешила подняться и устремилась к нему, надеясь на то, что сможет по крайней мере успокоить парня. И только потом она окончательно осознала, что на самом деле, возможно, он надеялся на что-то противоположное.

Теперь их было четверо — уже намного лучше, чем прежде, но всё равно слишком опасно, как для “Тибидохса”.

Когда их было двое, всё было относительно хорошо. А теперь, пусть Таня и смогла избавиться от бесконечных видений, ей всё равно было слишком нехорошо, и девушка всё время ожидала какой-то подлости.

Ей помогли подняться, и Гроттер заметила, что первым руку протянул Гурий, и только потом это сделал Валялкин.

Словно понял, что надо.

Таня никак не могла избавиться от бесконечного стойкого ощущения, что её предали, вот только, казалось, в этом не было ни капельки здравого смысла. Хотя, возможно, она очень сильно ошибалась.

Всякое может быть.

Бейбарсов внимательно всматривался в поверхность зеркала. Удивительно, но теперь Чума решила пойти едва ли не на крайние меры — прежде она очень редко пользовалась этими чудовищами.

Саблезубые барсы — в сочетании с собственной фамилией это выглядело просто

смешно, но, собственно говоря, Глеб редко обращал на это какое-то внимание. Тем не менее, он внимательно всматривался в картинку и словно пытался понять причину хоть какого-то действия со стороны животных.

Он даже не содрогнулся, когда одно из животных откусило голову той девице, которая так сильно его раздражала.

Ничего хорошего в оной не было, собственно говоря, и даже замечательно, что она умерла, более чем замечательно.

Он усмехнулся, склонив голову набок, а после заметил, что та самая рыжеволосая Провидица упала, не сумев подняться вовремя.

Она казалась слишком потерянной, и Бейбарсов даже порывался остановить какого-то зверя, вот только знал, что это не принесёт девушке совершенно ничего хорошего, скорее очень даже наоборот.

Барс, впрочем, отреагировал на это более чем спокойно — он не стал убивать девушку, лишь обнюхал её и даже лизнул один раз своим длинным языком, а после едва ли не мякнул.

Большая кошка.

Бейбарсов наблюдал за тем, как зверь перепрыгнул девушку и рванулся куда-то дальше, стремясь убежать как можно скорее, чтобы не оставить совершенно никаких следов собственного здесь пребывания.

Девушка поднималась.

Звери уже выполнили своё задание и убили хотя бы одного, но, тем не менее, это совершенно ничего не меняло.

Ничего страшного.

Удивительно, но тот, кто сопровождал эту Провидицу прежде, подал ей руку не первым. Бейбарсова предельно сильно удивляло то, что он, собственно говоря, не стремился защитить свою, если Глеб не ошибался, невесту.

Валялкин вёл себя... странно.

Он вообще был каким-то непонятным человеком, который, собственно говоря, совершенно ничего сейчас не мог изменить, и Глеб с радостью убил бы этого Ивана, но пока что рано.

Впрочем, ему прежде казалось, что тот хотя бы немного защищает девушку, а теперь у него возникало впечатление, что всё было совершенно наоборот.

Словно перевернувшись.

Глеб вздохнул, склонив голову набок, и прищёлкнул пальцами, словно собираясь переменить изображение, но, тем не менее, всё равно не стал ничего делать, просто внимательно всматривался в изображение.

Ему было интересно.

Тем не менее, пришлось наконец-то переключить магические изображение — следовало помнить о том, что тут было ещё много участников, а некоторые из них так и не получили достаточных испытаний на свою судьбу.

Это было его дело, его задача — не допустить, чтобы победил кто-то, чьи руки остались чистыми от крови.

Чья совесть чиста.

Нельзя, чтобы они вышли отсюда цельными, а не сломленными, нельзя позволить никому остаться счастливым, потому что это будет недостаточно жестоко. По крайней мере,

в этом была уверена Чума.

А Чума здесь просто законодательница, и спорить с нею было совершенно бессмысленно — Бейбарсов и не собирался.

Он был уверен в том, что нет совершенно никакого смысла в том, чтобы что-то менять, это было бы глупо.

Так можно утратить собственную цель.

Так может не исполниться то, что он пытался сделать реальностью, и это принесло бы куда больше проблем, чем, скажем, его нынешнее вмешательство, или, напротив, невероятное равнодушие.

Происходит многое.

...Наконец-то он отыскал с помощью зеркала то, что было ему нужно, а после взял со стола, который стоял рядом, небольшой осколок стекла.

Тот был очень острым и каким-то странным на вид, но Бейбарсов не задумывался даже над тем, откуда подобное могло у него вообще появиться. Есть, и точка, просто надо воспользоваться в нужный момент.

— Приятного, — усмехнулся он, внедряя в этот кусочек стекла достаточное количество некромагии, которая сейчас была для него предельно лишней.

Потерял капельку сил, отстрочил собственную погибель как человека — и выполнил то, что называл, собственно говоря, работой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ягун вздохнул, приобнимая одной рукой собственную невесту и пытаясь её поцеловать в губы, успокоить.

— Ты не переживай, — улыбнулся он. — Всё будет хорошо, поверь мне... Всё будет хорошо. Мы выберемся отсюда.

Она покачала головой и кивнула. Длинные светлые волосы девушки всё так же оставались грязными и неухоженными, а она отказывалась заплести их в косу — и теперь Ягун не мог даже заглянуть в глаза Екатерины, потому что та отгородилась от него пеленой собственных волос.

Она была невероятно красивой. Черты лица казались ему когда-то практически нарисованными, чрезмерно прекрасными для нормального человека, а глаза, бездонные, какие-то странные, цвета моря, слишком привлекательными.

Тем не менее, сейчас Катя слишком побледнела и показалась для него каким-то... Поток равнодушия.

— Я бы хотела иметь зеркало сейчас с собой, — вдруг улыбнулась она, а после, посмотрев себе под ноги, вскрикнула от удивления и схватила какой-то осколок стекла прежде, чем Ягун успел её остановить.

Он даже не понял, что случилось — но, тем не менее, был уверен в том, что какая-то капелька энергии, которая была в этом стекле, перетекла в Екатерину и сделала её взгляд ледяным.

Когда она подняла на него глаза, Ягун вдруг вспомнил корку льда, которая сковала озеро и не давала рыбе дышать.

Точно такого же цвета были и её глаза сейчас — страшного, холодного, удивительного и... Такого прекрасного.

Страшно даже.

Ягун попытался забрать у неё зеркало, точнее, этот осколок стекла, вот только ничего сделать, естественно, не смог, только порезал себе руку, а после от удивления вскрикнул, почувствовав, что рана затягивается.

Наверное, в этой гадости была какая-то некромагия, по крайней мере, отдельный оттенок её, вот и всё!

— А я красивая, — она равнодушно, словно та снежная королева, любовалась собственной красотой, и улыбалась.

— Конечно.

Он не мог сдержать какого-то облегчённого вздоха, ведь Лоткова всегда слишком часто любовалась собой.

Они находились непонятно где, у каких-то гор, и тут пока что не было ни единого врага, а Ягун мог бы не переживать за свою возлюбленную, да только что-то упрямо не давало ему ни капельки покоя.

Он бы с радостью сейчас попытался защитить её, вот только не знал, как это сделать, и молчал упрямо, стараясь не говорить вообще ничего, что могло бы её расстроить. Тем не менее, Катю явно что-то изменило, и она, усмехнувшись, вновь замахнулась осколком стекла.

— Умри! — воскликнула слишком громко девушка, пытаясь провести этим осколком по его шее.

Парень достаточно быстро успел увернуться, наконец-то осознав, что случилось что-то слишком плохое.

Он прижимался к какой-то скользкой поверхности скалы, которая оказалась удивительно холодной и неприятной.

Девушка ослабилась.

Она явно пыталась что-то сказать, как-то дополнить всё вышесказанное, но пока что не решалась, а после и вовсе промолчала, словно решив наконец-то, что так будет намного легче.

Легче разобраться со всем, что происходило.

Она попыталась схватить Ягуна за горло, но тот, умудрившись как-то вывернуться из цепких рук Кати, обнял её, притягивая к себе и поглаживая по голове, словно пытаясь как-то успокоить.

— Тише, пожалуйста, не плачь... — Ягун понимал, что успокаивать тут надо было именно его, но пока что не мог ничего поделать с Лотковой, которой, наверное, было очень плохо именно сейчас.

Она всхлипнула и позволила себе расслабиться, наконец-то перестав смотреть на парня так, словно тот только что кого-то убил.

Он едва заметно улыбнулся и склонил голову набок, словно убеждая девушку в том, что всё будет в порядке.

— Ты не переживай.

Она кивнула. Эта просьба показалась ей достаточно логичной, и девушка, вдруг забыв о стеснении, которое прежде не позволяло совершить ей что-то подобное, поцеловала его в губы.

Ягун обнял невесту за талию и углубил поцелуй, на сей раз прижимая уже её к этому чёртовому обломку скалы. Она была не против, отвечая на каждое прикосновение, но её глаза остались точно такими же льдистыми и опасными, как и прежде. Никаких причин для

этого не было, но, тем не менее, Ягун чувствовал, что скоро всё очень сильно переменится.

В нём только что умерла надежда.

===== Боль семнадцатая. Привал =====

Гроттер уже даже сама не понимала, почему никак не может заставить себя избавиться от отвратительного ощущения, что кто-то следит за нею. Шёл уже четвёртый день третьего тура, а она всё ещё считала, что должна была умереть ещё во время первого, и одна мысль об этом вызывала у неё страх.

Валялкин даже не пытался успокоить собственную девушку. Не то чтобы он считал это неважным, но, тем не менее, Таня прекрасно понимала, что на самом деле от Ивана никакой поддержки сейчас не стоит даже ждать.

Лиза, пытаясь отмыть собственные светлые волосы, не отходила от ручейка. Они сбежали от зверей достаточно далеко, точнее, были уверены в том, что оные отстали — уверены все, кроме Тани, но она не спешила делиться собственными воспоминаниями, только помнила странные тёмные пятна на серебристой длинной шерсти прекрасных животных, и каждый раз вздыхала, когда приходилось вновь и вновь вспоминать о них.

Гурий постоянно крутился рядом с Зализиной. Гроттер удивлялась тому, что он совершенно не переживал из-за гибели собственной невесты, но, впрочем, она не знала даже, как отнёсся бы к её гибели Валялкин, поэтому не осуждала Пуппера, да и вообще не разговаривала с ним.

Таня предпочитала одиночество.

...Иван устроился рядом с нею, протягивая какой-то букетик, собственноручно собранный им. Таня хотела было уже взять его в руки, но, посмотрев на центральный цветок, который показался ей достаточно странным, отрицательно покачала головой и недовольно скривилась.

— Он ядовитый, — наконец-то промолвила Таня. — Эту гадость нельзя даже в руки брать, понимаешь?

Она хотела верить в то, что на самом деле Ванька сделал это неумышленно, вот только странное предчувствие заставило её содрогнуться от внезапного ужаса. Рыжеволосой так хотелось, чтобы всё было хорошо, чтобы Ванька оставался всё тем же верным, добрым, искренним пареньком...

А шансов для этого было всё меньше и меньше.

— Скоро нам надо будет опять идти, — промолвила она. — А звери нас обогнали, значит, в ту сторону, в которую мы шагали, опять идти опасно. Надо возвращаться обратно, к тому же, река пересыхает.

Иван удивлённо посмотрел на собственную невесту. Впервые за долгое время она наконец-то говорила более-менее разумные вещи, и это вызывало у него определённую осторожность и неопределённость. Он вроде бы и хотел того, чтобы Таня наконец-то понимала, что происходит, но в тот же миг был очень удивлён подобным её поведением и желал, чтобы всё было так, как раньше.

Это самое “как раньше” не имело чёткого определения, и Ванька то и дело вспоминал о бесконечных истериках Татьяны, которые никогда не приносили им ну совершенно ничего хорошего.

Но ничего с этим поделать было нельзя — приходилось бороться за собственный отдалённый оттенок счастья, которым пока что нельзя было назвать всё происходящее.

Может быть, им когда-то и посчастливится выиграть — может быть, все мечтания

станут реальностью, но пока что рано.

Слишком рано.

Гроттер же, не дождавшись того, чтобы Ванька выбросил букет, буквально вырвала его у парня из рук и швырнула куда-то на противоположный берег ручейка.

Внезапно её словно пронзило молнией — Таня закусила губу, чтобы не закричать, и от странной, отвратительной неожиданности закрыла глаза, словно пытаясь спрятаться от всего окружающего её и Ивана мира.

Всё плыло.

“Некромаг усмехнулся, внимательно глядя на неё, а после посмотрел куда-то вдаль, словно надеясь увидеть там хоть что-то интересное. Она, впрочем, была лишь отражением в зеркале, на которое он внимательно смотрел, словно пытаясь понять что-то, отыскать некую закономерность.

Он взял в руки листок с бумагой и внимательно осмотрел его, словно ища какие-то подсказки, но ничего не изменилось.

Наконец-то парень прочёл в очередной раз проклятую надпись на бумаге — и холодное, равнодушное “убить девчонку” почему-то совершенно не радовало его. Там не было ни имени, ни фамилии, но, возможно, обладательница или обладатель этого странного почерка знал, что все его поймут?

А может, допустил ошибку, давая определённую вольность собственным подчинённым и всем прочим.

Он взял перо и положил его на лист бумаги, а после отошёл на мгновение. То, словно повинуюсь какой-то неизвестной магии, стало скользить по бумаге, оставляя непонятные чёрточки.

Слово “убита” показалось достаточно странным, а написанные внизу комментарии удивляли.

Перо изобразило какую-то неизвестную девушку — совсем не ту, которая имелась в виду в этом письме.

Впрочем, он знал, что делает — ведь если конкретных указаний не было, то можно было понять их немного неправильно.

Парень оглянулся. Теперь можно было увидеть его глаза, вполне нормальные, разве что не обычные, карие, а чёрные и практически ничего не отражающие.

На листе появилось ещё несколько надписей, которые словно проявились сами по себе. Следовал приказ, личный, предназначенный ему, с дальнейшими указаниями, но рассмотреть почерк было практически невозможно.

“Это негативно повлияет на сюжет”.

Так отвечал тот незнакомый человек, который отдавал приказ, а после дописывал имена, фамилии, ещё что-то, что могло бы показаться достаточно интересным для неопытного человека.

Прочитав указание, некромаг ответил одним-единственным словом, и красивое, выведенное аккуратным, пусть и достаточно стремительным почерком “нет” заставило лист превратиться в пыль.

Казалось, он должен был умереть от той небольшой молнии, которая скользнула в приоткрытое окно избушки, но, приняв её, даже не шелохнулся, будто бы на самом деле ему было абсолютно всё равно.

Листок бумаги восстал из пепла, и на нём уже можно увидеть достаточно длинное

письмо.

Там уже не было конкретного слова “убить”, но он отшвырнул лист бумаги от себя в сторону, а после кривовато усмехнулся. Это подобие улыбки превратило красивое молодое лицо на мгновение в страшную гримасу, а после всё закончилось так же быстро, как и началось, не оставляя в реальности больше ни единого следа.

Он вздохнул, и его глаза вдруг начали наливаться чернотой.

Какая-то странная пелена заволокла его глаза, и теперь невозможно было увидеть даже белки — всё казалось слишком чёрным.

Лист бумаги затрепетал, словно испугавшись могущества некромага или, возможно, почувствовав какую-то магическую вибрацию.

Короткое “делай как знаешь” появилось на нём достаточно быстро, словно вдруг незнакомый человек, отдававший указания некромагу, внезапно решил, что лучше оставить свободу для действий ему хотя бы сейчас.

Впрочем, от этого количество магии, которая кипела в воздухе, не уменьшалось. Скорее, казалось, очень даже наоборот, потому что волшебство вокруг слишком сильно сгустилось.

Пожалуй, не следовало реагировать на это, но, тем не менее, некромаг рассмеялся. Его взгляд наконец-то прояснел, и вся ненужная чернота наконец-то отступила в сторону, делая его достаточно сильным для того, чтобы разрушить всё, что он только пожелает уничтожить.

Наследник Тантала окончательно вступил в свои права.

Осталось только подчинить окончательно могущество этой магии, которая кипела вокруг — и всё, больше ничего не случится.

Больше не будет ни одного проклятого приступа, которые становятся всё более и более неконтролируемыми”.

Гроттер сама не понимала, что означало это видение, но оно явно не означало совершенно ничего хорошего.

Девушка понимала, впрочем, что это было далеко не будущее и не прошлое. Сейчас, потеряв на мгновение нить собственного сознания, она видела отрезок настоящего, того, что происходило как раз во время этого видения.

— Что-то не так? — тихо переспросил Валялкин, прикасаясь к её руке, но девушка отрицательно покачала головой.

— Всё в порядке, — вздохнула она, вспоминая, как тот некромаг смотрел на неё, — у меня просто закружилась голова.

— Очередное видение? — участливо поинтересовался Иван, обнимая её за плечи, а Таня почему-то вновь вспомнила о странном цветке.

— Нет, Ваня, — отрицательно покачала головой она. — Это было просто головокружение и какие-то пятна... я не смогла ничего толкового увидеть.

Горы раздражали её. Горы, беспечность женишка, да и вообще всё, что только окружало девушку — всё это вызывало желание закричать, буквально разбить на мелкие кусочки весь мир, лишь бы только не быть вынужденной подчиняться какой-то ерунде.

Вчера весь вечер, в перерывах между поцелуями, он шептал ей, что всё будет в порядке, но теперь, шагая тихонько по берегу этой чёртовой речушки, она не была так уверена.

Гор уже не было видно, равно как и Ягуна, и теперь Лоткова могла уже быть совершенно спокойной и мирно идти вперёд.

Она хотела кого-то убить и приблизиться к победе, ведь осталось всего лишь несколько

дней до того момента, как наступит уже четвёртый тур — а после решительный, пятый, в котором станет известно, кто выиграл, а кому предстоит умереть.

Точнее, кто уже умер.

Катя терпеть не могла компанию своего парня — точнее, только с недавних пор, с того момента, как посмотрела в осколок стекла и поняла, до такой степени она красива, как могла бы собственной внешностью, своими способностями добиться победы здесь, на “Тибидохсе”.

Как-то не слишком вовремя вспомнились некромаги. Один из них, юноша, возможно, мог бы ей как-то помочь...

А вот две другие... Лоткова сейчас считала их едва ли не большими врагами, чем все остальные, кто только пытался когда-то принести ей хотя бы малейший вред. Всё это казалось глупой шуткой, у которой не было совершенно никакого значения, но ведь всякое могло случиться, а шутки часто превращаются в самую настоящую, самую жуткую в этом мире реальность.

Она устала идти вперёд, не обращая внимания ни на что, и теперь внимательно осмотрелась, пытаясь понять, где именно находится. Тут было достаточно интересно и, надо сказать, Лоткова радовалась, что вышла из той дремучей, заросшей части леса. Теперь деревья росли ровными рядами, вокруг не было никаких кустарников, и лишь мягкая трава да маленькие дубки порой попадались под ногами.

Дышать стало гораздо легче, а сквозь кроны деревьев пробивался солнечный свет, и Катя подставляла ему лицо.

Теперь ей стало намного проще — но девушка заметила впереди тех, кого, пожалуй, должна была считать собственными врагами.

Их было двое, парень и девушка. Девушка казалась странной, с непонятными, синевато-зелёными волосами, но, вероятно, была неглупа, а вот парень — и Катя видела это даже на таком расстоянии, — совершенно ничего не смыслил в тактике.

Узколобый.

Да и вообще, его глаза, глубоко посаженные, кажется, карие — Лоткова теперь видела поразительно хорошо, — не выражали ничего, что свидетельствовало бы о умственной деятельности.

— Подождите! — громко окликнула их Катя. — Подождите меня пожалуйста! Помогите мне! Помогите!

Она старалась кричать как можно более испуганно, да ещё и попыталась заплакать, но глаза оставались сухими.

Придётся оставаться с тем, что у неё есть — нет пока что никакой другой возможности изменить собственное положение.

Она могла бы попытаться убить их вот так, сразу, не задумываясь над последствиями, но жестокость, появившаяся в Кате с того момента, как она посмотрела в то маленькое зеркальце, пока что уступала природе.

Что будет с того, что она убьёт их сейчас?

Надо втереться в доверие, чтобы потом не встретить сопротивления при убийстве. “Тибидохс” — жестокая шутка, но она справится, она уже знает, что должна с ними делать.

...Склепова, внимательно глядя на светловолосую щупленькую девушку, которая показалась ей достаточно симпатичной, нахмурилась.

— Не вздумай принимать её в наш коллектив, — прошептала она, обращаясь к

Гломову. — Не вздумай, слышишь!

— Да ну, что она такого сделает?

Гломов никак не желал понимать, что на самом-то деле он поступает слишком хорошо, слишком по-доброму, чтобы Тибидохс позволил им прожить несколько лишних дней. Нельзя было вести себя так, вот только Гробыня никак не могла заставить парня запомнить эту простую истину.

А может, у неё никогда это и не получилось.

— Эй! — громко крикнул Гломов, махнув девушке рукой. — Присоединяйся к нам, мы не против!

— Не мы, а ты, — нахмурившись, проворчала Гробыня, понимая, что такими темпами они отыщут себе новую проблему.

Они уже вытащили Риту, и это не закончилось ничем хорошим — Склепова была практически уверена в том, что Шито-Крыто пыталась убить их тем варевом, которое пролила на себя.

Вот только теперь было слишком поздно задумываться над этим — Марго умерла, а новая светловолосая проблема по имени Катя уже стояла совсем рядом и строила глазки Гломову.

Тот улыбался в ответ, расспрашивая девушку о том, не пострадала ли она в лесу, да и вообще, как себя чувствует.

Гробыне хотелось её убить.

Вот так просто, прямо тут, на месте, чтобы больше не возникало соблазна строить глазки совершенно чужим парням.

Какое она вообще имеет право хотя бы подходить к Гуне, если на самом деле тот не принадлежит ей?

Лоткова же смотрела на Гробыню всё так же враждебно; Склепова это буквально чувствовала, и плохое предчувствие заставляло её содрогаться каждый раз, как только она сталкивалась с Катей взглядом.

Нет в этом совершенно ничего хорошего. И ей давно пора понять, что всякая доброта в этом мире может обернуться огромнейшими проблемами.

Гроттер медленно брела где-то впереди, взяв Ивана за руку. Это сильно раздражало Лизу, но ничего сказать им она, естественно, не имела права, поэтому упрямо молчала, только и косясь на собственного спутника.

Зализиной не нравилось перемещаться с таким количеством соперников, которые рано или поздно могли её подставить. Она не хотела ломать себя саму, вот только пока что не оставалось ни единого выхода из такой отвратительной ситуации.

Весь мир превратился в абсолютную глупость, в которой не оказалось места для неё, для Зализиной.

Елизавета чувствовала это.

Опасность была везде, она окружала их сплошным полотном, не оставляла ни единой надежды на нормальную жизнь.

А они всё ещё ползли куда-то вперёд.

— Надо избавиться от них, — вдруг первым заговорил Гурий, внимательно глядя на шагающих впереди Ивана и Таню.

Казалось, у него вдруг возникло отчаянное желание наконец-то позволить себе

спасти, предав остальных.

Прежде он казался Елизавете какой-то мямлей, не способной на нормальные размышления, но теперь она достаточно внимательно присмотрелась к Пупперу, словно подмечая какие-то черты, что могли её заинтересовать.

— Согласна.

Тот довольно кивнул, словно радуясь тому, что смог отыскать действительно нормальную спутницу. Джейн никогда его не понимала, даже приблизительно, взаимности от неё тоже не следовало ожидать.

Гурий прежде думал, что будет беспокоиться о ней, но даже радовался тому, что теперь Петушкова оказалась на том свете.

Ему больше не надо будет на ней жениться, не придётся выдумывать себе лишние проблемы, да и вообще, не возникнет совершенно никаких проблем с происходящим.

Он провёл ладонью по щеке — на ней всё ещё чувствовался тонкий шрам, незаметный, если не присматриваться.

Это осталось после Джейн, её чёртовой любви выцарапывать людям, и ему в том числе, глаза.

После подобного нападения здесь, на “Тибидохсе”, он без конца чувствовал себя невероятно озлобленным.

— Двоих сразу убить не получится, — подал голос он. — Да и в этом нет смысла, я не вижу, чтобы они так уж и сильно защищали друг друга.

Лиза вздохнула. Она разбиралась в человеческих чувствах куда лучше, чем Гурий, но, тем не менее, не спорила по той причине, что не слишком-то и хотела убивать понравившегося ей Ивана.

Она не боялась того, что придётся делиться при победе — трое могли выиграть, а вот четверо уже вряд ли, если смертей было слишком много.

Поразительно много.

— Я за то, чтобы убивать девчонку, — наконец-то выдавила Елизавета. — Просто ударить где-то её тайком, и никаких проблем. Без шума и пыли, — она едва слышно рассмеялась.

— Нет! — возмутился Гурий. — Я за то, чтобы убрать этого её спутника, это будет намного проще и...

Он не договорил. Зализина, недовольная и явно негодующая, лишь отмахнулась от него рукой и уверенным шагом направилась куда-то вперёд, не особо спеша оглядываться и смотреть на Пуппера.

Он всё равно не был таким уж и полезным, как хотел казаться.

===== Боль восемнадцатая. Падальщики =====

— Убить парня, — в очередной раз прохрипел Пуппер, устав уже спорить с ненавистной Елизаветой.

Та не давала ему покоя, и лучшим выходом оставалось уничтожить её саму, вот только он не спешил прощаться с собственными союзниками.

Его раздражало то, как относились друг к другу Иван и Татьяна, что они едва ли не без конца держались за руки.

Пупперу казалось, что куда более выгодным было бы убить именно Валялкина — ведь Гроттер была провидицей, могла предсказывать хотя бы то, что не имело к ней никакого отношения.

Гурий видел, что она достаточно часто падала, хватаясь за голову и пытаясь побороть собственное очередное видение, но никогда не признавалась в том, что на самом деле что-то было.

Она говорила своему этому Ивану, что просто мучается от головных болей и что нет ничего такого, о чём бы она ему не рассказала. Это вызывало определённые вопросы относительно её видений.

Возможно, она узнала что-то такое, что могло бы повлиять на их судьбу, а пока что не стремилась делиться, учитывая, что рядом было много чужих, но почему-то Пупперу казалось, что дело в другом.

Она не доверяла своему этому Валялкину, не доверяла вообще никому и осматривалась до такой степени пугливо, что становилось ещё хуже.

Они уже чёрт знает сколько времени брели туда, откуда пришли — по крайней мере, сам Гурий, который прежде не перемещался вдоль ручья, верил в то, что это было место новое, но и Гроттер, и Валялкин прежде видели всё это. Относительно Лизы он вообще ничего утверждать не мог.

Зализина оставалась достаточно странным и удивительным персонажем в этой компании. С нею не разговаривали, не спрашивали её мнение, но никто и не пытался её прогнать, а очень даже зря.

Теперь их было четверо, и Пупперу не нравилось это число — оно означало смерть в одной из древних культур.

В древних культурах, конечно, он разбирался достаточно плохо, но непонятное предчувствие схватило за горло и ни на мгновение не отпускало, толкая куда-то вперёд, на странные свершения и непонятные грехи.

— Девчонку! — воскликнула Зализина так, что шагающая впереди, достаточно далеко, надо сказать, Таня оглянулась и посмотрела на неё своим пристальным взглядом пронзительных зелёных глаз.

Пуппер содрогнулся.

Каждый раз, когда Татьяна смотрела вот так, ему упорно казалось, что она собирается сделать шаг на опережение.

Зализина же не стремилась замолкать. Она ринулась к Пупперу, словно собираясь сказать что-то, но предчувствие редко обманывало Гурия.

Он сам не ожидал от себя подобного, но оттолкнул Лизу с такой силой, что та заточилась и упала.

Она падала поразительно долго и прямо на острые камни в ручейке — может быть, у неё и был шанс выжить, но, пожалуй, она потеряла его, сильно ударившись головой. Вода сразу же покраснела от её крови, а Гроттер, вновь оглянувшись, быстрым шагом направилась к тому месту, где упала Лиза.

Она смотрела на неё молча, спокойно, но руки у девушки явно дрожали — она что-то предчувствовала, словно должно было случиться такое, что этот мир рухнул бы куда-то вниз.

А может...

Может, это уже случилось, пока они с этим узколобым, глупым Валялкиным пока ещё ничего не заметили.

Гроттер же была куда чувствительнее.

— Падальщики! — закричал Иван, своим громким воплем перебивая все размышления. Он подскочил к Тане и потянул её за руку, заставляя бежать, а девушка, едва ли не падая,

ринулась следом за ним.

Гурий успел, впрочем, заметить птиц, которые кружились уже над трупом Лизы, медленно снижаясь.

Он когда-то видел таких — огромные, с лысыми шеями и длинными чёрными перьями, словно у ворон, те могли разорвать жертву за минуты.

Конечно же, они предпочитали мёртвых, но, тем не менее, живых тоже могли убить, а стая оказалась просто огромной.

Сначала Пуппер молча смотрел на острые, словно специально заточенные клювы, которые будто бы были сделаны из металла, а после сорвался с места, стараясь бежать как можно быстрее.

Он сам не понимал, откуда взялся этот животный, не свойственный нормальному человеку страх, но выбора не было.

Приходилось мчаться и надеяться на то, что Зализина будет достаточно вкусным блюдом для того, чтобы они отвлеклись на неё хотя бы на несколько мгновений и не особо стремились убить ещё нескольких.

Чтобы не успели.

...И только в последнее мгновение Пуппера внезапно посетила глупая мысль — а что, если Лиза на момент их прилёта всё ещё была жива?

Шурасик шёл всё быстрее и быстрее. Кузя уже давно перестал успевать за ним, но ничего не говорил, словно переживая, что его моментально пошлют куда подальше, не желая связываться и иметь с ним какое-либо дело.

Может быть, это была глупая опаска, а может, требовалось наоборот убежать как можно дальше от этого парня, но он придерживался компании учёного, чувствуя себя так немного более защищённым.

По правде говоря, это было глупо.

Александр каждый день бросал на него достаточно странные, подозрительные взгляды, в которых Кузьма не видел совершенно ничего хорошего, а порой мрачный взор заставлял содрогаться и немного ускорять шаг.

Ему постоянно казалось, что Шурасик уже заносит нож или ещё что-то, стремясь его убить, но это ни разу так и не случилось, и Тузиков убедил себя в том, что просто принялся слишком бурно фантазировать.

Давно пора было успокоиться и перестать задумываться над такими вопросами, которые постоянно лезли ему в голову, вот только страшное и странное предчувствие ни на мгновение не оставляло его.

Пока не догнало окончательно.

— Может быть, мы не будем идти так далеко в лес? — наконец-то подал голос Кузя. Он видел впереди странное скопление скал, которое показалось ему опасным, но, тем не менее, продолжал шагать следом за своим спутником, содрогаясь от каждого дерева, которое посмело шелестеть, вообще от всего, что окружало их.

От природы никуда не сбежишь, но Тузиков этого пока что не понимал. Он всё ещё упрямо верил в то, что появится кто-то, кто спасёт его, просто заберёт с собой и позволит не находиться тут.

Как можно скорее!

...Странный звук заставил его содрогнуться и оглянуться как раз вовремя, чтобы

увидеть разноцветноволосую некромагиню, которая сбросила с себя какой-то странный плащ. Может быть, она шагала за ними уже достаточно давно, но только теперь Кузьма осознал, что за ними могли следить.

Всё оружие — точнее, то, которое вообще у них было, лишь один допотопный нож, от которого толку было, пожалуй, достаточно мало, — хранилось у Шурасика.

— Сзади! — завопил громко Кузя, чувствуя, что вновь впадает в странное чувство бесконечной апатии.

Теперь надо было бежать, а он не мог, просто стоял, глядя на достаточно привлекательную, как ему вдруг показалось, девушку, и пытаюсь заставить себя успокоиться и перестать так сильно дрожать.

Шурасик оглянулся, но вместо страха на его лице появилась едва заметная улыбка. Некромагиня кивнула, а после сделала несколько уверенных шагов вперёд.

Учёный было отшатнулся, словно переживая, что она собиралась его убить, но, тем не менее, девушка даже не стала пытаться это делать, словно ничего на самом деле её не волновало и не беспокоило.

Может быть, это было к лучшему.

Он пытался как-то поймать себя на той мысли, что, наверное, следует бежать, но Ленка не могла желать ему плохого.

Только его спутнику.

— Не марай руки, — тихонько шепнула на ухо Шурасику Елена. — Притворись, что я заморозила тебя заклинанием.

Он и вправду замер, и Кузя содрогнулся. Если уж Александр, умный, достаточно хитрый, не сумел сопротивляться, то что же говорить о нём самом?

— Не будь доверчивым, — девушка усмехнулась, внимательно глядя на Кузьму, а после вдруг непонятно откуда достала лук и стрелы и, натянув тетиву, выстрелила.

Тузиков даже не понял, что случилось, но почувствовал, что падает. Это была не та рана, которая позволила бы ему выжить, но, тем не менее, умирать ему пришлось бы достаточно долго.

Несколько часов, может быть, даже дней, пока он наконец-то испустит дух — и только сейчас Кузьма с ясностью понял, что всё настолько плохо.

— Не стой тут, — промолвила Елена, обращаясь к Шурасику. — Пойдём скорее отсюда, ну его.

— Это был мой спутник.

В голосе Александра не чувствовалось ни единой нотки сожаления, но, тем не менее, он достаточно пристально смотрел на девушку, словно ожидая от неё какую-то более-менее нормальную, а не настолько равнодушную реакцию.

— Ничего страшного, найдёшь себе нового, — хмыкнула она. — Рано или поздно, он бы полез тебя убивать.

Следя за тем, как они уходили, Кузьма всё мечтал закричать, что на самом деле он не стал бы никого убивать и обезвреживать, потому что просто не умел это делать, но из уст сорвался лишь какой-то едва слышный крик.

Их на этом проклято поле осталось не так уж и много, а “Тибидохс” не до такой степени длинный, чтобы, рано или поздно, всё это не закончилось. Пора уже смириться с происходящим.

И если он вскоре не умрёт, то, возможно, сможет дотянуть хотя бы до следующего тура.

Главное не двигаться — и Кузьма замер, чувствуя, что буквально проваливается в глубокий, страшный сон.

Гурий чувствовал, что ещё немного, и он окончательно не сможет бежать, но выбора ему, естественно, никто не предоставлял.

Наконец-то Валялкин буквально свалился на землю и едва ли не упал в ручей, на острые камни, которые прежде казались более нормальными и округлыми.

Тут река была немного более глубокой, чуть шире, да и вообще, была страшнее, чем там, откуда они прибежали.

Гроттер с ужасом смотрела на уступ, за который уцепился Ванька, забираясь обратно на берег и пытаясь успокоиться.

— Это тот самый, — выдохнула совсем тихо она, но когда Валялкин вопросительно посмотрел на свою девушку, ни слова не ответила, словно это не имело особого значения. На самом деле, что-то заставляло её упрямо молчать, не позволяло просто так открыть рот и сказать хотя бы что-то, что могло бы натолкнуть его на неизвестную мысль.

Гурий сидел на земле, проводя ладонью по густым травам. Тут было куда красивее и спокойнее, чем там, где они шли прежде, да и вообще, складывалось такое впечатление, что лучше было пребывать тут, чем там, но, тем не менее, на лице Татьяны было буквально написано огромными буквами её предельное беспокойство.

— Мы останемся тут, — наконец-то, решая за всех, выдохнул Валялкин. — Мы все слишком устали, чтобы шагать дальше, поэтому придётся немного отдохнуть перед тем, как идти дальше. Таня, я...

— Я всё понимаю, — отозвалась с едва заметной улыбкой Гроттер, глядя на него так, словно Иван только что отобрал у неё любой шанс на надежду.

Тем не менее, Гроттер не говорила больше ни слова, просто легла прямо на траву, практически пропадая в цветах.

Её одежда постепенно превращалась в лохмотья, но, тем не менее, она сама всё ещё выглядела поразительно привлекательно.

Это весьма сильно удивляло Гурия — тот почему-то не понимал, как её рыжие волосы могли продолжать сиять.

Джейн была достаточно слабой ведьмой, но последние капли собственного волшебства она буквально выпустила на ветер.

Она, видите ли, докрашивала собственные волосы, которые показались Петушковой слишком некрасивыми на тот момент. Докрасилась — теперь её просто сгрызли двое тварей, названия у которых как не было, так и не появилось до сих пор.

Лицо Татьяны перекосила гримаса боли, и она так и продолжила лежать с широко открытыми глазами, цепляясь пальцами за траву и словно пытаясь вырвать её, превратить в пепел.

“Горгонова ползала на коленях над трупом Сарданапала, пыталась как-то заставить его проснуться.

Только теперь, будучи уже немного более живой, чем прежде, страдая от чрезмерного количества потерянной крови, от сил, которых в ней было уже слишком мало. Пытаясь как-то подкрепить свои силы, она схватила Черноморова за руку и попыталась выпить из неё энергию смерти, ту, которая осталась

— Не поможет.

Равнодушный, холодный мужской голос, очевидно, принадлежал тому некромагу, которого столько раз приходилось видеть.

Который ранил её.

Горгонова подняла на него свои глаза, то ли карие, то ли болотистого цвета. Её потерянный взгляд наконец-то сумел сфокусироваться на парне, но, тем не менее, Медузия выглядела слишком потерянной для того, чтобы быть разумной и нормальной женщиной.

Наконец-то она едва слышно выдохнула что-то, а после громко рассмеялась, словно собираясь перестать реагировать на происходящее.

— Почему? — полушёпотом поинтересовалась Горгонова, продолжая сжимать ладонь мёртвого.

— Падальщица, — презрительно протянул некромаг. — У тебя не хватит дара на то, чтобы хоть прикоснуться к энергии смерти.

Он рассмеялся, и это выглядело как-то слишком подло, чтобы быть реальностью, а после взмахом руки отбросил дерево куда-то с трупа.

Он отбросил женщину одним лишь взмахом руки, а после провёл ладонью над трупом, и волшебство буквально полилось в него.

Медузия, наплевав на то, что, возможно, это было слишком унижительно, потянулась к этому потоку волшебства.

— Да забирай всё, — презрительно скривившись, промолвил он, словно швыряя собаке какую-то кость. — Мне не надо.

Она удивлённо посмотрела на него, но некромаг уже куда-то телепортировался, не задумываясь ни на мгновение над тем вопросом, что будет дальше с женщиной. Она же, словно та самая падальщица, о которой только что сказал Бейбарсов, пила огромными глотками силу, которая сейчас была ей так нужна.

Она знала, что ничего уже не сможет, наверное, сделать, но пообещала себе самой, что обязательно спасёт то, что осталось, обязательно окажется чем-то вроде победителя.

Ей для этого просто надо выжить.

Старуха рассмеялась, запрокидывая голову так, как не мог бы это сделать ни один живой человек. Она казалась очень страшным существом, и это заставляло содрогаться от страха, но пока что невозможно было прервать хотя бы одну толковую нить с реальностью, которая прогрызала её насквозь, оставляя несколько глупых, но слишком осязаемых следов, которые должны были послужить чем-то вроде связи, разорванной, впрочем, именно сейчас.

Она внимательно смотрела на лист бумаги, словно дожидаясь того момента, когда тот вновь переменится, но ничего не происходило. Это было удивительно, да и вообще, всё вокруг казалось вышедшим из-под контроля.

Это выводило Чуму из себя, и она с радостью вернула бы себе былое влияние, если бы только могла, вот только подобной способности никто ей не стремился оставлять, словно весь мир издевался.

Это казалось действительно какой-то отчаянной попыткой уничтожить всё, что только было вокруг.

Слишком могущественный дар, чтобы его можно было заставить успокоиться — она переживала, что этого никогда не произойдёт, но ей нужны были союзники, которых она предпочитала держать на цепи.

Старое тело уже практически предало её, уже стремилось куда-то ускользнуть, вот

только она держала его волшебством, практически разваливаясь на маленькие кусочки, которые казались отвратительными следами прошлого, на которое и смотреть страшно. А всё из-за них!

Всё из-за тех чёртовых двоих, которых она ненавидела сейчас больше всего на свете, мечтала попросту убить, но знала, что не имеет права поступить подобным образом, потому что это было бы слишком жестоко на данный момент, что поступать так — слишком низко.

Она потеряла всё, что можно было назвать границами разумного, но упрямо сдерживала саму себя, чувствуя, что сердце её просто-напросто вылетает куда-то на свободу, из этого мира высвобождаясь в иной, немного лучший.

— Ну что же, — выдохнула она. — Теперь мы увидим более хороший вариант, не так ли? И ты наконец-то согласишься.

Она рассмеялась от облегчения, потому что только что отыскала вариант, который должен был бы сделать всех, кто тут был, счастливыми. Они всё-таки сумеют когда-то победить этот кошмар, разве не так?”

Когда Иван вновь спросил, было ли это видение, Таня в очередной раз ответила, что это всего лишь головная боль. Гурий смотрел на неё удивлённо, словно ожидая, когда она изменит собственное решение, но этого так и не произошло, девушка продолжала уверять всех в том, что никаких видений у неё даже близко не было, не следовало даже спрашивать об этом. Пуппер понимал, что это не так, но не стремился спрашивать ещё раз или пытаться что-то кому-то доказать, потому что Таня всё равно не согласилась бы подтвердить его слова. Вот только Гурий прекрасно знал, что видение у неё всё-таки было, а самое главное, вдруг заинтересовался невероятно важным вопросом.

Какова же должна быть причина, что Таня до такой степени яростно прячет всё, что узнает, от своего собственно жениха?

Должна же быть причина!

===== Боль девятнадцатая. Шестой день =====

Кузя понимал, что прошло не так уж и много времени, но, тем не менее, невыносимая боль заставляла его буквально сходить с ума. Он давно потерял счёт дням и часам, но, тем не менее, ему никак не давали забыть о том, что совсем-совсем скоро, спустя несколько минут, должен начаться следующий тур.

Он отчаянно надеялся на то, что успеет перевалить за эту границу. Казалось бы, не время было мечтать о собственных страданиях, но парень-то прекрасно знал, что если умрёт раньше и количество смертей будет большим, чем минимальное, то выиграет куда меньше людей.

Он всё равно умрёт — так хоть с пользой.

Тузиков понятия не имел, откуда у него в голове вообще появились альтруистические мысли, но, собственно говоря, не пытался сопротивляться им, скорее просто равнодушно склонил голову, подтверждая собственную смерть от чего-то непонятного и неизбежно преследовавшего его.

Можно было окончательно распрощаться с тем, чтобы помочь хоть кому-то выиграть или, возможно, наоборот проиграть, вот только всё равно отчаянное желание остаться живым ещё на несколько часов не покидало его.

Кузя наконец-то попытался поползти куда-то вперёд, чтобы добраться до людей, вот только всё это было сделано очень зря.

У него не осталось никаких сил, ни единой возможности наконец-то совершить

последний рывок, но Кузьма умудрился сесть, внимательно рассматривая стрелу, которая попала ему прямо в грудь.

Та была весьма интересной, по крайней мере, на первый взгляд, и странные золотистые руны вызывали у Тузикова определённое восхищение.

Прежде он был очень равнодушен ко всему прекрасному и мечтал только о том, чтобы выжить, но сегодня всё вдруг переменялось. Близкая смерть говорила о том, что совсем-совсем ничего не осталось, ничего такого, что могло бы сдержать его на пути к небесам.

Кузьма запрокинул голову.

Он слишком сильно хотел рассмотреть небо там, далеко, но ему постоянно что-то не позволяло это сделать.

Взгляд не пропускали ветки дуба, под которым он сидел, но где-то впереди можно было увидеть солнечную поляну.

Он не стал выдёргивать стрелу, словно признак своего геройства, а после поднялся. Удивительно, что Тузиков вообще мог стоять на ногах, но внезапный порыв смелости заставил его идти вперёд с поразительной быстротой.

Он очень сильно хотел оказаться там, впереди, чтобы наконец-то быть свободным, но пока что не получалось, да и не было ни единого шанса удержаться на этой земле. Он и не желал дальше жить, потому что сплошное предательство продолжало неимоверно сильно угнетать и вызывать отчаянное желание наконец-то отправиться к праотцам.

Он едва-едва дошёл до той поляны и посмотрел на собственную одежду, просоченную кровью. Это надо было идти столько для того, чтобы до сих пор не умереть, а теперь видеть только звёздное небо?

Но он очень сильно хотел дожить до того момента, когда наконец-то наступит утро, когда будет возможность смотреть на великолепное солнце и прощаться с жизнью, сопровождая оное внимательным взглядом.

Тузиков осторожно лёг на спину и продолжил смотреть на оперение стрелы, которая торчала из его груди.

Удивительно, что он всё ещё оставался живым, но, тем не менее, Кузьма пока что и не желал особо умирать.

Ему надо было ещё совсем-совсем немного продержаться, чтобы наконец-то почувствовать определённый оттенок счастья.

Оно там, совсем рядом и очень-очень близко, так, что можно схватить рукой. Там, среди странного боя часов...

Бум.

Громкий стук распространялся по лесу, по этой небольшой полянке, рванулся куда-то к ручейку и пробежался вдоль него, а Кузьма улыбнулся, предчувствуя, что он ещё сможет встретить следующий день.

Осталось совсем мало времени до солнца, а ещё меньше — до его последнего хорошего дела.

Кажется, до единственного, который вообще был в его жизни, вот только в том ли суть? Ничего плохого в этом не было — можно позволить себе после попасть в немного лучшее место.

Он так хотел. Так хотел!

Бум.

Короткий удар вновь известил его о том, что прекрасный момент всё ближе и ближе, и

Тузиков едва заметно улыбнулся.

“Добро пожаловать в четвёртый этап”.

Парень улыбнулся. Он всё ещё был жив и всё ещё ждал солнце. Смерть стремительно подходила ближе, но у него пока что были силы немного сопротивляться и отталкивать её всё дальше и дальше.

Осталось совсем чуть-чуть, и дальше можно будет равнодушно расслабиться и не задумываться ни над чем из всего происходящего, всего того, что кружилось вокруг него, стремилось уничтожить.

Кузьма внимательно смотрел куда-то вдаль, ожидая того момента, когда покажется солнце, а он сможет смотреть на него широко раскрытыми глазами. И наконец-то умрёт. Но не сейчас.

Немного позже.

Он бежал. Это было долго, изнурительно и неприятно, но Ягун не мог просто так бросить Лоткову, не мог позволить ей оказаться среди отвратительных людей, которые только об одном, о своей жизни, и думали. А эти некромаги, зрители, которые с радостью уничтожат каждого, кто только подвернётся под руку?

Ведь они тоже прежде рисковали собственной жизнью, вот только, кажется, не было такого человека, который мог бы убить некромага.

А может, такие и существовали, вот только здесь, на “Тибидохсе”, на этих кровавых, отвратительных играх, никогда их не бывало, они просто не допускались никуда, где могли бы поставить интригу под сомнение.

Ягун понимал, что собственным бегом ничего не принесёт полезного, но теперь это превратилось в игру и для него самого. Игру на предельное выживание, которому никогда не будет конца.

Игру на порыв, который может стоить жизни, а может обернуться её отсутствием. Ведь нет ничего, что позволило бы ему повернуть в противоположную сторону — весь мир слишком против.

— Катя! — в очередной раз громко крикнул Ягун, наплевав на то, что мог бы привлечь таким образом нежелательное внимание со стороны кого-либо.

Это было бы достаточно опасно, но теперь не осталось ни капельки выбора, и надо было как-то менять собственную жизнь.

Менять в лучшую сторону.

...Когда он отыскал её наконец-то, то долго не решался подойти ближе, а после всё смешалось в сплошное пятно, включая странный удар со стороны неизвестного ему человека, который казался достаточно неприятным. Слишком высокий и слишком сильный, этот парень возвышался практически горой над ним и смотрел так, словно мечтал убить.

— Не трогай его, — голос Лотковой звучал мягко, так же нежно, как и прежде, и у Ягуна наконец-то появилась надежда на то, что он может вернуть себе свою возлюбленную и что они обязательно будут счастливы. Тем не менее, когда он наконец-то посмотрел в её глаза, то осознал, что те были точно такими же льдистыми и странными, как и прежде.

Они находились в лесу, правда, в достаточно светлой его части. Ягун внимательно рассматривал невысокие, по крайней мере, относительно невысокие деревья и пытался понять, где конкретно находится, хотя ему не спешили хотя бы приоткрывать занавес тайн и рассказывать правду.

Он поднялся на ноги, пытаясь стряхнуть с собственной одежды грязь, хотя это явно было бессмысленно.

Если брюки ещё держались кучи, то это странное подобие рубашки, или как следовало называть тряпки, которые свисали с него, превратилось в клочья ещё задолго до начала четвёртого этапа.

— Меня Ягун зовут, — наконец-то представился светловолосый, протягивая собственную ладонь для рукопожатия.

Тот самый огромный парень ответил взаимностью на подобное предложение и даже выдавил из себя улыбку.

— Я Гуня, — прогремел он — казалось, просто не умел говорить хотя бы более-менее тихо, хотя, пожалуй, какая-то надежда на нормальный, тихий разговор могла бы хоть немного да остаться.

Девушка, которая без конца крутилась от него, была Гробыней — это Ягун прекрасно помнил.

Она посмотрела на него недовольно, с некоторым отдалённым оттенком презрения, а после даже достаточно далеко отошла, словно опасаясь продолжать некое подобие разговора, который мог бы завязаться между ними.

Всё это вызывало определённые подозрения, вот только Ягун, не задумываясь ни над чем, ринулся к Екатерине, обнимая её за плечи и пытаясь поцеловать, успокоить, чтобы ей было хоть немного лучше.

Правда, Лоткова и до этого не чувствовала себя особо скованной, вот только парень никак не мог свыкнуться с этой мыслью.

— Ты должен был убить их, — вдруг прошептала на ухо Гломову Склепова, настолько тихо, насколько могла.

— Зачем?! — в его глазах мелькнуло ужасное удивление, а после он даже отпрянул от девушки. — Они нам ничего не сделали!

— Это “Тибидохс”. Когда они что-то сделают, то исправлять ситуацию будет слишком поздно, — вздохнула Склепова. — Разве ты не понимаешь, что от этого зависит наша жизнь, всё это, что может быть между нами и что не сбудется, если нас, чёрт возьми, убьют, понимаешь ты или нет?

Последнее она сказала слишком громко, и Лоткова оглянулась, подозрительно глядя на Гробыню, но та упрямо проигнорировала блондинку.

Склеповой хотелось убедить как-то Гуню в том, что тут абсолютно все — враги, и что не следует пытаться быть предрасположенными к ним.

Нет.

Она знала, что есть люди, которым можно всё-таки доверять, но, тем не менее, этими людьми не являлись ни Лоткова, ни Ягун, которые со своими наивными глазами, с попытками втереться в доверие, вызывали только предельное раздражение.

Всё это казалось кошмарным и отвратительным. Трудно было разобраться в мыслях, которые одолевали Гробыню, но она отчаянно надеялась на то, что сможет всё-таки остаться равнодушной.

И сделать то, что ей понадобится, тогда, когда это будет обязательно нужно.

— Ты как хочешь, можешь сидеть с ними, целоваться и обниматься, а я лучше уйду сама, — наконец-то воскликнула Гробыня, но не успела даже подняться, потому что Гломов вовремя схватил её за руку.

Он смотрел на неё так, словно умолял не делать чего-то, и девушка понятия не имела, почему вдруг поверила ему в это отвратительное и странное мгновение, которое ничего хорошего бы не принесло.

Ей стало так страшно...

Так страшно, что можно было просто тут падать и больше никогда не подниматься, но пока что было явно не до этого.

— Ладно, — выдохнула наконец-то Склепова, поборов себя и внимательно глядя на Гуню. — Мы ещё немного подождём.

Он ободряюще улыбнулся, словно пытаясь её поддержать. Будто бы это всё вообще могло быть реальным.

Будто бы на “Тибидохсе” до сих пор где-то далеко существовало хотя бы какое-то понятие добра.

Добра, о котором давно уже все забыли в реальном мире и, если честно, не особо стремились вспоминать.

Свеколт тащила Шурасика, сильными и длинными пальцами его запястье, и не останавливалась ни на мгновение. Складывалось такое впечатление, словно он потерял любое понятие свободы по отношению к себе, и парень просто не осознавал, куда должен деваться хотя бы на одно мгновение, чтобы его никто не трогал, чтобы ему дали немного передохнуть.

Он упал, зацепившись за что-то, а после отрицательно замотал головой, словно отказываясь от чего-то.

— Как меня убьют?

Вопрос показался Ленке странным.

— В каком смысле?

Она посмотрела на него до такой степени удивлённо, словно парень только что предложил приставить ему оружие к голове.

— Ну, как ты меня убьёшь?

— Я не собираюсь тебя убивать, — пожала плечами девушка. — Я вообще абсолютно мирная и спокойная.

Шурасик не выдержал и рассмеялся; Елена рассмеялась тоже, склонив голову набок, посмотрела на него с некоторым удивлением, а после вдруг поцеловала, словно пытаясь заставить замолчать.

Парень действительно умолк.

Когда она наконец-то позволила ему отступить и сама, склонив голову набок, смотрела на него, Шурасик подумал, что, возможно, есть шанс ещё пожить.

Совсем маленький.

Нелепый такой, наверное, совсем никому не нужный шанс, за который он имеет право ухватиться.

Совсем немного.

— Пойдём, — она буквально втолкнула его в избушку и замерла, столкнувшись взглядом со вторым некромагом.

...Этого звали Глеб, Шурасик точно помнил. Он весьма сильно сомневался в том, что тот пощадил бы его, но Бейбарсов даже не шевельнулся, не собираясь пока что никого убивать или превращать в пепел.

— Здравствуй, — он улыбнулся Ленке. — Я так понимаю, ты всё-таки добилась своего, да? Неужели?

— Не говори Жанне!

Её голос был натянут, словно струна, и Шурасик подумал, что этот некромаг угрожал ей, но тот спокойно кивнул.

— Как скажешь.

Шурасик хотел что-то спросить, но знал, что это приведёт к плохим последствиям, поэтому промолчал.

Ленка заставила его куда-то отойти, усадила на некое подобие лавки или стула, а сама потянула своего коллегу-некромага за рукав, выводя из помещения.

— Ты меня выдашь? — наконец-то спросила она совершенно серьёзно. — Ты расскажешь Чуме или Аббатиковой?

— Ты же знаешь, что нет.

Бейбарсов смотрел на свою сестру по дару настолько спокойно, как мог только он, и не демонстрировал совершенно ничего, что могло бы, возможно, удивить или наоборот оказаться привычным.

Он сегодня был каким-то странным.

— Я скоро уйду, — наконец-то сообщил спокойно он. — Мне надо будет проследить за кое-кем достаточно внимательно.

— Она?

— Да, конечно. Ты ведь знаешь правду, — кивнул, улыбнувшись, Бейбарсов, а после бросил предостерегающий взгляд на небольшую избушку, в которой сейчас был находился Шурасик. — Будь осторожна.

— Я перепрячу его. Можно воспользоваться тем твоим местом? Ты ведь мне его показывал однажды, помнишь?

Ленка надеялась на то, что Бейбарсов кивнёт — и он действительно с едва заметной улыбкой согласился.

— А если Жанна узнает? — наконец-то с опаской спросила Свеколт. — Она ведь обязательно расскажет.

— Нет.

— Она расскажет, и ты это понимаешь! — упрямо мотнула головой Елена. — И я знаю... Она никогда не умела хранить верность.

Бейбарсов усмехнулся. По его взгляду можно было понять, что на самом-то деле он знает, что будет с этим делать.

— Мы все преследуем собственные цели. У тебя вот Шурасик, у меня... она, а у Жанны — желание получить побольше могущества, — он едва слышно рассмеялся, а после моментально посерьёзнул.

— Её цель — ненависть!

— Неправильно, это лишь средство для достижения оной. Ты не переживай, всё будет хорошо. Никто тебя не предаст.

— Она предаст.

— Она не успеет, — Бейбарсов смотрел на сестру по Дару очень спокойно, а после вдруг зашагал куда-то в противоположную от избы сторону.

— Ты уже? — громко окликнула его девушка.

— Да, — парень на мгновение оглянулся и кивнул. — Я уже... Ты не переживай,

дорогая, всё будет хорошо.

Он растворился во внезапно налетевшем тумане, не обращая внимания больше ни на что происходящее.

Как пояснить, когда тебе наплевать?

===== Боль двадцатая. Туман =====

Туман казался страшным и просто отвратительным, но, тем не менее, сбежать от него было практически невозможно.

Валялкин прекрасно об этом знал, и поэтому он упрямо молчал каждый раз, когда Гурий пытался вытянуть из него хотя бы несколько откровений, которые давались Ивану достаточно тяжело.

Он всегда отказывался рассказывать что-то о себе, о Тане или о том, что происходило, а Пуппер не желал оставлять его в покое.

У Ивана, впрочем, было кое-какое оружие, пусть достаточно плохое — он прекрасно понимал, что этого маленького ножика будет мало в большой битве, но если один на один, то он давал определённое преимущество.

Туман расползлся по всему миру, точнее, по всему “Тибидохсу”, не оставляя ни единого шанса на спасение.

— Скоро нас затянет, — наконец-то равнодушно сообщил Валялкин, косясь на Таню, которая бродила совсем-совсем рядом.

Пуппер вздохнул.

Их осталось всего лишь трое — и это только пока что, — трое здесь, но сколько было вокруг, никто не мог сказать.

— Мы можем утверждать, что вокруг достаточно много врагов, — вдруг протянул Пуппер. — И это опасно.

Он посмотрел на Валялкина так, словно на что-то намекал, но Иван упрямо проигнорировал его взгляд.

Складывалось такое впечатление, будто бы они просто играли в какую-то неизвестную игру, которая не позволяла отступить в сторону и позволить себе самому наконец-то расслабиться и прожить эту жизнь спокойно и до конца. Весь мир растаял в будущем, и превратился в туман.

Всё вокруг слишком странное.

— Мне не нравится, как ведёт себя твоя Таня, — вдруг подал голос Пуппер. — Очень не нравится. Она странная.

— Она всегда была такой.

Пуппер посмотрел на Валялкина, словно на сумасшедшего, а после схватил его за руку, словно пытаясь остановить и не позволить совершить какое-то действие, что могло бы навредить им всем.

— Она не могла быть такой всегда! Она даже в самом начале выглядела относительно нормальной, а теперь она сумасшедшая! — воскликнул возмущённо Гурий. — Нельзя просто так проигнорировать это. Понимаешь ты, что она однажды просто-напросто нас убьёт?

— Как она может нас убить?

Валялкин покосился на Таню, которая прошла мимо в очередной раз. Она была достаточно задумчивой сейчас, поэтому не слышала ни единого слова, которое только прозвучало.

Она была такая хрупкая, такая нежная в это мгновение! И как только какая-то сволочь

могла предположить, что Таня способна на убийство?

Нет.

Гроттер была странной, удивительной — да какой угодно, вот только она всё равно абсолютно не умела убивать, да и, собственно говоря, не стремилась к совершению подобных гадостей. Наоборот, Таня всегда казалась ему искренней и абсолютно чистой, хорошей девушкой.

Вот только способна ли она выжить в этом мире, никто не знал, и Ванька — тоже, он и сам уже слишком часто ловил себя на этой мысли.

Слишком часто.

— Я считаю, что нам надо избавиться от неё первыми, — вдруг выдохнул Гурий, внимательно глядя на Валялкина.

Иван только что понял, что совсем скоро, если он откажет, Пуппер предложит подобное Тане и...

Не хотелось проверять, согласится она или нет, потому что если согласится, то всё будет очень, очень плохо.

Он рванулся первым.

Гурий даже не ожидал подобного нападения — без оглашения войны. Валялкин попытался вытащить нож на ходу, а сам буквально прижал Пуппера к земле, пытаясь его задушить, убить его.

Таня отреагировала моментально.

Ванька рассчитывал на определённого рода поддержку с её стороны, но девушка пыталась лишь оттянуть его в сторону и тихо шмыгала носом, едва слышно — вот только Валялкин всё равно разобрал странный, выбивающийся из общего хора звук.

Впрочем, было поздно.

Пуппер в последний раз захрипел, и когда Валялкин поднялся на ноги, Таня увидела, что из груди Гурия торчал тот самый небольшой нож, который, впрочем, умудрился достать до его сердца.

— И с какой силой это надо было сделать? — воскликнула возмущённо Гроттер. — Как ты мог убить несчастного человека, как?!

“Холодно.

На дне реки было так холодно, так дурно!

Пуппер и Ванька стояли на берегу и усмехались, наблюдая за тем, как она шла на дно.

Река была поразительно глубокой — не той речушкой, возле которой они находились, и это казалось относительно положительной стороной. Тем не менее, теперь стало глубже, а острые камни на дне резали ноги до крови, и Таня чувствовала, что вода, которую она глотала, уже была красной от крови.

Валялкин и Гурий то и дело переглядывались и вновь начинали хохотать. Им было явно очень весело, словно случилось что-то такое, что могло бы позволить им оказаться счастливыми.

Хохот становился издевательским, это вызывало ненависть и желание спрятаться куда-то.

Но она не могла.

Она тонула, она больше не дышала, и её смерть оказалась для них чем-то ещё более радостным, чем прежде.

Горел закат.

— Вытащи её, может, пригодится, — промолвил кто-то, когда смех затих. Гроттер чувствовала, что уже почти мертва, но её вытаскивали на поверхность.

— Хорошенькая.

Гроттер даже не могла открыть глаза. Тане казалось, что она давно уже мертва, хотя всё остальное свидетельствовало об обратном.

Она даже не поняла, что случилось. Послышалась какая-то непонятная канонада, словно всё вокруг взорвалось и взлетело в воздух, а после ей показалось, что мир загорелся и превратился в пепел.

Всё закончилось.

Мир больше не дышал, не существовал, ничего не было — только сплошная пустота, из которой нельзя было вырваться на свободу и успокоиться.

Всё вокруг превратилось в сплошной огонь.

Некромаг стоял среди всего этого, с усмешкой глядя на мёртвых Ивана и Пуппера, а после перевёл взгляд на неё, словно стремясь поиздеваться одним собственным взглядом.

Она чувствовала, что сердце у него всё ещё бьётся. Оно было живым, хотя, возможно, всё остальное человеческое этот юноша давно уже потерял — и трудно было убедить себя в том, что это совершенно не так.

Она хватала воздух ртом, не обращая внимания на его магические манипуляции, и никак не могла откашляться.

Грубый поцелуй заставил содрогнуться и попытаться вырваться, но, естественно, ничего у неё не получилось, и всё вокруг буквально поплыло, превращаясь в сплошную стену ненависти и боли.

Мир оборвался.

Мира больше не было”.

Таня смотрела на мёртвого Гурия, словно сумасшедшая, и едва заметно улыбалась. Это могло стать реальностью, вот только теперь уже точно нет.

Она сама не понимала, что делает, но выхватила вдруг нож, вытащила его из груди Пуппера, и принялась наносить удары Гурию этим оружием, которое, впрочем, казалось совершенно бессильным в хрупких женских руках.

— Таня! Таня, прекрати!

Гроттер не слышала.

Она наносила раны одну за другой, словно пытаясь проверить, жив он или нет, и ненависть в каждом движении становилась просто полубезумной, до того страшной, что можно было сойти с ума.

Она не зря не доверяла Ивану до конца — потому что, оказывается, он должен был её предать. Развилок судьбы...

Развилок судьбы, у которого было право на реальность.

Бейбарсов даже не шевелился. Он знал, что невидим, что плащ-хамелеон прекрасно скрывал его от окружающих, и пользовался этим, равнодушно наблюдая за ненавистью Тани, которая буквально потеряла над собой контроль.

Она рвалась убить наконец-то Гурия, и пусть тот давно уже был мёртв, это ни на мгновение не остановило девушку.

Она что-то видела.

Бейбарсов чувствовал это, но, тем не менее, пока что не пытался рыться в её

воспоминаниях, чтобы не нарушить и без того очень хрупкое равновесие, то, что девушка называла своей последней свободой.

Она была испугана и без конца рыдала, а Бейбарсову почему-то захотелось даже немного успокоить её.

Это было невозможно.

Парень отвернулся и зашагал куда-то в противоположную сторону, взмахом руки вызывая что-то схожее с видением и просматривая все факты вновь и вновь. События происходили вокруг него, когда он проходил по этому лесу, по полю, наблюдая за тем, как Провидица вдруг воспользовалась волшебством.

Для неё это было уже незначительным — всё имело собственные результаты, и Бейбарсов прекрасно знал, что девушка уже сломлена.

Осталось немного.

Чуму более чем устроит подобный результат — она ждала чего-то подобного и надеялась на подобное развитие событий.

Бейбарсов, впрочем, никого не жалел, и Чуму в том числе. Ему было абсолютно наплевать на то, что, возможно, это нечестно по отношению к кому-нибудь, но рыжеволосая вызывала желание защитить её.

А он умел только убивать.

Бейбарсов отошёл уже достаточно далеко и поудобнее устроился на траве, глядя на небо, на котором уже начинало заходить солнце. Оно, прежде невыносимо яркое и сильное, теперь было уже наполовину погасшим.

Пряталось.

Пряталось за горизонтом, хотя должно было оказаться самым сильным, самым смелым, непобедимым практически существом, которое невозможно уничтожить. Это ведь небесное светило, которому все так поклоняются, перед которым падают на колени, на которое молятся!

Почему оно настолько трусливое?

Бейбарсов не задавал себе философские вопросы, они его мало волновали, но сегодня, возможно, в подобном была определённая суть, и он словно пытался наконец-то уловить её и понять что-то.

Наконец-то пришло время возвращаться.

Холодало. Ненависть погасла, равно как и чернота в глазах, и ни одного желания сделать ещё что-то больше не возникало, но Бейбарсов и не стремился пока что убивать.

Один труп уже сегодня был.

Пуппера, наверное, должны были как-то спрятать, чтобы его тело не привлекало падальщиков.

Глеб вдруг вспомнил о Горгоновой, которая столько всего натворила, а после этого попыталась вытянуть энергию даже с мёртвого Сарданапала, который, впрочем, мог бы помочь исключительно истинному некромагу.

Это даже не страшно.

Горгонова проиграла.

Все проиграли — Медузия напилась того волшебства, которое могло обернуться исключительно против него.

Теперь она слабая.

Теперь все слабые.

У всех одинаковые шансы на проигрыш, и ни одной возможности победить без посторонней поддержки.

В прошлый раз всё было до такой степени честно, что Бейбарсову было даже противно — а сейчас наоборот, но чувство отвращения никуда так и не пропало, словно он просто не мог получать удовлетворение от убийств.

Тем не менее, парень усмехнулся и вновь принялся следить за действиями Тани и Ивана. Совсем скоро.

Совсем скоро придёт его час, когда надо будет показаться и стать более-менее реальностью.

Совсем скоро.

— Прекрати! Таня, слышишь, прекрати, прекрати... — совсем тихо шептал Валялкин, пытаясь оттянуть её от мёртвого Гурия.

Гроттер шмыгнула носом, пытаясь как-то одуматься и почувствовать что-то вроде сожаления, но в душе было пусто.

Впрочем, она действительно наконец-то перестала бить Гурия ножом в грудь, а буквально свалилась на землю и тихо расплакалась, чувствуя, как невообразимый холод заставляет её слишком сильно дрожать.

— Зачем ты? — Валялкин попытался её обнять, но, впрочем, ничего толком не получалось. Она вырывалась, царапалась и отмахивалась, не собираясь подчиниться хотя бы на одно чёртово мгновение, которое так сильно раздражало её и могло стоять самой настоящей, отвратительной, между прочим, жизни.

— Зачем я что? — Гроттер прошептала эти слова совсем-совсем тихо, глядя на него, словно какая-то дьяволица.

— Била его...

— Потому что надо!

Она поклялась себе ни за что не говорить больше ничего, ни единого слова правды о своих видениях.

Ванька этого не заслуживал, совершенно не заслуживал, и это было противно — подчиняться ему в такой ситуации.

Она так хотела сбежать...

— Мне холодно, — наконец-то пожаловалась Гроттер. — Очень холодно, принеси чего-нибудь, чтобы можно было согреться.

Гроттер была уверена в том, что действительно совершенно недавно побывала в воде, в том самом омуте, который едва ли не утянул её вниз, а после ещё и смотрела в чёрные, непробиваемо чёрные глаза некромага.

Она чувствовала себя очень слабой и напуганной, и просто не знала, как можно научиться сопротивляться всему тому, что только случилось с нею. Она смотрела на Валялкина, как на предателя, и понимала, что была права.

Ему нельзя было доверять даже сейчас, даже в это проклятое мгновение, когда он строил с себя джентльмена.

— Я не хочу, чтобы ты был рядом со мной, — в спину Ивана прошептала девушка, но тот, впрочем, даже не попытался услышать её.

Это было отвратительно, и девушка фыркнула в ответ на свои собственные слова, наблюдая за тем, как Валялкин уходил.

В его голове мелькнули такие мысли, которые воссоздали новую жизненную линию, ответвление, которое не стало реальным только потому, что ненависть в Валялкине проснулась намного раньше. Всё это было просто ужасно — она чувствовала себя брошенной и несчастной.

— Я схожу за хворостом, — оглянувшись, громко воскликнул Валялкин, чувствуя себя каким-то неправильным.

Вся его доброта, вся эта проклятая ветеринария оказалась просто пустотой для него — может быть, а может и наоборот.

— Я не хочу, чтобы ты был со мной, — прошептала Таня ещё тише, так, что Валялкин вообще ничего не сумел ответить.

Он и не услышал, потому что так было правильно — Гроттер чувствовала себя испуганной и глупой, одинокой и мечтающей о компании, вот только ничего этого не могло стать реальностью.

Она мечтала о том, чтобы спрятаться от Ивана, вот только это не приносило совершенно никакого толку.

Это было очень глупо.

Это было невероятно странно, и она позволила себе закрыть глаза и расслабиться хотя бы немного, хотя бы на одно мгновение.

Пуппер, мёртвый Пуппер, лежал всего в двух метрах от неё.

И всё. Больше ни одной живой души, только неприятное ощущение глупого слежения за нею. Кто-то смотрел на неё издали и... И это было жутко.

===== Боль двадцать первая. Лоткова =====

Кате казалось, что её силы начали ускользать. Ещё совсем недавно у неё была прекрасная возможность прикоснуться к какому-то комку всемогущества, который прятался у неё в сердце и не стремился особо высвободиться из потока её собственных мыслей, вот только сейчас самообладание окончательно предало девушку, толкая её на какие-то странные, абсолютно нелогичные действия, что могли бы завершиться более чем плачевно и для неё, и для всех остальных.

— Вставай, — совсем тихо прошептала она Ягуну.

Ярко светило звёздами небо, заставляя почувствовать себя невероятно защищённым и свободным в тот же миг.

Её жених всё ещё спал, а Лоткова рассматривала внимательно звёзды на небесах, словно пытаясь понять, насколько их там много. Ей казалось, что всё это, пожалуй, достаточно страшно, и не надо было когда-либо прежде действовать так, как она задумывала, вот только Катя знала, что возвращаться уже некуда, и она должна либо совершить подобное, либо окончательно сдаться и больше не пытаться вернуться в нормальное, более-менее адекватное русло.

Всё это закружилось в отвратительном потоке, поэтому Лоткова просто отогнала от себя глупые мысли и усмехнулась.

Сегодня она будет ближе к победе.

— Вставай, — попытавшись заставить Ягуна подняться, вновь прошипела она ему на ухо, совсем-совсем тихо, заставляя наконец-то проснуться.

Тот глядел на невесту сонными глазами, словно не осознавая, что происходит, а после громко зевнул, словно пытаясь как-то поймать сон за хвост и не позволить ему уйти, и вновь лёг.

— Катя, ты чего? — шёпотом поинтересовался парень. — Давай, ложись и спи, ещё совсем-совсем темно.

— Ты не понимаешь, дурак, — прошипела она ему на ухо, наклоняясь над Ягуном и делая вид, что собиралась его поцеловать. — До тебя банально не доходит, где мы! Это “Тибидохс”, а ты ещё не избавился ни от одного соперника. Таких ленивцев тут просто не выносят!

Лоткова выглядела достаточно злой на первый взгляд, и Ягун мрачно мотнул головой, словно пытаясь понять, что случилось.

Катя сидела, выпрямившись и пустыми глазами глядя куда-то вперёд. Она казалась всё такой же ледяной, как и прежде — Снежной Королевой, о которой он когда-то читал в старой бабушкиной книжке.

Светлые волосы Екатерины буквально притягивали к себе лунный свет и словно сияли изнутри. Складывалось такое впечатление, словно она и вправду колдовала сейчас, а Ягуна этот факт радовал меньше всего на свете.

Ему стало как-то не по себе от одной глупой мысли о том, что, возможно, Лоткову будет слишком трудно контролировать.

— Я должна завершить начатое, — наконец-то прошептала она. — Ты сейчас соберёшь все вещи, которые только можно забрать и которые нам пригодятся, а я сделаю то, что должна сделать.

— Ты с ума сошла? — заметив что-то похожее на нож в руках Лотковой, возмутился Ягун. — Откуда ты это взяла?

— Гломов совершенно не прячет собственное оружие, — равнодушно отозвалась она, бросив на парня презрительный взгляд.

Она сжала нож крепче в своей слишком хрупкой на первый взгляд ладошке и сделала несколько шагов в сторону Гуни.

Тот спал невероятно мирно, словно больше ничего плохого с ним случиться не могло — поразительная доверчивость. Склепова была куда более умной и твердила ему, что так нельзя, но Гуня проявлял самостоятельность.

Как же неуместно!

Впрочем, Лоткова была даже рада подобной беспечности. Что плохого в том, что у неё наконец-то появится прекрасная возможность победить и всё-таки сделать то, что она, собственно говоря, нужна?

Те осколки некромагии, которые каким-то образом вошли в её сердце, сейчас упрямо не давали покоя. Они затрудняли дыхание, вызывали желание убивать, причём убивать с огромным количеством крови.

Она должна была это сделать.

Лоткова определила, где у Гломова находилось сердце, поразительно быстро. Занеся нож и постаравшись вложить в удар максимальную силу, она уже собиралась было его ударить, но остановилась.

Нет, это был бы далеко не лучший удар, к тому же, Гуня казался настолько огромным, а она чувствовала себя настолько хрупкой, что это было просто невероятным!

Тем не менее, девушка всё равно не отказалась от собственного отчаянного желания убивать. Она внимательно осмотрела парня и резкими, быстрыми, но сильными движениями ножа перерезала ему горло, а после и запястья, словно надеясь на то, что если тот не умрёт из-за первого ранения, то обязательно погибнет после этого.

Гуня был невероятно сильным, и Лоткова не понимала, вставал ли он просто потому, что мог это сделать, или, возможно, умер, но это оказалось сокращением мышц.

Она всадила нож ему прямо в сердце.

Попытавшись выдернуть оружие, Катя поняла, что не способна этого сделать, поэтому просто поспешила убежать.

Она не дала Ягуну взять даже флягу с водой, потянула его просто за руку и поспешила убежать куда-то.

Казалось, Гробыня не собиралась просыпаться, но, тем не менее, в этом всё было столько всего страшного...

Та магия, которая сидела в ней чужеродным осколком, радовалась, ощущала невероятно удовольствие от её отвратительного убийства, но всё остальное в Кате просто не могло подчиниться этому порыву.

Она знала, что так быстро бежать не следовало, что она быстро устанет, но, тем не менее, Кате казалось, что всё прошло чрезмерно тихо, словно Гломов находился под наркозом, и теперь надо было сбежать от Склеповой.

— Ты убила человека!

В голосе Ягуна звучала ненависть и определённый оттенок презрения, и Лоткова лишь ещё более мрачно посмотрела на него, словно собираясь перерезать горло и парню, но только не зная, чем можно это сделать.

— Что? — удивлённо переспросила Лоткова. — Я сделала ещё один шаг к победе, а не убила человека, ты, идиот!

Ягун отпрянул, словно не понимая, откуда вообще взялось у неё подобное обращение, как могла девушка отнестись к нему подобным образом.

Он смотрел на неё широко раскрытыми глазами и не сдвинулся с места, пока Лоткова с силой не дёрнула его за руку, заставляя сорваться с места и не позволяя замереть здесь хотя бы на несколько мгновений.

— Не будь дураком! — прошипела Лоткова. — Ты просто не понимаешь, что я сделала, потому что ты пока что очень, очень глупый!

Он отрицательно покачал головой, словно отказываясь идти следом за девушкой, и та нахмурилась, не зная, как сдвинуть его с места.

Екатерине было неприятно и дурно, она с радостью бы убила и Ягуна, лишь бы ощутить опять тот самый сильный запах крови, который так сильно понравился ей.

Прежде девушка ещё могла контролировать собственные действия, но сейчас всё это превратилось в безумие.

Ей нравилось состояние абсолютного отсутствия контроля над собственным сознанием, это позволяло ей наконец-то почувствовать себя живой, а не просто обыкновенной блондинистой куклой.

— Ты меня полюбил только за добрые словечка и за красивую мордашку? — словно последнее куда-то делось, холодно спросила Катя. — Если нет, то будь добр продолжать любить и сейчас!

Ягун вздохнул и, пытаясь сдержать ненависть, которая внезапно вспыхнула в его сердце, пошёл вперёд.

Он не понимал прежде, как всё это происходит, почему из “Тибидохса” люди выходят до такой степени сломленными и несчастными, а теперь понял. Они все были не готовы к тому, чтобы убивать.

Практически каждый их присутствующих здесь думал, что сумеет победить, не замарав собственные руки кровью.

По крайней мере, он сам принадлежал к тому числу, поэтому сейчас просто никак не мог сдерживать определённый оттенок ненависти, который вырывался на свободу и направлялся относительно Лотковой.

Катя была... Не самой хорошей девушкой на свете. Признать это оказалось больно, трудно, но он был вынужден это сделать, как вынужден согласиться с тем, что всё равно не способен сейчас, несмотря ни на что, её оставить.

Ягун уже попрощался с мечтой, что они будут счастливы после игр, и впервые в жизни пожелал умереть.

Умереть скорее, чем его успеет убить сумасшедшая Лоткова.

Склепова сама не знала, что разбудило её. Какой-то шум вокруг заставил девушку содрогнуться и открыть глаза.

Когда рядом была Лоткова, сколько бы Гробыня не сопротивлялась, она прекрасно знала о том, что не смогла бы отказать этой чёртовой привлекательной блондинке, которая буквально задурила им головы.

Сейчас что-то изменилось.

Склеповой показалось, что ей словно только что кто-то раскрыл глаза, заставил почувствовать, что происходит вокруг.

Непонятное ощущение опасности, которая грозила ей, заставила Склепову вскочить на ноги.

Ночь была поразительно тихой и прекрасной. Здесь вообще слишком долго держалась хорошая погода.

Наверное, она была искусственной — впрочем, никто не знал, что происходит здесь, на “Тибидохсе”. Люди, которые там, снаружи, лишь ставят ставки и получают короткие свидетельства о том, что происходит.

Здесь ведётся, конечно, же съёмка, но исключительно для самой Чумы, и никто не может получить её в публичный просмотр, за исключением моментов особой жестокости или смерти.

И почему-то Гробыня почувствовала, что нынешний момент обязательно станет публичным достоянием.

Она не могла обосновать собственное предчувствие ни одним набором разумных слов, но, тем не менее, потянулась к Гуне, пытаясь его разбудить.

...Крик разрезал небо, словно каким-то ножом, на две части, и позволил ненависти, той предельной боли, которая накопилась в душе, вырваться наконец-то на свободу и стать предельно реальной и в тот же момент отвратительной.

Гробыня никогда прежде не задумывалась над тем, что будет, если её Гуня погибнет. Прежде она думала, что умрёт сама, но, тем не менее, Гломов будет жить, страдая, всё же будет!

А оказалось, что жива она.

Девушка запустила пальцы в собственные вечно цветные волосы, пытаясь стереть слёзы. Её магия, точнее, те крохи, которые достались ей, позволили наконец-то стереть отвратительное заклинание, и русые, совершенно нормальные волосы упали на плечи сплошной равнодушной волной.

Девушка вновь рванулась к Гуне, пытаясь заставить его проснуться, надеясь на то, что у неё будет шанс выдернуть как-то нож, который буквально застрял в его груди и теперь не поддавался ни единому нормальному действию.

— Живи! — кричала Склепова, пытаясь как-то заставить его проснуться, но это, впрочем, было совершенно бесполезным.

Гломов не дышал.

Кровь была всюду. На зелёной траве, на которой они уснули, на её руках, на её одежде и одежде Гломова.

Они были должны убить тех двоих. Она сама обязана была сделать это, если не желала, чтобы, возможно, Гломов марал свои руки.

Он всегда старался быть таким хорошим, таким добрым... Удивительно, как у такого громилы вообще могла оказаться настолько прекрасная, чистая, идеальная практически душа.

Они попали на “Тибидохс” вместе, но, тем не менее, это не сломило его. Не превратило в какие-то осколки жизни, не сделало моральным уродом — это она то и дело стремилась кого-то обезвредить.

Уговаривала, чтобы он сделал это — а Гуня просто не мог, для подобного он оказался чрезмерно добрым.

И что теперь? Её Гуня мёртв!

— Я тебя уничтожу, — запуская окровавленные пальцы в собственные волосы и понимая, что те тоже сейчас будут в крови, прошипела Склепова. — Я ж тебя разорву, на мелкие кусочки, своими руками, тварь ты...

Она не могла успокоиться, только хрипловато дышала, чувствуя, что жизнь сейчас буквально выскользнет из её тела, забыв о реальности, о том, как всё вообще должно происходить — она ведь просто не хочет жить.

А зачем, это лишнее!

— Убью, убью, убью, — повторяя, словно заведённая, шептала Склепова, даже не пытаясь вытереть слёзы, которые стекали по её щёкам. — А это всё ты виноват, Глом, ты виноват! Ты был с ними добрым, зачем? Ты виноват!

Она так и застыла, сжимая рукоятку ножа, которого нечеловеческими усилиями всё-таки смогла вытащить из его тела.

Ножа в его крови. Крови того, кто должен быть отмщённым.

Гроттер чувствовала себя всё такой же потерянной, как и прежде. Она за всю ночь так ни разу и не сомкнула глаз, чувствуя, что просто не может этого сделать — время текло сквозь пальцы, не давая ей ни единого шанса на выживание и превращая в равнодушное, не способное любить кого-либо существо.

Она предпочитала называть себя Провидицей, впрочем, даже сейчас, хотя то, что творило её сознание, выходило за грани дозволенного?

— Почему ты не спишь?

Иван посмотрел на костёр достаточно опасно. Удивительно, что ему удалось его развести — это, конечно, было глупо, тереть ветку об ветку, но он где-то потерял то, что умудрился найти, и другого способа не было.

Впрочем, искра появилась поразительно быстро, и не надо было никакого кремня или кресала, чтобы сейчас заставить сухие ветки гореть.

Порой ему казалось, что когда Таня более-менее внимательно смотрит на пламя, то начинает разгораться ещё сильнее.

Но она была Провидицей, а Провидицы, чтобы иметь свой дар, без собственной воли отказываются от любых других сил.

И от магии, которая, возможно, была бы нужна им для защиты, и от всего прочего, что оказалось бы излишним.

Таня была слаба и физически, она не могла сопротивляться ничему, вот только нельзя было сказать, что она так уж и не способна ни к чему из странного огромного списка страшных свершений.

Она была странной.

И эта странность в последнее время вызывала у Валялкина всё больше и больше определённого рода опасений.

— Не хочу, — равнодушно отозвалась Гроттер.

Она смотрела куда-то в сторону пламени, но словно не видела его, представляя себе что-то совершенно другое, куда более страшное, чем должно было оказаться на самом деле. И казалось, что этому рассматриванию огня никогда не будет ни конца, ни края.

“Она хваталась за какой-то последний камешек, за уступ, на котором всего мгновение назад стояла.

Ей никогда не казалось, что здесь до такой степени высоко, но теперь Гроттер показалось, что берег вырос.

Она не понимала, почему это случилось — но, тем не менее, виновой было какое-то землетрясение.

Она так хотела прежде умереть, но теперь появилось желание выжить, а у неё отбирали даже этот, последний шанс на несколько дней жизни. И кто отбирал, кто?! Как бы она хотела, чтобы это оказался совершенно другой человек.

Но выбора не оставалось.

Можно было только отпустить этот уступ и упасть в пропасть, вот и всё”.

— Таня! Таня, ты меня слышишь? — Гроттер почувствовала, что её куда-то оттаскивают, в сторону от чего-то опасного, а когда открыла глаза, то осознала, что ручеек идёт куда-то вниз.

Она не понимала, как это могло случиться — но всю землю трясло, её и саму словно выворачивало наружу. И теперь ручей прерывался каким-то водопадом — казалось, совсем рядом, стоило пройти только метров десять от этого теперь уже утёса — и там берег возвышался над речушкой метра на два, ну, может, на три.

Но следовало пройти вдоль по течению, как можно было увидеть бушующий водопад.

Гроттер видела лишь какие-то водяные брызги, когда рискнула подойти и присмотреться, но спустя несколько мгновений осознала, что на самом деле там сотни метров.

Если кто-то упадёт туда, то будет уже даже не то, что с Лизой, которая просто больно ударилась головой о камни и от этого удара умудрилась умереть. Нет, всё будет куда более отвратительно и плохо.

— Человек, который упадёт отсюда, умрёт сразу же, не следует даже смотреть, — выдохнул Валялкин.

Он смотрел на Гроттер слишком странно, но рыжеволосая предпочла не оглядываться, не оборачиваться, да и вообще не обращать на него совершенно никакого внимания.

В этом не было совершенно ничего удивительного. Она чувствовала себя пусть слабой, но... Возможно, недостаточно.

Это всё было глупостью, которую невозможно было остановить, и рыжеволосая предпочла отойти немного дальше.

— Да, не позавидую я тому, кто отсюда будет падать, — выдохнула она, внимательно посмотрев на Ваньку.

Тот ничего не ответил.

Впрочем, Тане почему-то показалось, что он без конца лжёт ей, даже в этом вроде бы искреннем взгляде — всё равно лжёт и будет продолжать лгать до конца своих, ну, или, может быть, даже и её дней.

И это было кошмарно.

===== Боль двадцать вторая. Месть =====

Медузия не знала, что заставляло её идти. Та попытка получить несколько капелек магии от Сарданапала буквально разрушала её и заставляла едва-едва дышать, вот только женщина всё равно потеряла любое осознание и ощущение реальности, и теперь просто равнодушно шагала вперёд, не обращая внимания на всё, что могло её окружать.

Горгоновой показалось, что кто-то незаметно прикоснулся к её руке и словно попытался остановить. Она содрогнулась, но никак не отреагировала больше на этот жест, словно его и не было.

Рана, которую ей когда-то нанёс Бейбарсов, теперь тянула и сильно болела. Горгонова чувствовала себя слабой и несчастной, к тому же, она ощущала некий странный ужас относительно того, что натворила.

Она каждое мгновение по сотни раз прокручивала у себя перед глазами то, что успела натворить, и это доводило Медузию до полубезумия.

Она вновь и вновь заглядывала в мёртвые глаза Сарданапала и шептала ему что-то совсем-совсем тихо.

— Прости, — выдохнула она уже сейчас. — Прости, я просто должна выжить, чтобы закончить наше дело!

Они столько лет вместе проторчали в той клетке, что было очень страшно поступать подобным образом.

Тем не менее, магия, которую высвободил Бейбарсов, то, что осталось ещё в крови Сарданапала, не принесло ей совершенно никакой пользы. Медузия чувствовала себя слабой, нет, скорее даже бессильной, и понимала, что вскоре умрёт. Это волшебство обязательно превратит её в сумасшедшую, ну, или же просто испепелит, но у неё пока что ещё было какое-то время.

Она должна была выдержать.

Выдержать ради того, ради чего убила его однажды, ради чего попыталась выпить его силы, но не смогла этого сделать.

Лучше б она уничтожала кустики, на которые наталкивалась, и ещё какую-то ерунду, которую можно было схватить за ветку и выпить до дна, опустошить, оставив чёрным пятном посреди леса.

Но силы человека...

Ведь силы человека до такой степени приятнее, что она просто не могла заставить себя сдержаться, как бы это страшно ни звучало. А теперь спастись и что-либо менять было слишком поздно, потому что она уже натворила всё, что только могла натворить, и только

сейчас наконец-то начала жалеть об этом.

...Когда Горгонова подняла глаза, она даже не поняла, кто стоит перед нею. Холодный, равнодушный взгляд вызвал у неё определённый оттенок ужаса, и только после Медузия осознала, что это всего лишь какая-то девушка, которая, впрочем, слишком заляпана кровью.

Спустя несколько мгновений она наконец-то узнала в этом подобии призрака ту прежде весёлую и счастливую Гробыню Склепову с вечно разноцветными волосами. Она едва-едва смогла вспомнить её на том странном представлении тогда, в самом начале игр, и удивительной казалась перемена.

Она сжимала в своих руках окровавленный нож, и кривилась, полупрезрительно, с оттенком издёвки.

— Не ты его убила, — выдохнула наконец-то Гробыня, опуская нож и предпочитая больше не смотреть на Медузию.

— Убила кого?

На ней висело достаточно много смертей, и Горгонова, ослабленная и не способная уже убить кого-то, ждала, что сейчас её попросту пронзят ножом, дожидаясь её скорой смерти, но эта девушка, вместо того, чтобы поступить подобным образом, рванулась к Медузии и порывисто обняла её.

— Гуня!

Горгонова никак не могла вспомнить, как именно выглядел парень, о котором говорила Гробыня, но та оказалась настолько отчаянной и испуганной, что, возможно, могла бы пригодиться.

По крайней мере, хотя бы в некоторых аспектах.

— Кто его убил?

Медузии было странно обнимать кого-то, к тому же, девушку, которую она совершенно не знала, но та показалась почему-то сейчас достаточно родной.

К тому же, они обе были буквально залиты чужой кровью. Правда, Горгонова — кровью того, кого убила своими руками, а после пыталась вытащить из него волшебство, а относительно Гробыни она не могла утверждать ничего подобного, но теперь уже не было совершенно никакой разницы, кто и кого, а самое главное, как и когда убил.

Теперь приходилось только думать о мести, которая была слаще любого мёда на израненную душу.

Медузия мстить могла Чуме.

А эта девчонка?

Гробыня не ответила, не сказала, кто убил её парня, но, тем не менее, смотрела на Медузию невероятно решительно, словно собираясь подтвердить что-то или, напротив, опровергнуть.

Её самые обыкновенные русые волосы мокрыми от крови прядями свисали и, казалось, были готовы ещё больше просочиться кровью.

— Ужасно, — выдохнула наконец-то Горгонова, словно сумела что-то расслышать, хотя на самом деле не могла уже пользоваться волшебством. — Может быть, ты хочешь отомстить этому человеку?

— Хочу.

Склепова говорила поразительно мало, но в её голосе чувствовалась определённого вида уверенность.

Даже чрезмерная, если так рассудить, но это ни капельки не смутило Горгонову,

которая ожидала чего-то подобного.

Ну, что же, тебя можно использовать, девочка — даже для общего блага, пусть и пообещав, что ты выживешь — ты и выживешь, если постарайся, но уничтожишь по пути всех, кого только успеешь.

Медузия чувствовала, что её кровь становится гуще, и что она практически не способна растекаться по её венам и артериям, но теперь у неё был один совершенно идеальный выход.

Она знала, что должна это сделать.

— Тогда мы отомстим! — с уверенностью воскликнула Горгонова, внимательно глядя на девушку. — Мы обязательно отомстим!

— Как именно? — удивлённо переспросила Склепова. — Я убью её, — она сжала нож в руке и замахнулась, словно увидела только что ту самую убийцу, но, впрочем, её движение так и оборвалось, не став законченным.

Она едва-едва дышала, едва стояла на ногах, но, тем не менее, эта предельная ненависть давала ей слишком много сил.

Гробыня так хотела убить кого-то, а после наконец-то присоединиться к Гуне, быть рядом с ним.

Только сначала она должна была убить ту тварь, которая отобрала у неё Гуню — в конце концов, плевать на всё...

Плевать на всё, лишь бы только “Тибидохс” не стал победой для чёртовой Лотковой и её женишка.

Для двух, которым Гуня умудрился поверить, а они предали его, перерезав горло и не оставив ни единого шанса на спасение.

Они заслужили это.

Таня давно уже не чувствовала себя ни на одно мгновение защищённой, но, тем не менее, она упрямо молчала, понимая, что не должна делиться собственными опасениями, которые могли оказаться не особо-то и правдивыми.

Она чувствовала, что её смерть уже практически настигла её и что стоит за спиной. Гроттер не понимала, откуда появилось такое впечатление, и что вообще с нею происходит, но это было очень опасно сейчас — особенно тот факт, что она никак не могла сопротивляться даже самому понятию собственной судьбы.

Ей казалось, что её должны были убить совсем скоро.

Таня уже видела собственную смерть в видениях, в нескольких десятках вариаций, и это очень пугало её.

Гроттер предпочитала не думать об этом, но, тем не менее, не оставалось совершенно никакого выбора — она не могла просто так оттолкнуть от себя собственные мысли, потому что те накрыли её с головой и буквально душили, заставляли задыхаться от ужаса, который находился буквально везде.

Она поднялась и попыталась подойти к краю утёса, но поняла, что попросту не может этого сделать.

Таня так и осталась стоять на ногах, потому что сесть тоже было выше её сил, и хотела было отойти куда-то подальше, вот только кто-то схватил её за руку.

Был только один человек, который мог бы сейчас это сделать — и Таня оглянулась, столкнувшись со взглядом голубых глаз Ивана.

— Знаешь, — вдруг прошептал тот совсем-совсем тихо, — я вспомнил о письме, в

котором Чума приглашала нас на “Тибидохс”.

— Не приглашала, а заставляла.

Гроттер сама не знала, что сделало её голос таким холодным и ледяным, словно непонятный кусок льда, о который можно было разбить что угодно, вот только не было ни единого шанса сейчас схватить его.

Таня сама не понимала, откуда у неё вдруг вообще появилось определённого рода презрение к Ивану.

— Ты хотела бы выиграть? — наконец-то полушёпотом поинтересовался он — человек, который уже убивал.

Гроттер отрицательно покачала головой, словно отказываясь от любой возможности спастись от собственной смерти.

Она помнила, как Вера горела от её взгляда, помнила, и просто не могла позволить себе забыть этот момент.

Гроттер с неожиданным удивлением осознала, что что-то слышит. Это были даже не видения, а...

Мысли?

“Даже здесь, на “Тибидохсе”, наступает момент, когда надо бороться за себя! Даже тут нельзя пытаться держаться кучи на последних этапах, тем более, если спутник просто висит балластом на плечах.

Если продолжать носиться за прошлым и хвататься за него, то ничего хорошего не получится. Может быть, я даже никогда её на самом деле не любил?”

Гроттер не хотела соглашаться с тем, что это был Иван — но, тем не менее, кто тогда? И считать ли такие мысли предательством уже прямо сейчас, или ждать чего-то куда более отвратительного, чем то, что он сейчас думает.

— Я считаю, что мы должны бежать к людям и попытаться остановить их, — наконец-то выдохнул Валялкин, обнимая её за талию.

Гроттер оглянулась, презрительным взглядом окинув Ивана, и в очередной раз отвернулась, не в силах просто так стоять и смотреть ему в глаза, потому что это казалось сейчас отвратительным.

Ей было противно, и Гроттер не понимала, откуда у неё в голове взялись подобные отголоски...

Это говорил кто-то чужой, явно не она, и Таня упрямо убеждала себя в том, что это просто не мог быть Иван.

Только не хороший, добрый Ванька, у которого не было бы ни единого шанса на выживание, если бы... Если бы что?

— Остановить — это убить? — наконец-то хриловатым от напряжения голосом поинтересовалась Таня, оглянувшись и посмотрев на Ивана.

— Да.

Тот кивнул настолько быстро и равнодушно, что Таня едва-едва сумела сдержать собственную улыбку, которая почему-то так и рвалась на свободу. Гроттер чувствовала себя сумасшедшей, но...

Она ведь была такой.

— Прости, — внезапно выдохнул Иван. — Я не собирался так поступать.

— Как — так? — полушёпотом уточнила Гроттер, словно пытаясь остановить поток своих мыслей, которые так и рвались на свободу, но не спешили в тот же миг оказываться

логичными и нормальными.

— Не перебивай! — воскликнул Валялкин. — Пожалуйста, я... Я понимаю, что это трудно понять, но ты, думаю, сможешь.

Он смотрел на неё настолько спокойно, что Таня вновь испытала страх, который просто не позволял ей хотя бы содрогнуться или банально сдвинуться с места — словно кто-то невидимый банально её парализовал.

— Понимаешь... — шептал совсем-совсем тихо он. — Понимаешь, это очень трудно сказать, но... Я жить хочу.

Гроттер уже знала, что он скажет дальше. Она уже слышала это когда-то, в одном из старых забытых видений.

— Я хочу жить, а ты не даёшь. Я не могу бросить тебя одну, просто так, беззащитную, но ты не хочешь идти за мной к победе.

Таня горько усмехнулась.

Она не понимала, что заставило её услышать эти слова раньше, прежде, чем она наконец-то оказалась здесь.

— Я должен это сделать.

Ванька с силой толкнул её куда-то вперёд, и Гроттер вдруг с ужасом осознала, что она буквально падает.

Вниз. В ту проклятую пропасть.

Он сломался уже потрясающе давно, невероятно, наверное, ещё с самого-самого начала, когда пытался ещё утешать её, а она не замечала — но теперь вынуждена висеть над пропастью, цепляясь руками за какой-то камень.

— Я не могу оставить тебя тут одну, — покачив головой, прошептал Ванька, наклоняясь. — Так будет лучше.

Ещё мгновение — и она упадёт вниз.

Кровь.

Катя чувствовала её запах совсем рядом, пьянящий, сладкий и в тот же момент немного жутковатый.

Она не думала, что отреагирует на него до такой степени резко, а когда оглянулась, то увидела Ягуна. Тот спокойно готовил какого-то зверя на чудом разожжённом костре.

Его рука и вправду хранила на себе следы от ран, достаточно сильных. Вероятно, парня умудрились укусить, когда он ловил эту зверушку, но Лоткова даже не думала жалеть его сейчас.

Нет. Она буквально наслаждалась тем, что могла бы наконец-то получить хотя бы несколько капель крови...

Желание убить его стало ещё более сильным. У неё не было ножа, но, тем не менее, она могла попытаться ударить чем-то его по голове.

— Скоро будем есть, — оглянувшись, промолвил Ягун. На его губах застыла достаточно приятная улыбка, но Лоткова чувствовала, что та никогда не была хотя бы на мгновение искренней.

Она пыталась как-то сдержать себя, этот порыв, который душил её и заставлял задыхаться от ужаса, но было слишком поздно. Возможно, ей пора уже сделать нечто более радикальное, чем то, что она творит сейчас, в конце концов, рвануться к нему и убить моментально, не оставив ни единого шанса на выживание.

Девушка сжала в руке камень, который только что подобрала на земле. Они вновь остановились там же, где и были, у гор, но теперь речушка была немного дальше, да и течение её казалось слишком быстрым.

Лоткова представляла, как Ягун буквально нёсся по этим камням, как его тело превращалось в какие-то клочья, комки мяса.

Удивительно, но одна мысль об этом вызывала у неё состояние странного полувозбуждения.

— Кать, ещё десять минут!

Он вновь склонился над костром, дожаривая мясо. То было бы пресным, потому что, естественно, соли им было неоткуда взять, к тому же, вероятно, травы, которые он отыскивал, не такие уж и съедобные...

Но сойдёт.

По крайней мере, парень решил, что это будет лучшей заменой соли, чем любое отсутствие чего-либо, включая все виды специй.

В конце концов, мясо показалось ему достаточно прожаренным, и тогда он, оставив его остывать, посмотрел на свою руку.

Кровь всё ещё шла, и её приятный запах доносился до Лотковой. Она подкралась к Ягуну уже совсем близко, но тот, чёрт его подери, как-то слишком неуместно оглянулся, глядя на неё.

— Что ты делаешь?

— Ничего. Пытаюсь отыскать какое-то подобие тарелки, — улыбнулась Катя, с досадой швыряя камень на землю.

Она хотела убивать.

Она считала это своей нынешней потребностью и не собиралась отказываться от того, что требовал её организм.

Немедленно.

Совсем немного подождать, и она обязательно убьёт его. Совсем чуть-чуть, и не придётся больше ждать того отвратительного момента, когда он сам подохнет — она сделает всё своими же руками.

Неужели она когда-то любила его? Нет, вряд ли. Её ненависть была слишком сильной, чтобы любовь была правдой.

Она уничтожит его и будет счастлива в своём вечно гордом одиночестве, которого так ждала только времени!

===== Боль двадцать третья. Отголосок добродетели =====

Гроттер понимала, что и сама выдержит не более пяти минут, но Иван уже наклонился, чтобы попытаться разжать её пальцы и не позволить взобраться обратно, наверх. Чтобы она не могла выжить.

Это выглядело просто отвратительно, и рыжеволосая смотрела в его синие глаза с такой ненавистью, что, пожалуй, Ивану должно было стать не по себе. Но, впрочем, разве он умел понимать, когда кому-то становилось плохо?

Гроттер уже даже не понимала, когда именно он стал вот таким. Таким злым, скорее даже злобным...

Способным убить, как он выражается, “для её же блага” — и впервые за все игры Таня вдруг поняла, что до такой степени сильно хочет жить, что просто не может ему поддаться. Она изо всех сил уцепилась в камень, пытаясь удержаться, но не получалось совершенно

ничего.

Валялкин уже практически заставил Гроттер отпустить последний, спасительный камешек и рухнуть вниз, но вдруг схватился за сердце и резко отпрянул.

Гроттер не могла ничего сделать, лишь смотрела, как умирал, хрипя и хватаясь за горло, Валялкин, и насколько это жутко выглядело. Таня не могла ни помочь, ни помешать — она вообще ничего не могла сделать, только висеть над пропастью и надеяться на то, что незнакомец не пожелает убить и её.

Валялкин громко, истошно закричал.

Гроттер даже видела кровь, которая вдруг полилась из многочисленных, прежде несуществующих ран Ивана.

Тот извивался на земле, словно пытаясь ухватиться за что-то и остановить собственные невероятно сильные судороги, а после схватил сам себя за горло и, не понимая, что толкает его на подобные действия, поднялся на ноги.

Его руки наконец-то отпустили собственную шею, но Валялкин неумолимо приближался к краю, вот-вот готовясь упасть.

Таня зажмурилась.

Она слышала лишь истошный вопль, который разразился по всей пропасти, эхом отбиваясь от каждой стены.

А после всё стихло.

Гроттер не знала, что происходило, только почувствовала, что её пальцы окончательно соскальзывают, и уже даже не сопротивлялась, просто отпустила свой последний оплот, единственное спасение, которое только могло быть в подобной ситуации. Нет, у неё больше не осталось шансов.

Таня уже представляла себе свободу полёта. Понимала, что встретит свою смерть почти так же, как и Иван — Валялкин с его проклятым отголоском добродетели, который считает, что для её же блага можно было запросто убить её.

Как же это было отвратительно, до какой степени противно, она всё равно не могла просто так взять и возненавидеть Ваньку.

Почему всё так?

Гроттер подумала, что пора уже прощаться с жизнью, но спустя мгновение осознала, что не падает. Чьи-то пальцы сомкнулись вокруг её запястья, а после кто-то с силой дёрнул её на себя, вытаскивая на землю.

Просто так подняться Таня не смогла. Она стояла на коленях, опустив голову, и цеплялась руками за траву, словно та могла помочь ей удержаться и не свалиться вниз ещё раз, уже окончательно.

Тот самый человек, который убил Валялкина и спас её, сейчас силком поднял Гроттер на ноги и легонько встряхнул.

Таня наконец-то осмелилась посмотреть ему в глаза.

Некромаг.

Она сама не понимала, откуда пришло подобное осознание, но смотрела в его чёрные-чёрные глаза, которые сейчас казались слишком тёмными, слишком холодными, и не могла больше увидеть ничего, словно в его облике только одни и глаза остались от всего внешнего вида.

— Жива.

Он выдохнул это с определённым облегчением, осмотрев её внимательно на предмет

повреждений, а Гроттер, словно сумасшедшая, отметила, что у этого человека приятный, мягкий, практически бархатистый голос.

Ей казалось, что она сейчас потеряет сознание прямо сейчас, но вместо этого Таня чрезмерно внимательно рассматривала некромага.

Ей что-то не позволяло отвернуться.

Она скользила взглядом по его одежде — вполне обычной, если не считать что-то странное, похожее то ли на плащ, то ли на слишком длинное пальто — чёрное и, вероятно, защищающее от определённого вида погодных условий или, пожалуй, какого-то нападения.

Может, даже от магии.

Он усмехнулся, заметив достаточно любопытный, истинно женский взгляд, который, казалось, не должен быть свойствен Провидице. Впрочем, Провидицы и колдовать не должны, а у этой получалось.

Таня помнила, что некромага звали Глебом, но, тем не менее, больше никакой информации ей в голову просто не приходило.

Гроттер шмыгнула носом, словно пытаясь что-то понять, а после полушёпотом спросила:

— Зачем?

Гробыня устала идти. Ей хотелось упасть прямо здесь и отправиться в лучший мир, к её любимому, прекрасному Гломову.

Горгонова не отпускала.

Она вновь легонько подтолкнула Гробыню, словно заставляя вновь куда-то идти, а сама в тот же миг села прямо на траву.

Теперь местность начинала постепенно меняться. Они, почувствовав какой-то гром у ручья, отошли от него, отказываясь шагать вдоль, и теперь направлялись куда-то вглубь, как считала Горгонова, арены.

— Мне кажется, что мы идём не в ту сторону, — наконец-то прошептала Склепова. — Я хочу найти эту тварь и убить её.

— Лоткову?

— Да, Лоткову! — воскликнула она, с ненавистью глядя на Медузию. — А мы идём непонятно куда, отходим от ручья...

— Ручей — это границы. Я видела столько раундов, столько выпусков “Тибидохса”, что уже способна это определять.

И вправду, Горгонова, возможно, была права.

— Ручей выходит где-то из гор, причём с двух сторон. Он смыкается практически в единое целое, может быть, где-то формирует озеро, а может пересыхает одновременно или вливается сам в себя. Вы когда-то видели на противоположном берегу хотя бы одного человека за всё время?

Склепова пожала плечами.

— Это было неважно, — выдохнула она. — Мне плевать на то, как устроена эта арена, я просто хочу вернуться к Гуне.

— Успеешь, — равнодушно отозвалась Медузия. — Итак, этот ручей проходит по кругу, пересекая горы, лес, два вида полей — одни покрытые цветами, другие сухие. Но всё равно под конец все будут вынуждены собираться в центре.

Склепова усмехнулась. Ей было наплевать, кто и где должен собираться, она

предпочитала просто не задумываться над этим.

— Поэтому мы будем направляться к центру, — наконец-то сообщила Горгонова.

— А если мы от него наоборот отдаляемся? — хмыкнула Гробыня. — Что тогда? Ты не можешь дать мне гарантии!

— Не могу, — Горгонова вздохнула, а после, почувствовав колющую боль в сердце, попыталась проигнорировать всё, что происходило в её организме. Она понимала, что слишком опасно позволять своему сердцу без конца болеть, но, тем не менее, уже даже не задумывалась над тем, что делает.

— Тогда почему ты решила, что мы идём к центру?

— Потому что тут все дороги ведут к центру, — спокойно протянула Медузия. — Понимаешь ты или нет, на противоположном берегу проходит граница! Может быть, в десятке метров. А может посреди ручья!

Склепова лишь равнодушно пожала плечами.

— Запомни. Там ты сможешь их встретить. Только там. Только там, где будет центр, — спокойно прошептала женщина, словно пытаясь убедить Склепову поверить ей хотя бы на несколько мгновений.

Наконец-то женщина дождалась согласного кивка от Гробыни и едва заметно улыбнулась, чувствуя, что ей стало немного легче.

— Всё будет хорошо, — прошептала наконец-то совсем-совсем тихо Медузия. — Всё будет хорошо, мы выиграем.

Она посмотрела на Склепову с неожиданной нежностью, которая, возможно, сейчас была излишней.

Её карие глаза казались сейчас не такими уж холодными и равнодушными, но, тем не менее, Медузия всего лишь играла определённую роль, которую отвела сама себе. Она не видела других вариантов развития событий, исключительно свой план, вот только силы Сарданапала не позволяли ей жить спокойно.

Наконец-то, отойдя немного от Гробыни, она расстегнула пуговицы собственной рубашки и посмотрела на огромную кровавую рану, которая осталась после магии некромага. Страшно было думать даже о последствиях, но у неё всё равно, что так, что так не осталось совершенно никакого выбора. Только идти вперёд.

— Что — зачем? — Бейбарсов удивлённо изогнул бровь, усмехаясь так, словно уже предвидел ответ.

— Зачем было меня вытаскивать?

Таня так и не отвела от него взгляда. Она не могла понять, что в нём было не так, но, тем не менее, что-то вызывало у неё слишком сильный страх, который, пожалуй, был более чем реальным и уместным сейчас, в подобной ситуации.

Бейбарсов склонил голову набок, рассматривая её, а после вздохнул и протянул руку, словно предлагая подойти ближе.

Гроттер подчинилась.

К тому же, она с радостью отошла бы как можно дальше от проклятого уступа, который превратился в огромнейшую пропасть, которую она, впрочем, никогда прежде не видела в собственных видениях.

— Никогда прежде не видел Провидиц с даром, — наконец-то сообщил парень, потянув её за руку и даже обняв за талию, впрочем, достаточно осторожно. Гроттер содрогнулась —

прикосновения, причём любви, вызывали теперь у неё предельный страх, словно она оказалась в какой-то параллельной реальности и не могла никак контролировать собственное состояние.

Рыжеволосая продолжала упрямо молчать. Она боялась сказать ему хотя бы несколько слов в добавок к тем, которые уже успела вымолвить, да и непонятное подобие, аллюзия страха теперь казалось для неё абсолютно нормальным и логичным.

Таня чувствовала, что во всём этом должно быть что-то не так, должен быть какой-то подвох.

Глеб был одет во всё чёрное — этот странный чёрный плащ, кажется, достаточно тёплый, хотя на улице было и не особо-то и холодно, чёрная рубашка, чёрные брюки, чёрная обувь.

Волосы и глаза, словно назло, в тон.

Правда, сейчас, когда солнце уже практически зашло за горизонт, он казался даже немного бледноватым, и кожа его уж точно никогда не бывала чёрной — разве что смуглой, что свойственно людям, которые много бывают на улице или, возможно, живут у моря.

— Ненавижу море, — прошептал внезапно ей на ухо Бейбарсов, подойдя слишком близко, а после вновь отдалился на определённое расстояние.

Он снял плащ, швырнув его на землю, и тот, словно специально, будто бы управляемый волшебством, расстелился невероятно ровно, словно предлагая воспользоваться им словно каким-то одеялом.

Гроттер содрогнулась.

Она прежде никогда не боялась настолько сильно людей, с которыми имела дело, да и вообще, казалось, теперь ей должно было быть всё равно.

Валялкина рядом нет.

Тем не менее, она не понимала, почему, но продолжала дрожать от страха, удивляясь тому, что чувствовала.

— Подойди ко мне.

Его голос звучал совсем-совсем тихо, но, тем не менее, с достаточно сильным нажимом. Это походило на определённого рода приказ, не самый приятный, если так подумать, хотя Таня отчаянно старалась это игнорировать.

Вместо того, чтобы подчиниться, она отступила на несколько шагов и всхлипнула, вдруг осознавая, что по щекам катятся слёзы.

Почему?

Она вроде бы жива.

— Подойди ко мне, — строго повторил Бейбарсов, глядя на девушку так, что она просто не смогла больше воспротивиться, но невероятными усилиями заставила себя остановиться после первого же шага.

Глеб не стал ждать. Он приблизился к ней сам, грубо привлекая к себе и буквально толкая на тот самый расстеленный плащ.

Таня сопротивляться не могла, только громко вскрикнула, пытаясь успокоиться и не чувствовать такой отвратительной ненависти, такого сильного страха.

— Не надо, — тихо прошептала она, пытаясь отползти куда-то дальше, но не сумев даже сдвинуться с места.

Бейбарсов присел рядом, рывком притягивая её к себе и не обращая никакого внимания на слабое сопротивление.

Таня попыталась дёрнуться, когда его пальцы скользнули по пуговицам её рубашки, изорванной и практически превращённой в клочья. Рыжеволосая попыталась вновь воспротивиться, но у неё совершенно ничего не получилось — девушка только оставила тонкую царапину у него на плече, умудрившись даже разорвать рубашку.

Некромаг на это совершенно никак не отреагировал — ни хорошо, ни плохо. Он потянул её за рыжие волосы, заставляя запрокинуть голову, и поцеловал в шею, стягивая с девушки остатки одежды.

Она не понимала, когда её толкнули на землю — Гроттер вообще ничего не могла сейчас осознавать.

Она лишь чувствовала приятную, даже тёплую ткань плаща, на котором лежала, и тихо всхлипывала, уткнувшись носом в изгиб руки и пытаясь не сопротивляться — от этого стало бы ещё хуже.

Бейбарсов в очередной раз поцеловал её в шею, после прикоснулся губами к плечу, а потом, не позволяя девушке перевернуться на спину и вообще сдвинуться с места, провёл ладонями по нежной коже.

Гроттер пыталась не плакать.

Ей было как-то пусто-пусто, словно больше ничего вокруг не могло происходить — и девушка потеряла счёт мгновениям.

Не то чтобы некромаг был ей противен — но, тем не менее, она слишком сильно боялась его.

Глеб грубо вошёл в неё, прижимая к земле и не позволяя даже дёрнуться. Девушка лишь хрипло вскрикнула, от неожиданности даже умудрившись укусить себя за руку.

Она не понимала, что делает — просто вошла в какой-то странный транс, словно растворилась в воздухе и потеряла счёт дням и минутам.

Таня сама не понимала, что заставило её терпеть, просто дрожать в его руках — но дрожать молча.

Она тихо шипела от боли, чувствуя, как его руки блуждают по её телу, как его ладони сжимают её грудь, и молчала.

Постоянно молчала.

— Пожалуйста, — словно потеряв уже счёт мгновениям и не понимая, что происходит, выдохнула Гроттер.

В последний раз прикоснувшись губами к её плечу, он, кажется, откатился куда-то в сторону, но Таня даже не сдвинулась с места.

Она не могла ни подняться с проклятого плаща, который, впрочем, был брошен на землю для её же блага, ни сказать что-либо, ни даже одеться.

Бейбарсов, правда, тоже молчал.

Наконец-то он присел совсем рядом на траву и, кажется, укрыл её чем-то.

Гроттер не помнила, когда умудрилась то ли уснуть, то ли потерять сознание — но, тем не менее, что-то случилось.

Реальность уплыла куда-то далеко-далеко.

Боль настигла её с новой силой, словно её вновь потащили куда-то — но на этот раз уже знакомая, разрывающая на мелкие части.

“Она чувствовала себя не просто одинокой — она и была одинокой, но на сей раз ещё и вынуждена оказалась оставаться одна в проклятом, огромном доме, который вызывал у неё разве что сплошной страх.

Всюду страх.

Она плакала, мечтая о том, чтобы здесь был ещё кто-то.

Как так могло выйти?

Миллион предательств, столько боли и ненависти, столько всего — и она не могла ничего предпринять.

Даже шевельнуться не могла.

— Будь проклят этот дом, этот “Тибидохс” и эта победа! — закричала, не в силах сдержаться, Таня”.

У неё опять было видение.

===== Боль двадцать четвёртая. Ночь =====

Гроттер не помнила, когда успела прийти в себя. Она просто спокойно лежала, стараясь никого не разбудить, и пыталась упорядочить собственные мысли.

Как же плохо.

Всё тело болело от вчерашнего — она не могла понять, почему, но, тем не менее, на руках явно были синяки.

Да и на спине, и на бёдрах тоже.

Гроттер не стремилась ни на что смотреть — но, тем не менее, она просто не могла подняться на ноги, потому что это казалось слишком страшным.

Таня так и не оделась, а вот Бейбарсов, дремлющий совсем рядом, не надел разве что плащ, на котором они лежали.

Тот, впрочем, теперь оказался слишком грязным, ещё и с пятном её крови — поэтому вряд ли Глеб стал бы его одевать.

Хотелось пить.

Таня попыталась подняться, но это не принесло ни единой нотки успеха. Наконец-то рыжеволосая сумела сесть, попытавшись кое-как сохранить нормальное самочувствие, и попыталась взглядом отыскать собственную одежду.

Её не было.

Гроттер не помнила, что происходило — почему-то ей казалось, что Глеб не позволил ей спокойно уснуть — рыжеволосая была в небытии, но знала ведь, что на самом деле, когда у неё видение, то она выглядит более чем живой.

По крайней мере, для человека, который знал её разве что по мгновенным встречам, которых было мало, она казалась просто...

Испуганной.

Впрочем, Гроттер не ручалась за всё происходящее — она просто позволила себе равнодушно подчиниться.

А почему...

Потому что так было намного легче.

Ей вообще вот так проще. Проще подчиниться, проще не сопротивляться и не вырываться без конца, вот только это почему-то не приносит желаемого результата, по крайней мере, в основном именно так.

— Спи.

Голос его был хрипловатым, в отличие от вчерашнего, наверное, из-за сна, и Бейбарсов грубо притянул её к себе.

— Не дёргайся, — шёпотом приказал он. — И вообще, веди себя тихо, если, конечно, тебе ещё хочется жить.

Таня послушно умолкла, но, спустя мгновение осторожно прикоснулась к плечу парня, словно пытаясь его разбудить.

Её видение не позволило до конца ощутить всю ненависть к нему, да и вообще понять, ненавидела ли она его.

Может быть, происходи всё это в другой обстановки и без смерти Ивана, который погиб у неё на глазах, всё прошло бы совершенно нормально.

Может быть, если бы они были где-то в нормальном, чистом месте, а не на проклятой траве, если бы она так не боялась, то не было бы ни сильной боли, ни вообще ничего, что так сильно напугало её за всё это время.

— Что?

Голос Бейбарсова звучал достаточно холодно, но, тем не менее, он пока что не демонстрировал особого раздражения.

— Можно воды? — полушёпотом попросила Таня.

Она понимала, что на таких дрожащих ногах просто не дойдёт до того ручья, которого теперь и вовсе боялась.

Бейбарсов попытался что-то нащупать рукой совсем рядом с собой, а после протянул ей флягу.

— На, забирай, — он зевнул и вновь лёг на траву, но, что-то отыскав на траве, отдал девушке и её одежду.

Гроттер кивнула, словно принимая это, как должное, а после с неожиданной опаской посмотрела на небо.

Она едва-едва смогла натянуть на себя нижнее бельё и брюки, но с пуговицами была уж точно беда.

Руки у девушки дрожали, она вновь начала плакать, причем, не понимая, что стало для этого причиной — ей было просто очень, очень страшно.

Бейбарсов окончательно проснулся и сел напротив неё. Он явно прекрасно видел в темноте, но не стал ничего говорить, лишь притянул Гроттер к себе, застёгивая пуговицы её рубашки.

Девушка дрожала.

Она опустила голову, опасаясь смотреть ему в глаза, и едва-едва могла сдерживаться, чтобы не расплакаться.

Бейбарсов, причем, заставив её окончательно одеться и даже обуться, потому что ночь становилась всё более холодной, улёгся на плащ, заставляя её устроиться рядом и даже положить голову ему на плечо.

Он уснул, причем, достаточно быстро.

Гроттер лежала совсем тихо, стараясь его не разбудить. Ненависть, которой не было, наконец-то стала просыпаться.

Страшно-то как.

Она не знала, почему, но, тем не менее, попыталась не разбудить Глеба и подняться как можно тише.

Так будет лучше.

Руки у неё слишком сильно дрожали, да и вообще, возникало впечатление, что Таня могла бы прямо сейчас свалиться в обморок, но она старалась продержаться, ведь от этого зависела её жизнь.

Рыжеволосая взяла с собой флягу, а после осмотрелась, словно пытаясь отыскать что-то

ещё.

Ей было ужасно холодно, но этот проклятый плащ она боялась даже тронуть, словно тот был ядовитым.

В конце концов, решив, что так будет лучше, Гроттер побрела куда-то в противоположную от ручья сторону с пустыми руками.

Холодно.

Наверное, лучше было бы остаться с некромагом, который, возможно, просто прогнал бы её, а может и оставил бы с собой, но она не могла.

Отвращение, которому прежде так сильно помешало видение, теперь накатывалось на неё сплошной волной.

Она просто не могла заставить себя хотя бы немного сдержаться, без конца чувствовала странную тошноту.

Как же плохо.

Гроттер вообще не понимала, откуда у неё появились мысли подобного рода, но она просто не могла бороться с собой.

Не могла.

Она так устала, так сильно желала просто упасть здесь и больше никогда в жизни не подниматься...

Наверное, так проще.

Проще просто взять и умереть, не задумываясь над тем, что происходит вокруг, отчего ей настолько плохо.

Чтобы больше не было никакого “Тибидохса”.

Но Гроттер просто не могла ничего этого сделать — ей было до такой степени плохо, так жутко, и она не могла с собой бороться.

Девушка всё вспоминала чёрные глаза проклятого некромага, которому было наплевать и на неё, и на то, что она чувствовала...

Лишь бы получить то, чего ему вдруг захотелось.

Таня сама себя ненавидела за то, что вообще подчинилась, что позволила собой воспользоваться, но...

Так поздно сожалеть.

Так поздно менять что-либо, если она уже успела проиграть ему эту последнюю, невероятную битву.

Можно только погибнуть.

Гроттер сама толком не знала, откуда у неё появились настолько глупые мысли, связанные неразрывной нитью с чем-то глупым и непонятным — но нельзя было вырваться и просто так отбросить это в сторону.

Невозможно.

Ей хотелось завопить на весь лес, чтобы её немедленно отпустили, но, по правде говоря, никто на самом деле не держал её и не хватал за руки, чтобы она начала орать что-то подобное прямо сейчас.

У неё нет такого права.

У неё вообще ни на что нет никакого права, она должна идти как можно тише, иначе некромаг догонит её.

Схватит.

Заставит вернуться.

Она понимала, что просто не перенесёт этого, что не желает возвращаться, а может быть, как раз наоборот.

Бейбарсов казался каким-то очень странным — но, возможно, следовало оставаться ему благодарной.

Потерянная честь...

Может быть, это лучше, чем умереть от руки того, кого ты, как сама считала, вообще когда-то любила?

Провидица.

Жанна посмотрела внимательно на свою сестру по Дару, словно собираясь заставить её сказать что-то, высказать неизвестную тайну, но, тем не менее, упрямо промолчала, будто бы решила, что это будет неправильно.

— Ты хотела мне что-то сообщить, — внезапно промолвила Ленка, будто бы прочтя мысли Аббатиковой.

Жанна вздохнула.

— Ты ошиблась, — промолвила она, но, судя по холодному и мрачному взгляду, на самом деле всё было иначе.

— Я не ошиблась, — упрямо повторила Свеколт. — Всё это совсем не так, и тебе не стоит продолжать в подобном темпе.

Вздых.

Громкий, недовольный, явно высказывающий, что Аббатикова что-то задумала — а Лена прекрасно понимала, что у неё есть определённый список победителей, и что со списком Жанны это не совпадает.

Они с Глебом всё согласовали.

Но когда в последний раз Жанна прислушивалась к их мнению, когда пыталась включить голову?

Она ведь не делает то, что они хотели бы увидеть в нормальном, настоящем виде, совершенно ничего не хотела.

Глупости!

— Знаешь, я считаю, что вы с Бейбарсовым от меня что-то скрываете, — внезапно промолвила Жанна, глядя на свою сестру.

— И что же?

Ленка старалась не демонстрировать ни единого оттенка беспокойства, словно на самом деле ничего не случилось.

Она понимала, что не должна продемонстрировать собственное беспокойство, потому что это приведёт к плохим последствиям.

— Я пыталась посмотреть на Глеба через зеркало.

— Это его зеркало, — отметила Лена. — Ты не можешь им пользоваться без разрешения Бейбарсова, и прекрасно знаешь об этом.

Жанна закатила глаза.

— Я тоже ваша сестра. Ты прекрасно пользуешься зеркалом, когда тебе хочется и даже тогда, когда Глеба нет рядом.

— Я не пытаюсь подсмотреть за ним.

Аббатикова нахмурилась.

Во взгляде сестры по дару чувствовалось определённое обвинение, которое она никак

не могла победить или исправить.

Это всё казалось таким странным!

— Я вступаю в активную игру, и мне плевать, что вы об этом думаете, — наконец-то выдохнула равнодушно она.

— Кто бы сомневался.

Лена знала, что так будет. И знала, что если Бейбарсов узнает о том, что его планы пытаются нарушить, то сделает всё, чтобы это никогда-никогда не произошло.

А он куда сильнее Жанны.

Он куда сильнее их двоих вместе взятых, и даже всех вместе участников, которые были вокруг.

Всех.

Вот только Аббатикова не спешила с этим фактом мириться настолько быстро, настолько спокойно.

Чума усмехнулась.

Совсем немного осталось времени до того момента, когда начнётся последний тур. И она должна была это огласить.

Скорее бы.

Женщина сама толком не понимала, что заставляло её сегодня чувствовать себя менее уверенной, чем обычно.

Она столько раз это делала...

В последний раз, во время своего визита, Бейбарсов подарил волшебное зеркальце — не надо было искать по камерам нужную информацию, и Чума просто прищёлкнула пальцами, всматриваясь в изображение.

Наконец-то.

Глеб дремал где-то в лесу — вероятно, девица всё-таки убежала от него, но, впрочем, это не было важным.

Пусть.

Пусть делает что хочет — Чуме почему-то было абсолютно наплевать на это, она была готова разрешить ему всё, что угодно. Всё.

Наплевать.

Она посмотрела на кнопку, на которую должна была совсем-совсем скоро нажать, но времени пока что не было.

Оно ещё не пришло.

Совсем скоро.

Отмщение должно наступить — Медузия уже совершила ожидаемое от неё предательство, которое должно было осуществиться.

Теперь осталось совсем немного.

Всего шесть дней, а после год, который обещал ей некромаг, и всё будет хорошо, всё будет так, как она ожидала.

Она получит своё счастье.

Хоть немного.

Капельку.

Хотя бы несколько мгновений жалкого, отвратительного, глупого осколка счастья, который остался у неё.

Схватиться бы за неё.

— Я буду такой, как вы все никогда не ожидали, — рассмеялась Чума. — Я видела, — она говорила сама с собой. — Я видела.

Она видела себя, молодую, сильную, могущественную.

Такую, которой должна была стать когда-то давно, но всё равно не такой, как станет. Совсем немного.

Некромаг обещал ей.

Некромаги врут.

Некромаги врут, но у неё было прекрасное, идеальное видение, которое показало ей совершенно всё.

Всё.

Больше не осталось ни единого следа от реальности, и она чувствовала себя идеалом.

Теперь она лишь спокойно ударила по кнопке, чувствуя, что мир растворился в воздухе и стал ирреальным.

Последний тур.

===== Боль двадцать пятая. Планы =====

Ленка сама не знала, что заставило её попытаться отыскать хоть какое-то одиночество среди людей — она сама направилась сюда, в глубины леса, скрываясь от Аббатиковой и преследуя определённые цели.

Совсем скоро все будут собираться к центру — осталось очень мало времени, да и вообще, вскоре следует уничтожить лишних. Остаться в живых должны только трое человек, не четверо, потому что слишком много людей погибло на одном из этапов, а Чума прекрасно знает, что, как и кому должна приказывать сделать.

Елена понимала, что у Шурасика всё ещё были шансы погибнуть. Она повешивала на него миллионы защитных заклинаний, но это ведь могло и не помочь, если он не будет относительно осторожным.

А что если ему вдруг станет плохо?

Впрочем, при этом Свеколт прекрасно знала, что находиться рядом с Шурасиком ей чрезвычайно опасно.

Ей-то, впрочем, ничего не будет...

Но вдруг его начнут в чём-то подозревать, обвинят в том, чего парень никогда в собственной жизни не совершал?

Он ж не виноват.

...Елена пыталась побыть наедине с собственными мыслями.

Одиночество.

Она так соскучилась по этому ощущению странной тишины, которая теперь окружила её и позволила расслабиться.

У каждого в жизни есть свои цели, и она сейчас преследовала свою — определённую, спокойную и такую равнодушную, что даже становилось не по себе. Тем не менее, нельзя было выдавать собственные цели — пока что слишком рано демонстрировать всё то, что она знала или желала сделать.

Для начала надо было обезвредить Аббатикову, которая почему-то решила вступить в игру слишком уж не вовремя.

Глеб прекрасно знал об этом.

Лена знала, что от того, как Бейбарсов себя поведёт, зависит судьба всех, кто сейчас тут

был — и поэтому не собиралась просто так взять и предать его, позволить себе не рассказать Бейбарсову правду.

Он может им помочь, спасти их — и Шурасика, и тех, кто должен победить.

Бейбарсов уже очень многое сделал для этого, слишком многое, чтобы просто так отступить тогда, когда почти что победил.

...Ленку отвлекло от грустных мыслей слишком яркое солнце, которое предпочло затопить незнакомую полянку впереди.

Свеколт думала, что она знала практически все ходы в этом лесу, и в той пустыне, которая ограничивала их, которая лежала в центре всего этого поля, вот только не помнила о подобной поляне.

Может быть, это даже и к лучшему.

Она улыбнулась, наконец-то ступая на яркое солнечное пятно и чувствуя себя так более свободной и счастливой.

Она подняла голову, немного прищурившись — некромаги не любили Солнце, — и посмотрела на огромное светило.

Эта звезда, которую люди называли своей последней надеждой, казалась такой спокойной-спокойной.

Удивительно.

Сколько смертей увидели Луна и Солнце, а они, такие могущественные и прекрасные, даже не попытались ничего изменить.

Они спокойно следили за этим и равнодушно дожидались того момента, когда убийцы будут наказаны или, напротив, получают собственную долю счастья в этом мире.

Они были прекрасными проводниками для тех, кто замышлял недоброе, а может и наоборот — Солнце и Луна были немymi пособниками каждого здесь, на “Тибидохсе”, и Ленка тоже любила их.

Относительно, впрочем.

Она видела в темноте, как и каждый некромаг, и терпеть не могла свет, но сейчас он ей показался относительно родным и близким, куда более важным, чем всё прочее, что окружало её уже достаточно долго.

Это был очень странный мир, к которому требовалось привыкнуть поразительно быстро, а у неё ничего не получалось.

Наконец-то Свеколт внимательно осмотрелась и осознала, что тут она не одна. Энергия чужой смерти буквально скользила по её рукам, и Ленка чувствовала это.

Она всегда была более чувствительна к погибшим, чем Бейбарсов или Жанна Аббатиковой для этого не хватало сил, а у Глеба было всё наоборот — он просто не мог ограничить поток некромагии.

Сейчас, когда дар, который достался ему в наследство, наконец-то вступил в свои права, ему станет ещё труднее.

Если Глеб пожелает, то ощутит мёртвых куда лучше, чем Лена и Жанна вместе взятые, но если не захочет, то его будет ослеплять собственная аура.

Вряд ли Бейбарсов будет против.

— Осталось семеро, — прошептала себе под нос Свеколт, опускаясь на колени перед мёртвым Кузьмой и убирая с его лица прядь волос, кудрявых и самых, впрочем, обыкновенных.

Он умер.

Умер, глядя на Солнце широко раскрытыми глазами — и Елена, проникнув в его последние, предсмертные воспоминания, весело улыбнулась, словно соглашаясь с какой-то мыслью, которую смогла почувствовать.

— Покойся с миром, — наплевав на то, что это она его убила, прошептала Свеколт — а что плохого в том, что она совершила?

Пожалуй, всё скорее очень даже наоборот — она защищала того, кого, возможно, немного любила, и это было очень ценно для неё. Елена знала, что Тузиков простил бы даже собственную смерть.

Она чувствовала его мысли, понимала, что он предельно расстроен, но, тем не менее, даже отчасти счастлив.

Он мог чувствовать себя более чем нормальным человеком, а не расстраиваться по поводу и без.

И это было, признаться, идеально.

— Покойся с миром, — повторила Елена, а после, резко выровнявшись, направилась куда-то как можно дальше, не собираясь больше останавливаться здесь, потому что ей было не так уж и интересно чувствовать энергию Смерти.

Конечно, тем, что осталось в его теле, можно было прекрасно подпитаться, но Елена считала это низким.

Да и, к тому же, не следовало забывать о том, что рассказывал Бейбарсов — Глеб часто повторял, что попытка выкачать жизнь из тех, кто уже умер, для многих заканчивается очень плачевно.

Правда, после этих слов он в основном и сам более чем нагло пользовался тем, что осталось ему от волшебства.

Но, тем не менее, Елена никогда не завидовала Бейбарсову — она знала куда больше теории, чем он, а Глеб часто пользовался этим, требуя её помощь; Елена не отказывала практически никогда.

Возможно, не просто так она чувствовала, что Бейбарсов остался единственным, кто был частью её семьи.

Но Жанне придётся пожертвовать собой ради того, чтобы кто-то другой был очень, очень счастлив. Она заслужила подобное к себе отношение — как жаль, что Аббатикова сама этого так и не успела осознать.

Горгонова чувствовала, что ей не так-то уж и долго осталось идти, но, тем не менее, длинный ряд почерневших от её попыток получить несколько капель энергии кустов свидетельствовал о том, что есть шанс выжить.

Медузия впитывала всю магию, которую только могла, и это позволяло бороться с тем, что всё ещё жило внутри неё.

— Мы уже практически дошли, — прошептала она, покосившись на Гробыню. — Смотри, вот он, центр!

Склепова за долгое время успела немного смириться со смертью Гломова, и теперь её месть стала более холодной и расчётливой.

Теперь Гробыня знала, что должна делать, и не собиралась просто так отступить от своей цели — и Горгонова чувствовала, что девушка стала более чем серьёзным противником, но в тот же миг очень даже хорошим союзником.

Сейчас Склепова просто всматривалась в неизвестную пустыню, которая раскинулась

перед ними.

Она была огромной.

Казалось, это всего лишь какая-то круглая площадка, окружённая лесом, но, тем не менее, Горгонова чувствовала, что невозможно будет просто так покинуть это место, ступив на него.

Тут не было ничего живого.

Пески переходили, словно волнами, из одного бархана в другой, и огромные песочные горы казались просто-таки убийственными.

— Пустыня, — прошептала Склепова.

— Да. Мы практически подошли к центру, — наконец-то спокойно промолвила Медузия. — Думаю, совсем скоро можно будет переступить черту, но пока что совсем рано это делать.

— У нас почти закончилась вода.

Эти слова наконец-то заставили Горгонову вспомнить о реальности — она и забыла о том, что, пожалуй, людям надо пить.

Медузия понимала, что в пустыни ей будет нечего вытягивать из окружающих её растений, и это немного раздражало.

Возникало впечатление, что весь этот мир способен затопить её своими сплошными песками, и это раздражало.

Девушка склонила голову набок, глядя на Горгонову — и Медузия вновь почувствовала, что Склепова не доверяет ей. Это расстраивало, по крайней мере, относительно, и ничего не могло вернуть Горгоновой нормальное настроение.

Уверенность в себе постепенно таяла, словно та вода, которая вытекает сквозь ладони.

— Ничего, — наблюдая за тем, как пески взмывают в воздух, гонимые сильным ветром, что никогда не утихал тут, промолвила Медузия. — Через шесть дней наступит окончательная свобода, и всё будет хорошо.

— Не верю, — отрицательно покачала головой Гробыня. — Мне кажется, тут вообще никогда ничего не может быть хорошо.

Горгонова хрипловато рассмеялась.

Ей показалось, что на самом-то деле не осталось совершенно ничего хорошего в этом потоке мыслей и жизни.

Может быть, следовало попытаться вернуться к реальности и хотя бы немного отреагировать на происходящее, но, тем не менее, Медузия не хотела этого делать — она чувствовала себя блаженной.

— Наверное, так ощущают себя Провидицы, — наконец-то выдохнула Горгонова, не обращая внимания на то, что её могут услышать.

Гробыня удивлённо покосилась на свою спутницу, но промолчала.

— Я пока что не вижу причин отправляться в пустыню, — наконец-то промолвила она. — Какой бы там центр там не лежал, я всё равно не хочу туда идти, — девушка устроилась на земле, скользя кончиками пальцев по травинкам.

Возможно, она была права.

Пустыню от прекрасного леса отсекала словно какая-то тонкая линия, за которую не мог переступить ни один стебелёк.

Это была магия, магия сильная и невероятно серьёзная — и купол можно было увидеть даже по тому, как сформировался ряд последних деревьев, словно охраняющий вход в лес и

не пускающий сюда пустыню.

Ни одна песчинка так и не долетела к Горгоновой и Гробыне — словно их что-то охраняло, какая-то невидимая преграда.

— Оттуда можно выбраться только телепортом, — наконец-то промолвила Медузия. — Я видела уже однажды такое поле.

Она не просто его видела, она его создавала — и это были те игры, тот “Тибидохс”, на котором умудрилась не погибнуть, но умереть Чума-дель-Торт.

Увы, она так и не сумела распрощаться с жизнью окончательно, и сейчас создала такое количество проблем.

Это было достаточно жутко, и не оставалось ни единого выхода, кроме как попытаться победить здесь.

Медузия верила до сих пор, что ей позволят это сделать и что она наконец-то сможет, скорее всего, оказаться счастливой — может быть, в этом есть определённый оттенок смысла, хотя на оный не следует надеяться.

Всё будет хорошо.

Когда-то.

— Знаешь, думаю, следует наполнить фляги водой, — забыв о том, что фляг у них не было, прошептала Горгонова.

Она тоже легла прямо на землю и посмотрела на солнце, которое стремительно пряталось за какими-то тучами.

Всё будет хорошо.

Аббатикова ещё раз пересмотрела собственный вариант послания от Чумы, на котором значилось всего два слова.

Что за жизнь?

Она равнодушно рассматривала это самое холодное “убить девчонку” и перебирала кандидатов на смерть.

Кто тут остался из женщин?

Медузия отпадала сразу же. Она и без того умирала, к тому же, её вряд ли можно было обозвать девчонкой.

Конечно, Аббатикова и не рискнула бы поткнуться именно к Горгоновой. Та была уже далеко не настолько сильна, как прежде, но всё равно в ней осталась та самая удивительная сила, которая присуща определённым людям. Она бессмертна, а это более чем плохо.

Следовало перебирать дальше.

Лоткова с этим своим белобрысым Баб-Ягуном тоже отпадали. Бейбарсов проклял Екатерину...

Она всё равно должна была умереть.

Вряд ли следовало надеяться на то, что он смог бы, возможно, убить её сразу же таким заклинанием — но Глеб, тем не менее, был могущественным колдуном, и замедленное действие проклятья уже убило в Лотковой человека.

Быстро, однако.

С Горгоновой шагала ещё одна девица, Гробыня Склепова, и ту можно было назвать девчонку, но...

У неё была бы и какая-то более яркая характеристика, пожалуй, если бы письмо писала Чума — а ведь это точно была она, у Жанны не возникало совершенно никаких сомнений

относительно этого.

Аббатикова предпочитала обычно не задумываться над подобными вопросами, но, тем не менее, ей было даже относительно приятно, что она имеет полное право сделать что-то, что не мог совершить кто-то другой.

Она могла выполнить это указание.

В конце концов, взгляд Жанны остановился на Татьяне.

Провидица.

Это слово заставило её всё осознать.

Конечно же, Чума искала ту, которая помешала бы ей больше всего — ту, которая была бы ей достаточно интересна.

Впервые в жизни она давала настолько расплывчатые и до такой степени конкретные одновременно характеристики.

Чума явно хотела получить определённую пользу из всего этого, и она обязательно её получит.

Аббатикова знала, что не стала бы ни за что предавать повелительницу, которая могла и без неё сделать слишком многое.

Она понимала, что должна ценить доверие Чумы — ведь та могла отправить то ли падальщиков, то ли саблезубых барсов.

Тогда Гроттер не выжила бы, если б, конечно, у неё вдруг не появился потрясающий дар, который помогал ей справляться с животными с потрясающей лёгкостью.

Но тогда они бы знали.

Да и... провидица. У провидиц не бывало ничего, кроме возможности узнать будущее, и это делало их всё более и более слабыми.

Скоро таких не останется совершенно, ведь дар передаётся в основном по крови, и он достаточно силён, чтобы можно было напугать большинство тех, кто лезет к таким людям, но в тот же момент не настолько ужасен и...

Аббатикова уже сделала свой выбор.

Она усмехнулась, почувствовав собственное торжество, и равнодушно кивнула собственным мыслям, словно соглашаясь с ними практически сразу после того, как поняла, в чём дело.

Пора быть верной и совершать то, что надо.

Пора выполнить приказ.

Ленка и Глеб не спешат это сделать, и после их назовут предателями, обязательно назовут. Иначе и быть не может.

Чума приказала убить Провидицу Гроттер, и она, Жанна, обязательно уничтожит именно её, сомнений нет.

===== Боль двадцать шестая. Сойти с ума =====

Ягун продолжал смотреть на неё с этой отвратительной, не подлежащей пояснениям нежностью, которая неимоверно сильно раздражала и вызывала отчаянное желание буквально взвизгнуть прямо здесь.

Девушка пыталась бороться.

Она столько времени мечтала о том, что они будут вместе, что теперь это глупое желание стало действительно неосуществимым и даже ненавистным. Почему-то Лоткова потеряла всё, что могла называть собственным здравым рассудком, и ни на мгновение не пожалела об этом.

— Ты себя плохо чувствуешь?

Девушка отрицательно покачала головой в ответ на этот вопрос, но ненависть, которая вспыхнула в её душе, оказалась ещё более сильной, чем прежде. Трудно было ограничить себя в этом, но, тем не менее, Лоткова старалась.

Ей казалось, что они не продвинулись даже на десяток метров. Было всё труднее и труднее идти, но, тем не менее, местность не менялась — только грунт под ногами становился всё более и более вязким.

Они для пути выбрали полосу сосново-елового леса, который вызывал, кажется, достаточно много интереса у Ягуна.

Что-то тут не так.

— Прекрати трогать эти ёлки! — воскликнула наконец-то возмущённая Лоткова. — Ты меня уже достал собственным поведением!

Ягун удивлённо пожал плечами, выражая собственное недоумение, а девушка, возмущившись, зашагала куда быстрее.

Безумие придавало ей сил, и теперь вряд ли кто-то, и уж тем более Ягун мог бы её остановить. Да и в этом не оставалось ни капельки смысла.

Казалось, она потеряла ощущение дня и ночи, реальности, чего-то такого, что должно было продолжать держать её на этом свете.

Только скорее и скорее идти вперёд, как можно быстрее вперёд — и это помогало сосредоточиться и собрать все мысли в кучу.

Ягун остался очень далеко позади, словно его и не было нигде. Может быть, его привлекла очередная чёртова сосна или ёлка. Впрочем, сейчас Лоткову меньше всего интересовало то, где находился этот любитель растений. Его убить пока что не слишком-то и хотелось, и поэтому она старалась находиться как можно дальше от Ягуна, чтобы не тронуть его.

Пока что у него была определённая важность.

Он нужен ей.

Конечно, когда-то наступит то мгновение, когда он перестанет становить любую ценность, но это не казалось Кате сейчас срочным, и она отбросила мысли об убийстве или уничтожении парня в сторону.

Лоткова смотрела куда-то вперёд и чувствовала — рядом есть люди.

Совсем скоро она, словно та охотница, уже практически почувствовала их запах и остановилась, вдыхая его.

Интересно.

Почему-то она прежде никогда настолько жадно не всматривалась в дальние дали, словно пытаясь понять, что там, впереди — но сейчас такое желание без конца возникало и буквально одолевало её.

Девушка постаралась ступать как можно тише.

Она могла красться совсем-совсем незаметно, словно кошка, хотя прежде без конца что-то переворачивала.

Теперь казалось, что она могла перемещаться более чем успешно и в тот же момент осторожно.

Это радовало.

Приходилось, впрочем, соблюдать бесконечную осторожность, чтобы не налететь на кого-либо, кто мог бы ей помогать, но, впрочем, это было более чем удобным выходом из

сложившейся ситуации — просто вести себя тише.

Наконец-то она увидела людей, которые могли стать прекрасной жертвой для неё.

Спустя мгновение Лоткова вдруг поймала себя на мысли, что она поступает неправильно.

Зачем убивать человека, который пока что ничего плохого ей не сделал? Зачем продолжать уничтожать всех на своём пути?

Ведь она может просто подождать того мгновения, когда кто-то сделает это за неё и не станет больше ничего совершать.

Труп Гломова всплыл перед глазами, и Катя поняла, что слишком сильно желает вновь ощутить вкус крови.

Она замерла за ближайшим деревом, стараясь вести себя как можно тише, и присмотрелась к происходящему.

Склепова, которую она уже даже начинала опасаться из-за практически полубезумного вида и из-за того, что та постоянно сжимала в руках какое-то оружие, направилась куда-то вглубь леса.

— Я за водой! — окликнула она Горгонову. — Тут рядом было ответвление того самого чёртова ручейка, которого ты так боишься.

Медузия ответила что-то совсем-совсем тихо.

Ненависть вспыхнула с новой силой. Почему-то Катя прежде просто не понимала, что сделало её такой, а вот сейчас осознала.

Медузия, эта молодая на вид женщина с рыжими, огненными волосами была причиной смертей, которые происходили здесь.

Именно из-за неё произошло столько всяких гадостей, именно из-за неё Лоткова научилась убивать.

Катя каким-то отдалённым оттенком собственного сознания, сегментом мысли осознала, что она сошла с ума, а после безумие окончательно затопило её, и стало уже намного легче думать о чём-либо.

Лоткова даже не особо подкрадывалась — она уже знала, что должна сделать, и, дождавись, когда Гробыня уйдёт достаточно далеко, рванулась к Горгоновой, собираясь убить её едва ли не голыми руками.

— Это всё из-за тебя! — выдохнула она, впрочем, практически моментально прощаясь с тем, что можно было назвать здравым смыслом.

Она дёрнула Горгонову за рукав, словно заставляя подняться и встретить свою смерть, и та порвалась.

Кровь, её запах и вид одурманили Катю, словно она была вампиром из старой сказки или легенды, а не живым человеком, и Лоткова с силой толкнула Медузию обратно. Горгонова пыталась призвать собственные силы, но было уже слишком поздно.

У неё не осталось никакого выбора. Она вынуждена уничтожить Горгонову, чтобы только оказаться счастливой.

Счастье теперь казалось для Кати тем, что она могла убивать — и подобная мысль вызывала отчаянное, непонятное удовольствие и мысли о том, что, пожалуй, ей следует подчиниться порывам.

Звериный инстинкт заставил ударить Горгонову ногой прямо по ране, заставив её громко закричать.

Она согнулась пополам, пытаясь как-то себя остановить, но, тем не менее, ни единого

шанса сделать это не было.

Медузия мертва.

Лоткова с силой ударила её второй, третий раз, но Горгонова ещё хрипела, словно пытаясь ей сказать что-то.

— Говори! — закричала Лоткова, потянув её за волосы и заставляя встать на колени. Она не понимала, почему женщина практически не сопротивлялась, а после осознала — Горгонова просто потеряла ощущение реальности, она была уже и до этого мертва, правда, не окончательно.

Катя чувствовала некромагию, ту самую, которая так сильно отравила саму Лоткову. Её отравили, но она ведь жива.

Жива, а вот проклятая Горгонова обязательно отправится на тот свет, и у неё не осталось совершенно никаких шансов.

Зачем позволять человеку выбраться из постоянного потока мыслей и страха, который сковывает по рукам и ногам и не возвращает ни единого шанса на нормальные мысли, которых больше нет.

— Ненавижу! Из-за тебя всё это, — продолжая наносить слишком сильные, как для хрупкой девушки, удары, кричала Лоткова.

Она не обращала внимания на то, что её могут заметить, что на её голос прибегут люди, просто выплёскивала собственное безумие на свободу, давая ему шанс на существование в полном владении её телом.

— Сдохни! — казалось, Катя уже не замечала того, что на самом деле Медузия и без того успела умереть.

Её лицо превратилось в нечто кровавое, а рана на животе окончательно добила женщину.

Чувствовалось вмешательство некромага, но, тем не менее, Катя записывала эту смерть на свой личный счёт.

Она чувствовала, что с каждым ударом её желание убивать становится всё больше и больше, но Горгонова не казалась живой.

Лоткова потеряла все силы, и что-то тянуло её к крови — стало интересно узнать, какова она на вкус.

Катя потянулась за ножом и хотела было разрезать собственное запястье, чтобы сделать хотя бы глоток крови.

Что-то остановило её, и она внимательно посмотрела на Горгонову, словно пытаясь осознать, действительно ли та мертва.

Нож у Медузии был, и Лоткова, одним быстрым ударом перерезав ей вены, сделала глоток крови.

Та казалась невероятно приятной, правда, немного солёноватой на вкус, и не вызывала совершенно никакого отвращения.

Скорее, очень даже наоборот.

...Лоткова не понимала, что заставило её поднять голову — и увидеть, что на неё смотрят Ягун и Склепова, остановившиеся по разные стороны от Екатерины. Девушка запрокинула голову и громко рассмеялась — сколько новых жертв, которые могут так прекрасно послужить для неё донорами крови!

Таня знала, что осталось не так уж и много. Шёл третий день последнего этапа, а она

всё шла и шла куда-то в неизвестном направлении, стараясь отдалиться от проклятого ручья.

Что-то ей подсказывало, что оный будто бы являлся границей — ведь никто никогда из них не пытался оказаться на втором берегу.

Впрочем, Гроттер не спешила узнавать об этом, да и не рвалась на ту сторону, уверенная в том, что её поймают.

И кто...

Опять тот некромаг?

Кажется, она боялась его ещё больше, чем всего прочего, что происходило вокруг. Небо горело, и её сознание превратилось в самый настоящий пепел, а она не могла сделать вообще ничего.

Пора разорваться на мелкие части, и не оставить ни единого следа от реальности, которая, впрочем, никогда не простит её и не позволит жить спокойно и по-настоящему.

Девушка улыбнулась, словно пытаясь простить саму себя за подобные глупые мысли, а после сделала несколько шагов вперёд.

Она так устала.

Таня больше не могла идти — усталость постепенно накатывалась на неё невероятно частыми волнами, заставляя терять возможность просто идти вперёд или хотя бы дышать — но Гроттер знала, что не имеет просто никакого права на это, она ведь просто потерянная в этом мире.

Душа, которая потеряла покой.

Гроттер попыталась сдвинуться с места и сделать ещё несколько шагов, вот только что-то не позволяло ей это сделать.

Больно смотреть наверх — ночное небо словно изранено проклятыми звёздами, что затапливают мир потоками собственного проклятого света.

Всё вокруг содрогалось, словно воздух вдруг кто-то незнакомый взорвал, а закат теперь казался кровавыми потоками ненависти, окружившими их со всех сторон и превратившимися в кошмар.

Гроттер чувствовала, что рядом кто-то есть. И этот кто-то совершенно не радовал её своим присутствием.

Таня не знала, что заставляло её чувствовать некромагию, но, тем не менее, она знала, что за нею кто-то шёл.

Таня практически услышала её мысли.

Да, это была девушка — не Бейбарсов; но, пожалуй, Глеба она сейчас была бы рада видеть больше, чем какую-то незнакомку, которая не может принести ей самой совершенно ничего хорошего, скорее очень даже наоборот.

Надо отвернуться и попрощаться с миром, потому что так будет гораздо лучше и спокойнее.

Через миг она превратится в поток осколков и заполнит собой проклятую пустоту, которая окружает её потоком мыслей и страха, что его невозможно остановить.

— Эй, Провидица! — громкий женский голос вызвал раздражение, и Гроттер даже не подумала оглянуться.

Она сама не понимала, что заставило её наконец-то сдвинуться с места и пойти дальше, там, где было что-то иное, чем это поле.

Она чувствовала, что вскоре наступит пустыня, и ветер развеет её глупые мысли на мелкие кусочки, превратит в осколки и позволит наконец-то умереть, быть свободной и

радоваться жизни.

Гроттер понимала, что это реальность, и её глаза постепенно начинали наполняться слезами.

До победы осталось совсем немного — сосчитать дни и ночи и сбежать от проклятой ведьмы, которая шагает за нею, идёт по её следам.

— Остановись, Провидица, я всё равно тебя убью! — на сей раз Гроттер всё-таки обернулась и спокойно посмотрела на незнакомку.

Она видела своё будущее слишком размыто, но не помнила ни в одном из видений эту девушку — а может, просто забыла.

Может быть, не придала внимания тени, мелькнувшей на заднем плане или, скорее всего, просто слишком невнимательно слушала ветер, который выл в пустыне и шептал ей на ухо подсказки.

Гроттер сама не знала, почему ей так сильно захотелось жить именно сейчас, но это было что-то невероятное.

Она словно могла уничтожить всё вокруг, лишь бы только иметь возможность выжить — сама не знала, почему.

Иван умер, пытаясь убить её — но зачем?

Зачем.

Она не знала, что с нею происходит, но понятия не имела, что толкало её в воду, которой тут не было — просто ненависть и страх перед смертью заставляли бороться наконец-то, впервые в жизни.

Конечно, некромагиня была сильной. Гроттер едва успела отскочить в сторону, когда в неё швырнули сгустком магии.

Она сильно ударилась о что-то, кажется, о какой-то странный камень, может, даже головой, но вскочила на ноги.

Гроттер понимала — должна как-то сопротивляться, потому что так будет лучше, причём именно для неё.

Едкий дым застилал сознание, но, тем не менее, она не могла просто так сдаться. Течение воды, течение времени, которое мчалось вперёд, толкая её на борьбу — и Провидица даже не помнила, когда наконец-то попыталась атаковать проклятую некромагиню.

Сейчас всё, включая ненависть к Бейбарсову, оттенок отвращения и ненависть к своей жизни, растаяли в воздухе.

— Ты умрёшь!

Аббатикова попыталась остановить Гроттер, казалось, этим глупым восклицанием, а после попыталась воспользоваться магией.

У Тани были слабые руки, но, тем не менее, несмотря даже на боль, которая сковывала её движения, попыталась ударить её.

Жанна словно не ожидала никакого сопротивления. Она удивлённо вскинула голову и словно попыталась наконец-то убить Таню.

Гроттер сама не знала, что заставило некромагиню забыть о волшебстве, но, тем не менее, сражалась за собственную жизнь.

Она чувствовала, что даже ударила Жанну каким-то камнем — и кровь стекала по виску Аббатиковой.

Та толкнула её наконец-то на землю и быстро, наверное, благодаря собственному

вышколу, вскочила на ноги, а после презрительно посмотрела на лежавшую на спине Таню.

Гроттер не могла назвать то, что видела только что, действительно подлинным видением, но, тем не менее, это было что-то на него похожее — и она понимала, что не следует сопротивляться попытке мыслей проникнуть куда-то слишком глубоко в её сознание. Где-то далеко громко выли невидимые волки, а пустыня засыпала своим песком всё, что только могла засыпать, но ненависть и в тот же момент страх спокойно накрыли её отвратительной пеленой. Таня словно не видела Жанну, которая склонилась над нею, пытаясь убить свою соперницу, вот только в этом тоже не было ни единой нотки смысла. Таня знала, что именно так и будет — она чувствовала, что когда-то будет живой, хотя не знала, когда именно.

Может быть, она видела будущее, которое не могла осознать, может быть, это оказалось просто оттенком надежды, но Гроттер, тем не менее, продолжала смотреть в небеса и не отрывала от них бесконечного грустного взгляда. Она не знала, почему так, но, тем не менее, в этом всё равно был смысл, и она желала, чтобы наконец-то всё закончилось, чтобы весь мир оказался счастливым, хоть это и невозможно.

И однажды проснутся все ангелы, и откроются все двери — для того, кто умел верить. Для того, кто умел ждать.

Зелёные глаза провидицы на мгновение даже стали цвета неба — и Таня не могла не обратить внимание на нож, который практически ударил её в грудь, но даже не вскинула руку, чтобы как-то остановить проклятое оружие, готовое просто сейчас отнять у не остатки жизни.

===== Боль двадцать седьмая. Защита =====

Никогда прежде Ягун не испытывал подобного по отношению к Лотковой. Она казалась ему идеальной, прекрасной, словно солнце, и он был готов молиться на свою Катю, лишь бы никто не сделал ей плохо.

Такое отношение нельзя было назвать плохим, скорее очень даже наоборот — вот только сейчас всё в голове парня перевернулось и превратилось в слитую кровью боль, отчаянную, словно только что Екатерина убила не какую-то там женщину, а его родную, любимую бабушку.

Дело, впрочем, было даже не в убийстве. Он, замерев и не в силах пошевелиться, просто не мог отвести взгляда от того, как она огромными, жадными глотками пила мёртвую кровь.

— Она заражена, Лоткова! — внезапно подала голос Гробыня, которая, вероятно, тоже подошла совсем-совсем недавно.

Катя наконец-то отпустила руку Горгоновой и подняла взгляд на ту, чьего жениха столь хладнокровно убила, не подумав ни о том, что он был кому-то нужен, ни о том, что сам любил.

Лотковой, впрочем, вообще было всё равно. Её опьянила кровь — опьянила не хуже самого настоящего вина, которое Катя, впрочем, пробовала всего несколько раз, и теперь девушкой пошатывало.

Она не могла отыскать ни единой связующей нити между Склеповой, Медузией и какой-то невероятной заразой.

— Заражена? Чем?

Голос Лотковой звучал хрипло и в тот же момент как-то очень пискляво, словно она не открывала рот уже более чем полвека.

Ягуну же казалось, что её голос доносится из какого-то странного подземелья, о

котором не следовало даже и задумываться, равно как и пытаться попасть туда и вообще оказаться внутри.

Он не ненавидел Лоткову, совсем нет — но странное ощущение отвращения, понимание того, что когда-то он целовал её в те губы, которые сейчас прижимались к запястью мёртвой женщины в попытке выпить кровь оной, всё это сложилось в одну неразрывную и, если честно, жуткую картину.

Трудно было смириться с тем, что его Катя превратилась в такое чудовище... а может, она и была такой. Ягуну самому не хотелось жить, жить без неё, вот только он не мог считать Лоткову живой.

Она, кажется, умерла не только в его глазах.

— Некромагией, наверное, — ослабившись, мстительно отозвалась Склепова. — Если я не ошибаюсь, она была такой же падальщицей, как и ты, и выпила силы из того, кого сама убила.

Катя усмехнулась. Что-то подсказывало ей, что на самом деле, стоит один раз позволить себе подобное — и всё, точка, можно больше даже не мечтать о том, что, возможно, эта зависимость когда-то исчезнет.

Скорее всего, человеческая кровь будет для неё тем, что поддерживает её жизнедеятельность.

— Некромаги тоже пьют человеческую кровь, — усмехнулась Лоткова, и её белые ровные зубы тоже, оказывается, были в крови.

Алая жидкость измазала девушке щёки, превратила её лицо в уродливую маску, которую в пору надевать тем, кто оглашает вендетту и собирается кого-то моментально, прямо сейчас убить.

Всё это казалось достаточно странным и, возможно, следовало потерять любую связь с реальностью.

Её и так не было.

Катя знала, что некромаги на самом деле никогда ничего не пили — по крайней мере, кровь мёртвых они не взяли бы в рот. Её не попробовал бы даже уважающий себя вампир, разве что только упырь.

И то вряд ли.

Упыри и вампиры — они все были банальным следствием сказок, и на самом деле ничего такого, возможно, не существовало — хотя, впрочем, Лоткова не могла утверждать ничего подобного.

Ей хотелось убедить себя в том, что на самом деле ничего подобного не существует, вот только разве в подобном был хотя бы какой-то оттенок смысла? Вряд ли, особенно если учитывать то, что, пожалуй, вокруг нет совершенно ничего хорошего, что могло бы помочь ей в осознании происходящего.

— Я убью тебя, — выдохнула Лоткова, своими глазами, которые постепенно тоже наливались кровью, глядя на Склепову. — Я разорву твою глотку на мелкие кусочки и буду пить твою кровь до дна

Кажется, у Гробыни не было ничего, чем она могла бы защищаться, но, тем не менее, это не сдерживало Лоткову.

Она считала, что нет ничего плохого в том, чтобы нападать на глупого беззащитного человека, ведь это сплошное удовольствие — перестать хотя бы в чём-то встречать бесконечное проклятое сопротивление, что до такой степени сильно раздражает.

Склепова рванулась куда-то в сторону, стараясь спасти собственную жизнь, но, тем не менее, Ягун знал, что не может допустить ничего подобного.

Его ненависть и отвращение к Лотковой в одно мгновение переродились в определённую энергию.

Конвертация.

Он не понимал, когда успел схватить какой-то камень или что-то подобное — тем не менее, этого было достаточно.

Ягун рванулся к Лотковой — и оказался каким-то образом более быстрым, чем была сама Екатерина.

Она теперь оказалась для него достаточно слабой, и парень сам толком не понимал, почему осознал это. У неё была некромагия для ненависти — капля облучения и ещё несколько литров отравленной крови.

У неё не было магии для колдовства, как минимум по той причине, что некромаг ни за что не позволил бы ей получить что-то большее, то, что могло бы наоборот защитить её и принести удачу.

Всё это казалось жестокой игрой, но, впрочем, “Тибидохс” и был играми, страшными и отвратительными.

Играми, в которых видеосъёмка ведётся исключительно для учредительницы, а моменты убийств прокручивают по телевидению, показывая везде, где только можно показать. Он понимал в это мгновение, что теперь станет виноватым в её смерти, и что он будет тем, кто убил Катю, но, тем не менее, зачем сопротивляться тому, что и так кажется простым и правильным?

Он так устал отказываться от того, что на самом деле было бы идеальным решением вопроса, что просто-напросто не стал сдерживать себя в это мгновение, рванувшись к Лотковой.

Она оглянулась и закричала, словно раненный зверь, на бегу умудрившись зацепиться за что-то и полетев на землю.

Ягун смотрел в её льдистые глаза, но не видел того, что было прежде — сплошную ненависть и кровавое зло.

Лоткова попыталась вывернуться, чувствуя, что он слишком крепко сжимает её запястья, а после, умудрившись как-то так изогнуться, что это стало реальным, укусила-таки его за запястье.

Парень сам не знал, насколько это неприятное ощущение — может быть, именно это заставило его реагировать поразительно быстро, а может, он просто слишком сильно её ненавидел сейчас.

Он попытался оттолкнуть Лоткову, но та действительно была не так уж и слаба, как прежде притворялась.

Может быть, следовало поверить в то, что она просто ужасна — ещё с того момента, когда она впервые появилась в его жизни, такая добрая и слабая, невероятно слабая, не способная к сопротивлению.

Но то, что с неё стало...

Ягун даже сам не помнил, когда ударил её камнем, который сжимал в руке, по голове. В конце концов, тут всё было чередой сплошных смертей, и они существовали исключительно за их счёт.

За счёт боли — потому что смерти уже так сильно вошли в привычку, казались такими

желанными.

Ягун сам не понимал, как он умудрился совершить что-то подобное, но чужая смерть невероятно пьянила.

Это было ощущение практически самого настоящего удовольствия, к которому, он, впрочем, не должен был привыкать.

И только спустя мгновение пришло осознание жуткого факта: он убил свою Катю. Его Катя лежит на земле с пробитой головой и больше никогда не поднимется, не улыбнётся и не попытается прикоснуться к нему.

Самое страшное, что на самом деле она этого заслужила: заслужила свою смерть и даже то, чтобы её съели падальщики или какая-то подобная гадость.

Жанна тянула время. Ей не нравилось то, что провидица не реагировала на неё и не пыталась защищаться, скорее совсем даже наоборот, это вызывало невероятную ненависть у Аббатиковой.

Она ждала каких-то свидетелей смерти этой девицы.

...Тихие, мягкие, практически кошачьи шаги Аббатикова расслышала, естественно, далеко не сразу. Только в тот момент, когда неизвестный был слишком близко, она резко оглянулась и столкнулась взглядом с Бейбарсовым, который остановился у неё за спиной.

Можно было заподозрить Глеба в чём-то, но, тем не менее, в его руках не было никакого оружия.

А то, что Бейбарсов мог убить её и без оружия — это не казалось важным, потому что, собственно говоря, он мог совершить такое и с большого расстояния, теряя не так уж и много волшебства.

По крайней мере, куда меньше, чем потратила бы на это Аббатикова или даже Свеколт, которая была куда более сильной, чем Жанна.

Глеб всегда казался самым могущественным среди них.

Это вызывало зависть, но Аббатикова старалась прежде игнорировать подобное.

...Они находились посреди зелёного поля, которое, впрочем, должно было скоро прерваться на пустыню.

— Видишь, я всё-таки поймала её, — довольно сообщила Жанна, которая, кажется, собиралась продемонстрировать собственное превосходство и была невероятно довольна тем, что сумела всё-таки сделать. Это было достаточно значительным фактом, наверное, и следовало смириться с ним раз и навсегда — так было правильно, разве что, если немного больше простить.

Сколько страха вокруг.

— Поймала, — кивнул Бейбарсов. — Удивительно, ты начинаешь уже гордиться тем, что умудрилась поймать обыкновенную провидицу.

— Да, но...

Жанна запнулась. Кажется, только сейчас она осознала, что Гроттер совершенно никак не могла ей противостоять.

Тем не менее, проклятая девчонка продолжала вести себя так, словно в её действиях был определённый смысл, словно она ещё могла себя спасти, себя, свою жалкую жизнь, то, что её окружало.

Жанну это раздражало. Аббатикова была преисполнена ненависти — вот только теперь это казалось логичным; девушка смотрела на ковёр цветов, синих, красных, белых и жёлтых,

рассматривала зелёную траву.

Это было правильно — поступать подобным образом.

— Я выполняю определённый приказ со стороны Чумы, — наконец-то сообщила Жанна. — Она ведь просила убить девчонку.

— А если другую? — вдруг весело рассмеялся Бейбарсов. — Эх, Жанна-Жанна, ты всегда так неосторожна с приказами.

— Не другую, — упрямо повторила Аббатикова. — Эта слишком сильно отличается от всех остальных. Ты только посмотри на неё!

Бейбарсов и смотрел.

Он скользил внимательным взглядом по длинным рыжим волосам, по зелёным глазам, и почему-то Жанна вспомнила, как Глеб со смехом говорил ей, что ему нравятся рыжеволосые — только не крашенные.

Правда, он ещё добавлял, что девушка, которая ему даже до плеча не достаёт, вызывает у него только раздражение — тем не менее, Гроттер казалась достаточно высокой, чтобы преодолеть этот барьер.

А то, что Бейбарсов всё равно был намного выше — уже не считалось; Жанну раздражало даже то, что Таня хоть в чём-то смогла её переиграть.

Проклятая Провидица внезапно начала вызывать определённое раздражение, да и вообще что-то такое, что слишком сильно напоминало отчаянную ревность. Наверное, не следовало поступать подобным образом, но всё же Жанна не могла просто так позволить себе отступить.

Она сама не знала, что её толкало на подобные действия, но, тем не менее, эта Гроттер получила то, чего у неё самой не было.

Нормальный, средний рост — вместо неё, чёртовой коротышки, которая даже магию получила в соответствии с собственным ростом; рыжие волосы, которые у этой чёртовой Гроттер, словно специально для Глеба, оставались идеальными, разве что немного спутанными.

Зелёные глаза.

У Аббатиковой в детстве были похожие — практически знак провидицы, но ведь она получила возможность изменить проклятый цвет и стала некромагиней. А Бейбарсова всегда раздражали отношения с себе подобными — с некромагинями, которые, между прочим, вызывали у него определённый оттенок отвращения.

Точнее, не так. Это Жанна вызывала — конечно же, разве эта проклятая идеальная Леночка могла быть причиной для негативных мыслей? Ведь Свеколт была ему сестрой, в конце концов!

Такой же, как и Жанна, вот только Аббатикова самолично отказалась от такого статуса, желая стать чем-то большим.

Жаль, у Глеба она не поинтересовалась о том, действительно ли всё это ему нужно — а теперь было уже слишком поздно.

— Убей её, — наконец-то предложила Жанна. — Продемонстрируй собственную верность Чуме-дель-Горт.

— Обычно побеждают четверо, — вдруг промолвил Бейбарсов.

— Да, но ты же знаешь, что погибло двое лишних, — пожалала плечами Аббатикова. — Остаться должны только двое, а сейчас на арене ровно четверо. А может, останется даже один?

— Да, на арене четверо... Возможно, — вздохнул Глеб, а после ещё раз внимательно посмотрел на Татьяну.

На его ладони загорелся какой-то пламенный шар. Могущественная магия скопилась вокруг него, не позволяя ничему вырваться на свободу и оказаться чем-то схожим с ветром.

Оный веял без конца, словно ему кто-то приказал — но ведь повелителей ветра уже было не найти.

Стихии давно уже спрятались; но на арене не четверо, а пятеро, жаль только, Аббатикова пока что об этом не знала.

— Но, знаешь, в этом году свершилась аномалия.

Бейбарсов движением собственной трости, которую сжимал уже в левой руке — в правой у него был магический шар, — обездвижил Таню, лишая её возможности попытаться сбежать куда-то.

Рыжеволосая не могла даже содрогнуться и промолвить хотя бы несколько слов, которые, возможно, могли бы помочь чем-то в её ситуации; впрочем, она слушала то, что говорил некромаг, и чувствовала, что эти слова будут для кого-то фатальными. Для неё, скорее всего, но, тем не менее, Гроттер не могла утверждать — она вообще ничего не могла сказать точно с недавних пор.

Даже свойственные Провидицам качества и ограничения умудрились обогнуть её стороной, словно решив, что так будет правильнее.

Гроттер это радовало, но ей всё равно прямо сейчас предстояло умереть, если Бейбарсов не решит оставить её в живых.

Но кто знает, что может твориться в голове у некромага, который, возможно, успел уже что-то задумать, и прямо сейчас это что-то свершит.

— Какая аномалия? — Аббатикова склонила голову набок, внимательно глядя на парня и ожидала ответа.

Ей было интересно узнать, что именно скажет Бейбарсов — он, возможно, мог донести слишком много интересной информации.

Всегда именно Глеб координировал их и имел связь с Чумой, может, она сказала ему что-то, чего не сообщила другим.

— Когда-то давно на “Тибидохсе”, уже том, который был подвластен Чуме, появилось одно достаточно странное правило, — словно издеваясь, он немного опустил руку, и огненный шар теперь соскользнул с его ладони.

Он замер прямо над Гроттер, готовясь влететь в неё на бешеной скорости и разорвать на мелкие кусочки.

— Не тяни!

Голос Жанны был нетерпеливым — она переминалась с ноги на ногу, сминая прекрасные цветы и не задумываясь над тем, что делала.

Это у неё получалось само собой — уничтожение чего-либо, хорошего или плохого, входило в планы Аббатиковой ежесекундно.

— Так вот. По решению большинства зрителей... а их только трое, кто-то мог назначаться лишним, двадцать первым игроком, — сообщил Бейбарсов. — Кто-то, кто находится на поле.

— Вы с Ленкой могли бы являться большинством без моего ведома? — уточнила Аббатикова и, дождавшись кивка, равнодушно пожала плечами. — Тут где-то должны быть ещё операторы и несколько человек, так что, кого вы из них выбрали для “Тибидохса”?

Бейбарсов не ответил.

— В таком случае, поскольку игроков стало двадцать один, то, предположительно, выжить теперь могут уже трое...

Он молчал достаточно долго.

Аббатикова должна была поверить — это нельзя было назвать абсолютно правильным решением, то, что он сейчас говорил, но, тем не менее, прецедент действительно был.

— Операторы не считаются, равно как и остальные, — спокойно сообщил Бейбарсов. — Двадцать первый участник... Ты.

Жанна не успела ничего ответить — магический шар рванулся к её груди.

Как прекрасно, что Чума успела одобрить это даже в письменном виде — потому что так ей захотелось. Нет... потому что им так захотелось.

===== Боль двадцать восьмая. Отмщённый =====

Ягун выглядел сейчас достаточно жалко, словно не понимал, что натворил. Его руки дрожали, и он склонился над мёртвой Екатериной, словно пытаясь её разбудить и наконец-то привести в себя.

— Ты мог её остановить, — голосом, из которого буквально лилось обвинение, промолвила Склепова.

— Я? — удивлённо переспросил Ягун. — На самом деле, она просто не подчинялась мне, сейчас уж точно нет...

Он даже не заметил, когда Склепова подошла к нему, а после заметил, что оружие у неё всё-таки было — нож блеснул в её руках, будто бы какая-то серебристая молния, едва ли не взорвался миллионом искр, а после рванулся к его горлу.

Ягун успел откатиться, но девушка толкнула его с силой, которая не должна быть свойственной хрупкой даме, и заставила его лежать на земле, на спине.

Она спокойно поставила ногу ему на грудь, словно сдерживая подобным образом, и едва заметно ухмыльнулась.

Только теперь Ягун окончательно мог понять, до какой степени сильно она была измучена и насколько тяжело пережила смерть своего возлюбленного.

Под разноцветными — наверное, от природы, а не от действия магии, — глазами залегли тёмные круги.

Вероятно, она долго плакала, даже при Горгоновой, не стесняясь собственных чувств. Да и ей было нечего стесняться — разве ж это не нормально, когда девушка так сильно переживает, когда убивают её жениха?

Нормально.

Ягун не мог просто так пояснить себе, что он тоже виноват в смерти Гуни, но прочёл это в её движениях.

Волосы, прежде разноцветные и постоянно меняющие свой оттенок, нынче оказались совершенно обычными.

Они русыми прядями спадали на её плечи.

Теперь Склепова казалась более чем естественной, совершенно нормальной девушкой, которая не оставила в себе совершенно ничего эпатажного.

Гробыня толкнула его ногой куда-то к границе — и Ягун даже не понял, когда это случилось, но теперь уже лежал на песке этой пустыни, в которой не было ни капельки воды.

Она мыслила хладнокровно, слишком долго продумывая собственную месть, поэтому

взяла с собой флягу и вещи, а после наконец-то переступила ту самую страшную границу, которая отсекала её от зелёного леса.

— Осталось всего два или три дня, — прошипела наконец-то Склепова. — До финала. До моей победы. Я потребую его тело и с достоинством похороню Гуню! А ты мог предотвратить его смерть!

— Я не мог, — мотнул головой Ягун, пытаясь подняться на ноги, но, тем не менее, ему не позволили это сделать.

Там, за границей, лежала мёртвая Катя. Он не хотел добраться сейчас до неё, потому что боялся посмотреть в мёртвые, холодные глаза, которые, вероятно, напугали бы его куда сильнее, чем что-либо другое.

Теперь он пытался выжить, но сам не знал, что заставляет его хвататься за жизнь и чувствовать её.

Совсем рядом чувствовался кто-то ещё — может быть, тут вокруг были люди, шёл бой, но он теперь не видел зелёный лес.

Лоткова исчезла.

Там словно ничего вообще не было, сплошная пустота.

— Ты мог! — прошипела Склепова. — Гуня тебе доверял даже больше, чем твоей белобрысой дуре, а ты позволил ему умереть!

Она не походила больше на обезумевшую от горя. Даже изодранная в клочья одежда не позволяла думать о ней иначе, кроме как о королеве, и Ягун просто не мог игнорировать мысль, засевающую в его голове.

Он пропустил то мгновение, когда Склепова резко рванулась к нему и всадила в сердце нож.

Он не знал, как это получилось, но, тем не менее, теперь лежал с широко открытыми глазами и понимал, что ещё не умер.

Те следы от магии Медузии давали ему ещё совсем-совсем мало шансов на жизнь, но несколько секунд у него ещё осталось.

Совсем немного.

— Прости, — прошептал он, чувствуя, что на губах пузырится кровь, а после выдохнул то, что не должен был говорить. — А ты знаешь, что в последние минуты жизни на солнце смотришь без слёз?

Он понимал, что закашлялся, а после просто затих. Он ещё был жив, по крайней мере, ещё смотрел на солнце.

Он сам не понимал, почему так случилось, но, тем не менее, смотрел на прекрасное солнце.

Оное прожигало его насквозь и позволяло получить наслаждение от прикосновений мелких лучей.

Ягун не мог уже признаться Лотковой вслух, но, тем не менее, это было для него огромным облегчением — эта смерть. Надо было поблагодарить Склепову за то, что она совершила это.

Он ещё слышал какой-то совсем тихий шёпот, но больше не было совершенно ничего важного, что держало бы его на этой земле — просто ничего, умереть и отпустить собственное глупое сознание, которое больше не держало его и не позволяло задыхаться, толкало лишь куда-то вниз...

— Гуня, — прошептала тихо Склепова, опускаясь на колени и проводя ладонью по лбу

Ягуна, почему-то холодному, словно он умер уже давно.

Солнце выжигало даже желание мстить, и она теперь спокойно смотрела на этого человека, жизнь которого отобрала, чтобы только отомстить.

— Теперь ты... — она задохнулась от слёз, которые опять накатились на глаза, но заставила себя говорить. — Теперь ты отмщён.

Она сама не понимала, что заставило её выдохнуть эти слова, но, тем не менее, не было ничего важнее этих слов.

Склепова не умирала и не могла смотреть на солнце. Но, тем не менее, она прошла немного вглубь пустыни, после легла на горячий песок, закрыла глаза и предпочла ощутить, словно её тело растворяется в солнечных лучах.

Она понимала, что не может такого быть — но, тем не менее, продолжала слышать Гломова, который ей что-то совсем тихо говорил.

Он просил её.

Просил выжить.

Бейбарсов предпочёл не говорить правду. Предпочёл не говорить то, что на самом деле смерть зрителя считалась тоже — просто легче было обмануть Аббатикову, сказав ей о предательстве.

Она рванулась в сторону, словно пытаясь спастись, но магия Бейбарсова настигла её и там, практически до кости прожигая руку.

Тем не менее, не оставалось больше ни единого шанса оставить Жанну в живых — тогда, чтобы чёртова Гроттер выжила, ему придётся убирать других людей, а ему не хотелось этим заниматься.

Это было слишком...

Слишком долго.

— Ты не убьёшь меня! — воскликнула Жанна. — Не было такого прецедента, не было такого закона!

— Прецедент был, закона не было, — рассмеялся Бейбарсов. — Тем не менее, ты должна знать кодекс и понимать, что...

— ...Смерть зрителей считается.

Жанна выдохнула это, а после осознала, что ещё может побороться за свою жизнь и попытаться остановить Бейбарсова и уничтожить его, а после превратить в горку пепла проклятую девчонку.

Она ещё успеет.

Она смотрела на Бейбарсова с предельной ненавистью, словно планируя, как бы его лучше убить — а Глеб продолжал улыбаться так, словно его это вдруг стало невероятно веселить.

Казалось, это было просто ирреальным — но её предали.

— Зачем ты это сказал? — сжимая губы в тонкую полосу после каждого сказанного слова, выдохнула Аббатикова.

— Затем, чтобы ты почувствовала себя той, которую все предали, — пожал плечами Бейбарсов. — Мне кажется, это было бы правильно после того, что ты попыталась убить ещё нескольких людей... И нас с Ленкой ты бы тоже убила.

Да. Убила бы.

Конечно, девушка не успела бы двоих, но...

— Это были бы мои силы.

— Это будет моё убийство, — весело рассмеялся Бейбарсов, словно убеждая её в чём-то, а после вновь вскинул руку.

Он сам толком не знал, какое заклинание использовал — волшебство сорвалось с руки как-то само по себе.

Аббатикова не была глупой девочкой, которая впервые видела, как кто-то колдует. Она была достаточно опытной некромагиней, пусть и не самой сильной, и успела откатиться в сторону, чтобы остаться более-менее целой.

Жанна воспользовалась магической вспышкой, направляя её на Бейбарсова, чтобы тот не почувствовал стрелу, что летела ему в грудь, но, тем не менее, Глеб умудрился отскочить и весело рассмеялся.

— Ты думаешь, что можешь убить меня стрелой, которая попадёт мне в сердце? — рассмеялся Бейбарсов.

Это всё вызывало весёлую улыбку у него на устах, странный взгляд со стороны Провидицы... И её, Жанны, ненависть.

Она попыталась использовать магию, но не смогла сделать это, потому что всё волшебство, которое проходило сквозь её руку, остановилось на огромной ране, которая всё увеличивалась и увеличивалась.

Бейбарсов вновь воспользовался сильной магией, словно собираясь её убить, но это лишь приковало Аббатикову к земле.

Она сослалась бы на неопытность и на то, что Глеб не смог воспользоваться тем, чем собирался, но ведь на самом деле прекрасно знала, что он просто не преследовал сейчас цель её убить.

— Ты слишком часто предавала нас с Ленкой, чтобы я сейчас искал вторую жертву, — выдохнул Бейбарсов.

— Но зачем тебе?

Глеб прекрасно знал, что Чума его и так сейчас не услышит, потому что её интересовало что-то другое, но всё равно ответил шёпотом.

Аббатикова помрачнела.

— Ты меня не уничтожишь. Я скажу ей, скажу...

Она не договорила. Бейбарсов сжал рукой её горло, а после воспользовался волшебством, и кровь брызнула во все стороны, не стремясь останавливаться на чём-то определённом, затапливая всё вокруг.

От Аббатиковой остались лишь какие-то жалкие останки — Глеб не смотрел на её труп, его сейчас это не интересовало.

Он взмахом руки снял действие заклинания с Тани и потянул её за руку, заставляя подняться.

...Бейбарсов не приближался к ней ближе, чем на метр, но, тем не менее, Гроттер всё равно испытывала страх.

Когда он протянул руку, сжимая её шею, Таня содрогнулась, чувствуя, что скорее всего просто потеряет сознание, а после почувствовала, что буквально уплывает куда-то, не в силах сдержать собственное плачевное состояние.

Она зажмурилась, дожидаясь, пока у неё сломаются шейные позвонки, но это почему-то так и не случилось.

— Ты сбежала, — приблизившись на несколько сантиметров и продолжая сжимать её

горло, прошептал Бейбарсов.

Она попыталась что-то сказать, но, тем не менее, не решилась на то, чтобы подать голос, и поспешила промолчать.

Казалось, так было немного лучше.

Глеб подошёл уже вплотную и вытер какую-то невидимую слезинку, убирая её со щеки Гроттер.

— Это был рискованный побег, — рассмеявшись, промолвил он, склонив голову набок. — Удивительно, что ты решилась.

Она едва заметно пожала плечами, а после, когда Бейбарсов потянул её к себе, заставляя замереть буквально в его руках, подчинилась, прижимаясь к нему. Гроттер вспомнила и о унижении, и об отвращении, которое вспыхнуло где-то глубоко у неё в душе, но молчала, упрямо молчала.

Бейбарсов куда-то потянул её, а когда Таня наконец-то поняла, что может даже осмотреться, осознала, что находится на непонятной границе.

Это был центр.

Огромная пустыня полыхала вокруг, веяла слишком сильным ветром, вот только ни одна песчинка не долетела до Тани.

Гроттер содрогнулась.

Ей было страшно, и рыжеволосая хотела сбежать, но, тем не менее, Бейбарсов только немного крепче прижал её к себе, не позволяя особо далеко сбежать, потому что это не привело бы ни к чему хорошему.

— Ты права, я всё равно тебя поймаю, — едва слышно рассмеялся Бейбарсов, проведя ладонью по её щеке.

Таня содрогнулась, но, тем не менее, кивнула, а не воспротивилась, и даже позволила себе уткнуться носом в его плечо, тихо плача. Впрочем, она даже не всхлипывала — только слёзы всё равно катились по щёкам.

— Удивительно, что ты до сих пор жива.

Его голос, приятный и достаточно мягкий сегодня, словно завораживал её, и Таня чувствовала себя словно кроликом в змеиных объятиях.

Скоро смерть.

— А теперь слушай меня внимательно, — прошептал он совсем тихо. — Вас осталось всего трое.

— Так мало?

— Не перебивай, — усмехнулся Бейбарсов. — Вас осталось всего трое, и больше никому умирать не нужно.

Таня удивлённо изогнула бровь, не понимая, что это могло бы означать, но Глеб равнодушно продолжал говорить, не позволяя ей что-то спросить:

— Теперь вы трое победители, и я очень надеюсь на то, что проявите хотя бы капельку благоразумия и не передуете друг друга. Ты сейчас пойдёшь туда и не станешь творить глупости, поняла меня?

Гроттер кивнула, а после вдруг всё равно схватила Глеба за руку, словно пытаясь остановить его.

— Что ещё?

— Зачем меня спасать? — наконец-то полушёпотом спросила она, пытаясь понять, какова логика его действий.

Парень равнодушно пожал плечами.

— Я просто так хочу, — сообщил наконец-то он. — Возможно, ты живой будешь куда более важна, чем мёртвой.

Таня едва заметно кивнула.

— Но разве зрителям разрешено помогать участникам и убивать друг друга? — вновь спросила она.

— Нет.

— Но как тогда... — Гроттер замерла, не решаясь продолжить собственный глупый вопрос, продолжение которого Бейбарсов и сам прекрасно мог понять.

— Её убила ты.

— Но я...

— Её убила ты, — строго повторил Бейбарсов, словно утверждая что-то такое, что не подлежало ни капельке сомнений.

— Я... я должна так всем говорить? — спросила она, пытаясь сдержать слёзы, которые без конца катились по щекам.

Она не понимала ничего.

Она ненавидела Бейбарсова больше всего на свете сейчас, но, тем не менее, он был единственным, кто оказался добр к ней.

Странно.

Тем не менее, некромаг толкнул её, заставляя пересечь границу, и Гроттер поняла, что оказалась посреди пустыни.

— Вы найдёте воду, она тут близко к земле, — наконец-то послышались последние слова Бейбарсова.

После он пропал.

Растворился.

Таня была уверена в том, что юноша никуда не ушёл и был совсем рядом, но переступить границу не могла.

Ей всё так же было страшно.

Она — победитель.

===== Боль двадцать девятая. Победители =====

Гроттер сама не понимала, когда она оказалась за гранью — но долгое время она попросту не могла понять, где вообще она оказалась. Рыжеволосой не хотелось, впрочем, задумываться — всё желание жить исчезло практически окончательно, и она чувствовала, что можно было успешно умирать прямо здесь — никто не стал бы её жалеть или спасать по второму кругу.

Она и сама не хотела больше жить. Это было лишним желанием — Гроттер просто опустилась на песок, прижимаясь спиной к магической границе, которая потрескивала у неё за спиной и словно пронзала девушку мириадами маленьких искорок, которые стремились пролететь сквозь её сердце, но каждый раз промахивались и возвращались вновь и вновь.

Тане было страшно.

Она вспоминала чёрные-чёрные глаза некромага, которые, увы, слишком сильно её пугали — и то, что между ними было, отзывалось у неё в душе непонятным, ноющим ощущением далёкой боли. Таня не хотела задумываться над этим, но у неё не оставалось выбора — её просто пожелали почему-то оставить живой.

Гроттер повторила про себя, что она победила. Провидица, которая умудрилась

выиграть — впервые за историю нового “Тибидохса”, того, что существовал во времена Чумы-дель-Торт.

Тане почему-то жутко захотелось погибнуть. Наверное, так было бы правильнее, вот только, увы, никого не волновало то, чего желала именно она; здесь голос имела вообще одна лишь Чума да её прихвостни-некромаги.

Впрочем, каждое воспоминание о Бейбарсове свидетельствовало о том, что он вряд ли вообще считается с мнением кого-либо, даже с Чумой, словно никто и ничто не может ему навредить.

Гроттер сейчас, по правде говоря, было не до этого. Она понимала, что должна попытаться пойти куда-то, но, тем не менее, просто продолжила сидеть на горячем песке, чувствуя, что невероятная жажда продолжает заставлять её страдать и душит, буквально разрывает на мелкие кусочки.

Таня даже не открыла глаз, когда кто-то присел рядом с нею. Песок, который всё время летел ей в лицо, всё равно ослепил бы глаза, если б Таня попыталась их хотя бы приоткрыть.

Именно поэтому она равнодушно смирилась с собственной судьбой.

Так было намного легче. Так можно было наконец-то попытаться почувствовать себя счастливой и нормальной; разве есть что-то, что могло бы радовать её немного больше? Гроттер не знала.

Она вообще ничего не понимала.

— Мы победили, — наконец-то выдохнула она, даже не зная, кто именно сидит рядом. — Осталось трое... мы победили.

— То есть, нет смысла тебя убивать?

Гроттер не узнала голос, но, тем не менее, спокойно кивнула, решив, что так будет лучше — наконец-то она могла чувствовать себя хотя бы относительно спокойной. Тем не менее, от этого стало только хуже — рыжеволосая чувствовала, что всё человеческое, что вообще было в ней, умерло на “Тибидохсе”, а будущее окажется просто набором никому не нужных воспоминаний, которые она будет ненавидеть больше всего на свете, но будет пытаться отыскать всё новые и новые.

— Нет, — прошептала Гроттер. — Смысла убивать больше вообще нет.

— Это хорошо, — приятный женский голос звучал очень устало. — Я устала от всего этого... Сколько нам ещё осталось?

Таня давно уже не хотела пить настолько сильно, как сейчас — чувство невероятной жажды заставляло её то и дело хрипеть и пытаться как-то вернуться к более-менее реальной жизни.

— На, выпей.

Склепова протянула ей флягу с водой, но жидкость, впрочем, осталась только на самом-самом дне.

— Спасибо, — Гроттер содрогнулась, когда капельки воды прикоснулись к её пересохшим, потрескавшимся губам.

Это бессмысленно — продолжать игры, когда уже больше никто не собирается воевать, но, впрочем, они так и не попытались отыскать третьего игрока.

За всё это время Таня не сказала и десяти слов подряд своей новой знакомой; Склепова, которая походила на достаточно разговорчивую девушку, и не требовала даже от неё совершенно никаких искренностей.

Казалось, на самом деле Гробыня тоже устала и не желала ничего слышать.

Клеймо убийц упало на них, словно какая-то непонятная сеть или пелена. Гроттер пыталась с нею бороться, вырваться из пут паутины, но, тем не менее, знала, что ничего не сможет сделать.

— Совсем скоро мы выберемся отсюда, — прошептала наконец-то Склепова. — Думаю, осталось не так уж и много.

Таня кивнула. Она не знала, был ли это четвёртый или, может быть, уже пятый день, но, тем не менее, не стремилась узнавать. Надежда, что она всё ещё протянет немного в этой пустыне, оставалась, пусть была уже невероятно слабой и практически незаметной для нормального человека.

Гроттер до жути захотелось рассмеяться в глаза тому человеку, который посмеет заявить, что побеждать хорошо.

— Я так устала от песков, — прошептала Склепова. — А с самого начала это даже казалось немного красивым.

— Да.

Гроттер сама не знала, что заставило её кивнуть — наверное, то, что она на самом деле была согласна со Склеповой. Пески были привлекательными — но только если смотреть на них сквозь пелену защитных стен.

Они пытались выбраться, вернуться в лес, но, естественно, сделать это попросту не могли — не оставалось ни единого шанса.

Таня мечтала о том, что однажды станет легче, но каждый раз, когда она закрывала глаза, чтобы уберечь их от ветров пустыни, постоянно появлялось видение с Верой, которая буквально горела в каком-то огне, кричала и без конца тянула к ней свои руки, собираясь разорвать на мелкие кусочки.

Это было очень страшно — Таня предпочитала не вспоминать о том, как горела Попугаева, но, тем не менее, её видения, более красочные, чем реальность, просто не оставляли Гроттер ни на минуту.

— Кто-то идёт! — громко воскликнула Склепова, вскакивая на ноги.

И вправду, Гробыня не ошиблась. Тонкая перепонка, которая разделяла их и другую часть арены, едва заметно полыхнула, натянулась, словно пыталась не пустить кого-то, а после на песок упал незнакомый им юноша.

Гроттер не хотела ему помогать, но, тем не менее, подошла поближе и даже протянула ему руку.

Парень смотрел на неё так, словно Гроттер только что попыталась его убить, а после принялся шарить по карманам, очевидно, в поисках оружия.

— Вы меня не убьёте! — прошипел он. — Не убьёте, не убьёте, проклятые, я выживу, я выиграю, я выживу!

Громкий вопль разрезал холодный ночной воздух пустыни, открывая их местонахождение всем, кто так желал их смерти.

Склепова смотрела на Шурасика с ненавистью — он умудрился не замарать руки. Страшно было вспоминать о том, как они пытались пояснить парню, что всё закончилось, что они выиграли и можно чувствовать себя свободным и счастливым — он не стремился прислушиваться к чужим словам.

Для него это всё казалось страшным и отвратительным; он просто отказывался ощущать

хотя бы какой-то оттенок реальности.

Сейчас, впрочем, парень просто уснул, словно ничего и не случилось. Он лежал прямо на ледяном песке, не обращая внимания на холод и на полную луну, которая могла разбудить волка в ком угодно.

— Никогда не верила в оборотней, — прошептала Таня, глядя на небесное светило. — Их просто не существует.

— Слушай, Провидица, мы вообще выживем? — Склепова посмотрела на Гроттер предельно требовательно.

Таня пожала плечами.

Ей не хотелось рассказывать Гробыне о том, что она вот уже несколько дней не видела совершенно ничего, словно кто-то наконец-то отобрал у неё этот проклятый дар, который столько времени не давал ей покоя.

Гроттер наконец-то могла чувствовать себя свободной и счастливой, но этого не было — и не могло быть.

— Понятия не имею, — выдохнула Таня, опуская голову. — А даже если я и выживу, дотяну до конца игр, то я понятия не знаю, что буду делать дальше, — она мотнула головой. — От этого только хуже.

— Ну, почему же? Тебе дадут дом, жизнь в столице — делай всё, что хочешь.

...Где-то громко засопел Шурасик, перебивая их разговор, и Склепова посмотрела на него с нескрываемым недовольством. Он разрушал то, что можно было бы хоть отдалённо назвать спокойствием.

Таня предпочитала не обращать на Александра совершенно никакого внимания, вот только у Гробыни так не получалось.

Она то и дело отвлекалась и порывалась убить его, но Гроттер монотонным, неживым голосом повторяла, что на самом деле никого убивать не надо и что они победили. Если же нет... Тогда пусть это сделают некромаги.

Он умудрился не замарать руки; лежал тут, с чистой совестью, между двумя чудовищами, Провидицей и той, которая так желала отомстить. Кровь Гломова теперь была отмыта с её рук, но Ягун...

Гробыня до сих пор помнила холодный, расчётливый удар ножом, и почему-то не могла простить себе то, что сделала. Может быть, не просто так не могла простить — но Таня знала, что на ней тоже есть огромные грехи.

— Я не хочу жить в столице, — прошептала Гроттер, опуская голову. — Я не хочу жить в этой проклятой столице, я хочу всё то, что со мной было, забыть, забыть, забыть! А я не могу, понимаешь?!

— Как ты убивала?

Склепова смотрела на неё равнодушно, словно пыталась просто поддержать, а Таня подумала, что, возможно, были такие вещи, о которых вообще не следует рассказывать, потому что будет только намного хуже.

Тем не менее, она не могла просто так взять и сказать Склеповой, что не желает делиться знаниями или рассказом о собственной жизни — Таня сама не понимала, почему ей так казалось, но, возможно, рассказать было бы намного легче, чем сдерживать себя и позволять ненависти разъедать её.

Ненависти или страху?

— Она сгорела, — сообщила наконец-то Гроттер. — Я упрямо не верила в то, что сама

это сделала, я ведь никогда прежде не колдовала, но она просто сгорела, только кости белые остались...

Таня опустила голову и отвела взгляд, словно опасаясь того, что Гробыня начнёт рассказывать ей о том, какое Гроттер чудовище.

Та упрямо молчала.

— Вера непонятно как вообще смогла нас найти — мы с Иваном шагали вдоль ручья, пытаюсь держаться рядом с водой... Или тогда мы только пытались найти ручей... Я не помню.

Склепова кивнула. Она не стремилась осуждать Гроттер — сама ведь замарала собственные руки кровью.

— Ничего плохого в том, что ты её убила, нет, — наконец-то подала голос она. — Ты, наверное, должна была это сделать.

— Да... Должна, — кивнула Гроттер. — Она постоянно раздражала меня и пыталась прицепиться к мельчайшим деталям. Говорила, что может видеть будущее, точнее, обманывала — называла себя...

— Экстрасенсом, — подсказала Склепова, вспоминая тот момент, когда они все стояли в кругу и впервые видели собственных будущих соперников.

Верила ли она тогда, что сможет победить? Понимала ли, что победа будет для неё такой горькой?

Могла ли согласиться с мыслью, что рядом с нею никогда не будет Гломова, которого она так любила, пусть и старалась не показывать ничего такого?

Наверное, ничего такого тогда с нею ещё не случилось — а теперь не было ничего, что могло бы ограничить её бесконечно грустные и страшные мысли, которые превращали кровь в воду и словно специально старались сделать её немного гуще.

— Как ты получила пламя?

Склепова сама не знала, что толкало её на вопросы, на то, чтобы выяснять какие-либо подробности, но ведь Гроттер отвечала.

Складывалось такое впечатление, словно Таня боялась не оправдать её надежды и упрямо стремилась рассказать всю-всю правду, которую только знала, потому что у неё не было другого выхода.

Склепова не осуждала её совершенно ни за что, скорее даже понимала, знала, что у Тани на всё то, что она сделала, были определённые причины.

— Я не знаю... Вот вроде бы я и Провидица, но я не понимаю, как умудрилась убить её... Она сама загорелась. Я сначала подумала, что это не я сделала, а кто-то другой, вот только... — Таня опустила голову.

В её рассказах было слишком много троеточий, и она не умела завершать спокойно собственное мнение, словно на самом деле не существовало ничего, что потянуло бы её на откровения.

Гроттер смотрела на свою собеседницу слишком несчастным взглядом, чтобы та могла её ненавидеть, но, тем не менее, девушке очень хотелось, чтобы её не бросили хотя бы сейчас здесь одну, наедине с глупыми мыслями, которые стремились превратить её в комок боли и ненависти.

Склепова молчала. Она упрямо не знала, что сказать.

Склепова называла Шурасика ставленником некромагов — действительно, тот,

кажется, даже не понимал, что его минутную связь с Еленой следует скрывать, и говорил об этом с невероятной уверенностью.

Здесь было две сломленные девушки — точнее, то, что осталось от них, — и он со своими проклятыми мечтами о науке.

Склепова уже в тысячный раз рассказывала о том, как умер Гломов, а после, остановившись на полуслове, бросила внимательный, пристальный взгляд на Таню, но, тем не менее, очень быстро отвернулась в противоположную сторону, словно пытаясь таким образом себя успокоить.

— А ты ведь тоже не сама была, — наконец-то промолвила Гробыня. — Ты тоже кого-то любила, наверное...

— Да, конечно, — кивнула Таня. — Любила или думала что любила. И он точно так же, — Гроттер равнодушно пожала плечами. — Он был на “Тибидохсе” в этом году, сражался...

— Твой Иван?

— Да, — согласилась Гроттер с предположением Склеповой. Тане не хотелось ничего рассказывать о нём, но и секреты оставляли невыносимые шрамы на душе, вынуждая поделиться хоть с кем-то ими.

— И как он погиб?

— Его убил некромаг.

Таня упрямо упустила все подробности и отвечала коротко, равнодушно, хотя воспоминание о Бейбарсове принесло ей, мягко говоря, очень даже мало радости. Бейбарсов вообще вряд ли мог порадовать собственным существованием — но девушка даже не думала об этом, предпочитая не вспоминать ни о чём.

Тем не менее, Склепова смотрела на неё слишком пристально.

Удивительно — их разбитые сердца не пытались исцелиться, наоборот, искали оправдание собственным поступкам.

Таня так устала от этой лжи, вот только ничего сделать с этим не могла — ей стало слишком больно...

Слишком дурно.

— Ну, теперь у тебя должен появиться смысл жизни. Отомсти этому некромагу, ты ведь будешь победительницей, — пожала плечами Склепова, предлагая что-то вроде нормального смысла для жизни.

Таня отрицательно покачала головой.

— Мне не за что мстить Бейбарсову, — выдохнула она, а после, посмотрев на Гробыню широко раскрытыми зелёными глазами, прошептала: — Если честно, он меня спас от смерти.

— Ванька?

— Да нет же, — скривилась Гроттер. — Некромаг. Он... Иван решил, что мне будет лучше умереть, я всё равно не смогу выжить в этом мире со своим даром, а так у него будет больше шансов на победу.

Склепова покачала головой, словно осуждая даже одним только взглядом то, что сделал Иван.

— Мой Гломов бы так никогда не поступил, — с уверенностью ответила она. — Он бы скорее сам умер и... И я умерла бы за него.

— Я тоже так думала, — пожала плечами Таня. — Но, вероятно, я была слишком

большой идеалисткой...

Склепова посмотрела на синяки, которые до сих пор не сошли с рук Гроттер — они были уже далеко не свежими, наверное, практически недельной давности, но, тем не менее, всё же оставались ещё на её запястьях.

— Это Валялкин твой? — указывая на них, спросила Склепова, словно это было вообще важно.

— Это? Нет, — упрямо отказалась от подобной мысли Гроттер.

— Значит, некромаг? — Гробыня усмехнулась. — Они просто так никого не защищают. Или он просто убил Ивана?

— Он просто вытащил меня на поверхность с пропасти, — усмехнулась Таня. — А потом просто убил свою коллегу, — она отвела взгляд.

Большого количества откровений не требовалось — Склепова и без них всё более чем прекрасно поняла.

===== Боль тридцатая. Полночь =====

— В полночь, — промолвила Склепова, вспоминая то, что когда-то знала, и пытаюсь показать, что она более-менее отошла от боли, душевной, а не физической, — за нами придут зрители.

Гроттер едва заметно кивнула. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы пришёл кто-то другой, даже сама Чума.

Вот только, вероятно, не суждено.

Гроттер чувствовала себя пустой и потерянной — у неё не было возможности куда-то, например, просто уйти.

У неё вообще ничего не было.

Только последние следы мыслей, которые упрямо убегали от неё куда-то в новый, странный и в тот же момент страшный мир.

Это всё так отвратительно.

Она чувствовала, что просто ничего не сможет сделать — и сидела рядом со Склеповой, которая не могла исцелить своё сердце.

Они потеряли родных; а проклятый Шурасик, словно невидимая тень, проходил без конца мимо, намекая собственным присутствием о том, что ещё придётся пережить. От некромагов так просто ведь не сбежишь.

А он...

— Он нас сдаст, — вдруг, рассмеявшись, выдохнула Склепова. — Если мы только что-то сделаем не так...

— Луна уже.

Гроттер не могла ничего больше сказать — она так устала, она так давно даже воды не пила, что становилось дурно...

Она только и могла, что шептать — хотела пить до такой степени, что была готова задохнуться прямо здесь.

— Как думаешь, нам дадут выпить воды? — наконец-то спросила она у Склеповой, предпочитая не смотреть на Шурасика.

Тот что-то бормотал тоже пересохшими губами — потому что вода закончилась у них вчера ночью.

Он выпил последние капли.

Если бы их было двое, то хватило бы на более долгое время, но так — Таня даже забыла

об указании некромага.

Наверное, не стоило это делать — теперь, когда Таня только вырыла рукой какую-то ямку в песке, она почувствовала, что та наполняется водой.

Может быть, следовало и выпить, но Таня только засыпала новоявленный источник песком, понимая, что тот искусственный.

— Тут было озеро, — выдохнула она.

— Озеро? — Склепова удивлённо посмотрела на собеседницу, а после кивнула. — Они переделали его в пустыню.

— Да. Потом песок уберут, и тут будет даже очень красиво, — выдохнула Таня. — Пропасти больше не будет... Арена превратится в парк.

Гробыня рассмеялась. Их пустыня оказалась невероятно маленькой, практически крохотной...

Внезапно всё пропало. В одно мгновение, в нужную фазу луны, всё развалилось на мелкие кусочки.

Гранитными осколками падала откуда-то сверху магия. Рушился кокон, который окружал их сплошной пеленой, не выпуская из пустыни, а воздух стал приятным и чистым...

Таня почувствовала, что на неё мчится волна, и неосознанно рванулась куда-то в сторону.

Это было последнее в этом году испытание “Тибидохса”, не следовало даже и надеяться на то, что будет просто.

Таня почувствовала, как задела головой неизвестные корни, и сжала их пальцами, пытаясь выбраться.

Склепова хваталась за её одежду, превращая ту в ещё большие клочья, и выплывала на свободу.

Таня сама толком не знала, когда успела выбраться из воды — она хватала ртом воздух, не раскалённый, как прежде, в пустыне, которая остывала только на ночь, но только не в этот раз, и понимала, что может дышать и пить воды столько, сколько только вообще пожелает.

— Как же хорошо быть свободной! — выдохнула Склепова.

Таня кивнула.

Свободной она не была. Ненависть и боль, которые посеяли в её душе, всё так же не зажили и не превратились в старые раны.

Нет, кровь всё ещё была свежей, равно как и боль, которую ей столько времени все стремились причинить.

— Мне так плохо... — выдохнула Гроттер.

— Тебе надо отдохнуть.

Склепова посмотрела на неё с уверенностью, словно пытаясь убедить в чём-то, продемонстрировать, что всё просто прекрасно — может быть, так оно и было, вот только верилось очень слабо.

Гробыня чувствовала себя лучше, чем прежде, вот только всё равно Гломов стоял у неё перед глазами.

А Таня потеряла всех — и Валялкина, и память о нём, и то, что могла называть доверием к этому человеку.

Такого существа, как Иван Валялкин, уже попросту не существовало, он превратился в разрушенный комок грязи и болота.

И боль, которая прежде помогала дышать и как-то выживать, теперь превратилась в кнут, способный разве что погонять.

Шурасик, кашляя, но упрямо пытаюсь выпить ещё воды, валялся рядом — и теперь даже его не следовало ненавидеть, потому что он был не врагом, а просто тем, кто тоже выжил и тоже счастлив.

Мелькнула вспышка телепортаций. Теперь было ясно, что они лежали на ровно подстриженной траве, такой красивой...

Она раньше была тем самым огромным полем, страшным, отвратительным, пугающим, впрочем, покрытым цветами.

А может, тем, на котором умерла Рита — сухим, лишь с тонкой полосой из испорченных, мёртвых трав.

Никто не знал.

— Тут хорошо дышится, — прошептала Гробыня. — Мы победили, понимаешь, Гроттер, победили...

По её щекам текли слёзы — а может, это просто была вода из озера, которая теперь стекала по ней, гонимая силой земного притяжения.

Девушка закрыла глаза, словно пытаюсь успокоиться и ощутить наконец-то эту победу — а Таня знала, что ничего у них не получится.

— Здесь нет моего Гуни, — выдавила наконец-то Склепова. — Это не победа, это какая-то насмешка, вот и всё...

Таня ничего не ответила. Ей было ещё хуже — и она видела, как проклятые некромаги приближались к ним.

— Всем доброй ночи, — усмехнулся Бейбарсов, помогая Склеповой, пошатнувшейся и едва ли не улетевшей в воду, устоять на ногах.

— Добивать пришли? — хихикнула Гробыня.

Она словно опьянела, правда, без алкоголя, и теперь смотрела на Бейбарсова одурманенным взглядом.

Таня только сейчас заметила в его руках шприц — вероятно, какой-то укол был причиной для того, чтобы сейчас Гробыня вела себя подобным образом.

Склепова тем временем потеряла сознание, и её мирно уложили на траву. Шурасик, которого обняла Елена, тоже пошатывался, а после потерял сознание и упал рядом с Гробыней.

— Ну, — Бейбарсов обратился уже к Тане, — какой же идиот будет добивать победителей... Просто вам надо немного отдохнуть. Не дёргайся, Провидица.

Таня, вместо того, чтобы подчиниться, рванулась, пытаюсь убежать, но тут уже упала на траву. Некромаг присел рядом с нею на траву и наконец-то сделал свой укол, наблюдая за Гроттер.

Таня содрогнулась, всхлипнула, а после почувствовала невероятное тепло, мягкое и прекрасное.

Оно сплошной волной растекалось по её жилам, оставляя странные следы то ли страха, то ли чего-то невероятно приятного у неё на коже, и Гроттер поняла, что прежде никогда не была настолько счастливой.

Это был дурман, и она знала, что не следует доверять себе самой сейчас, но и сопротивляться не было сил.

— Что это?

— Это поможет расслабиться, — промолвила Елена откуда-то издалека. — Вы просто уснёте, а проснётесь победителями.

Конечно.

Тут хранят секреты — и они просто должны были сделать так, чтобы победители уснули и не поняли, где вообще находится арена.

Достаточно и озера, в котором, впрочем, у них получилось смыть с себя горы ненавистной пыли, которая прежде так сильно мешала и до такой степени душила. В любом случае, ничего хорошего в этом не было, но...

Ведь настолько проще раствориться в этом всём кошмаре и расслабиться, просто позволить себе уснуть.

Таня видела странные цветные сны и не желала просыпаться — она просто чувствовала, что наконец-то свободна.

Но будет ли счастлива победительница тогда, когда наконец-то уйдёт отсюда, а “Тибидохс” останется для неё в прошлом?

Чума смотрела на них достаточно удивлённо, словно ожидая увидеть ещё кого-то, а после недовольно вздохнула.

— Жанна, — протянула наконец-то она, глядя поочерёдно то на Елену, то на Глеба, и дожидаясь того, как ониотреагируют.

Свеколт каждый раз содрогалась, словно дожидаясь того момента, когда её проклянут, а её Шурасика отправят на тот свет скоростным экспрессом. Бейбарсов же даже не содрогнулся, когда Чума в очередной раз обратила на него внимание, и не попытался сдвинуться с места.

Сейчас выдержке некромага можно было только позавидовать — Чума даже не знала, как у него получается быть таким.

Но, впрочем, это было хорошо.

— Жанна умерла, — спокойно промолвил Бейбарсов. — Погибла в бою, когда неправильно истолковала предсказание.

Чума усмехнулась.

— Предсказание? Удивительно, что ты понял, а она нет, — рассмеялась наконец-то старуха, занимая то, что могла назвать собственным тронem. На самом деле, это было обыкновенным деревянным стулом, вот только пусть хоть какой-то крюк — главное, что там сидит повелительница.

— Она не ознакомлена с тонкостями подобной науки, а те два слова показались ей приказом.

Ленка нахмурилась, бросив взгляд на Бейбарсова, но не посмела ничего сказать, решив, что так будет намного лучше.

— Удивительно, что Жанна допускала такое количество ошибок. У неё хорошие брат и сестра по дару, верные и... способные истолковывать мои предложения правильно, — Чума даже позволила себе рассмеяться.

Бейбарсов отреагировал на это с показательным равнодушием, Ленка — последовала его примеру.

Возможно, было бы лучше уйти сейчас, но, тем не менее, никого из них не отпускали, и просто так повернуться к повелительнице спиной и уйти было бы поразительной глупостью.

Девушка понимала это, она не собиралась совершать те ошибки, которые делала Жанна,

потому что это было бы свидетельством её скорейшей смерти, которая, скорее всего, порадует исключительно Чуму.

“Веди себя правильно, — прозвучал у Свеколт в голове голос Глеба. — Мне было плевать на Аббатикову, но тебе всё-таки лучше бы выжить, да, сестрёнка? Не надо тут пока что похорон”.

“Я умирать не собиралась, — коротко ответила Елена. — И вообще, думай пока что о себе, ведь именно ты был причиной смерти Жанны! Удивительно, что Чума реагирует до такой степени спокойно!”.

“Говорю же, Жанна истолковала всё предельно неправильно. Она допустила ошибку, которая могла бы стоить Чуме её будущего”, - рассмеялся Бейбарсов, правда, вновь мысленно.

Свеколт вздохнула.

У Глеба удивительным образом получалось быстро успокоить её всего лишь парой слов, и тот часто пользовался собственным странным умением. Казалось, он учился у какого-то дьявола.

На самом деле — это всего лишь наследие Тантала, который никогда не позволял себе просто так отпускать жертву.

— Итак, победителей в этом году трое, — довольно подытожила Чума. — В прошлом году выиграло сколько?

— Двое, если я не ошибаюсь, — пожал плечами Глеб.

— И в этом году должно было двое, но вы решили не идти на такие жертвы, — рассмеялась наконец-то она.

Чума становилась всё более и более уродливой с каждым словом, но, тем не менее, никто не стал бы перечить ей.

Это было правильно — позволить ей делать то, что только она пожелает, и, возможно, нет никакого смысла придумывать иные пояснения.

Всё будет идеально.

Замечательно.

Всё вокруг затопило странной волной равнодушия, холода и спокойствия — а после мысли вновь вернулись на свои места, и Чума посмотрела на подчинённых с таким же равнодушием, как и прежде.

— Мне не нравится, что твои силы в последнее время практически не подчиняются тебе, — обратилась она к Глебу.

— Я себя идеально контролирую, — отрицательно покачал головой он, словно демонстрируя неуважение по отношению к Чуме.

Та нахмурилась.

— Не верю.

— Я себя идеально контролирую, — повторил Бейбарсов всё ту же фразу, а его глаза вновь налились слишком чёрным цветом.

Она отпрянула и ещё больше помрачнела, хотя трудно было разобрать хоть какие-то эмоции на мёртвом лице.

Чума вообще не была никогда особо открытой женщиной, а теперь, когда прошло столько веков, это шло даже на пользу.

— Удивительно, что ты всё ещё выполняешь то, что я прошу, — наконец-то протянула она. — Или приказываю.

— А зачем отказывать?

Бейбарсов не изображал совершенно никакого недоумения, да и вообще, Ленке показалось, что ему всё ещё наплевать на то, что говорит Чума. Сама девушка не решилась бы перечить настолько откровенно, но это было личное дело Глеба — пусть творит, что хочет.

— Вы свободны, Елена, — наконец-то своим вечно хриплым и полумёртвым голосом вымолвила Чума. — Глеб, останься.

Бейбарсов никуда не ушёл.

Он смотрел на старуху, словно ожидая от неё чего-то, и склонил голову набок с потрясающим равнодушием, будто бы то, что он злил Чуму, приносило ему лишнюю долю хорошего настроения.

— Девчонка, — наконец-то выдохнула она.

— Я не буду её убивать, — отрицательно покачал головой Бейбарсов. — Пусть живёт. Она выиграла.

— Она уникальна.

— И что с того? — Глеб удивлённо изогнул бровь. — Я не собираюсь её убивать, она мне вообще неинтересна.

— Да неужели?

Чума рассмеялась, но Глеб упрямо проигнорировал её, словно то, что женщина могла сказать, осталось для него абсолютно неважным.

Зачем вообще что-то требовать от человека, если у него нет настроения на то, чтобы согласиться на предложение?

— Ты знаешь, что делать, — наконец-то выдохнула Чума.

Глеб кивнул. Не дожидаясь больше ничего, ни единого слова, он спокойно повернулся к ней спиной и ушёл.

Чума рассмеялась.

Скоро всё переменится.

Скоро она будет счастлива, скоро она почувствует что-то такое, что позволит ей стать счастливой.

Осталось несколько месяцев.

Максимум — год.

===== Боль тридцать первая. Церемония =====

Елена вздохнула, останавливаясь рядом с Шурасиком и в очередной раз поправляя его воротник.

— Ты допустил огромную ошибку, — наконец-то подала голос она. — Я не понимаю, зачем ты вообще говорил о том, что мы с тобой знаем друг друга, более того, что между нами, возможно, что-то было!

Её голос казался невероятно возмущённым, да и вообще, на самом деле Свеколт меньше всего на свете сейчас хотела бы афишировать то, что открыл на народное осуждение Шурасик.

Зачем он только делился с этими двумя остальными победительницами тем, что вообще знал?

— Они ведь будут тебя ненавидеть, — продолжала свой монолог Свеколт. — Твои руки, по их мнению, совершенно чисты, и это раздражает их. Выводит, заставляет чувствовать себя ещё большими убийцами, чем они есть на самом деле!

— Прости, — вздохнул он. — Но ведь разве они — помеха? Ты ведь рассказывала о тех планах на Гроттер... А Склепова вообще, кажется, скоро повесится. Что в этом удивительного? Она пережила столько...

— Никто не будет вешаться! — грубо оборвала его Елена. — Они тебе больше не соперницы, запомни это раз и навсегда! И не смей ни с кем делиться подобным мнением, понял? Иначе не видать тебе всего того, что я обещала, как своих ушей!

Она наконец-то успокоилась, но, тем не менее, отвернулась.

Свеколт чувствовала себя сейчас не в своей тарелке в обыкновенных брюках и наглухо застёгнутой рубашке, тогда как на Шурасика пришлось подбирать прекрасный костюм, в котором тот, впрочем, ужасно себя чувствовал.

Вся атмосфера парадности выводила из себя, но Ленка не видела другого выхода — они вынуждены поступать подобным образом.

— Ну что же, — наконец-то промолвила она. — Тебе пора. Церемония не ждёт, и вы должны быть официально оглашены. Иди.

Шурасик кивнул и направился к двери, которая должна была вывести его прямо на ту дорогу, которой он должен был направляться к сцене.

Скоро “Тибидохс” этого года окончательно будет закрыт.

Осталось ещё немного.

Гробыня скользнула пальцами по мягкой, приятной ткани, которая, кажется, была слишком яркого цвета.

Её наряд вообще казался достаточно откровенным, а сама Склепова чувствовала себя словно... неполноценной.

Сколько времени на неё потратили после того, как они освободились, стали победителями Тибидохса? Сколько времени приводили в порядок её волосы, которые были практически сожжены, сколько раз перекрашивали?

Склеповой не нравилось её новое красное платье. Оно было слишком настойчивым в своём напоминании о крови.

Почему мужчинам можно одеть чёрное, а ей нельзя? Она была в трауре и не желала ничего делать, но, тем не менее, закон есть закон, и он преследовал её, шагал за нею по пятам и не давал свободно вдохнуть воздух.

Чёртов закон не позволял, к тому же, совершить что-то такое, что она бы хотела сейчас сделать — и Склепова чувствовала, словно петля смыкалась у неё на шее.

От этого было так плохо, так отвратительно, что нельзя было даже спокойно жить дальше, не то что радоваться.

Гробыне казалось, что сейчас лучше всего просто повеситься и не задумываться больше ни над какой гадостью.

Она сама не ожидала от себя подобного, но, тем не менее, потянулась уже к какому-то ремню, а после посмотрела на высокие потолки.

Зацепиться не за что.

— Скоро церемония, — сообщил какой-то слуга, и она резко оглянулась, глядя на него и всё так же сжимая в руках верёвку.

Кто-то заставил слугу отстраниться, и Гробыня узнала некромага.

Тот молча отобрал у неё верёвку и посмотрел так, словно собирался прямо здесь её убить, а после направился к выходу.

— Через две минуты выход, — оглянувшись, сообщил наконец-то равнодушно Бейбарсов. — Вешаться будешь дома, поняла?

Склепова едва заметно кивнула.

— Эй! А выпить-то можно?

— После праздника.

Склепова скривилась — конечно, разве это на самом деле праздник, вот только у Бейбарсова вряд ли есть право на другое мнение.

— Неужели тебе самому хочется этим заниматься? — громко поинтересовалась она, успев схватить Бейбарсова за руку.

— Мне? — переспросил он, словно не до конца разобрав вопрос, а после весело рассмеялся. — Не особо, если честно.

— Тогда зачем это всё?

Казалось, его глаза почернели в несколько раз больше, чем прежде, а после он весело рассмеялся, склонив голову набок.

— Не тешь себя иллюзией. Ты не будешь никому нужна, — он вздохнул. — А она будет, — парень скривился, словно сказав что-то такое, что его всё больше и больше расстраивало. — И постарайся дожить до следующего года.

— Зачем? — усмехнулась Склепова.

— Я некромаг и лучше чувствую смерть... Даже если она в перспективе через семьдесят лет. Но жизнь я тоже способен почувствовать.

Громко хлопнула дверь.

Ей скоро надо было уходить, но Склепова сама понятия не имела, что должна делать — у неё не хватало для этого никаких сил.

Она просто не могла сдвинуться с места, чтобы наконец-то сделать несколько шагов, только вдруг испытала слишком сильное желание отбросить в сторону туфли на высоченных шпильках.

Почему бы не босиком?

Гроттер заставили одеться в отвратительное красное платье, ещё и с вырезом, но она не спорила даже.

Ей было абсолютно наплевать на то, насколько оно ей шло и насколько подчёркивало все достоинства фигуры.

Она знала, что Склеповой шили абсолютно с такой же ткани, такого же цвета, но какого-то другого фасона.

Девушка надеялась, что ей сделают что-то закрытое, но, оказывается, Чума желала, чтобы победительницы выглядели слишком откровенно.

Откровеннее, чем прежде.

Девушке это совершенно не нравилось, но она предпочитала не задумываться над этим. Смерть и так часто окружала её, зачем опять пытаться что-то спровоцировать?

Гроттер давно уже потеряла любой смысл всего происходящего и теперь не видела никакого смысла в сопротивлении.

— Тебе скоро идти.

Бейбарсов стоял, опёршись плечом о стенку, и усмехался, внимательно рассматривая её. Гроттер стало как-то не по себе, но ей не оставили никакого права на сопротивление, совершенно никакого.

Разве она может?

— Я знаю, — выдавила из себя Гроттер. — Я не хочу идти в этом платье, оно вульгарное. Я не...

— Церемония будет длиться около часа, — спокойно промолвил Бейбарсов. — А после ты будешь свободна и сможешь идти на все четыре стороны.

Она посмотрела на него с надеждой узнать, что на самом деле Бейбарсов не врёт. Она будет свободна.

— Я не останусь в столице, — выдохнула она.

— У тебя остался замечательный шанс сбежать в свой родной городок и жить там на отшибе, чтобы больше никого не видеть.

Она кивнула.

— Согласна.

— Тогда иди и попытайся не опозориться.

Гроттер не знала, почему некромаг вдруг решил продемонстрировать собственную доброту по отношению к ней.

Если это можно назвать добротой.

Тем не менее, она буквально сорвалась с места, не собираясь больше задерживаться здесь даже на несколько минут.

Скоро всё закончился.

От “Тибидохса” осталась только церемония награждения, и больше ничего, а она, дурочка, буквально струсила. Не стоит ничего бояться, и всё будет замечательно — она может не переживать по этому поводу.

— Всё будет хорошо, — казалось, Гроттер сказала это про себя, но, тем не менее, услышала эти слова.

Когда она оглянулась, Бейбарсова уже не было — он банально ушёл, или, может быть, телепортировался.

Скорее всего, ему было наплевать на судьбу каждого из участников, каждого из победителей, но так ведь было нужно.

Нужно выиграть и эту битву.

А после спокойно умереть от ран, которые кровоточат так сильно, заставляя сердце слишком сильно страдать.

Таня уверенно шагала по дорожке, которая была отведена именно ей — кажется, по правой. Склепова направлялась по левой.

Тане казалось, что сейчас она упадёт.

Обувь была до жути отвратительной и тесной, но ничего другого для неё не собирались искать, да и кому это было нужно?

Чуме?

Оглянувшись и бросив взгляд на Склепову, она поняла, что та шагает и вовсе босиком, пожелав оставить проклятые туфли непонятно где.

Так было лучше.

Гробыня выглядела немного более радостной, чем прежде — и, возможно, на это были причины, — но Тане было только хуже.

Она понимала, что больше не видит будущее, что оно пока что не стучится в двери её сознания, но...

Но ведь ещё было прошлое.

Только один Шурасик выглядел бодрым и довольным собственной жизнью. Он шагал уверенно по дорожке и улыбался.

Белые, словно тот снег, а теперь покрытые их следами, дорожки словно сияли и казались отвратительно, ненавистно загрязнёнными.

Словно кто-то ступал ногами по чужим мыслям, чужим душам, чужой любви, чужой невинности.

По всему чужому.

Это Таня просто без собственной воли повторяла мысленно, не в силах продолжать думать о чём-то хорошем.

Она вдохнула шумно воздух, словно надеясь почувствовать что-то хорошее, а после ощутила, что слишком потерялась.

Нет.

Надо быть сильной.

— Приветствуем победителей! — закричал какой-то невидимый ведущий, а Гроттер подумала, что даже тут они как в тюрьме.

Рядом с ведущим, по две стороны от него, стояли некромаги. Елена ещё пыталась выглядеть довольной.

Бейбарсов и вовсе поражал всех ненавистью, которая отображалась у него на лице и казалась слишком сильной.

Он не стремился быть добрым к публике, скорее всего ему было абсолютно наплевать на то, что о нём подумают.

Гроттер старалась не смотреть на сцену, всё так же украшенную белыми цветами — церемонию награждения всегда показывали по телевизору.

И никогда не меняли.

Цвет чистоты, невинности, белизны всего, что только может быть в этом мире, теперь марали их ноги, их шаги и всё прочее.

— Эти люди преодолели множество преград и умудрились победить! Они — достойны того, чтобы ещё целый год именоваться самыми сильными в этой стране, а после навеки остаться в нашей памяти!

Гроттер пыталась успокоить себя.

Ничего страшного не случилось.

Совсем скоро она будет в родном городе, спокойно смотреть в противоположную стену и не думать ни о чём плохом.

Она будет вспоминать Ивана с улыбкой на губах, а не с ненавистью и страхом, который сейчас шевелится в её душе.

Всё будет хорошо.

Всё будет — вот только не с нею и не в этой жизни, потому нечего даже и мечтать — она просто потеряла всё, что у неё могло быть.

Ничего не осталось.

Таня чувствовала себя маленьким испуганным крольчонком и следила за тем, как награждали остальных.

Сначала назвали Склепову. Ей вручили букет всё таких же белых цветов, кажется, роз, и надели венок на голову.

Тоже белый.

Листья, казалось, впивались в её волосы, но Склепова не обращала на это никакого внимания. Она вообще ни на что не смотрела, даже её кровавое платье теперь казалось менее ярким, чем цветы.

Объявили Шурасика, и ему вручили точно такие же цветы, точно такой же венкой надели на голову.

Это было стандартной процедурой.

— Татьяна Гроттер!

Рыжеволосая заставила себя подойти поближе, дождалась того момента, когда венок из белых колючих роз оказался у неё на голове, а после получила букет.

Он был не таким, как обычно.

Таня смотрела на отвратительный чёрный цветок, который, впрочем, в тот же момент поражал собственной красотой.

Чёрная роза.

Она едва-едва смогла отступить назад, стараясь не стоять, словно та идиотка, ждала, когда прокрутят смерти всех остальных на экране.

Это нарезка лучших моментов.

Туда не попало ничего, что могло бы не устроить Чуму или некромагов, но, тем не менее, всё это всё равно выглядело слишком жестоко, пусть Таня старалась даже не оборачиваться и не смотреть.

Она вынуждена была делать вид, что улыбается, хотя это вызывало у девушки отчаянное отвращение.

Только б не упасть.

Наконец-то ведущий собирался отпустить их, но Бейбарсов отстранил его от микрофона и, усмехнувшись, вдруг промолвил:

— Одинаковые церемонии слишком сильно утомляют, — его голос звучал равнодушно и надменно. — Поздравляю победителей!

Таня сама не поняла, что означали его слова, но спустя несколько мгновений осознала, насколько всё было кошмарно.

Всё вокруг потемнело.

Белые цветы, белые дорожки, белые букеты и белые проклятые венки теперь чернели ментально.

Она наблюдала за тем, как мрак расползлся из её рук, из того цветка, который находился в её букете.

Всё вокруг заволкло мраком, и теперь они смотрели на целы й поток мрака, непонятного и в тот же момент великолепного.

Как и полагалось, победители развязывали ленты на своих букетах, после забирали оттуда один из цветов и швыряли их в толпу.

Спустя мгновение букеты и венки побелели.

Таня швырнула в толпу букет, словно слепая, вытащив оттуда всего один цветок, а после поняла, что взяла именно чёрную розу.

И прижимала теперь её к груди.

Комментарий к Боль тридцать первая. Церемония

В связи с последними несколькими неделями бесконечного изматывающего молчания читателей. Один полноценный отзыв к работе с критикой/пожеланиями/мнением/чем угодно — одна глава продолжения к какой-то из работ. Система меняться не будет. Увы, но

это уже слишком — писать в пустоту.

Спасибо всем, кто оставлял отзывы до этого. Греют душу, право слово, и только они до этого заставляли меня делать что-то дальше.

===== Боль тридцать вторая. Развитие =====

“Чёрная роза сильно колола руки, оставляла на них кровавые следы, но, тем не менее, выпустить её было практически невозможно.

Гроттер чувствовала, что не стоило так сильно прижимать цветок к груди, но просто не могла выпустить его куда-то.

Она уснула.

Уснула в проклятой камере пыток.

Церемония награждения продолжалась. Цветок оставил на её руках миллионы колотых следов, а она вынуждена была смотреть на толпу, дожидаясь того момента, когда те наконец-то что-то скажут.

Людей было очень много, и все они боялись этой тройки, которая сейчас остановилась на постаменте, улыбаясь.

За их плечами смерть восемнадцати человек, многие из которых были совершенно беззащитными, а они улыбаются.

Когда-то кто-то из этой толпы тоже будет стоять здесь, и обязательно вынужден будет улыбаться, потому что ему так прикажут под угрозой вырвать сердце и заставить съесть его же.

Убить самого себя просто так, просто потому, что так будет намного проще избавиться от жизни.

Так легче.

Захотелось наконец-то вдохнуть воздух полной грудью, и Гроттер даже позволила себе продемонстрировать облегчение, вот только всё это выглядело слишком страшно. Опасно даже.

— Приветствуйте победителей!

Таня почувствовала, что её что-то заставляет повернуться к экрану, на котором вновь демонстрировались чьи-то подвиги.

Она увидела чьё-то запястье, которое кто-то сжимал — после поняла, что это был глупый фрагмент видео.

Видео о её судьбе.

Больше ничего, правда, не показали, и за это она была абсолютно искренне благодарна, но, впрочем, хватило и этого.

И тут показали Веру. Она горела и извивалась на траве, вопя от боли, пыталась как-то сбить пламя, но ничего не получилось, и становилось только хуже. Даже вода загоралась от её прикосновений.

Картина погасла. Теперь на огромном экране можно было смотреть на то, как постепенно разрывали волки когда-то достаточно красивую Петушкову. Джейн уже не кричала, потому что её голову откусили и куда-то отнесли, обгрызая на ходу.

Таня зажала рот ладонью, стараясь не завопить, но кто-то, остановившийся сзади, грубо потянул её за запястье.

— Церемония скоро закончится? — полушёпотом спросила она, словно пытаюсь понять, что делать со всем этим счастьем.

— Да, осталось немного, — равнодушно отозвался некромаг, который и заставил её

продолжать вести себя, словно ничего не случилось.

Таня попыталась не рыдать, ей было только хуже от этого, но выбора, впрочем, не оставалось, и становилось хуже и хуже.

Она чувствовала, что теряет сознание — и тут-таки свалилась прямо на руки Бейбарсову, который вовремя оказался рядом.

— Победительнице плохо! — закричал кто-то.

— Ага! — послышался ледяной голос из толпы. — Наверное, стыдно стало, скольких хороших людей она угробила!

Гроттер почувствовала, что буквально захлёбывается слезами, но, тем не менее, на неё не обращали внимания.

— Сие выражение является предательством, — заставляя Гроттер продолжать стоять на месте магией, Бейбарсов повернулся, схватил какой-то лук у одного из стражников и выстрелил в толпу.

Человек, который кричал это, рухнул.

— Каждого, кто посмеет сказать хотя бы одно слово против победителей “Тибидохса”, будет ждать аналогичная судьба!

Его голос звучал громко, потрясающе громко — и теперь Таня мечтала просто-напросто сбежать отсюда.

Ей было страшно.

Гроттер знала, что церемонию уже успели нарушить — послышались громкие выстрелы, толпа кричала. Её банально расстреливали, уничтожали, убивали, и это вызывало у Тани исключительно отвращение.

— Не надо! — кричала она, но её никто не слушал в шуме стрел. — Пожалуйста, прекратите, не надо!

Бейбарсов выпускал стрелу за стрелой, наслаждаясь смертями, а её мнение совершенно никого не интересовало.

Ей было так больно, так страшно.

Но разве кто-то будет волноваться о той, кто уже давно успела выиграть в этом проклятом “Тибидохсе”, как-то там не подохла. Её теперь действительно будут все ненавидеть и, наверное, было за что.

Если бы Таня сейчас могла заставить себя смириться со всем, что случилось! Но, тем не менее, отвратительная церемония продолжалась.

Их больше не награждали цветами, а просто увели. Толпа успокоилась и стояла на коленях, а каждого, кто не подчинялся, убивали или уводили куда-то. Те, кого увели, уже прощались с жизнью.

Они не были бунтовщиками, но Чума не прощала даже подобное послабление, предпочитая держать всех в порядке и строгости. Она считала, что так правильной и лучше — может быть, не просто так и считала, но, тем не менее, всё это становилось всё более и большее страшным.

Ей захотелось прямо сейчас куда-то уйти, но разве есть смысл?”

Гроттер открыла глаза, хрипло дыша и пытаясь как-то смириться с тем, что мелькало у неё перед глазами без конца, по сплошной накатанной линии. Теперь не осталось ничего, что могло бы её сдержать, и Гроттер потеряла всякий смысл к сопротивлению, к действиям, к тому, чтобы продолжать жить, но у неё не осталось ни единой возможности вырваться из этого проклятого сплошного водоворота, который окружил её одной-единственной волной

вечного забвения.

Видение вновь подобралось слишком близко, и Гроттер, за год научившаяся перестать сопротивляться им, просто равнодушно закрыла глаза и поняла, что видит исключительно темноту.

“Она не могла ничего увидеть, но, тем не менее, могла почувствовать прикосновения, поцелуи, слышать тихий шёпот.

Он прикоснулся губами сначала к её щеке, после — к губам, к шее... влажная дорожка поцелуев проходила где-то по её плечам, после по ключицам спускалась к груди и доходила до живота.

Гроттер содрогнулась, скользнув ладонями по его плечам и послушно подавшись навстречу ему.

Он вновь поцеловал её в губы, впиваясь слишком страстным поцелуем, словно собираясь выжечь какое-то клеймо.

После следующего поцелуя Гроттер изогнулась в его руках, почувствовав, как он вошёл в неё.

Таня старалась не сопротивляться — трудно было заставить себя подчиниться, но, тем не менее, так намного легче, чем опять и опять напоминать себе о том, что происходит и стараться отыскать здравый смысл в том, что можно назвать собственным сознанием”.

Таня услышала громкий стук в дверь, а после поняла, что кто-то открыл её. Она не успела даже вскочить с кровати, только притянула одеяло к груди и внезапно осознала, что видение наконец-то рассеялось.

Она попыталась что-то сделать, сказать, завернуться хотя бы в это чёртово одеяло, но видение вернулось ещё раз.

“Гроттер изогнулась в его руках, а после, шумно дыша, потянулась к светильнику, словно пытаясь что-то там отыскать, и наконец-то скользнула пальцами по выключателю.

Свет ярким пятном озарил помещение, даже немного ослепив глаза, и Таня улыбнулась Бейбарсову, который лежал рядом, обнимая её одной рукой за талию, а второй перебирая её длинные рыжие волосы.

— С доброй ночью, — ухмыльнулся он.

А самое противное, что на самом-то деле она не была удивлена”.

Таня открыла глаза и натянула подушку на голову.

Видение.

Хоть бы оно было одним из тех, которые никогда в жизни не сбываются, хоть бы она наконец-то ошиблась в своём проклятом даре, который никогда не давал ей покоя и продолжал так часто беспокоить.

Нет!

Кто угодно, но только не некромаг!

Уже прошло столько времени, она так долго не видела ничего, что было связано с ним, с их проклятым прошлым, со всей той проклятой гадостью, которая столько времени пыталась испортить ей жизнь.

Таня часто вспоминала о прошлом и пыталась как-то заживить собственные раны на сердце.

Она купила новый дом, потому что теперь у неё были деньги, и ходила по нему, по пустому, не понимая, как только можно вырваться из всей этой гадости, которая не давала ей покоя.

Теперь можно было окончательно задохнуться в холоде и равнодушии — она чувствовала себя испуганной и...

И очень потерянной.

Громко хлопнула дверь, и Таня резко подняла голову, словно пытаюсь понять, кто это бы мог прийти.

Они дошли до её спальни настолько быстро, что Таня не успела ни встать, ни одеться. Она смотрела на них широко раскрытыми глазами, ждала каких-то народных мстителей, которые пришли по её душу, но...

Но это были не они.

Бейбарсов смотрел на неё с улыбкой, точнее даже с ухмылкой, которая была свойственна, кажется, ему одному.

Все остальные вели себя совершенно спокойно, и даже Чума, которая явилась сюда, не выдавала ни капельки удивления.

— Рада видеть тебя в добром здравии, — наконец-то протянула женщина, подойдя поближе, и Таня поневоле попыталась отодвинуться от неё.

Впрочем, сбегать было некуда, поэтому пришлось замереть на кровати, заворачиваясь в своё проклятое одеяло и мечтать о том, чтобы оказаться как можно дальше отсюда.

— Зачем вы пришли? Ведь прошёл уже год, — прошептала Таня. — Даже больше, чем год. Прошло столько времени!

— Когда зазолотилась прекрасная осень, мы вынуждены были вспомнить о тебе, — рассмеялся Бейбарсов, присаживаясь на какой-то стул.

— И как это понимать?

Таня постаралась не выдавать собственного беспокойства, но, тем не менее, у неё не осталось ни единого шанса просто так выгнать их и остаться целой да невредимой. Она не знала, почему так, но, тем не менее, ничего не могла изменить.

— Это понимать как то, что нам нужен твой дар и его развитие, — протянула наконец-то Чума. — И я очень надеюсь на то, что ты подчинишься Глебу и будешь делать всё, что он скажет. Он будет помогать тебе осваивать магические заклинания и немного овладевать своим даром.

— Я провидица, какие заклинания? — удивлённо переспросила Гроттер, стараясь выглядеть как можно более равнодушной хотя бы сейчас, вот только совсем ничего не получалось, скорее очень даже наоборот.

— Ты провидица с активными силами, — улыбка заиграла на том, что осталось от губ Чумы, а после она вновь пристально посмотрела на Таню.

— А если я откажусь?

Кто-то так многозначительно встряхнул собственным оружием, что Таня моментально поняла, что случится. Она не умела заживлять собственные раны и прекрасно знала, что после выстрела выжить она ни за что не сможет, вот только у неё не оставалось совершенно никакого выбора.

Гроттер чувствовала себя потерянной и несчастной.

— Ты не имеешь права отказаться, — сообщил спокойно, с равнодушием, кто-то из тех, кто сопровождали Чуму.

— Заткнись, — взмахом руки остановил его Бейбарсов. — И вообще, уходите отсюда как можно скорее. Все.

Чума бросила на него недовольный взгляд, но, несмотря ни на что, предпочла тоже

уйти, оставив их наедине друг с другом. Гроттер содрогнулась — ей хотелось, чтобы люди остались, лишь бы только её не оставляли один на один с Бейбарсовым. Это казалось хуже любого наказания.

Впрочем, Чума оглянулась, глядя на неё, если пустые глазницы вообще могут на что-то смотреть, и недовольно, издевательски кривя своё отвратительное подобие губ.

— Я так понимаю, девочка, что ты согласна, иначе ты бы уже давно сдохла, предположительно, — выдохнула она. — Приятного вам обоюдного обучения, надеюсь, как-то сговоритесь... Сговоритесь ведь, молодые, — она расхохоталась и поспешила отправиться куда-то к выходу.

Таня прижалась к спинке кровати и прикрыла глаза, пытаясь заставить себя смириться с мыслью, что у неё только что отобрали даже самую надежду на свободу.

Когда она открыла глаза, Бейбарсов всё так же сидел в кресле. Почему-то Таня вспомнила о том видении, которое ожидало её сегодня утром — поняла, что оно, кажется, имеет все шансы сбыться.

Нет. Только не с ним — только не с человеком, который, возвращая ей жизнь, при этом спокойно отобрать всё остальное, всё то, что только у неё было. Тане не хотелось, чтобы это стало правдой, но она не могла и возражать, поэтому упрямо молчала и только кусала губу.

— Почему вы все пришли? — наконец-то спросила Гроттер. — Неужели нельзя было просто нормально известить меня о каком-то чёртовом обучении? Надо было устраивать весь этот цирк?

Таня весь год чувствовала себя сломленной и брошенной, но она могла по крайней мере быть уверенной в том, что её оставили в покое — а сейчас у неё не осталось ни капельки от той уверенности.

— Ну, милая, кто знает, вдруг бы ты отказалась?

— А мне разрешили бы? — Таня посмотрела на него так, словно пыталась испепелить взглядом и повторить то, что сделала с Веркой.

У неё был такой шанс, но, тем не менее, Гроттер не умела обращаться с тем, что у неё было и что называли её силами.

Наверное, для этого и нужно было обучение — но, тем не менее, она боялась его ещё больше, чем бесконечного незнания, и опасалась, что всё, что желает сделать Бейбарсов, обернётся против неё.

Глеб присел наконец-то на край её кровати, потянув одеяло на себя и наконец-то сбросив его на пол, а после усмехнулся.

— Не разрешили бы, — сообщил он. — В таком случае, тебе же было бы намного хуже, но тебя никто просто так, естественно, не отпустит.

Таня кивнула, стараясь не обращать внимания на его тонкие длинные пальцы. Гроттер вспоминала ту отвратительную ночь там, на “Тибидохсе”, вот только ничего не могло подарить ей хотя бы оттенок счастья.

— Ты весь этот год практически не жила, — сообщил Бейбарсов. — Ты всё это время просто пыталась делать с себя невинную пташку.

— Я даже никуда не выходила!

— Я заметил это, — пожал плечами Бейбарсов, а после потянул вниз бретельку её ночной сорочки и, наклонившись, поцеловал девушку в плечо, словно стремясь продемонстрировать, что никуда она от него не денется.

— Зачем всё это? — наконец-то заставила себя спросить Таня.

— Затем, что это поможет нам одержать тот дар, который практически невозможно получить, — прошептал совсем тихо Глеб. Он привлек её к себе и на сей раз потянул ещё раз, уже за вторую бретельку.

Таня содрогнулась, прижимая руки к груди и пытаясь удержать проклятую ночную сорочку, которая то и дело соскальзывала с неё.

— Отпусти меня немедленно, — прошептала Таня. — Отпусти меня немедленно!

— Не кричи, — Глеб рассмеялся и вновь прикоснулся губами к её щеке, а после поцеловал её в висок и приобнял за талию.

Она закрыла глаза и попыталась расслабиться и не чувствовать совершенно ничего, не ощущать боли, отвращения, ничего...

Ей так плохо.

— Не смей меня трогать, — потребовала Таня. — Я не хочу, отпусти, — она попыталась оттолкнуть его, но не могла.

Бейбарсов, впрочем, поднялся сам.

— Я жду тебя внизу, на улице. Постарайся не опаздывать и одеться, — рассмеялся Бейбарсов. — Предпочитаю пунктуальных.

— Убей меня.

— Ты всем нам нужна, — отрицательно покачал головой Бейбарсов. — Ты всем нужна. Я тебя не убью.

Она прикрыла глаза и вздохнула. Выбора не оставалось, и рыжеволосая потянулась к одежде, которая висела на её стуле.

— Дай хоть одеться, — прошептала она.

Бейбарсов кивнул.

Он поспешно покинул комнату, больше не собираясь задерживаться тут ни на одно мгновение.

Комментарий к Боль тридцать вторая. Развитие

Как я и обещала — новый сюжетный виток. Боюсь, со скорым завершением не сложилось.

Пункт об отзывах остаётся в силе, один полноценный отзыв=одна глава к любому из произведений.

Спасибо всем, кто читает.

===== Боль тридцать третья. Обучение =====

Меньше всего на свете Таня желала соглашаться на то, чтобы Глеб имел к ней хоть какое-то отношение. Она ненавидела его больше всего на свете, боялась того, что он мог бы совершить, и не хотела соглашаться ни на одно условие, которое поставил бы перед ней Бейбарсов. Вот только никто не давал ей права выбора.

Таня понимала, что долго некромаг её ждать не будет, но, тем не менее, желание умереть оказалось куда сильнее всего остального. Она сама не знала, что вызывало у неё настолько отчаянные попытки покинуть этот мир и больше никогда не возвращаться в него, вот только, кажется, мало кто смог бы хоть как-нибудь остановить её и уговорить быть более благоразумной.

Гроттер прикрыла глаза и шумно выдохнула воздух, словно пытаясь сейчас примириться с чем-то, что свернулось огромным драконом в её душе и стремилось высвободиться, оказаться на воле.

Таня не желала подчиняться мыслям, которые так и рвались наружу, стремились смести

всё на своём пути, но сил для сопротивления больше не было.

Она осмотрелась, словно пытаясь отыскать что-то подходящее, и наконец-то наткнулась взглядом на подобие верёвки, которое поддерживало тяжёлые шторы, не позволяя им закрыть последний источник света в этой комнате — единственное окно, которое здесь было.

Конечно, этот шнур прекрасно удержал бы её, а после уже никто не сможет вернуть её к жизни, и пусть делают всё, что хотят.

Таня не понимала, почему ведёт себя без конца до такой степени странно, но, тем не менее, периоды, когда ей хотелось немного пожить на этом свете, давно закончились и ускользнули куда-то в дальние дали, больше не цепляясь за эту, существующую здесь и сейчас, реальность.

Может быть, Иван и предал её когда-то, вот только Таня уже и не вспоминала об этом. Она искренне верила, что, так или иначе, он был хорошим человеком — и, что самое смешное, Ванька и вправду оказался прав. Она, наверное, должна была согласиться ещё тогда и умереть, чтобы больше весь этот груз дней, которые стремились к ней и тянулись к её горлу, не давил на её плечи — по мнению многих, наверное, всё же сильные.

Таня понимала, что взвалила на себя слишком многое, если соотносить с её реальными возможностями — и больше не желала мириться с подобным, потому что это было слишком трудно.

И слишком болезненно.

На втором этаже её дома, на котором, собственно говоря, и находилась чёртова спальня, были не такие уж и высокие потолки, и Таня, подставив какой-то стул, всё же смогла дотянуться до люстры.

Она понятия не имела, как правильно вязать петлю, что вообще надо сделать, чтобы разобраться со своим отчаянным желанием отправиться к праотцам, но, тем не менее, сопротивляться желаниям было уже достаточно поздно.

Гроттер усмехнулась и позволила себе расслабиться в последние мгновения её жизни. Повеситься было бы поразительно просто, и она с равнодушием затянула петлю на собственной шее, собираясь наконец-то попрощаться со всем, что держало её здесь проклятыми цепями.

...Сильная боль сжала горло, обжигая и словно пытаясь превратить в пепел, а после всё помрачнело и превратилось в холодную пелену слёз.

Глеб резко открыл дверь, замирая на пороге, и прикрыл на мгновение глаза, пытаясь сдерживать досаду.

У него, чёрт возьми, была потрясающая способность появляться рядом с Гроттер, когда той это было больше всего на свете нужно — то вытаскивать её с того света после вмешательства доброго ветеринара Ваньки, то отгонять Аббатикову как можно дальше, то делать ещё что-то подобное.

Он понятия не имел, откуда у Гроттер появилась такая замечательная способность творить всяческую ерунду, но, тем не менее, петли, которую она надела себе на шею, оказалось вполне достаточно.

Впрочем, Бейбарсов даже не успел совершенно ничего сделать, как шнур, на котором повисла Таня, превратился в пепел, а сама девушка рухнула на пол, не в силах удержаться в воздухе.

Глеб прекрасно знал, что сработала её магия — сработала подсознательно, не позволяя Гроттер совершить самоубийство.

Таня лежала на пушистом белом ковре, который застилал пол, кажется, в половине комнат этого дома — вероятно, Гроттер предпочитала ходить босиком, — и тихо всхлипывала, то и дело проводя ладонью по собственному горлу.

— И как это понимать? — усаживаясь рядом с ней, мрачно поинтересовался Бейбарсов, стараясь говорить как можно более спокойно.

— Никак!

Она смотрела на него, кажется, с таким отчаянным горем в прекрасном взгляде зелёных глаз, что, наверное, надо было бы попытаться отреагировать на её поведение более спокойно, чем получалось у него.

— Я вижу, — скривился Бейбарсов. — Вставай. Кажется, я просил тебя поспешить, а не вешаться посреди собственной комнаты.

Гроттер отвернулась и так и не попыталась подняться со своего чёртова ковра, словно решив, что попытка вылежаться здесь принесёт ей больше возможностей умереть, чем то, что она будет овладевать собственной магией.

— Немедленно вставай, — повторил некромаг, чувствуя, что окончательно теряет всё, что можно было ещё назвать самообладанием.

Таня отрицательно покачала головой.

Она плакала и даже не шевелилась, скорее всего, просто выражала собственное немое сопротивление, не желая пытаться вернуть себя к нормальной жизни. В её взгляде навеки застыло глупое понятие истерики, которое трудно было пояснить как-либо иначе, кроме как её бесконечно странным и глупым поведением, которое выходило уже за всякие разумные рамки.

— Вставай! — Бейбарсов прежде никогда не срывался на крик, но сегодня получилось как-то само собой.

Он сам не понимал, что сделал, но, судя по громкому, отчаянному и испуганному взгляду Тани, магия причинила ей достаточно много боли.

Девушка смотрела на него своими зелёными, словно сочная трава, и наполненными слезами глазами. На её правой руке, переходя на плечо и на часть спины, по которым и пришёлся невидимый удар, виднелась кровавая полоса. Одежда в тех местах оказалась буквально сожжена, а на коже просто остался след, словно от какого-то батога.

Гроттер так и не собиралась отворачиваться. Её взгляд был преисполнен ненависти, которую, впрочем, Бейбарсов более чем мог понять, и ему даже самому было как-то не по себе — парень не собирался причинять ей боль, по крайней мере, уж точно не думал бить, ещё и магией.

Когда он наклонился, чтобы осмотреть рану, девушка вскрикнула и отодвинулась, отползая куда-то к стене.

Она, казалось, даже на самом “Тибидохсе” боялась его немного меньше, чем сейчас, и вовсе сейчас дрожала, пытаясь кое-как прийти в себя.

Девушка продолжала сидеть в том крохотном углу между кроватью и комодом, прижимаясь спиной к стене и с ужасом глядя, как он приближался к ней.

Бейбарсов, сам даже не понимая, почему это сделал и почему она всё ещё дрожит, как осиновый лист, хотя даже после своего неудачного самоубийства была более живой и активной, бросил взгляд на себя в зеркало, случайный, ничем не поясняемый взгляд — и

замер.

Его глаза оказались полностью черны — нельзя было даже увидеть белки, потому что всё затопило поражающим мраком. Подобных проявлений танталового дара опасалась даже сама Чума-дель-Торт, а уж кто-кто, но она точно могла бы справиться с каким-то там обычным некромагом.

А тут, вероятно, не до конца.

— Не дёргайся, — Бейбарсов присел на землю напротив Тани, всё ещё внимательно глядя на неё. — Подвигайся ближе.

— Не смей ко мне прикасаться, — упрямо мотнула головой Таня. — Я тебя ненавижу! Слышишь, ты, ненавижу!

Бейбарсов едва сдержался, чтобы вновь не вскинуть руку — второй удар подобной магической плетью ну уж явно не сделал бы их отношения доверительными.

Наконец-то, решив, что всё равно иначе ничего не получится, он сам потянул Таню за запястье, прижимая к себе.

— Пусти! Ты... Ты не человек! — воскликнула она.

— Вот уже больше года прошло после игр, а ты всё ещё такая же, как и там была, — протянул равнодушно он.

Гроттер упрямо мотнула головой.

Она, впрочем, всё же изменилась. Прежде Таня всё ещё лелеяла какую-то надежду на то, чтобы быть счастливой, а сейчас она превратилась в обыкновенную сломленную девушку, у которой не осталось больше ни одного шанса на то, чтобы быть хотя бы немного счастливой.

Хоть на одно мгновение.

Бейбарсов знал, что, возможно, эта попытка самоубийства была далеко не первой и, пожалуй, не последней, но пугать Гроттер ещё больше ему не хотелось.

Её магия была скорее интуитивной, и никак бороться с этим он банально не мог — а поэтому прекрасно понимал, что должен вести себя как можно спокойнее и не пугать девушку ещё больше, чем прежде.

— Я больше не буду использовать магию, — пообещал наконец-то Бейбарсов. — По крайней мере, в таких целях. Но подвисься ближе ко мне, надо осмотреть рану!

Гроттер отрицательно покачала головой и сама попыталась вывернуться и окинуть взглядом всю рану.

— Ты не человек, — прошептала она ещё раз, а после словно специально, будто бы издеваясь над своим страхом, заглянула в его глаза. Те уже, наверное, пришли в норму, потому что больше того самого страха Глеб не видел — по крайней мере, то, как Таня дрожала сейчас, нельзя было сравнить с прошлым.

— Я некромаг, — вздохнув, промолвил он. — Это немного разные определения... Но тем не менее, ты тоже Провидица.

Она хотела сказать, что никогда не делала ничего плохого людям, но промолчала, прекрасно зная, что это не так.

— И я точно такое же чудовище, как и ты? — наконец-то шёпотом поинтересовалась у Бейбарсова Таня, склонив голову набок.

— Возможно.

Глеб, впрочем, не мог дать точного определения, все эти видения и прочая гадость были вне его знаний и понимания — он не спешил углубляться в изучение того, в чём сам был далеко не силен.

— Я не способен видеть будущее, — наконец-то равнодушно промолвил Бейбарсов. — Тем не менее, могу читать некоторые твои видения в тот момент, когда ты их видишь, только для этого надо находиться рядом.

Судя по тому, как побледнела Гроттер, это её совершенно не устраивало, скорее очень даже наоборот.

Девушка вскочила на ноги и, скривившись от боли, которая, наверное, достаточно долго ещё должна была бы её донимать, бросилась куда-то вниз.

Она всё ещё боялась, и вряд ли это можно было бы победить обыкновенным разговором, но, тем не менее, у Глеба было более чем чёткое задание — ему следовало попытаться сломить её сопротивление, заставить Татьяну дрожать немного меньше при виде его и больше не подпрыгивать каждый раз на месте, когда что-то случалось.

Глеб нашёл её в ванной — Таня даже не закрыла дверь, и та практически сломалась от того, с какой силой Гроттер пыталась добраться до воды.

Коридор был достаточно узким, к тому же, не имел никакого выхода наружу и заканчивался окном — как, впрочем, и тот, основной, широкий, поэтому сбежать Гроттер было некуда.

— Я выпрыгну! — пригрозила она.

— Да ладно тебе. Обычно я не кусаюсь и предпочитаю не использовать батоги и кнуты, — хмыкнул Бейбарсов. — Рану, тем не менее, надо осмотреть, и осмотреть достаточно внимательно, я не знаю, какое заклинание на тебя подействовало.

Гроттер упрямо мотнула головой.

— Я сама всё сделаю! — возмутилась она, рванувшись во вторую комнату, в которую можно было попасть и со второй стороны. Бейбарсов, который достаточно внимательно осматривал её дом, когда Татьяна искала верёвку, чтобы повеситься, вторую дверь нашёл достаточно быстро, раньше, чем Таня успела закрыть и её.

Гроттер отвернулась, пытаясь продемонстрировать собственное презрение, которое, впрочем, было последствием страха.

— Уходи!

— Куда я уйду? — язвительно поинтересовался Бейбарсов. — Ты хоть понимаешь, о чём ты меня просишь?

— Нарушить прямой указ Чумы прошу, — выдохнула она. — Конечно, ты же ни за что не станешь этого делать.

— Ты прекрасно сама всё понимаешь. Поэтому покажи руку, я хотя бы осмотрю рану.

Таня наконец-то позволила прикоснуться к обожжённой коже, но, когда Бейбарсов потянулся к пуговицам её рубашки, которую Гроттер одела ещё до своего самоубийства, рыжеволосая возмущённо оттолкнула его.

— Совсем сдурел?!

— Ты предпочитаешь дать мне возможность разрезать твою одежду? — язвительно поинтересовался Глеб.

— Причём тут это? — она нахмурилась и отступила на шаг. Казалось, боль совершила чудо — Таня наконец-то могла размышлять более-менее здраво, по крайней мере, Глеб не замечал пока что в её поведении особых странностей.

— Ну, как при чём... — покачал головой он. — Я должен осмотреть рану, а не куски сожжённой рубашки.

Таня вздохнула.

Старая, клетчатая блузка, или как можно было назвать этот наряд, совершенно не входила в разряд её любимых, но у неё был один поразительный плюс — застёгивалась наглухо и позволяла укрыть себя от чужих взглядов.

Гроттер потому и выбрала её.

Сейчас, раздевшись и понимая, что сдуру не натянула на себя под низ какую-то футболку, Таня содрогалась, чувствуя, как пальцы Бейбарсова скользили по её обнажённой коже.

Не желая стоять на месте, Глеб усадил её на какой-то диван и бормотал себе под нос непонятные заклинания.

Таня чувствовала, как те места, к которым он прикасался, начинали сильно жечь, но вскоре это неприятное ощущение менялось на обыкновенную прохладу, достаточно приятную.

Гроттер, правда, не испытывала никакой радости от того, что была вынуждена сидеть перед некромагом в одном нижнем белье, но ей, кажется, совершенно не оставили выбора, по крайней мере, сейчас.

Рыжеволосая шмыгнула носом, испытывав сильное желание пожаловаться на собственную судьбу, но вовремя прикусила язык, напоминая себе о том, что Бейбарсов, между прочим, тоже очень даже виноват в том, что её судьба была настолько тяжёлой.

— Почему ты тогда не ушёл? — вдруг спросила она, глядя на него и прекрасно понимая, что Глеб не станет спрашивать о том, каких именно временных рамок казалось это самое “тогда”.

— Той ночью, когда умер твой Валялкин? — удивлённо переспросил Бейбарсов. — А смысл было уходить?

— Не верю, что ты испытывал ко мне какие-либо тёплые чувства, — отвернувшись, выдохнула Гроттер.

Она до сих пор не могла говорить об этом спокойно, но, тем не менее, было уже намного легче, чем тогда, прежде, когда она только-только сбежала из кошмара под названием “Тибидохс”.

— Ну, почему же... Я не могу назвать это любовью или чем-то настолько же высокопарным, но, тем не менее, ты достаточно привлекательная девушка, чтобы вызывать определённого рода желания, — пожал плечами Бейбарсов, то ли делая комплимент, то ли и вовсе оскорбляя её подобным образом. Таня ответа не знала.

— Это был повод лечь рядом?

— Ты лежала, напомню, на моём плаще, а я тем временем предпочёл не возвращаться в избу, где ночевали мои сёстры по дару, — спокойно пояснил Бейбарсов. — К тому же, я не спал, кажется, неделю, и даже некромагам иногда положено отдыхать, хотя многие считают, что это не так.

Таня едва заметно улыбнулась, словно наконец-то отыскав какой-то смысл в действиях кого-либо.

— Я столько раз пыталась умереть, — вдруг сообщила она настолько равнодушно, что Бейбарсов даже удивился.

— Умереть? — он вздохнул. — Очередная попытка покончить жизнь самоубийством, если я, конечно, правильно тебя понимаю?

— Правильно, — кивнула Таня. — Я... Это казалось мне более правильным. Я пыталась покончить жизнь самоубийством, потому что меня достало это одиночество, а там... там

было бы лучше, правда?

— Не могу подтвердить, сам я никогда на том свете не бывал, — пожал плечами Бейбарсов. — Но меня более чем удивляет то, что ты до сих пор рассказываешь мне что-то о себе, хотя прежде ни за что не сделала бы этого.

— Я пыталась прыгнуть в озеро и утонуть, задохнуться газом, повеситься, порезать себе вены, но ничего не получалось! — наконец-то воскликнула в отчаянье она. — И, чёрт возьми, почему ты меня не убил тогда, у той пропасти?

Бейбарсов не стал ничего отвечать, и Гроттер стало как-то не по себе. Прежде она никогда не сомневалась в версии, которая свидетельствовала о его усталости, но, тем не менее, сейчас даже испытала какой-то приступ недоверия.

Таня наконец-то посмотрела на него более пристально и отвернулась практически сразу, словно пытаясь больше не заглядывать в чёрные, но совершенно нормальные уже глаза, не затопленные мраком.

— Мне слишком одиноко, — наконец-то прошептала Таня. — Несмотря на чёртовы деньги и всё остальное, сюда никто никогда не приходит. А с тобой можно говорить.

— И почему же ты считаешь, что мне можно что-то доверить?

Гроттер смотрела на него долго и пристально, словно подбирая правильный ответ на свой вопрос, а после выдохнула:

— Потому что, кажется, кроме тебя не осталось совершенно никого, кто не считал бы меня хладнокровной убийцей, которая победила в проклятом “Тибидохсе”, провидицей, что решила обмануть судьбу и, в конце концов, слугой Чумы.

— Не считаю, — вздохнул Бейбарсов. — И что?

Гроттер лишь прикрыла глаза, не решаясь наконец-то ответить, а после вновь тихо шмыгнула носом.

— У меня смысла жизни больше нет. Может быть, твоё обучение поможет мне сдохнуть немного быстрее?

Комментарий к Боль тридцать третья. Обучение

Условия остаются прежними. Всем непонимающим и при этом не пишущим, по крайней мере, тут, желаю попробовать испытать мой опыт. И не надо говорить о том, как вам это не нравится. Мне в этой жизни тоже много чего не нравится.

Остальным читателям — большое спасибо, что вы со мной, и я очень надеюсь, что глава вас порадует.

===== Боль тридцать четвёртая. Магия =====

Гроттер понимала, что ничего у неё не получится, но, тем не менее, согласилась пойти с Бейбарсовым в лес, потому что там учить что-либо было бы намного легче, чем в доме, в котором, впрочем, никогда не было людей.

— Меня удивляет то, что ты до сих пор ни с кем не разговариваешь, — вдруг подал голос Бейбарсов. — Делаешь вид перед этим чёртовым миром, что тебя не существует. Ты выиграла, ты имеешь право жить — что в этом такого?

Таня равнодушно пожала плечами.

Она не верила в то, что Бейбарсов мог бы преследовать хотя бы на мгновение, на одну секунду добрые цели, но, тем не менее, она пока что не хотела говорить ему совершенно ничего, что, скорее всего, испортило бы окончательно жалкое подобие существования, которое можно было бы назвать их отношениями. Таня предпочитала не задумываться над этим, но что-то невероятное то и дело напоминало ей о том, что жить в этом мире легко не

будет.

— Убей меня, а? — вновь попросила она. — Я и так уже сошла с ума, ты прекрасно это чувствуешь!

— Я и видения твои чувствую, — вдруг рассмеялся Бейбарсов. — И, судя по интимному характеру некоторых из них, ты на самом деле совершенно не собираешься умирать в ближайшее время.

Рыжеволосая дёрнулась, пытаясь прямо сейчас сбежать, но Глеб равнодушно потянул её за собой, прямо по траве под яблонями сада, который рос рядом с её домом.

— Ты купила себе достаточно хороший участок и даже прекрасный дом, — вдруг промолвил Бейбарсов. — Среди леса. Как так получилось? Там всё так прекрасно обставлено, а ты не желаешь жить.

— Я просто пыталась спрятаться, а могла себе позволить что-то большее, чем конуру, — холодно отозвалась Гроттер, вновь попытавшись вырваться из его рук и сбежать, но, тем не менее, Глеб продолжал сжимать её запястье и вести за собой.

— Мы выйдем к озеру сейчас, если я не ошибаюсь, — сообщил он. — Там легче тебя сдерживать, воде хуже не будет.

— Да, хуже будет рыбам, — усмехнулась Таня, предпочитая сейчас хотя бы шутить, а не без конца плакать.

Бейбарсов кивнул, но, тем не менее, ничего больше отрицать или подтверждать не пожелал, словно ему было совершенно наплевать на то, что происходило или, скорее всего, могло бы когда-либо произойти.

— Знаешь, — протянул внезапно он, — ведь ты первая, кто после победы пытается настолько отчаянно спрятаться.

Таня пожала плечами, словно пытаясь показать, что на самом деле ей совершенно наплевать на то, кто и как жил после победы, но, тем не менее, было видно, что она врёт даже сама себе.

Бейбарсов не стал ничего спрашивать или говорить. Он, обернувшись, внезапно притянул Гроттер к себе, прикивая поцелуем в её губам. Когда Таня попыталась вырваться, оставив заметную царапину на щеке некромага, он лишь рассмеялся, будто бы в этом было что-то весёлое.

Царапина затянулась практически моментально, не оставив после себя особых следов, а Бейбарсов вновь внимательно посмотрел на Таню, ожидая, когда она ещё что-то сделает.

— Укусы тоже затягиваются, — наконец-то с улыбкой сообщил он.

— Я не собиралась кусаться! — вспыхнула Таня, вдруг почувствовав, что ведёт себя, словно маленький ребёнок. Тем не менее, её желание сопротивляться пока что никуда не исчезло.

Таня давно уже не чувствовала себя до такой степени потерянной, как сейчас, но, тем не менее, ей упрямо не предоставляли совершенно никакого выбора.

— Как хорошо, что ты не желаешь сопротивляться и дальше, — продолжил Бейбарсов, открывая калитку и прямо из ухоженного двора с садом попадая в густой, но всё же достаточно светлый лес.

Удивительно, но Гроттер выбрала для своего отшельничества потрясающе красивую местность.

Бейбарсов никак не мог понять, откуда у неё вообще такое отчаянное и бесконечное желание сопротивляться смерти и убивать себя только потому, что она обязательно оживёт

спустя мгновение.

Вероятно, вода выталкивала её на берег, когда она собиралась топиться, ножи оказывались слишком тупыми, верёвки всегда рвались.

Или люстра падала, стукнув для порядка дуру-хозяйку по голове.

— Никто не желает твоей смерти, и твоя собственная магия пытается тебя уберечь, а ты так упрямо сопротивляешься, — протянул Бейбарсов. — Мне порой просто становится смешно с того, как ты себя ведёшь.

— Прямо обохохочешься!

Глеб лишь равнодушно пожал плечами в ответ на её очередное слишком дерзкое восклицание.

— Ты просто сопротивляешься собственному организму, который толкает тебя на то, чтобы быть магом.

— Я провидица!

— С активными силами, — холодно добавил Бейбарсов. — Вот какая ты провидица. И пора бы это уже признать.

Таня отвернулась от него, предпочитая вообще не смотреть на Бейбарсова, но, впрочем, послушно шагала следом за ним.

Она была вынуждена надеть всё ту же достающую, раздражающую её, а самое главное, уже рваную рубашку, и теперь по тонкому шраму, который остался на спине, словно пробежалось холодом заклинание.

— Мёрзнешь?

Вопрос от Бейбарсова звучал достаточно неожиданно, и Таня кивнула, а после поспешила отрицательно покачать головой.

Он вздохнул.

Бейбарсову было нечем её укрыть, как минимум потому, что явился он сегодня в обыкновенной рубашке и брюках, а не в стандартном плаще или слишком чопорном, как для такой ситуации, пиджаке.

Впрочем, он даже не подумал о том, что будет шагать через лес, поэтому туфли, выглядевшие прежде более чем чисто, теперь пострадали от лесной грязи.

— Тебе не жалко своего наряда? — внезапно поинтересовалась Таня, склонив голову набок и внимательно глядя на Бейбарсова. — Испортишь же всю одежду, которая на тебе есть. Или это сделаю я.

— Не жалко, — отмахнулся Бейбарсов. — Но я предпочитаю не ходить в боевом некромагическом обмундировании по городу.

Она усмехнулась.

Умирать как-то моментально перехотелось, вероятно, по той причине, что слишком уж Таня была рада тому, что имела прекрасную возможность наконец-то избавиться от бесконечно долгих тягот одиночества.

Она шумно вдохнула приятный, свежий лесной воздух, а после запрокинула голову, пытаясь увидеть солнце среди листьев, которые сплетались в сплошной небесный ковёр, пряча от неё золотую звезду.

— Попробуй что-то сделать, — наконец-то промолвил Бейбарсов, внимательно глядя на неё. — Используй магию.

Гроттер отрицательно покачала головой.

— Я не умею, — упрямо промолвила она. — Я вообще не знаю, как пользоваться

собственным даром, а ты настаиваешь на том, чтобы я это сделала. Как это? Как можно добиться вообще того, чтобы нормально колдовать?

— Попробуй разозлиться.

Гроттер вздохнула и отвернулась от него, скрестив руки на груди и продемонстрировав собственное недовольство.

— Не могу.

— Ты же до сих пор зла на меня. Ты меня ненавидишь, — продолжал Бейбарсов, не обращая внимания на её заявление. — Вот и попробуй воспользоваться волшебством против меня, Гроттер.

Рыжеволосая нахмурилась и посмотрела на него, а после попыталась сконцентрироваться, представить себе что-то такое, что хотела бы, возможно, сделать с Бейбарсовым. Задушить, например.

Или швырнуть в него огненной сферой.

Таня видела, когда Глеб использовал такие, но сама не могла бы даже и свечку зажечь, поэтому старалась представить себе хоть маленький огонёк.

Она ведь сожгла Веру!

Сожгла — и до сих пор ненавидела себя за это.

— Не получается, — прошептала Таня. — Слушай, оставь меня в покое, я... Я не хочу тебя видеть, я тебя ненавижу!

— Ты была рада мне, — вдруг промолвил Бейбарсов. — Ещё пять минут назад, и с того момента, как у тебя превратилась в пепел верёвка, на которой ты пыталась повеситься — была рада моему приходу.

— С чего это ты взял? — хмыкнула Таня, садясь прямо на землю, но, почувствовав, что трава всё ещё влажная то ли от росы, то ли от того, что тут был дождь, который она упрямо не заметила.

В голову лезло старое видение, которое, признаться, совершенно не обозначало ненависть к Бейбарсову.

Таня пыталась избавиться от него, но знала, что ничего у неё не получается, и всё становится всё хуже и хуже, в сотни раз отвратительнее, чем она вообще надеялась. Да и...

Когда она смирится с тем, что с нею происходит, с тем, что на самом деле она действительно выиграла?

Пусть даже и не желала!

— С того, что я умею читать чужие мысли. Телепатия, конечно, не является прямо уж любимым моим видом волшебства, но...

— Но ты полез в мою голову!

— Да, полез, — пожал плечами Бейбарсов. — И не вижу в этом, кажется, совершенно ничего плохого. Что тут такого?

— Ничего хорошего!

— Ты была рада, Гроттер. Рада, что есть хоть один живой... относительно живой человек...

— Относительно человек!

— Хорошо, пусть даже относительно человек, но, тем не менее, кто-то, с кем ты можешь поговорить, кому можешь рассказать о том, что ты чувствуешь. Тебе было приятно это осознавать.

Таня нахмурилась.

— Я тебе не верю, — она прекрасно знала, что тут и верить не надо было, её мысли сказали всё сами, но, тем не менее, чувствовала, что не имеет ни единого шанса сейчас просто взять и сказать правду.

Ей для этого просто не хватало смелости, которая, впрочем, достаточно давно уже предала Таню.

Вместо того, чтобы попытаться спорить с нею, Бейбарсов притянул девушку к себе, вновь настойчиво её целуя.

Кажется, у этого поцелуя были все шансы перерасти в нечто куда большее — Гроттер поняла это слишком запоздало.

Магия полыхнула с невероятной силой, отбрасывая Бейбарсова куда-то в сторону. Гроттер сама не понимала, что случилось, но какой-то луч света с силой ударил его в грудь, отшвыривая куда-то.

— Бейбарсов? — неуверенно переспросила она.

Глеб не отзывался. Таня вообще не могла сказать, был ли он жив — и это совершенно не радовало девушку.

— Глеб! — воскликнула громко она. — Бейбарсов, ты где? Я совершенно не хотела тебя убивать, слышишь?

— Слышу!

Глеб появился из озера — точнее, выплыл, а после, когда уже мог идти, вышел из воды. С его головы свисали какие-то водоросли, и Таня, сама от себя не ожидая такой реакции, звонко засмеялась.

— Ты похож на водяного, — сообщила она, не понимая, почему улыбается, словно дура, а после, вспомнив о своём прошлом, моментально погрузилась и посмотрела на него уже куда менее радостно.

— Похож, — кивнул Бейбарсов. — У тебя получилось.

— Это было случайно, — Гроттер села на берег и обхватила руками свои колени, словно пытаясь проигнорировать Бейбарсова.

— Мы будем продолжать обучение.

— Не будем, — упрямо покачала головой Таня, не собираясь соглашаться на то, что задумал себе этот проклятый некромаг.

— Будем! — вновь повторил Бейбарсов. — Будем, и ты больше не станешь никогда отказываться от своего дара.

Таня, которую вновь охватила её бесконечная, постоянная грусть, даже не поняла, когда успела оказаться в далеко не самом чистом озере, но лишь громко завизжала, не в силах вырваться из рук Бейбарсова.

Тот, кажется, и не планировал её отпускать.

Когда Таня наконец-то вышла из ванной, приведя себя в порядок и с удивлением осознав, что от неизвестной магической плётки, которой Бейбарсов, по собственным заверениям, совершенно не хотел пользоваться, остался лишь тонкий шрам.

Она потянулась к тому месту, где оставила свою одежду, но с мрачным недовольством осознала, что чёртов некромаг оставил там что-то другое.

Платье!

Достаточно открытое, вытасченное из глубин шкафа, в котором были наряды, что она их никогда в жизни не надевала, ещё и синего цвета, Гроттер оно раздражало, но выбора не

было.

Глеб мог торчать в коридоре, и вряд ли следует проходить мимо завёрнутой в проклятое полотенце.

Это не приведёт к чему-то хорошему.

— Ты опять его боишься, — вспоминая о странной глупости, которую от себя, впрочем, она никогда не ожидала, выдохнула Гроттер.

Рыжие волосы опять высохли за мгновение, словно вновь символ провидицы пытался выставить себя напоказ.

Таня провела по ним рукой, словно пытаюсь пригладить, а после наконец-то подумала о том, что пора бы и одеться.

Платье на ней сидело, конечно, хорошо, но, тем не менее, было коротковатым — и Гроттер направилась куда-то вниз, планируя как минимум прибить некромага.

Её настроение казалось глупым и игривым, и Гроттер сама не понимала, почему согласилась на то, чтобы вести себя с ним более-менее нормально.

Глеб оказался в столовой. Откуда здесь появилась еда, Таня могла только предполагать, но, тем не менее, взяла свои тарелки и отправилась на противоположный от Бейбарсова конец стола.

Тот удивлённо изогнул бровь, а после равнодушно кивнул, словно соглашаясь с тем, что она сделала.

— Боишься, — довольно промолвил Бейбарсов.

— Не боюсь! — с вызовом отозвалась Таня, прекрасно зная, что он ей совершенно не верит и правильно делает.

Рыжеволосой так хотелось сейчас его предать, убить, прямо тут, на месте, но она просто не могла сделать совершенно ничего подобного.

Таня пыталась есть — впервые за долгое время ей дали нормальную пищу, а не заставили есть то, что готовила она сама, — но, тем не менее, Таня едва-едва проглотила несколько кусочков мяса.

Как такое могло случиться? Почему она сидит напротив этого человека и делает вид, что всё между ними совершенно нормально?

Да всё просто ужасно!

Бейбарсов, усмехнувшись, лишь покачал головой, наблюдая за тем, как Гроттер вскочила на ноги и буквально улетела в собственную спальню.

...Посуда спокойно мылась самостоятельно, когда он замер на пороге её комнаты, внимательно глядя на девушку.

— Ты так устала? — поинтересовался он.

— Да, — буркнула себе под нос Гроттер, предпочитая соврать, но не признать, что она просто сбежала от него, словно трусливая дура.

— Ладно. Я буду в гостиной или в библиотеке, если что, — пожал плечами Бейбарсов, заметив диван, на котором можно было бы хотя бы нормально уснуть. Таня сначала дождалась того момента, когда он покинет комнату, а после вскочила, словно желая вернуть его обратно.

— Бейбарсов! — окликнула девушка его.

— Что? — Глеб вновь остановился на пороге, глядя на рыжеволосую. — Я тебя внимательно слушаю.

— Я не видела ни одного живого человека больше, чем год, — промолвила наконец-то

она. — Мне просто приносили какие-то продукты, но я просила, чтобы мне никто не попадался на глаза.

— И что?

Гроттер вздохнула и вновь легла, натягивая одеяло на голову, а после с удивлением поняла, что Бейбарсов присел на край её кровати, а после улёгся рядом и даже обнял девушку за талию.

— Завтра я научу тебя блокировать мысли, — пробормотал он совсем тихо. — Потому что ты не умеешь прятать ни единого своего желания.

— Я тебя всё ещё ненавижу, — напомнила Таня.

— Да, я в курсе, — кивнул Бейбарсов. — Тем не менее, тебе нравится обнимать кого-то ночью, пусть эту роль долгое время выполняет твоё второе одеяло.

Гроттер обиженно фыркнула, но следовало признать, что, стоило только ей подождать несколько минут, как девушка притворилась, что уже уснула и словно сквозь сон повернулась на второй бок, прижимаясь к Бейбарсову.

===== Боль тридцать пятая. Откровения =====

Таня недовольно скривилась, вновь пытаясь заставить небольшой камешек, который лежал у неё на ладони, подняться в воздух. Бейбарсов даже не смотрел на девушку — складывалось такое впечатление, что на самом деле ему было абсолютно наплевать на то, что она делает.

Да и вообще, возможно, Глеб просто не желал делать ничего такого, что, предположительно, забирало бы его лишнее время.

— Ты не преподаватель, ты только мешать умеешь, — вздохнув, протянула девушка, косясь на Бейбарсова.

— Ну, не говори, — улыбнулся весело он. — Мы тренируем твою нервную систему, а ты уже не визжишь каждый раз, когда я пытаюсь подойти сзади. Что не говори, а это огромный успех!

Таня рассмеялась и кивнула, словно подтверждая его слова, а после склонила голову набок, внимательно глядя на Бейбарсова.

Казалось, девушка пыталась пронзить его своим взглядом насквозь, и теперь понятия не имела, как бы удобнее всего было бы это сделать.

Они находились в гостиной, потому что Таня отказалась даже спускаться на первый этаж. Она и столовую игнорировала, каждый раз говоря, что в своём доме имеет право обедать-завтракать-ужинать даже в спальне.

Глеб не спорил. Если бы он пытался отрицать всё, что только говорила Таня, то давно уже сошёл бы с ума.

Таня собиралась вновь попытаться поднять проклятый камешек в воздух, но направить то, что Бейбарсов называл её активными силами, в нужное русло ни капельки не получалось, если, конечно, она действовала не интуитивно.

Гроттер хотела было сказать что-то ещё, но, тем не менее, рухнула на пол, не в силах удержаться на ногах.

— Видение, — прохрипела девушка, поднимая на Бейбарсова взгляд и пытаясь предупредить его о чём-то подобном.

Он едва заметно кивнул, словно стараясь согласиться прямо сейчас с её словами, а после устроился на ковре рядом, притягивая девушку к себе.

Она была, если честно, не против — потому что так переносить видения было намного

проще. Бейбарсов её успокаивал и не позволял рвануться к окну и прыгнуть из него, если вдруг захочется.

Мало ли — защита не вечна. Окон тут было много — если считать балкон, то и вовсе немереное количество, и Тане прежде никогда не нравилась светлая гостиная, но теперь она даже привыкла к подобному.

Что плохого в свете, в конце-то концов, и плевать на то, что она столько лет пыталась оттолкнуть от себя всё чистое и светлое!

Она — Провидица, но мало ли?

Видение наконец-то накрыло её с головой, демонстрируя цветные пятна и какой-то сплошной кошмар.

“- Отпустите меня! Вы даже не представляете, с кем имеете дело! — громко закричал кто-то где-то в самом конце палаты, пытаясь вырваться из железных цепей. — Я вас в порошок сотру!

Угрожающего всем, кого он только видел, мужчину никто не принимал во внимание. Медсёстры сновали вокруг, стремясь пройти как можно быстрее, чтобы не получить на свою голову дополнительную порцию оскорблений.

— Стоять! — вопила вторая. — Отпустите меня!

Таня чувствовала, что тоже могла бы закричать, но, тем не менее, не видела в этом никакого смысла.

— Эй! — окликнул кто-то её достаточно громко, и Гроттер повернула голову набок, глядя на своего соседа по палате.

— Что? — тихо переспросила Таня.

— Ты ж молодая. И тебя не приковали вроде бы как, — он удивлённо посмотрел на девушку. — Беги, дура! Беги!

— Меня вылечат.

Таня сама не знала, зачем повторяла это с таким упрямством, прекрасно понимая, что тут никого не пытаются вылечить, скорее очень даже наоборот.

— Тебя не вылечат! Тебя тут только покалечат! — закричал мужчина. — Какого чёрта ты сюда пришла, Провидица? Тебя уничтожат и сотрут в порошок, слышишь ты, слышишь меня, чёрт возьми, да?!

Он никак не мог утихнуть, но прибежали медсёстры и вкололи незнакомцу что-то, после чего он обмяк и практически сразу уснул.

— Он говорил мне, что я зря решила лечиться, — вздохнула Таня, отводя куда-то в сторону взгляд и стараясь не плакать.

— Вы правильно поступили, милочка! — воскликнула одна из медсестер.

— Не колите мне ничего! — воскликнула Гроттер, когда вторая попыталась подкрасться со стороны. — Я же не собралась убегать, я до сих пор уверена в том, что поступила правильно, слышите, вы?!

Девушки замерли, переглянулись, но всё-таки решились не делать укол.

— Я специально пришла, чтобы вы меня вылечили, — наконец-то, хмурясь, протянула она. — И не собираюсь позволять кому-либо портить мне жизнь, слышите вы это или нет! Ясно? Я хочу жить нормальной, здоровой, отберите у меня этот дар!

— К вам гость, — сообщил кто-то.

Открылись двери, и на пороге появился Иван. Он, улыбаясь, устроился на краю кровати и долго о чём-то рассказывал.

Гроттер старалась слушать внимательно, но, тем не менее, её разум куда-то ускользал, словно на самом деле меньше всего на свете ей надо было именно прислушиваться к тому, что он вообще говорил.

Так хотелось сбежать как можно скорее куда-то, что она просто не могла больше усидеть тут на месте.

Девушка чувствовала себя потерянной и испуганной, но, тем не менее, сбежала сюда от Валялкина.

— Как хорошо, — промолвил вдруг он, — что ты родилась тогда, когда эра Чумы с этим проклятым “Тибидохсом” закончилась, и мы просто проходим всё это по истории... — он опустил голову.

Девушка кивнула, словно подтверждая его выбор и пытаясь избавиться от неприятного давящего на голову ощущения, которое просто не давало ей покоя. Как бы то ни было, она была обязана выбраться из всего этого кошмара, вот только он продолжал душить её, давить, возвращать в сплошной ужас.

Девушка просто не могла позволить себе вот так взять и вырваться на свободу, или, возможно, нырнуть обратно...”

Таня широко раскрыла глаза, выгибаясь дугой и пытаясь вывернуться из чужих рук. Спустя мгновение она осознала, что рядом сидел Бейбарсов и что он не пытался сейчас ничего ей втолковать, и это заставило девушку успокоиться и тихо шмыгнуть носом.

На самом деле, она всё ещё ненавидела Глеба, но, тем не менее, ненависть к нему была куда меньшей уже по той причине, что он мог разбавлять её одиночество, но не боялся внезапных всплесков магии.

За это Таня Бейбарсова очень ценила и считала, что, возможно, он оказался единственным, кто способен сейчас быть рядом.

Просто чтобы было не настолько одиноко.

— Видение? — спокойно поинтересовался он, а после помог девушке подняться.

Гроттер сжала в руке камешек, а после раскрыла ладонь и шёпотом выдохнула заклинание. Тот моментально взлетел прямо под потолок, больше не задерживаясь у неё на руке.

— У меня получилось, — наконец-то выдохнула Гроттер. — Смотри, у меня наконец-то что-то получилось!

— В бою от тебя будет в десять раз больше пользы, чем в мирной жизни, — рассмеялся Бейбарсов.

— Да, видение, — ответила она на вопрос, который Глеб задавал ещё раньше. — Возможная ветка развития событий, если бы... Если бы Чумы не было, если б до моего рождения её успели победить.

— И как?

— Плохо, Глеб. Очень плохо, — скривилась Таня. — Я даже не думала, что это будет до такой степени...

Она шмыгнула носом и покачала головой, словно пытаясь выбросить из головы то, о чём она сейчас думала.

Реальность на мгновение пошатнулась, а после ускользнула куда-то в сторону, не собираясь больше задерживаться.

Бейбарсов и сам вдруг помрачнел, а после присел на край синего-синего и немного потрёпанного временем дивана.

— Телепатическое послание, — пояснил спустя несколько мгновений он. — Отправили сообщение относительно тебя.

— Что-то случилось? — мрачновато поинтересовалась Гроттер, покосившись на него и словно собираясь спросить что-то ещё.

— Чума просила тебя о личной встрече. Надеюсь, — Бейбарсов ослабил, и Таня вспомнила о том, что её некромаг всё ещё тот же страшный человек, от которого на самом деле могут быть одни только беды, — ты понимаешь, что от таких просьб может отказаться сумасшедший, и то если он бессмертен?

Таня кивнула. Она и не собиралась отказываться, но подобный ультиматум совершенно не радовал и только нагонял грусть.

Гроттер сама не знала, почему ей так сильно захотелось уйти отсюда поскорее, куда-то убежать, но продолжала сидеть на месте.

Скорее б уже эта чёртова встреча, чтобы больше ничто не морочило ей голову и не портило так настоятельно жизнь.

Чума ждала её на улице. Таня сама не понимала, почему проклятая старуха вообще пришла сюда и что она здесь забыла, но, тем не менее, повела её по узенькой тропинке к беседке.

— Прошу, — промолвила Гроттер, указывая на лавочку. — Присаживайтесь, так будет удобно разговаривать.

Старуха прищёлкнула пальцами, телепортируя откуда-то кофе. Таня посмотрела на напиток почему-то враждебно, но, тем не менее, заставила себя сделать первый глоток, который, впрочем, вызвал у неё только отвращение.

Этот напиток можно было назвать каким угодно, но только не вкусным или даже немного приятным.

Таня сама не знала, откуда у неё появилась такая ненависть к обыкновенной чашечке кофе, но попыталась сконцентрироваться на Чуме.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Поговорить.

— Но ведь должна быть тема, о которой вы хотите поговорить, — пожала плечами она. — Мне бы хотелось понимать, о чём я собираюсь разговаривать.

— Ну, как же... — Чума усмехнулась точно так же, как и Бейбарсов, когда стремился унижить её.

Усмешка всегда искажала красивое лицо Глеба, и он терял долю собственной привлекательности, но Чуму вряд ли можно было испортить подобной мелочью.

Она вообще казалась навеки отвратительной и гадкой. По крайней мере, Бейбарсов утверждал, что Чума — константа.

— Ты знаешь, кем я была на самом деле? — поинтересовалась вдруг она, подаваясь вперёд. — Знаешь?

— Откуда мне знать?

Таня предпочла не отвечать на вопрос прямо — она прекрасно понимала, что от Чумы следовало ждать подвоха.

Да и вообще, ничего хорошего в её приходе не было, и Таня чувствовала, что, рано или поздно, всё закончится плохо.

Правда, старалась не показывать собственное отношение ко всему этому.

— Я провидица, — довольным голосом сообщила Чума. — Провидица с активными силами, если желаешь знать.

Чашка с кофе выскользнула из рук Тани и покатилась по столу, оставляя отвратительный коричневый след.

Гроттер не рванулась, как порядочная хозяйка, к столу, чтобы вытереть всё, а просто продолжала спокойно сидеть на месте.

— И знаешь, чем всё это заканчивается? — женщина подалась навстречу, заглядывая в её глаза. — Ты сойдёшь с ума.

Таня содрогнулась.

Пустые глазницы Чумы внушали страх и вызывали чувство отвращения. Таня пыталась бороться, но не могла.

Женщина словно заглядывала в её душу, пытаясь вытащить оттуда всё, что только было для не важно или интересно.

“Она вырывалась из их рук и громко кричала, а её пытались успокоить и ежедневно делали уколы.

— Так заканчивают все провидицы, — поделился какой-то красивый парень, который с безмятежной улыбкой лежал на соседней кровати.

У него были потрясающие глаза, синие, тёмные, цвета вечернего неба, но порой их затягивало мраком.

Глеб говорил, что его диагноз — некромагия, и что светлым он совершенно не желает становиться.

— Как? — Таня сидела на краешке его кровати, позволяя обнимать себя за талию. Бейбарсов то и дело дёргал её за рыжие кудри, словно веселясь и стремясь в тот же момент разозлить.

— В сумасшедшем доме.

— А ты тут почему? — удивилась она. — У тебя нет такого дара, как у меня, я точно знаю, ты же сам говорил!

— Нет. Я некромаг, — пожал плечами он. — Но с тех пор, как разрушили “Тибидохс”, всем нам нет места.

В нём не было пока что жестокости, но он был готов взрастить её в собственном сердце практически моментально.

Таня чувствовала себя разбитой.

Она твердила, что любила Валялкина, но, тем не менее, оставалась с Бейбарсовым и никуда не уходила.

Так было проще.

Глеб предпочитал не напоминать ей о грустном и рассказывать только о хорошем, а Таню это радовало.

Она чувствовала себя счастливой.

Весёлой.

Бейбарсов всегда успокаивал её, когда что-то шло не так, гладил по голове и перебирал пряди её длинных рыжих волос.

— Все некромаги сходят с ума, — сообщил он с улыбкой. — Все Провидицы оказываются там же... А давай сбежим?

— Давай! — рассмеялась Гроттер, весело кивая — это казалось приключением, которое, собственно говоря, того стоило.

Очередной взрыв разорвал воздух. Некромаг направил собственную трость, на которую опирался при ходьбе, на светловолосую медсестру, и та отлетела к противоположной стене, разбившись о неё.

Кровь была всюду, и Таня чувствовала, что она оказалась для неё родной. Красное на белом, красное на чёрном.

Красное на красном”.

- “Тибидохс” отсеивает таких опасных, как Провидицы. Это делали и Горгонова с Черноморовым, заявляя, впрочем, что они создали просто развлекательные игры. Это всё было так лживо, — прошипела Чума, словно змея.

Таня кивнула. Она верила. После этих видений она вообще была готова поверить всему, чему угодно.

— И всегда провидицы умирали. Я сохранила эту традицию.

— Но если вы сама...

— Все провидицы сумасшедшие! — громко воскликнула она. — Все, все до единой, мы ненормальные и безумные!

— Я ведь выжила, — вспоминая о том, какая она на самом деле слабая, прошептала Таня. — Я ведь выжила...

— Это ошибка, — Чума ослабилась. — Ты уничтожишь многих, а после пожелаешь, чтобы убили тебя.

Гроттер почувствовала, что у неё больше не осталось совершенно никаких сил.

Слёзы катились по её щекам, а Чума, поднявшись и умудрившись не рассыпаться в прах, куда-то пошла.

Ей хотелось уйти побыстрее.

Но надо было шагать гордо и уверенно, чтобы не выдать собственного прекрасного настроения.

Она сделала всё, что должна была сделать для того, чтобы счастье наконец-то наступило. Окончательно.

Бесповоротно.

Эта девчонка уже сдалась.

Видения убьют её. А Чума поспособствует.

===== Боль тридцать шестая. Чужие тёплые руки =====

Бейбарсов, казалось, отыскал её чисто по наитию. Таня понятия не имела, как у него вообще получилось что-то подобное, но, тем не менее, была рада тому, что он сейчас оказался рядом.

— Ты опять ревёшь, — мрачновато сообщил он, склонив голову набок и словно попытавшись одним только взглядом заставить её уюмониться и перестать без конца всхлипывать.

Таня отвернулась.

— Я не плачу, — упрямо повторила она, а после, словно какое-то приведение, медленным шагом направилась по дорожке вперёд.

Она даже не обратила внимания на то, что, поднимаясь, умудрилась опрокинуть ещё что-то.

Бейбарсов покосился на кружку кофе, который пила Чума — тот от одного её могильного прикосновения покрылся плесенью.

Замечательно.

Глеб не стал тратить время на то, чтобы убирать всю эту гадость со стола. Не следовало отпускать Таню в одну в лес.

Вряд ли это можно считать удачным местом для одной несчастной девушки, которая ослеплена слезами.

— Что сказала Чума?

Бейбарсов обнял её одной рукой за талию и потянул куда-то в противоположную сторону от леса.

Гроттер послушно плелась следом за ним.

— Я думала, что, когда ты пришёл, всё это чёртово безумие наконец-то отошло в сторону, — прошептала она.

— Ну, ты выглядишь совершенно нормальной.

— Это я только выгляжу! — упрямо мотнула головой она. — Только выгляжу... — Таня опустила голову. — А на самом деле я схожу с ума.

Бейбарсов скривился. На самом деле, он не должен был её переубеждать и пытаться заставить её поверить в обратное, но, тем не менее, эта бесконечная боль в голосе девушки немного беспокоила его.

Гроттер должна была остаться живой, а не умереть просто так, ни за что. Рыжеволосая вообще слишком важна.

Слишком уж она значимая фигура во всей этой проклятой игре, чтобы вот так взять и потерять её на ровном месте.

— Ты слишком расстраиваешься, — промолвил наконец-то Бейбарсов. — Тебе не стоит вот так много обращать внимания на то, что тебе говорят.

— Да? Даже на Чуму?

— Даже на Чуму.

Гроттер остановилась, глядя на него и словно пытаясь заставить себя не ответить никакой колкостью или глупостью.

Бейбарсов собирался ей помочь.

Действительно собирался — возможно, в каждом его действии был свой определённый смысл, и он оказался не таким уж и плохим человеком, как она могла изначально считать, но всё же.

— Ты не расстраивайся, — Бейбарсов усмехнулся. — Тебе следует немного овладеть своим даром, вот и всё.

Таня бросила на него мрачный взгляд.

Она всё же не верила и считала, что, возможно, Бейбарсов выполняет неизвестный пока что ей приказ, но, тем не менее, у девушки возникало какое-то не слишком-то и плохое предчувствие.

Может быть, она в очередной раз ошибалась и зря верила кому-либо, кроме собственных видений.

Но и видения могли быть лживыми, и Таня прекрасно знала об этом, поэтому и старалась не задумываться над ними.

Никогда.

В этом не было ни капельки здравого смысла, да и вообще, Гроттер не знала, почему она настолько потерянная.

— Не верь ей.

Бейбарсов повторил это с такой уверенностью, что Таня даже согласилась с его словами и медленным шагом направилась вверх по ступенькам на второй этаж, даже не зная, когда Бейбарсов успел втолкнуть её в дом.

Таня просто понимала, что так будет правильнее.

Она чувствовала себя такой потерянной, такой несчастной — и это крутилось в мыслях ежеминутно.

Будет правильнее умереть.

Глеб потянул её за руку и наконец-то подвёл к окну, которое находилось в самом конце коридора вместо положенной двери в кладовую.

Кладовые Таня предпочитала не заводить.

Она была уверена в том, что это, возможно, слишком лишнее, да и вообще, что всяческие кладовые только несчастья приносят.

Девушка даже не могла пояснить, откуда у неё появились подобные глупые мысли, но, тем не менее, теперь смотрела на лес из окна.

— Красиво, — прошептала Гроттер.

— Красиво, — кивнул Бейбарсов. — Тем не менее, вот скажи, ты готова умереть и покинуть всё это?

Она отрицательно покачала головой.

Таня сама не знала, к чему она была готова, просто жить так, как сейчас, было уже просто невыносимо.

Таня понимала, что потеряла слишком много сил и давно уже устала от этой жизни, но какой был выход?

— Я тебя так ненавидела, — выдохнула она. — Это было смыслом моей жизни, а теперь... а теперь всё иначе.

— Ты меня уже не ненавидишь?

Гроттер хотела ляпнуть что-то о равнодушии, но упрямо промолчала, словно на самом деле Бейбарсов не мог бы донести ей совершенно никакого...

Ничего.

Таня наконец-то направилась в собственную спальню, едва ли не падая с ног и мечтая наконец-то просто закрыть глаза и уснуть.

Было уже достаточно поздно, и солнце спряталось за деревьями, и только теперь Таня окончательно поняла, что случилось.

Только теперь до неё дошло, что уже наступил вечер, скорее даже ночь, и что она проплакала в той беседке слишком долго.

Чума ведь приходила в обед.

Таня не хотела ничего — ни есть, ни спать, ни даже просто жить. Её окружила темнота со всех сторон плотным кольцом, и она просто молча пыталась наслаждаться тем, что осталось ей в этой жизни.

Бейбарсов притянул девушку к себе и попытался поцеловать, а она даже не подумала сопротивляться.

— Ты всегда оказываешься рядом со мной в ужасно беспомощном состоянии, — покачал головой Глеб, нахмурившись.

— И что?

— Да то, что на самом деле ты даже не можешь толком сопротивляться, — укладывая её на кровать и поглаживая по голове, усмехнулся Бейбарсов. — Прямо скучно как-то с тобой,

Гроттер.

Он, конечно же, шутил, но Тане почему-то стало как-то не по себе. Она, содрогнувшись, немного отодвинулась от Бейбарсова.

— У меня есть силы, я могу попробовать противодействовать с их помощью, — выдохнула наконец-то Таня.

— Усвоила урок?

Более чем.

Таня, впрочем, даже не попыталась ответить — ей было просто невероятно грустно, и она попыталась отвернуться.

...Девушка не могла даже утверждать, что Бейбарсов поцеловал её первым. Просто прикосновения его рук сейчас были до такой степени необходимы, что она буквально сходила с ума.

Она выскользнула из его рук тогда, когда было уже слишком поздно. Бейбарсов лишь проводил её равнодушным взглядом, пожимая равнодушно плечами, словно позволяя уйти.

— У меня сейчас будет видение, — выдохнула вона. — Надо... Пойти хотя бы в ванную... Если буду кричать — не трогай меня, ладно?

Глеб кивнул.

Ему, собственно говоря, сейчас было даже наплевать на то, что с нею случится, но Бейбарсов не стал сообщать ничего в подобном тоне.

Ей просто было холодно и плохо.

“Иван стоял напротив неё, полупрозрачный и практически невидимый. Таня старалась не смотреть, но просто не могла ничего с собой поделать.

— Ты пришёл, — констатировала факт она.

— Да, — кивнул парень и протянул руку, пытаясь прикоснуться к ней. — Понимаешь... Я желал тебя добра.

— Ты меня столкнул вниз!

Иван кивнул.

Он не отрицал собственный грех, словно соглашаясь с тем, что вообще успел бы когда-либо натворить.

— Да, я тебя столкнул. Но я желал тебе только добра.

Таня рассмеялась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ей было до жути больно, но, тем не менее, Гроттер не хотела демонстрировать собственное отвратительное состояние и смотрела на Ивана потрясающе гордо.

Ей так хотелось, чтобы всё превратилось в ирреальное видение, а не было настолько спокойным и нормальным.

Скорее б отсюда уйти.

— Ты никогда меня не забудешь, — сообщил вдруг Валялкин. — Ты никогда не сможешь меня разлюбить, слышишь ты, чёрт возьми, или нет?!

Таня отступила.

— Ты никогда не сможешь меня разлюбить! — повторил в очередной раз упрямо Иван. — Ты никогда меня не забудешь!”

Она открыла глаза и шумно вдохнула воздух носом, пытаясь сделать с собой что-то и победить это отвратительное ощущение пустоты в груди.

...Бейбарсов продолжал сидеть на краю кровати, когда она наконец-то вернулась в

спальню.

— Ждёшь всё ещё? — наконец-то тихо спросила Гроттер, пытаясь поплотнее завернуться в халат, который на себя натянула.

— Естественно. Как же я могу позволить даме уснуть без меня? — рассмеялся Бейбарсов, потянув её за руку и усадив рядом. — О... Я так понимаю, халат — единственный предмет одежды, который сейчас на тебе?

Гроттер нахмурилась и хотела было его прогнать, но вспомнила о крике Валялкина в её глупом видении.

Когда это случится, ей будет чем ответить.

...Она потянулась к Бейбарсову первой, прижимаясь к нему всем телом и скользя пальцами по пуговицам его рубашки.

Глеб, признаться, даже сначала не понял, что происходит, но, осознав, что девушка сегодня ни сопротивляться, ни кричать не сопротивляется, потянулся к поясу её халата, целуя Гроттер в губы.

Рыжеволосая обвила руками его шею, прижимаясь к Бейбарсову и пытаясь победить одиночество.

Сколько он уже тут, рядом с нею?

Неделю, две, месяц?

Она старалась об этом совершенно не думать и принимала всё так, как оно и было, без лишних криков и споров.

Бейбарсов толкнул её на кровать, нависая над девушкой и скользя ладонями по её бёдрам. Гроттер позволила себе расслабиться, впрочем, как-то непроизвольно готовясь к боли, которая была в прошлый раз.

Год, даже больше, прошло с того времени, а она никак не может совершенно ничего забыть.

Ничего не может.

Глеб поцеловал её в шею, после — мазнул губами по плечу, по тому тонкому следу от шрама, который ещё остался.

Таня содрогнулась от неожиданности, когда он вошёл в неё, и от боли, которая, впрочем, казалась не такой уж и сильной.

Гроттер сама не понимала, когда успела едва слышно вскрикнуть и даже тихонько застонала.

Было больно, но, впрочем, на сей раз уже не так и противно, к тому же, Бейбарсов ни к чему её не принуждал.

Она ведь сама пожелала, сама захотела, так что не стоило выдумывать себе лишние преграды для жизни.

Зачем?

Смысла никакого не было, и Таня предпочитала просто жить, а не думать о какой-то глупости, о боли, о...

Бейбарсов двигался в ней достаточно осторожно, обнимая за талию и каждый раз всё настойчивее и настойчивее целуя в губы, в шею, покрывая поцелуями плечи и ключицы. Таня пыталась расслабиться, как-то отвечать на его прикосновения и едва слышно вскрикивала на каждом толчке.

Ей было дурно, и голова немного покруживалась, но, тем не менее, не оставалось больше ничего, что могло бы заставить её выскользнуть из его горячих и уже практически

родных рук.

Таня предпочитала молчать.

Гроттер, впрочем, едва слышно застонала в ответ на следующий толчок, выгибаясь в его руках.

Возможно, когда-то она привыкнет.

Когда Бейбарсов, отпустив её, позволив на мгновение выскользнуть из его рук, вдруг вновь прижал девушку к кровати, толкая её вновь на подушки и целуя ещё раз, Гроттер даже вскрикнула от неожиданности.

— Прекрати! — рассмеялась она, впрочем, не сопротивляясь и послушно переворачиваясь на живот.

Глеб прикасался губами к её плечам, после — поцеловал куда-то в затылок, и Гроттер хрипло застонала, чувствуя, как он ввёл в неё два пальца, осторожно двигая ими в девушке и словно прислушиваясь к её стонам.

...Гроттер трудно было вспомнить, что происходило между ними дальше — она просто дремала рядом с Бейбарсовым, периодически пытаясь проснуться, но, тем не менее, проваливаясь в сон.

Удивительно.

Гроттер сама понятия не имела, как ей было — хорошо или плохо, противно или, может быть, наоборот, приятно.

— Ты как?

Голос Бейбарсова звучал в темноте едва-едва слышно и хрипловато — Таня прикоснулась к светильнику и включила свет...

Чёрт.

— Видение, — выдохнула Гроттер, шумно дыша и покосившись на Бейбарсова, который лежал рядом и обнимал её за талию.

Дурацкий пушистый халат лежал где-то на полу, его рубашка оказалась каким-то образом на комод.

Тане стало стыдно.

— Что — видение? Опять? — немного разочарованно поинтересовался Бейбарсов, глядя на девушку.

— Да нет же, — отрицательно покачала головой Таня. — Как бы тебе правильно сказать... Сбылось видение.

— То самое?

— То самое, — эхом отозвалась Таня, но, тем не менее, позволила себе просто так устроиться рядом с ним и уснуть.

Бейбарсов никуда не уходил.

Она упрямо повторяла про себя, что он — самый большой её враг, но оказалось, что это совершенно не так.

Оказывается, виноват этот проклятый Валялкин, который столько времени портил её жизнь, столько всего натворил...

А она не верила.

Гори в аду, всё равно разлюбила.

===== Боль тридцать седьмая. Защита =====

Гроттер проснулась от того, что солнце умудрилось проникнуть даже через единственное окно в её спальне, ещё и потрясающе нагло осветило всю спальню, не

стесняясь слишком плотных штор.

Таня покосилась на Бейбарсова, желая расставить все точки над “ё” и наконец-то понять, что вообще она может к нему чувствовать. Увы, у неё не было ни единой мысли, которую можно было бы назвать логичной или вообще нормальной. Рыжеволосая потеряла сон и покой, у неё не осталось совершенно ничего, что могло бы заставить её думать о будущем или, возможно, выбросить из головы ту ерунду, которая толкала её едва ли не на самоубийство.

В конце концов, надо же было просто иметь хоть какую-то совесть и сберечь собственную судьбу, а не продолжать без конца страдать и портить себе и без того не самую хорошую жизнь.

Гроттер хотела было подняться, но, тем не менее, лежать было тепло и уютно, а окружающий мир вряд ли встретит её чем-то более приветливым, чем вечный, сковывающий по рукам и ногам холод.

Она зевнула, пытаясь отогнать в сторону сонливость, наконец-то заставила себя встать и принялась поспешно одеваться.

Сейчас, когда моментальные желания и минутные радости отступили в сторону, утром, когда в её голове не осталось ничего, кроме проклятых воспоминаний, Таня просто не могла простить себе то, что натворила вчера.

Некромага она ненавидела; она его боялась и желала когда-то убить его больше, чем кого-либо в этом мире.

Прошёл год с чем-то, её отношение совершенно не изменилось, вот только всё равно пришлось с этим смириться и окончательно подчиниться глупым требованиям этой чёртовой, вечно надоедливой судьбы.

Таня вышла в коридор, стараясь тихо ступать по мягким коврам, которые давно уже следовало привести в порядок и отчистить от пыли и всего прочего, и приблизилась к огромному окну в конце коридора.

Она знала, что останутся следы, но, тем не менее, прижалась ладонями к холодному стеклу и прикрыла глаза, представляя себе, словно невзначай, что бы вообще могло произойти, если бы она не оказалась на чёртовых играх.

Рыжеволосая понимала, что тогда они с Иваном всю жизнь провели бы в какой-то хибаре, ведь у них, естественно, не оказалось бы ни гроша, ни копейки денег, на которые так хотелось бы надеяться, и верила бы в то, что любима и любит сама.

Тем не менее, у этого, пожалуй, были и немного другие последствия, возможно, более неприятные, чем кажется на первый взгляд.

Все Провидицы сходят с ума — и Чума открыла величайший секрет сотворения “Тибидохса” и то, для чего он предназначался.

Таня старалась не обращать внимания на видения, которые стучались слишком громко в её сознание и пытались оказаться там. Она понимала, что будет только всё более и более несчастной, но разве ей оставили хотя бы какое-то подобие выбора?

Да и кому вообще всё это нужно, если на самом деле она — лишь потерявшаяся в этом мире пустота.

Гроттер столько дней пыталась отыскать хотя бы малейшее определение собственного дара, что навеки потерялась в странных книгах и прочей ерунде, которая не давала ей спокойно жить.

...Бейбарсов подошёл к ней слишком тихо, как, впрочем, и всегда, и Гроттер

содрогнулась, почувствовав, как его руки легли на её талию. Таня, впрочем, позволила себе продолжать стоять рядом с ним, словно признавая, что это было единственным возможным и нормальным вариантом.

— Всё в порядке? — тихо, полушёпотом, поинтересовался Глеб, уткнувшись носом в её растрёпанные рыжие волосы.

— Да, всё замечательно, — кивнула Таня. — А почему ты спрашиваешь? — она усмехнулась, внимательно посмотрев на него, а после вновь отвернулась, любуясь на лес, на который открывался прекрасный вид из этого окна.

— Мне казалось, что ты должна была бы вести себя более... возмущённо, — вздохнул он. — У такой магии, как у тебя, должен быть раздражитель.

Таня кивнула.

Гроттер казалось, что вот-вот она окончательно сломается, и тогда не останется уже ничего, что способно исцелить её.

Всю свою жизнь она шагала по противной грани отчаянья, но теперь понятия не имела, как сопротивляться глупому ощущению желания быть защищённой. Пусть даже её защитой стал бы этот чёртов некромаг — какая, в конце концов, разница, если это поможет ей стать счастливой?

Она шмыгнула носом, пытаясь смириться с тем, о чём думала прямо сейчас, но больше ничего не стала говорить Бейбарсову, упрямо игнорируя его поцелуи, осторожные или, возможно, наоборот слишком грубые.

— Зачем это всё нужно? — наконец-то полушёпотом спросила Таня. — Ты меня даже ничему не учишь, так, провоцируешь только.

— А я тут в виде твоего персонального раздражителя, — рассмеялся Бейбарсов, тем не менее, кажется, говоря совершенно честно, будто бы признаваясь в том, что могло бы вызвать у неё подозрение.

Таня не хотела задумываться относительно его честности — она просто смотрела вперёд, на лес, и чувствовала, что ненависть постепенно, мгновение за мгновением, утихает в её сердце и перестаёт до такой степени сильно и ярко полыхать, так душить её и требовать ещё одну жертву.

...горячие, словно раскалённые от солнца листья огненными потоками падали вниз. Наступала осень — осень цвета её волос, и только трава оставалась пока что изумрудно-зелёной.

Этого леса пока что не коснулась ненависть и боль; он не был выжжен слугами, которые пытались остановить бунтовщиков.

В этом лесу не оставалось ни единого следа от боли и кошмара, который охватил города; и, казалось, теперь каждому надо было бежать именно сюда, но разве не поймают их и здесь? Поймают, скорее всего, вряд ли надо будет искать какой-либо оттенок сражения во всём этом.

Боль, наверное, слишком сильная; слишком сильно сдавило горло желанием вырваться из всего ужаса.

Бейбарсов вздохнул, вспоминая “Тибидохс” — три года спокойной, ни к чему не обязывающей работы, которая наконец-то осталась за его плечами, теперь казались самыми хорошими в прошлом.

Города горели, Чума теряла собственное подобие жизни, и каждый, кто пытался сопротивляться её правлению, был убит, а его энергия переходила к правительнице, чтобы

поддержать её силы.

Точнее, это Чума думала, что именно так и есть.

Бейбарсов вздохнул и вновь посмотрел на Гроттер, словно пытаясь понять, что именно в ней было не так.

Однозначно, просто так терять её было практически запрещённым шансом на смерть; в конце концов, надо наконец-то что-то менять, но, тем не менее, путь к этому ведётся миллионом предательств и целой рекой крови.

Впрочем, в крови нет ничего плохого.

Чудовищем была та же Лоткова, которой так сильно хотелось крови. Татьяна являлась чем-то совершенно иным. Она просто сошла с ума, но в этом, пожалуй, не было ничего аж такого страшного, что могло бы повергнуть страну в ужас. Бейбарсову же и вовсе было наплевать на то, как к подобному кто-либо отнесётся.

Да, она Провидица.

Наличие сбоя в системе, этих проклятых активных сил, её победы — всё это сломило Чуму окончательно.

Проклятая старуха выстроила свой определённый план, по которому столь упорно действовала, не пытаясь сопротивляться реальности. Тем не менее, пора ей наконец-то вспомнить о том, что она — не единственный житель этой страны.

— О чём ты думаешь? — понимая, что вопрос звучит глупо, полушёпотом спросил у Тани Бейбарсов.

— Я?

— Ты, — кивнул совершенно спокойно он. — Ну, скажи мне, о чём? — он усмехнулся, глядя на неё как можно внимательнее. — У тебя должно быть хоть что-то, за что ты сейчас настолько упрямо хватаешься.

— Ты думаешь, что я должна быть уже сумасшедшей? — Гроттер оглянулась, словно пытаясь отыскать его взглядом, а после попыталась вырваться из рук Бейбарсова, тем не менее, не имея на это совершенно никакого шанса.

— Да, именно так я и думаю, — равнодушно кивнул Глеб. — Тем не менее, есть что-то, что тебя сдерживает.

Гроттер пожала плечами.

— Я не знаю, — выдохнула она наконец-то, тем не менее, не стараясь оказаться сейчас на свободе или сбежать от собственных мыслей.

Кровавый рассвет плакал огромными, алыми слезинками всё новых и новых дождей. Утро затянуло облаками, заставляя их сдавливать горло и продолжать душить, то и дело наседав со всех сторон.

Кровь и потерянный шанс жить — всё это сплелось в одну-единую картину, у которой не осталось ничего привлекательного, только сплошной, слитый воедино ужас, что его сеяла Чума, а после неё будет развеять по пеплу кто-то ещё.

У этой жизни нет ограничений.

У этой жизни есть сплошная боль.

— Я уже сумасшедшая, — наконец-то прошептала она. — Или я не понимаю, что именно Чума подразумевает под этим.

Бейбарсов пожал плечами, словно тоже совершенно ничего не знал, а после обнял Гроттер, прижимая её к себе и словно пытаясь успокоить, утешить наконец-то девушку, которая едва слышно всхлипывала.

Возможно, у неё не осталось ничего, что должно быть в человеке, но, тем не менее, не следует задумываться, как жить дальше, если жить не хочется. А она, как ни странно, хваталась за каждый лишний день собственного существования, боясь отказаться от него просто так, резко, разорвав в первый и последний раз все нити, которые связывали её тонкими паутинками по рукам и ногам.

— Я заметил, — кивнул Бейбарсов.

Он чувствовал её магию, которая буквально горела в жилах девушки — осталось только выполнить то, что он обязывался сделать, и от него должны вроде бы как отстать; у Чумы свои игры, а пешкой сделать некромага не получилось.

Король — на шахматной доске на самом деле жалкая фигура, у которой отрезаны по локоть руки.

Ферзь — часто ходит так, как ему только вздумается, и на все расстояния, которые только придумает и пожелает.

Одна беда — часто ферзём жертвуют, равно как и турой, как и обыкновенной пешкой; а пешка может стать кем угодно на противоположном конце доски, только не ещё одним королём, которого, чёрт возьми, побить не получится.

Восемь ферзей на противоположной стороне — и все единоправны и единоличны; Чума делает ошибку.

Короля всегда защищают, но, тем не менее, решает всё равно игрок.

...А не пора ли дать пешке новую... решающую всё способность?

Достаточно было всего лишь одного маленького магического разряда, чтобы Гроттер наконец-то сбросила с себя пелену заклинания, что заставляло её верить всем подряд, и ему самому в том числе.

Заклинание упало и убрало всё её спокойствие; вместо мирной, относительно радостной Тани, которая желала поговорить хотя бы с ним, хотела, чтобы её просто кто-то обнял и успокоил, появилось чудовище.

Сумасшедшая провидица, у которой забрали все границы её сил — вряд ли Чума одобрит именно такой способ.

Тем не менее, рыжеволосая ещё минут пять не могла понять, что именно случилось, а после, посмотрев на Бейбарсова и осознав, что он всё ещё обнимает её, словно наконец-то вспомнила прошлое.

— Проклятый некромаг! — прошипела она, выворачиваясь из его рук, теряя всё своё видимое спокойствие.

Гроттер рванулась к окну, открывая его и не обращая внимания на то, что сама с огромным успехом может просто-напросто вылететь отсюда, упасть и навеки попрощаться с тем, что среди людей предположительно называют жизнью.

— Ты меня обманывал! Ты меня чем-то опоил, наложил на меня какое-то заклинание, — задыхаясь, выдохнула она.

Видения, которые прежде получалось блокировать, ворвались в её голову, затапливая сознание неизвестной волной, и Таня помнила только то, как вылетела из окна, увлекая Бейбарсова за собой.

Она даже не успела разбиться.

Видения настигли её раньше, не давая спокойно умереть, отправиться к праотцам без этого шуточного налёта из боли и крови.

“Чума, ещё совсем-совсем молодая, схватилась за голову, пытаюсь сдержать всю ту беду,

которая рванулась в её голову, стараясь наконец-то затопить до самого конца всякое понятие её сознания.

Видения были везде.

Она пыталась им сопротивляться, вырывалась из цепей, которые сковывали её руки, но не могла ничего сделать.

— Ты — Провидица, — спокойно сообщил Сарданапал, останавливаясь напротив неё. — “Тибидохс”, конечно, совершенно безопасная игра, которая не может принести совершенно ничего плохого людям, но даже там случаются неприятные случайности, которые могут привести к кошмару.

Чума кивнула.

Прежде она с радостью отправилась бы на эту игру, чтобы иметь возможность кое-как отвлечься от бесконечных видений и сил, которые распирали её и рвались на свободу, вот только теперь поняла, что на самом деле этим назначением её отправили на верную смерть, не собираясь оставить хотя бы один шанс на существование.

— Я жить хочу, — наконец-то подала голос девушка, внимательно глядя на него и словно пытаясь попросить о пощаде.

— Как так могло выйти... — покачал головой Сарданапал, присаживаясь рядом с девушкой и обнимая её за плечи.

Она дёрнулась, но, тем не менее, позволила себе просто шмыгнуть носом и уткнуться лбом в его плечо.

Кто она? Обыкновенная дочь бессмертных родителей?

Впрочем, нет. Она Провидица, ещё и с силами, которые дают ей возможность сопротивляться и не позволить себя обезвредить.

Ситуация с провидицами становилась в последнее время слишком катастрофичной, но, тем не менее, не оставалось ни единого шанса вырваться из постоянного потока новостей о том, что они сделали.

Нормальные Провидицы не видели собственную судьбу, и убить их было очень просто, но Чума видела.

Каждый раз, стоило ей только закрыть глаза, всё вновь и вновь всплывало, и она просто терялась в видениях.

— Ты отправишь меня на эти игры! — воскликнула она наконец-то, всмотревшись в странные, неопределённого цвета глаза Сарданапала. — Но ведь, в конце концов, я же твоя...

— Мы с Медузией поговорили и решили, что так будет намного лучше, — вздохнул он. — Ты должна нас понять.

— Медузией? Да не нужна мне эта проклятая девка! Ты предал маму, — выдохнула она, отворачиваясь. — Я не хочу знать ничего о том, что в наших жилах течёт одна и та же кровь.

— Но...

— Ненавижу тебя! Родной отец сделает всё, чтобы только убережёт собственную дочь от смерти, а ты пытаешься меня убить, отправить на этот твой “Тибидохс”, прекрасно зная, что оттуда всякие Провидицы возвращаются только трупами, изувеченными, отвратительными!

— Но иначе тебе грозит сумасшествие, — вздохнул Сарданапал. — Послушай, ты должна смириться.

— Я не буду мириться! — упрямо воскликнула она, звякнув собственными цепями. — Я ещё убью тебя... папочка!

— Не трогайте её. Пусть умирает, — Медузия выпрямилась, внимательно глядя на Чуму, изувеченную, покрытую шрамами, с отрубленными руками и кожей, которая практически дотла сгорела под действием проклятого пламени, в которое она попала и не смогла выбраться.

К тому же, эти странные колёса, которые исполосовали её, то, что превратило её волосы в жуткие сожжённые клочки.

— Её волосы всегда должны были восстанавливаться... как у Провидицы, — выдохнул наконец-то Сарданапал. — Что я наделал...

— Вы сделали всё правильно!

Чума в последний раз застонала, готовясь наконец-то умереть, но, тем не менее, он отрицательно покачал головой.

Магия рванулась к её телу, исцеляя то, что можно исцелить, и когда она открыла свои глаза, вместо которых остались, впрочем, лишь пустые глазницы, то уже была относительно здорова.

— Ты исцелил меня, — она не обращала внимания на то, что её руки, пусть и витали следом за нею, держались только на магии. — Ты исцелил меня!

Она удивилась собственному голосу, но, тем не менее, это было ещё более чем терпимо до того момента, когда она посмотрела наконец-то в зеркало и едва ли не потеряла сознание прямо тут, на месте.

— Как?!

Чума не могла даже кричать — она просто смотрела на то, что когда-то было телом молодой, красивой девушки.

Не осталось её волос — они сгорели. Не осталось красивых глаз — их выкололи. Не осталось рук — их отрезали.

— Ненавижу! Лучше бы я умерла! — закричала она, несмотря на то, что совсем недавно так сильно цеплялась за жизнь.

Сарданапал хотел было сказать что-то ещё, но было уже слишком поздно. Магия, её активные силы, которые они столько лет прятали от людей, наконец-то получили свободу в этом жутком теле.

— Теперь я буду править! — выдохнула она.

Сарданапал и Медузия не успели ничего сделать — волшебство сковало их по рукам и ногам, заталкивая в клетку и заставляя умирать.

— Я очищу мир от Провидиц, — прошипела она, подаваясь вперёд. — Но теперь на вашем проклятом “Тибидохсе” будут умирать все, все, все!

Громкий вопль волной разлетелся по остаткам прошлого, сообщая миру о том, что первая часть пророчества наконец-то исполнилась”.

===== Боль тридцать восьмая. Ремни =====

Таня открыла глаза, хрипло дыша и кашляя, словно дым разъел её лёгкие, а не то, что осталось от тела Чумы.

Она попыталась дёрнуться, сесть на кровати, на которой лежала, но наконец-то заметила, насколько всё вокруг белое и замерла, словно пытаясь разобраться, умерла она уже или всё-таки ещё жива.

Самоубийцам, конечно, самое место в аду, но она, можно сказать, спасала весь мир от своего присутствия, и вряд ли в этом было что-то плохое.

Гроттер так хотелось наконец-то оказаться на свободе, что она вновь дёрнулась, но ремни болезненно впились в кожу, возвращая её обратно, и только теперь Таня поняла, что оказалась прикованной.

Странные полосы, белые, как и тонкая ночная сорочка, в которую её нарядили, прижимали её тело к кровати.

Белые простыни и белое одеяло, которым её укрыли, боли ни капельки не облегчали, и Таня просто не могла понять, как это может быть реальным.

Её руки тоже были прикованными, да и не оставалось ни единого шанса вырваться, как бы сильно она ни желала оказаться на свободе именно сейчас.

Потолок оказался таким же, снежного, отвратительного цвета, который словно сиял в полумраке.

Где-то далеко послышался тихий щелчок, словно неизвестный включал свет. Таня содрогнулась — ей казалось, что от тёплого свечения ламп должно быть немного легче, но они залили комнату неестественным, холодным, идеально белым светом, который раздражал и словно стремился пронзить её насквозь.

Здесь было множество белых кроватей, которые, впрочем, пустовали, словно никто и никогда не спал на них.

От мысли о том, что здесь, в этом чёртовом помещении, она навсегда останется одна, Тане стало дурно.

— Выпустите меня!

Голос прозвучал хрипло, и девушка испугалась того, что с нею сделали точно то же, что и с Чумой в прошлом, в том гадком видении о событиях невероятно давних и практически забытых.

Она предпочитала не задумываться о том, что случилось — точнее, предпочитала бы, если б не знала, что её судьба каким-то образом связана с судьбой этой проклятой старухи, что потеряла всё.

Тем не менее, Таня сейчас практически жалела Чуму, прекрасно зная, что та многое выстрадала, но в то же мгновение буквально не могла ей простить всего случившегося и, сколько б ни пыталась победить собственные предрассудки, вспоминала о том каждый раз, чем именно был “Тибидохс”.

Белые стены и белые потолки, белые кровати, белое свечение белых ламп и белые простыни. Белое постельное бельё и белая одежда, белые халаты, белые ремни, оставляющие на руках красные следы.

Гроттер содрогнулась, попытавшись избавиться от назойливой мысли, что её похоронят в белом гробу и в белых тапочках, закрыла глаза, но моментально увидела опять что-то белое.

Смотреть на реалистичное отсутствие любого цвета, кроме этого, было проще. Тут были ведь ещё тени, а не просто сплошная комната, в которой не следовало искать ничего, даже реальности.

Белый обозначал в мыслях Гроттер вечную пустоту, и, сколько бы она ни пыталась заставить себя думать иначе, совершенно ничего не получалось.

— Эй! Кто-нибудь! — громко закричала рыжеволосая, но, тем не менее, поняла, что практически не слышит собственный голос.

Увы, но рядом совершенно никого не было — и поэтому Таня была невероятно рада, когда наконец-то открылась дверь.

Она никогда прежде не желала жить настолько сильно, и дёрнулась, пытаясь высвободиться и оказаться где-то все границ этой гадкой комнаты. Впрочем, казалось, такого шанса ей просто не предоставили, решив навеки замуровать именно здесь, не давая ни единой возможности быть человеком, который имеет полное право дышать и жить, вообще быть в этом мире.

— Выпустите меня! Развяжите! — понимая, что кто-то в белом зашёл в комнату, потребовала Гроттер.

Она с удивлением узнала Шурасика — тот потерял свою неестественную худобу и выглядел практически как нормальный человек.

Он был одет тоже в белый халат, но, тем не менее, под ним был чёрный деловой костюм — вероятно, парень пришёл не в качестве врача, а в качестве какого-то посетителя.

— Что со мной? — полушёпотом поинтересовалась Таня, пытаясь как-то заглянуть в его карие глаза.

Парень упрямо отворачивался, словно Гроттер могла увидеть какое-то отражение, и рыжеволосая от этого ещё сильнее дёрнулась.

— Что со мной?!

Она могла видеть только белые ремни, потому что была накрыта одеялом, и только потом её приковали — а кровь выдавало красное пятно и тонкие следы от её пут на единственной руке, которая находилась не под одеялом.

Та выглядела более чем здоровой, но, возможно, это единственная часть организма, которая осталась в нормальном состоянии?

Шурасик непонятно откуда достал шприц и наклонился над нею. Гроттер попыталась дёрнуться, вырваться из его рук, но ничего не выходило, и, сколько бы она ни сопротивлялась, всё оставалось настолько же равнодушным и спокойным к её отвратительной судьбе.

— Отпустите меня! — закричала Гроттер. — Немедленно!

— Тише, — равнодушным, практически ледяным голосом промолвил Шурасик. — От твоего крика всем будет только хуже.

— Почему? — полушёпотом спросила она, пытаясь убедить себя в том, что ей пытаются исключительно помочь.

— Потому что волновать тебя не особо разрешено, и я должен взять анализы, но чтобы при этом ты вела себя тихо. Иначе меня выгонят с работы, а это место потерять никак нельзя! — воскликнул Шурасик.

Его слова казались невероятно гнилыми, словно в них действительно что-то было очень даже не так.

Таня даже не могла пояснить, почему вдруг стала относиться к нему гораздо хуже, чем это было на самом деле.

Рыжеволосая вообще не могла дать ни единого пояснения собственным действиям, она просто тихо ненавидела человека, который сейчас взял у неё, беззащитной, кровь, причём, кажется, немало.

Внезапный приступ тошноты заставил рыжеволосую прикрыть глаза и едва ли не потерять сознание.

Ей показалось, что она сейчас просто уснёт, но допустить это никак было нельзя — и Таня вновь попыталась дёрнуться.

— Тебе надо вести себя тише, — упрямо повторил Шурасик, делая что-то с её рукой,

которую Гроттер практически не чувствовала. — Намного тише.

Она хотела было завопить, чтобы этому проклятому победителю “Тибидохса”, которого защитила некромагиня Елена, было хуже, чтобы его наконец-то уволили, но смогла только открыть несколько раз рот, но так и не проронила ни единого слова вслух, словно что-то не давало ей это сделать.

— Ты можешь пытаться кричать столько, сколько угодно, но у тебя после вчерашнего проблемы с горлом, поэтому ты можешь просто сипеть, — пояснил он.

Шурасик вновь взял в руки какой-то шприц, а Таня в очередной раз попыталась вывернуться, но не сдвинулась ни на миллиметр.

— Надо было держать тебя немного сильнее, — равнодушно промолвил он, смахивая со лба прядь собственных тёмных волос.

Гроттер попыталась посмотреть на то, что он ей колет, но ничего не разобрала, даже не осознала, что за яд или, возможно, лекарство ей ввели.

Таня смогла понять лишь то, что её волосы сплошной волной разметались по подушке и что на самом деле ничего такого уж страшного с ними не случилось, не следовало даже и переживать.

Впрочем, её волосы всегда прекрасно восстанавливались после чего угодно, равно как и глаза.

А Чума...

Чума вообще видела пустыми глазницами, когда её предал родной отец, а после попытался воскресить в припадке собственного кошмара. Лучше бы он просто позволил ей умереть!

Таня понимала, что сама оказалась в точно такой же ситуации, как и Чума, и от этого ей стало ещё более дурно. Рыжеволосая никак не могла принять подобное, да и не знала, как она тут оказалась.

Она попыталась сказать хотя бы слово, но горло казалось замороженным, да и вообще, девушка словно онемела.

Таня дёрнулась, пытаясь высвободиться, но, тем не менее, ничего из её манипуляций не принесло ни капельки успеха.

Она почувствовала, как её собственное сознание окончательно ускользает куда-то в сторону, и попросту смирилась с тем, что происходило, словно ставясь подписью под каждой нотой собственного равнодушия.

...Кто-то неизвестный немного ослабил ремень, который держал её шею, а после и вовсе расстегнул его, а потом — ещё один.

Таня почувствовала, что, хотя она всё так же не может вырваться на свободу, дышать стало намного легче.

— Кто здесь? — не в силах открыть глаза, прошептала Таня, надеясь на то, что на её глупый вопрос вообще ответят.

— Ты меня не узнаешь? — язвительный голос, который прозвучал совсем рядом, показался ей приятным и бархатистым.

— Кто ты? Я не помню...

Она уже могла разговаривать, и это радовало, но никак не могла понять, кто именно был обладателем этого прекрасного мелодичного голоса.

Ей хотелось почему-то попросить незнакомца — Гроттер могла утверждать, что это был достаточно молодой мужчина, и уж наверное привлекательный, с таким-то прекрасным и

мягким голосом, — чтобы он что-то спел ей.

Хоть колыбельную или, возможно, просто что-либо, что угодно, лишь бы можно было отпустить собственное глупое состояние и почувствовать хоть что-то хорошее в этом отвратительном и гадком мире.

Таня просто не могла понять, почему её жизнь превратилась в такой сплошной кошмар, у неё не оставалось выбора.

Рыжеволосая чувствовала, что мир окончательно разрушился, и не осталось в нём ни капельки от реальности.

Всё потеряло смысл.

Гроттер наконец-то смогла открыть глаза, поборов невероятную апатию, которая слишком сильно душила её, и столкнулась взглядом с Бейбарсовым — теперь, когда она уже увидела его, всякая симпатия окончательно растаяла, словно превратилась в нечто несуществующее и ирреальное.

— Ты? — тихо переспросила она. — Что ты тут делаешь?

— Ну, как что... — Глеб равнодушно пожал плечами, словно пытаясь продемонстрировать собственное недоумение. — Что ты помнишь?

— У меня было видение.

Таня знала, что выпрыгнула в окно, но, тем не менее, кроме проклятого видения в её сознании не осталось ни капельки чего-либо значимого, словно неизвестный всё просто спокойно стёр ластиком, предпочитая оставить в её голове то, что только ему одному было выгодно.

Таня могла даже утверждать, что это сделал именно Бейбарсов, хотя, конечно, ей не хотелось верить в что-то настолько отвратительное. А ещё — Гроттер просто слишком хорошо понимала, что если сейчас она не начнёт сопротивляться непонятному действию препарата, то до следующего дня она буквально не доживёт.

— Да, было, — кивнул Бейбарсов. — Ты схватила меня за руку, прыгнула в окно со второго этажа, между прочим, прямёхонько на замечательный куст роз, даже жалко их как-то было. По дороге у тебя началось видение.

— Мы разбились? — Бейбарсов выглядел совершенно здоровым, но на то он и был некромагом. — Ведь ты регенерируешь!

— Я регенерирую, но ты-то нет, — усмехнулся он. — Второй этаж — это не высоко, по крайней мере, не настолько, чтобы моя магия не сработала — мне удалось замедлить полёт, но, тем не менее, на земле тебе стало ещё хуже.

Таня не понимала, что заключалось в этом словосочетании, но взгляд Глеба, тяжёлый, равнодушный и холодный, не сулил совершенно ничего хорошего.

Гроттер чувствовала, что кто-то тут обманывает её, но, тем не менее, Глеб пока что оставался единственным, кто пытался сообщить ей хотя бы некоторые крохи от той информации, которая могла бы пригодиться.

Остальные просто предпочитали молчать, как Шурасик — впрочем, были ли остальные? Таня помнила только Александра, остальные напрочь вылетели у неё из головы. Да и вообще, проклятый препарат заставил успокоиться, расслабиться и позволить себе мирно плыть по течению собственной судьбы.

— Что со мной случилось? Я теперь такая же, как и Чума? — переспросила вдруг Гроттер, содрогаясь.

— Не выдумывай... — Глеб вздохнул. — Ты вполне привлекательная молодая девушка,

только шрам один прибавился на лице.

Таня содрогнулась, глядя на него широко раскрытыми от ужаса глазами — больше девушка ничего сделать не могла, даже шевелиться теперь было трудно, разве что у Гроттер была возможность нормально дышать при меньшем количестве чёртовых ремней, которые так давили на грудь.

— Хочешь, дам зеркало посмотреть? — наконец-то поинтересовался Бейбарсов.

— Хочу! — моментально кивнула Таня. — Но я ведь не могу ничего держать в руках... У меня ж они привязанные!

— Я подержу.

Глеб наконец-то взял в руки небольшое зеркальце и поднёс к её глазам. Гроттер внимательно смотрела на своё отражение и пыталась отыскать шрам, но ничего не было, будто б ничего и не случилось.

Тонкая полоса.

Тонкая полоса на виске, длиной не больше двух или трёх сантиметров, её совершенно не портила, а вообще, она осталась точно такой же, как и была.

Прежде Таню никогда не интересовало то, что другие могли бы назвать привлекательной внешностью.

Она упрямо считала, что в этом нет совершенно ничего важного, да и вообще, какая есть, такая есть, она всё равно Провидица, а Провидицы не могут быть счастливы, это уже просто закон.

Тем не менее, внезапно Гроттер осознала, что на самом деле всё гораздо хуже, чем могло бы быть.

Рыжеволосая предпочитала не понимать собственных страхов — а теперь вдруг осознала, что она просто подсознательно сравнивала себя с Чумой, проводила параллель и боялась того, что станет такой же.

Такой же уродливой, такой же страшной.

Такой же — такой, которую предали, которую просто оставили на проклятом “Тибидохсе”, швырнули в пламя.

Так не должно быть.

— Тем не менее, твоё психическое здоровье вызывает у меня определённые вопросы, — равнодушно продолжал говорить Бейбарсов, будто бы до этого времени не он убеждал Таню, что всё будет хорошо. — Поэтому нам пришлось доправить тебя сюда, в больницу.

Таня содрогнулась. Она предпочитала не думать о том, насколько отвратительным местом вообще это здание, но теперь, до конца осознав, что попала в лечебницу для психически больных, поняла, что на самом деле ничего хорошего больше не будет.

— Забери меня отсюда! — взмолилась Гроттер. — Глеб, пожалуйста, забери меня отсюда, я не хочу тут быть!

— Тебе надо лечиться, — строго ответил он, внимательно глядя на девушку. — Ты должна понимать, что сопротивление лечению приводит к плохим последствиям, которые просто несоизмеримы относительно твоего состояния.

Таня прикрыла глаза и попыталась разобрать его слова, отыскать в них хоть какую-то суть, но не смогла.

Ей всё так же было пусто и больно, а отвратительное чувство того, что Бейбарсов нагло врёт, заставляло задыхаться от бесконечной боли.

— Скажи мне правду! — потребовала Таня. — Что со мной случилось, скажи, Глеб,

скажи!

— Ты помнишь фасад своего дома? — усмехнулся Бейбарсов. — Его едва удалось уберечь. И, знаешь... мне жалко тот абрикос.

— Какой абрикос?

— Как какой? — Глеб притворно удивился. — Тот самый, который ты своей магией вырвала из земли, швырнув в окно.

— Я? — Таня просто не желала верить в то, что он говорил. Глеб врёт, Глеб просто выдумал всё, что только что сказал ей.

— А ещё перебила столько живности... Внутренности медведя трудно отчищать со стёкол, знаешь ли...

— А люди?! — Гроттер попыталась приподняться, но ремни держали её крепко, а Таня теперь даже мог ла понять, зачем вообще её держали.

— А люди, слава богам, находились слишком далеко от того места. Но это не уменьшает твоей ответственности. Мы обязаны заняться твоим здоровьем, если ты желаешь когда-нибудь покинуть эту больницу и жить нормальной, счастливой жизнью, — холодно пояснил Бейбарсов.

Таня едва ли не расплакалась — несколько слезинок действительно стекли по её щекам, но Бейбарсов осторожно вытер их, а после, будто бы издеваясь, прикоснулся губами к её щеке.

— Всё будет хорошо, — прошептал наконец-то он совсем-совсем тихо. — Не переживай, Таня, всё будет просто прекрасно, когда этот ужас наконец-то закончится. Верь в это, и ты обязательно выберешься.

Трудно было верно истолковать его слова, но почему-то Гроттер показалось, что Глеб намекал на что-то.

На что-то такое, что она должна совершить ради того, чтобы вообще остаться живой.

===== Боль тридцать девятая. Голоса =====

Гроттер пыталась заставить себя подчиниться тому, что тут называли лечением — это давалось ей чрезвычайно трудно, но, тем не менее, она продолжала мечтать о том, что однажды будет совершенно здоровым.

Для тихой ходы тут даже расстелили ковры, мягкие-мягкие, невероятно приятные наощупь.

Тоже белые, естественно.

Ремни с неё снимали редко. Тем не менее, надо было как-то поесть, ведь физически она была вполне здорова, и Гроттер, под действием успокоительных, имела право подниматься и даже немного ходить, чтобы не испортить ещё и физический аспект собственного здоровья.

...Таня попыталась пройтись, но ноги затерпли и подкашивались. К тому же, она вынуждена была ходить между пустыми кроватями, потому что здесь не было больше ни единого живого человека.

Спустя час к ней должны были прийти, чтобы вновь заковать её в проклятые ремни, и Таня надеялась на то, что у неё будет хотя бы одна лишняя минутка, чтобы немного расслабить собственные мышцы.

Она произвольно вырывалась всякий раз, когда её приковывали, пыталась убедить всех в том, что будет вести себя тихо.

Они не слушали.

Таня попыталась отыскать тут окно, но его не было. Двери оказались тоже закрытыми,

да и решётчатое окошко сегодня было заперто — а стекло завешивали вечно какими-то тряпками.

Гроттер громко шмыгнула носом, пытаясь успокоиться и смириться с тем, что она должна сейчас лечиться.

Она хотела уже сесть, только осторожно и на пол, чтобы ничего не испортить, но, тем не менее, замерла, услышав голоса.

Комната, к счастью, была совсем даже не герметичной, и кое-какие звуки разобрать было всё же реально.

Таня прислушивалась к ним как можно внимательнее, стараясь не пропустить ни единого слова.

Что-то подсказывало девушке, что на самом деле это может стоить ей жизни, а Тане так хотелось выбраться отсюда.

Если честно, то любой ценой, хотя вряд ли кто-то разрешит девушке просто так сбежать отсюда.

Гроттер устала бороться, у неё подкашивались ноги, да и она слишком давно не ходила, чтобы сейчас иметь силы стоять здесь, вот только, тем не менее, оно стоило того, чтобы заставить себя собраться.

Рыжеволосая всем телом прижалась к двери, внимательно прислушиваясь и узнавая голоса.

Одним из людей, которые говорили под дверью, явно был Бейбарсов. Его Гроттер уже научилась отличать от всех других, да и его собеседница, судя по тону, была женщиной, правда, с отвратительным и скрипучим голосом.

Спустя мгновение Таня поймала себя на мысли, что, скорее всего, это опять Чума, которая, впрочем, не особо часто навевалась к ней.

Гроттер провела тут уже примерно неделю, но, тем не менее, так и не смогла исправить собственное отвратительное самочувствие.

Ей было плохо.

Таня шмыгнула носом, пытаясь как-то собраться и наконец-то разобрать слова, которые сейчас говорила Чума.

— Девчонка поверила в то, что ей надо лечиться? — она хрипловато рассмеялась, и в этом смехе чувствовалось откровенное издевательство.

Гроттер содрогнулась.

Ей стало не по себе, да и странное предчувствие вынуждало кривиться и очень сильно пугаться.

Таня мечтала о том, чтобы оказаться как можно дальше отсюда, да и вообще, всё это показалось ей кошмаром, предельным кошмаром, тем самым, который может поглотить её с головой.

Гроттер чувствовала себя не просто испуганной, нет, ей казалось, что на самом деле сейчас её просто убьют.

Это было предательством.

— Да, конечно, — Бейбарсов, наверное, кивнул и, судя по всему, тоже усмехнулся. Гроттер вспомнила, как усмешка каждый раз портила его лицо, и содрогнулась — ей почему-то стало до ужаса неприятно.

Гроттер хотелось открыть дверь и выцарапать Бейбарсову глаза, но она просто не могла этого сделать.

Ей бы и не разрешили.

Ведь в таком случае следует ждать очередной порции слишком сильных лекарств, противодействовать которым невозможно.

А потом она больше никогда не проснётся, всем же, если это будет очень нужно, скажут, что умерла от передозировки чего-либо, что попыталась покончить жизнь самоубийством.

— Как думаешь, долго её ещё готовить? — опасливо поинтересовалась Чума. — Я хочу поменять тело как можно скорее.

— Я не могу тут ничего сказать, за это отвечает Александр, да и Елена тоже понимает в подобных аспектах куда больше, — равнодушно отозвался Бейбарсов. — Но не беспокойтесь, всё завершится в кратчайшие сроки. Хотя...

— Хотя что? — наконец-то переспросила женщина, словно опасаясь услышать какой-то ответ.

Гроттер почувствовала, как её проняла дрожь. Она сама не понимала, откуда взялось столько страха, вот только не испытывать ужас в подобной ситуации было практически невозможно.

Таня чувствовала, как её буквально затопило сплошной волной. Она словно продолжала задыхаться.

Зачем это?

— Ну, вы ведь понимаете, что есть определённая опасность, поскольку она... — Бейбарсов перешёл на таинственный шёпот.

Таня не могла разобрать ни единого слова.

Собственно говоря, ей и не хотелось. Гроттер уже услышала всё, что предрешило её окончательную судьбу, а тут даже бежать было некуда. Таня не понимала, за что они поступали с нею так, но выбора не оставалось — либо она сбежит, либо банально умрёт.

— Ну что же, — наконец-то протянула Чума своим скрипучим, но теперь невероятно довольным голосом, — думаю, ты прекрасно справляешься с поставленной задачей. Продолжайте так в том же духе... Через неделю проведём транзакцию, и её тело станет моим.

Транзакцию.

У неё осталась какая-то жалкая неделя жизни, а после её вышвырнут из собственного тела и заставят умереть.

Или призраком сделают.

Таня даже не смогла заставить себя сдвинуться с места, когда услышала громкие шаги — вероятно, это Чума отдалялась.

Она никогда не стремилась особо размышлять относительно того, что тут принято сохранять тишину.

...Только сейчас Таня поняла, почему в её палате больше никого нет. Её не лечат, её просто к чему-то готовят.

Поэтому и берут столько анализов, и следят настолько дотошно, потому что им всё это слишком важно.

Гроттер не поняла, когда именно с грохотом открылась дверь, о которую она опиралась плечом, но сама едва ли не выпала в коридор. Тане хотелось бежать, но ведь на ней из одежды вообще была только эта проклятая длинная белая сорочка, даже нижнего белья никто не оставил.

Это здесь, по мнению врача, по крайней мере, он сам так говорил, было нарушением комфорта пациента.

Так что, приходилось терпеть.

Рыжеволосая, впрочем, рванулась вперёд, но, тем не менее, её вполне ожидаемо грубо втолкнули в помещение, и Таня наконец-то осознала, что пришёл к ней именно Бейбарсов.

Он часто навевался к девушке, что-то ей рассказывал, утешал её, пытаясь заставить успокоиться.

Гроттер не могла до конца позволить себе что-то подобное, но, тем не менее, у неё не осталось пока что никакого выбора.

— Подслушивать, Гроттер, нехорошо. Тебя не учили? — презрительно скривился он, хватая девушку за горло и сжимая её шею с такой силой, словно собираясь задушить прямо тут, на месте.

Некромаги вообще всегда отличались невероятной силой, и теперь Гроттер имела несчастье ощутить это на себе.

Она не знала, как такое могло получиться, но, тем не менее, от неё тут совершенно ничего не зависело.

Бейбарсов даже приподнял её над землёй, и Тане показалось, что сейчас она окончательно задохнётся, но тот наконец-то отпустил Гроттер, и девушка буквально рухнула на землю, чувствуя, что даже мягкий ковёр не спасёт.

Но какая разница, сколько у неё будет синяков, если на самом деле самое страшное случится через неделю?

Она ведь просто умрёт.

— Пусти! Пусти, убийца! — закричала девушка, пытаясь как-то отползти в сторону, но тот лишь силком толкнул её куда-то в сторону кровати, а после дёрнул за волосы, заставляя стать на колени.

Гроттер не успела даже воспротивиться — её буквально толкнули вперёд, заставляя так и стоять на коленях на проклятом мягком ковре, хватаясь руками за простыню чужой постели.

Впрочем, она тоже пустовала — тут вообще всё пустовало, кроме её кровати с ремнями.

Таня закричала, почувствовав, как те же, что и в прошлый раз, магическая плеть обожгла её спину.

Было не так больно, как страшно — Гроттер просто не могла позволить себе подчиниться, а ей не оставляли ни единого выбора.

— Не дёргайся, — прошептал совсем тихо ей на ухо Бейбарсов, ощутимо кусая за шею, будто бы стремясь причинить как можно больше боли.

Проклятая белая ткань, которая служила ей единственной одеждой, с громким треском разорвалась в его руках на две части.

Гроттер дёрнулась, но, тем не менее, лишь болезненно ударилась животом о кровать, а Бейбарсов надавил ей руками на плечи, заставляя прижаться лицом к простыням.

Таня закусил губу, пытаясь сдержать вскрик — это, впрочем, только принесло больше боли, и Гроттер могла лишь глотать холодные солёные слёзы, которые словно стремились затопить её с головой.

Ей бы так хотелось провалиться сейчас в поток видений и практически ничего не ощущать за их пеленой, но сегодня ей не оставили такой возможности.

Руки Бейбарсова скользнули по её телу, словно Глебу было приятно издеваться над нею

— впрочем, почему словно?

Таня старалась не доставлять ему удовольствие лишними криками, но не смогла сдержать попытки вырваться, когда он грубо сжал её грудь, потянув пальцами за сосок.

Впрочем, все попытки были абсолютно бессильными и, казалось, бесследными. Она могла лишь вздрагивать и пытаться не плакать, хотя, впрочем, это тоже не особо удавалось, точнее, совершенно не удавалось.

Бейбарсов дёрнул её за волосы, заставляя запрокинуть голову назад едва ли не до хруста в костях.

Он вновь поцеловал её в шею, а после — в который раз достаточно сильно укусил за нежную кожу.

Таня понимала, что вся шея завтра будет покрыта синяками, а о том месте, по котором прошла плеть, не стоит даже говорить.

Прикосновения стали немного мягче, наверное, злоба наконец-то немного отступила в сторону.

Бейбарсов даже поцеловал её едва ощутимо в щёку, словно пытаясь успокоить, после провёл кончиками пальцев по позвоночнику и ослабил хватку, оставляя достаточно грубые поцелуи на спине.

Гроттер смириться не могла.

Она вновь попыталась вырваться.

Казалось, это привело некромага в бешенство. Он вновь взмахнул рукой, и Гроттер показалось, что какие-то невидимые оковы легли на её руки и на спину, не позволяя ни вырваться, ни даже попытаться выгнуться в его руках.

Сопротивляться заклинанию у неё не было сил, проклятые уколы всё ещё давали о себе знать.

Их действие выходило за сутки, а значит, у проклятого средства ещё около часа на отвратительное действие.

— Не смей вырываться, — прошептал Бейбарсов совсем тихо ей на ухо. — Никогда не смей вырываться!

Второй удар плетью был ещё более болезненным, чем первый, и Гроттер не сдержала громкого крика.

Очевидно, тут до сих пор действовала магия, которая не позволяла нежелательным звукам выходить за границы помещения.

Когда Глеб взмахнул рукой третий раз, она могла уже только тихонько глотать собственные слёзы и пытаться молчать.

Казалось, любые попытки сопротивляться злили его всё больше и больше — а Таня уже не знала, сможет ли перенести четвёртый удар.

Она попыталась бороться с отвращением, чувствуя, как Бейбарсов заставил её немного развести ноги в стороны.

Колени болели, но, впрочем, куда меньше, чем спина, которая буквально горела от ударов.

Гроттер даже не понимала, что теперь у неё болело больше всего. После следующего взмаха рукой ей показалось, что её ягодицы буквально горят огнём — но, тем не менее, до боли в спине всё равно было слишком далеко.

Бейбарсов, словно издеваясь, прикоснулся губами к ране на её плече — та и без этого невероятно жгла.

Гроттер вновь всхлипнула.

Его мало заботило то, что чувствовала девушка, это было понятно и так. Бейбарсов, вновь потянув её за волосы, грубо вошёл в Таню, двигаясь в ней слишком быстро, чтобы Гроттер вообще могла привыкнуть к странным ощущениям.

Она безудержно рыдала, чувствуя, что просто больше не может сдерживать слёзы, но разве в этом был смысл?

— Затихни.

Гроттер неосознанно подчинилась этому приказу, заставляя себя замолчать и даже не издавать ни единого стога.

Бейбарсов с силой сжимал её бёдра, вколачиваясь в девушку, заставляя её буквально извиваться от боли и отвращения.

Тане хотелось умереть.

Сейчас она была согласна даже на то, чтобы Чума убила её и завладела её телом — лишь бы больше ни на мгновение не оставаться в этом проклятом, измученном, избитом теле, которое всё больше и больше доводило её до самого настоящего ужаса.

Она сошла с ума.

Таня так хотела поверить в то, что на самом деле всё это не происходит с нею наяву, но слишком уж всё оказалось реалистичным.

С тихим, хрипловатым стоном Бейбарсов излился в неё, а после, судя по всему, поднялся и, приведя свою одежду в порядок, вышел из комнаты.

Он даже ничего не сказал.

Гроттер услышала громкий стук двери, а после — как он говорил с кем-то, с медсестрой, кажется.

Слёзы безудержно текли по её лицу, и она не могла сдержаться или прислушаться спокойно к разговору, но, тем не менее, до девушки долетали определённые отрывки фраз.

— Можете не идти. — равнодушно промолвил Бейбарсов. — Да, я уверен, что надёжно зафиксировал все ремни.

Таня сползла на ковёр.

Она чувствовала, как слёзы буквально заливали лицо и, скрутившись на полу, поджав колени к груди, рыдала.

Надо было что-то делать, а она могла разве что просто плакать, не слыша и не видя больше ничего.

Всё.

Точка.

Больше ничего не осталось, одна только боль, боль, которую нельзя было уменьшить, сделать её менее унижительной и сильной.

Таня никогда не думала, что смогла бы довериться некромагу — но когда это уже случилось, он не должен был поступать с нею подобным образом.

Он не должен был настолько сильно её предавать.

Всё это было просто злой шуткой — злой, болезненной шуткой, которую она не могла победить и понять.

И смеяться тоже не могла.

Гроттер только плакала и плакала, не в силах больше сдержать собственное отчаянье, которое растерзало её сердце на мелкие клочки.

Больно.

Гроттер была просто уверена в том, что прежде не до конца понимала всё, что должно было случиться. Ей просто не вкладывалось в голову, что всё то, что происходило, было реальным.

На самом деле реальным.

Она должна была понимать, что жизнь больше никогда не станет нормальной — тем не менее, следовало спасаться, а она не могла выбраться из угла, в который забились, тихо плача.

Медсестра не приходила.

Ей давно пора было уже явиться, и только теперь Таня осознала, что именно говорил Бейбарсов. Он утверждал, что уже закрепил все ремни и что на самом деле их пленница не может сбежать.

Таня попыталась вывернуться и посмотреть на собственную спину — та была вся покрыта кровоточащими ранами, от одного вида которых становилось дурно.

Тем не менее, Бейбарсов мог бы и не возиться с ремнями, а просто использовать собственную магию, и она вряд ли сдвинулась бы с места хотя бы на один миллиметр, вряд ли могла что-то сделать.

Тут она не считалась человеком.

Тут она была просто телом, которое, возможно, использует Чума для своей дальнейшей жизни.

Именно поэтому он мог оставить её в таком состоянии, в разорванной одежде, с кровавыми полосами на спине, стоящую на коленях и прижимающуюся обнажённой грудью к простыням, которые лежали на кровати.

Кому какая разница?

Воспользовалось бы ею ещё несколько человек — и ничего страшного, вряд ли для Бейбарсова это показалось бы важным.

Тем не менее, он сказал, что надёжно закрепил все ремни, а значит, медсестра придёт только где-то через полчаса.

Тогда, когда ей надо будет колоть ей успокоительное, которое блокировало бы всё, что можно назвать интуитивной магией.

А Таня понимала, что теперь, после слишком сильного стресса, пусть на самом деле у неё и дрожало всё тело, препарат наконец-то вышел из крови.

Наверное, его действие длилось около тридцати часов, но кололи ей каждые сутки, даже через меньшие отрезки времени.

Чтобы не выходил из крови и каждый раз всё больше и больше набирал силу, а она не могла сопротивляться.

Но, тем не менее, они всё-таки прогадали, потому что Таня могла колдовать. Она чувствовала в себе эту силу.

Гроттер оглянулась вновь, пытаясь рассмотреть собственную израненную спину, но потом подумала, что этим заниматься можно и после.

Вряд ли у неё ещё будет такой замечательный, такой прекрасный шанс всё-таки сбежать отсюда.

По крайней мере, Тане упорно казалось, что на самом деле больше у неё не будет ни единой возможности быть свободной.

А пока что...

Когда есть шанс, надо им пользоваться, пользоваться на все сто процентов, иначе зачем она тогда терпела всё это?

Таня убедила себя в том, что сможет — она замерла у двери, понимая, что так медсестра увидит её хотя бы не сразу.

Здесь сотрудники не были волшебниками и волшебницами, хотя, естественно, какой-то штатный маг тут присутствовал.

Гроттер не удивилась бы, если б им оказалась вышеупомянутая Елена, но, тем не менее, хотелось верить в свои шансы сбежать.

Может быть, она успеет.

Таня замерла, пытаясь сконцентрировать своё волшебство и уже слыша, чувствуя, что её силы постепенно скапливаются в руках, стремясь прорваться на кого-то бесконечным потоком.

Она бы сейчас справилась с кем-то, у кого нет дара, вряд ли, впрочем, что-то получится, если это будет Глеб или Елена.

Любой некромаг.

— Пациентка! — открывая дверь, весело пропела медсестра, а после посмотрела на скомканные простыни. — Пациентка!

Гроттер поспешила захлопнуть за нею дверь, не позаботившись даже о том, чтобы придержать свою разорванную ночную сорочку.

Та комком свалилась к её ногам.

Таня каким-то дальним уголком сознания понимала, что стоит совершенно без одежды, но какая разница?

Бежать.

Бежать в таком виде было нельзя — но она уже и не задумывалась над этим, просто попытавшись воспользоваться волшебством.

Медсестра, собирающаяся кричать, осела на землю.

Таня посмотрела на свои руки — магия начинала вновь растекаться по всему телу, не давая ей шанса на спасение.

Надо взять ключи.

Гроттер рванулась к медсестре, быстренько стягивая с той одежду — по крайней мере, если у неё будет более-менее нормальный наряд, то шансы сбежать намного увеличатся, и на неё не станут смотреть, как на дуру.

Белые брюки и белая блузка — Таня, естественно, не собиралась одалживать чужое нижнее бельё, — прилипали к ранам.

Было больно.

Гроттер уже едва-едва сохраняла способность шевелиться, но, тем не менее, ей упрямо не оставляли выбора.

Она наконец-то оделась — размер с медсестрой у них был примерно одинаковый, разве что обувь показалась немного тесноватой.

Таня, впрочем, воспользовалась и этим, понимая, что дискомфорт не такой уж и значительный, чтобы о нём думать.

Она даже набросила белый халат, а после попыталась связать собственные волосы в что-то, что напоминало бы пучок.

По крайней мере, теперь их можно было спрятать за шапочкой, тоже белой, которую носила медсестра.

И никаких уколов совести.

Гроттер, кривясь от боли и понимая, что вот-вот потеряет сознание, нарядила медсестру в те кровавые ошметки собственной одежды, которую где-то отыскала, и дотащила её до кровати.

Вот-вот упадёт.

Таня сама не понимала, что заставило её положить чёртову девушку, тяжёлую, кажется, даже очень, до кровати, и укрыть её одеялом, но Гроттер даже защёлкнула все ремни и попыталась как-то распушить её волосы, к счастью, кудрявые, пусть совсем даже не рыжие.

Каштановые.

Тем не менее, если придёт кто-то чужой, то не обратит внимания на подобную ерунду, а девушка спала.

Знак провидицы...

Подумаешь!

Гроттер не имела сил изменять её внешность, да и не умела это делать, поэтому, постаравшись смириться с мыслью о том, что так будет лучше, уверенным шагом, надеясь, что кровь не проступила на спине, направилась к выходу, прихватив с собой ещё и ампулу с лекарством.

Шприца не было.

У Тани не оставалось времени его искать, надо было уходить отсюда как можно скорее, и она постаралась это сделать.

Гроттер только-только закрыла дверь, как кто-то остановился рядом, положив ей руку на плечо.

— Вкололи? — это был голос Шурасика, и Таня кивнула ему, стараясь не смотреть на парня. — Госпожа Елена проверит скоро.

Елена, вероятно, и являлась штатным магом — и надо было бежать отсюда как можно скорее, если она не желает оказаться в руках у некромагини.

Свеколт ни за что просто так не выпустит её, но, тем не менее, следовало попробовать сбежать, иначе всё.

Какая разница, что с нею сделают сейчас, если она просто иначе не доживёт до следующего дня?

Ну, проведут транзакцию быстрее, спасут Чуму немного раньше, и будут радоваться тому, что так вышло.

А она станет мёртвой.

Станет мёртвой и столкнётся там с проклятым Валялкиным, который так и будет кричать ей, что это именно она всегда любила его, а после предала, что именно она поступила более чем неправильно.

Увы.

Гроттер не собиралась мириться с этим всем, да и вообще, ей казалось, что окружающий мир слишком много желает от неё, слишком большого количества усилий, которые Таня просто не могла им подарить.

Бежать.

Рыжеволосая сумела спокойно пройти даже мимо Елены, которая направлялась в сторону её палаты, но, выходя из помещения, натолкнулась на кого-то, прекрасно понимая, что не следовало бы позволять себе подобное.

— Простите!

— Да ничего... Гроттер?! — послышалось недовольное, но, тем не менее, достаточно тихое восклицание.

Бейбарсов схватил её за руку и потянул куда-то за собой. Таня ожидала, что он отведёт её обратно в больницу, но, тем не менее, тот шагал в противоположную сторону.

— У тебя уже кровь на халате, — тихо сообщил он, наконец-то дотасив девушку до угла здания.

— Отпусти меня! — Таня так хотела воспользоваться магией и убить его, вот только совершенно ничего не получалось.

— Ты умрёшь от кровопотери.

Он говорил так, словно эти проклятые раны оставил кто-то другой, а не он — и теперь, прижав её к себе, не собирался отпускать.

— Это же ты меня бил! — Гроттер пыталась отыскать в себе хотя бы капельку магии для сопротивления.

Она обязательно справится.

Она обязательно справится, не надо дрожать и бояться. Она должна наконец-то сбежать отсюда, вырваться из этого проклятого плена мыслей и страхов.

У неё не осталось ни единого шанса спастись, нет, надо наконец-то оказаться на свободе и уйти отсюда, нет, нет!

Гроттер вновь попыталась собрать в себе всю магию, но вдруг, на фоне общего обессиливания, почувствовала, как энергия перетекает в её уставшее, практически неживое тело.

— Мне надо было так поступить. Я... Прости, сорвался, но, впрочем, так легче будет потом покрывать свои грехи.

Гроттер удивлённо посмотрела на Бейбарсова.

Тут, на улице, она поняла вдруг, что вокруг не осталось совершенно ничего белого, скорее даже очень наоборот.

Чёрное.

Серое.

Зелёная трава под ногами, чёрно-серый фасад здания, да и вообще, всё такое мрачное, словно солнца в этом мире никогда не было.

— Я помогу тебе, — выдохнул Бейбарсов. — В конце концов, если б не случившееся, ты бы не смогла уйти.

Гроттер едва заметно кивнула.

Она понимала, что Бейбарсов на самом-то деле был совершенно прав, что он сильно помог ей, но...

Какой ценой?

— Без твоей магии отсюда было б и не уйти, — прошептал ей на ухо Бейбарсов, всё ещё продолжая снабжать девушку собственной энергией.

— И? — Таня чувствовала, что не может, да и никогда не сможет, поверить ему, но вырваться она не могла.

— Её надо было разбудить. То, что я сделал, было единственным способом заставить чёртов яд выйти из твоей крови.

Удивительно, как спокойно и равнодушно говорил Бейбарсов, но Таня предпочла просто ничего не слушать.

Она так хотела спокойствия и свободы, что просто не могла сейчас остаться рядом с

ним. И уйти не могла.

— Оставь меня, — попросила девушка.

— Если я тебя оставлю, то практически сразу же тебя поймают Чума, — сообщил Бейбарсов. — Хочешь этого?

— Нет.

— Тогда попробуй мне поверить.

После всего, что было, Таня могла бы просто растерзать на мелкие кусочки, но сейчас уже не было такого шанса.

Она так хотела уйти, просто уйти как можно дальше, вот только некуда и не с кем, потому что она осталась одна, навеки в одиночестве и не имея ни единого шанса на спасение.

— Ну? Так поверишь или пойдёшь одна? — равнодушно поинтересовался Бейбарсов. — Мне-то всё равно.

— Ну, да, конечно. Тебе ведь просто наплевать.

— А почему бы и нет? — рассмеялся Бейбарсов. — Ну, наплевать, — Глеб на мгновение прикрыл глаза. — Я же не себе помогать побегом собираюсь, Гроттер. Соглашайся, или я уйду.

— Я согласна, — наконец-то выдавила из себя Таня. — Но при одном условии!

— Каким? Если ты собираешься попросить меня уйти сразу же, как мы отсюда сбежим, то я против.

Он всегда будет против подобного.

— Почему так? — наконец-то спросила Гроттер. — На кой чёрт я вообще тебе сдалась?

Плётка словно мелькнула перед глазами, но, тем не менее, Таня предпочла банально проигнорировать это болезненное ощущение.

— Не ты одна страдала одиночеством целый год, — рассмеялся Бейбарсов. — А я сжёг гектары леса, пока до меня дошло, что, наверное, следовало бы поискать кого-то, с кем я мог бы коротать долгое время своей жизни.

Таня кивнула.

Она поверила, хотя, впрочем, скорее всего не следовало этого делать, и позволила обнять себя за талию.

Спину пронзило болью.

Она чувствовала, как магия слишком быстро перетекала в неё, но, тем не менее, выбора не оставалось.

— Куда мы пойдём? — спросила она.

— Никуда, — рассмеялся Бейбарсов. — Зачем идти? Ты не сможешь преодолеть и десятка метров.

Таня хотела было возразить, но она-то знала, что на самом деле Бейбарсов очень даже прав.

Она не может даже дышать, не говоря уже обо всём остальном, и сейчас может просто задохнуться от боли.

Скорее бы уйти отсюда.

Иначе она сойдёт с ума.

Таня попыталась сделать ещё несколько шагов куда-то в сторону, но вдруг послышался шум.

Хлопнула входная дверь.

Она была единственным выходом из здания, в котором отсутствовали даже окна, и изнутри всё было таким белым.

— Они нас поймают, — выдохнула Гроттер. — Эта твоя Ленка, она же местный маг... Нас обязательно поймают.

Бейбарсов рассмеялся.

— О, думаю, у них это очень даже не получится, — рассмеялся он, но девушка даже не успела никак на это отреагировать.

Порталы.

Таня всегда невероятно боялась их, но, тем не менее, почувствовала, как Глеб с силой прижал её к себе.

Она невольно прижалась спиной к его груди, прекрасно понимая, что если его руки скользнут по шрамам, то будет потрясающе больно.

Сумасшествие и портал слились воедино, и она почувствовала, как растворяется в воздухе...

===== Боль сорок первая. Изба =====

Гроттер весьма смутно помнила процесс телепортации, но, тем не менее, когда она открыла глаза, то поняла, что находится посреди какого-то леса, ещё и возле избушки, старой, такой ужасной, что в ней явно не мог жить кто-то хотя бы более-менее богатый, хотя, впрочем, такие строения в городе и встречались.

— Это место моего... Обучения, — напомнил о своём присутствии Бейбарсов. Таня содрогнулась и кивнула.

— Неприятное местечко, — наконец-то согласилась она.

Глеб промолчал — складывалось такое впечатление, что это воспоминание меньше всего на свете радовало его, и он с радостью вообще не переступал бы порог этого дома, если б не срочность.

— Но в таких живут многие бедные граждане страны, — тут же добавила Гроттер, чувствуя невыносимую боль в спине.

Может, Глеб и пробудил её магию, но цена...

Цена показалась ей слишком высокой.

— Мне плевать на бедных граждан, и тебе я могу посоветовать быть менее сострадательной, иначе это до добра не доведёт, — равнодушно пожал плечами Бейбарсов.

— Хорошо, что тебе наплевать на то, что чувствуют другие, — грубо оборвала его Таня, а после, вывернувшись из рук некромага, рванулась куда-то к двери и с силой дёрнула за неё.

Боль в спине отозвалась миллионами ударов, иголками, которые словно пронзили её насквозь.

Гроттер очень хотела сдержаться и не демонстрировать собственную слабость, но для этого ей банально не хватило сил.

Она громко вскрикнула и упала на колени, понимая, что теперь, когда одежда прилипла к кровавым ранам, боль будет становиться всё более и более сильной, а разобраться с последствиями ударов окажется слишком сложно.

Тем не менее, у Гроттер просто не оставалось выбора. Она попыталась ещё раз дёрнуть за ручку двери, но не смогла даже поднять собственную руку, вновь вскрикнула и рухнула на землю, тихо всхлипывая.

Одно-единственное прикосновение Бейбарсова к её плечу, которое то ли специально, то ли случайно пришлось как раз по ране, напомнило ей оттенком невообразимого ужаса о том,

кто именно виноват во всех этих её ранах.

— Не смей ко мне прикасаться! — Таня едва ли не сорвалась на крик, но, тем не менее, говорить громко всё равно не могла.

Боль затопила всё её сознание и не оставляла после себя ни единого следа здравомыслия, который так бы понадобился ей именно сейчас.

Гроттер чувствовала, что слёзы катятся по её лицу, не спрашивая разрешения у самой девушки, но не могла ничего поделать с собственным отвратительным самочувствием, с ужасной болью.

— Мне так плохо, — выдохнула она, не пытаясь уже даже подняться, но, заметив, что Бейбарсов попытался помочь ей, вновь сделала отчаянный рывок в сторону, понимая, что просто не может допустить того, чтобы он хотя бы пальцем прикоснулся к ней.

— Прекрати вести себя, как истеричка, — сейчас тон Бейбарсова был каким-то слишком учительским и строгим. — Если я не помогу тебе сейчас, то, боюсь, ты умрёшь от кровопотери.

Таня не успела ничего ответить — одного-единственного взгляда на собственную спину ей хватило с головой, чтобы осознать, что проблемы теперь более чем серьёзные.

Кровь прошла уже даже на халат, оставляя на нём длинные полосы алого, отвратительного цвета.

Даже не это, впрочем, было самым страшным — нет, один факт того, что уже практически вся её одежда насквозь просочена кровью, свидетельствовало о том, что скоро жизненных сил не останется.

И она умрёт.

Бейбарсов больше не стал церемониться и ждать того момента, когда Гроттер позволит подойти к себе. Он просто открыл дверь, спокойно, даже не задумываясь о том, что ударил одной девушку по плечу, а после подхватил Таню на руки, перекидывая её через левое плечо.

Таня сначала хотела было возмутиться, так, чисто для приличия, потому что у неё не оставалось сил больше ни на что, но после поняла, что если Бейбарсов прикоснулся бы к её спине, стало бы ещё хуже.

Она практически потеряла сознание, но, тем не менее, что-то ещё заставляло девушку держаться и немного сопротивляться бесконечному головокружению, которое не оставляло её ни на одно мгновение.

Бейбарсов усадил её на кровать, и Гроттер пыталась наблюдать за тем, что он делал, но, тем не менее, не могла.

Глеб отыскал где-то склянку с неизвестным содержимым и буквально силком влил жидкость в Таню.

Девушка пыталась отвернуться и воспротивиться, но ей не позволили поступить подобным образом.

— Пей! — строго повторил Бейбарсов. — Пей, иначе я не ручаюсь за то, что ты, предположительно, сможешь выжить!

Гроттер содрогнулась.

Ей было плохо, да и вообще, рыжеволосая пыталась как-то заставить себя выплюнуть жидкость, которая обожгла горло, словно самым настоящим пламенем, вот только это вряд ли было в её силах.

Халат удалось снять достаточно быстро — Бейбарсов отшвырнул его в сторону, как ненужную тряпку, и мрачным взглядом оценил состояние спины девушки, пытаясь понять,

что делать дальше.

— Не смей ко мне прикасаться, — в полубреду потребовала Гроттер.

— Интересно, как я должен тебя вылечить, если не буду к тебе прикасаться, — мрачно буркнул себе под нос Бейбарсов.

— Но ведь это ты наносил раны, — прошептала она, чувствуя, что незнакомое зелье принесло ей хоть какие-то силы.

— Иначе ты навсегда осталась бы в той больнице и никогда не преодолела бы действие препарата, — отозвался Бейбарсов, расстёгивая пуговицы белой блузки, которую она украла у медсестры.

Та, к счастью, была немного великовата на Гроттер, поэтому не так уж и плотно прилегала к ранам, но всё равно проблемы определённые были.

Бейбарсов даже не собирался предупреждать её о том, что, возможно, будет больно — он с силой рванул ткань на себя, стягивая её с Тани.

Девушка не смогла сдержать крик. Она впиалась ногтями в какую-то простыню, которая оказалась как раз совсем рядом, и всхлипнула, чувствуя, что слёзы катятся у неё по лицу градом.

Она не могла ничего с собой поделаться, не могла даже содрогнуться — лишь чувствовала, как Бейбарсов уложил её в постель, заставляя перевернуться на живот.

Тане не хотелось так лежать, и она себя в подобном положении чувствовала ещё более незащищённой, прекрасно понимая, что, к тому же, на ней совершенно не осталось никакой одежды.

Наверное.

Бейбарсов, тем не менее, сейчас совсем не думал о чём-то подобном. Его пальцы скользили по кровавым ранам у девушки на спине, и он бормотал себе под нос какие-то заклинания.

Гроттер чувствовала, что края ран буквально сходятся, срастаются под действием заклинаний.

Она пыталась не плакать, но боль была просто невыносимой — Гроттер даже не понимала, как она ещё до сих пор держалась и как смогла идти.

— Ненавижу тебя, — всхлипнув, прошептала Таня, стараясь не смотреть на некромага — да и это было, впрочем, сейчас невозможно.

Она не могла бы даже повернуть голову, прекрасно зная, что боль в шее просто-напросто заставит её потерять сознание.

— Лучше прирежь сразу, — наконец-то выдохнула девушка, впиваясь ногтями в собственные ладони.

— Прекрати истерику, — усмехнулся Бейбарсов, продолжая шептать заклинания уже над вторым шрамом.

— А дезинфекция?

— Как прекрасно, что ты об этом думаешь, — рассмеялся Глеб, словно сейчас был какой-то повод для того, чтобы у него улучшилось настроение. — Мои заклинания предварительно очищают твои раны.

Таня шмыгнула носом и едва заметно улыбнулась, словно пытаясь таким образом окончательно победить боль.

У неё не осталось больше ни единого шанса выдержать всё это, но, тем не менее, выбора тоже не было.

Гроттер вновь не сдержалась и закричала, но, тем не менее, некромаг не обратил на это никакого внимания. Глеб всё бормотал и бормотал заклинания, которые помогали её ранам затягиваться.

— Шрамы убирать? — словно сквозь пелену, услышала Таня его голос, а после едва заметно кивнула.

Она понимала, что это было лишней тратой магической энергии, но, впрочем, сейчас была бы даже рада, если бы Бейбарсов истощился окончательно, и его можно было убить обыкновенным ударом ножа.

На самом деле, вряд ли Глеб предложил бы что-то подобное, если б знал, что не выдержит, но, впрочем, она не желала пока что думать над этим вопросом, да и вообще, переживать по подобному поводу.

Она просто позволила себе расслабиться окончательно, чувствуя уже не боль, а лёгкую щекотку.

Шрамы удалось убрать в разы быстрее, и Таня даже практически ничего не почувствовала, оглянувшись и осознав, что всё закончилось.

— Так быстро?

— Ран уже не было, так что можно было допустить тактильный контакт, — пожал плечами Бейбарсов.

Он сильно побледнел, но, тем не менее, Таня не испытывала совершенно никакой жалости — скорее уж ненависть, достаточно слабую даже, наверное, если сравнивать с тем, что он успел натворить.

Ей бы так сильно хотелось, чтобы всё это наконец-то закончилось, вот только, кажется, не оставалось ни единого шанса на то, чтобы мир наконец-то перестал кружиться перед глазами.

— Вот, можешь одеться, — Бейбарсов швырнул ей какой-то комок одежды. — Кажется, Ленкино.

— Она тут бывала? — удивлённо переспросила Таня, поспешно одеваясь, словно пытаясь защитить себя таким образом от чего-то неведомого.

— Конечно, бывала, — с определённым оттенком досады в голосе отозвался Бейбарсов. — Мы тут учились некромагии вместе.

— А... — Гроттер так и не позволила себе до конца завершить вопрос, который собиралась задать.

Одежда пришлась ей как раз в пору, разве что юбка, которая принадлежала Свеколт, должна была бы быть короче, чем сейчас.

Гроттер уже не имела никаких сил задумываться над тем, как следовало бы выглядеть её одежде.

Она попросту легла на то подобие кровати, внимательным и достаточно заинтересованным взглядом осматривая избу.

Её не волновало то, что Бейбарсов едва держался на ногах — пожалуй, заклинание действительно забрало у него больше сил, чем парень мог себе позволить, но, тем не менее, он ведь сам был виноват в том, что случилось, и Гроттер ни на одно мгновение не собиралась его жалеть.

Скорее даже наоборот, она испытывала невероятное желание продемонстрировать, что ей абсолютно наплевать.

Скорее всего, Гроттер действительно было всё равно, она просто перестала

контролировать собственные действия и почувствовала, что уже практически засыпает от усталости.

Впрочем, она не могла доверять этой дурацкой избе, которая казалась девушке невероятно страшной.

Эти высокие стены, достаточно странные, как ей сейчас показалось, на вид, потолок, который словно стремился падать ей на голову...

— Изба показалась мне невысокой снаружи, — наконец-то прошептала Таня.

— Мы с тобой немного спускались вниз, ты просто не обратила внимания, — пожал плечами Бейбарсов. — Тут примерно полтора метра под землёй, а остальное уже — то, что ты видела, потому окошка настолько высоко.

И вправду, что окна, что двери казались практически недостижимыми высотами.

Тем не менее, к невысокой, разохшейся двери вели узкие деревянные ступеньки, которые вряд ли могли бы выдержать что-то тяжёлое.

Удивительно, как они устояли, когда по ним спускался Бейбарсов, но вряд ли следовало особо задумываться над этим вопросом.

— Тут всё намного крепче, чем кажется, — промолвил совершенно спокойно Глеб, пошатываясь, впрочем, от усталости. — Магия старухи, хотя та уже давно мертва, всё ещё держит избу в нормальном состоянии.

Таня попыталась отыскать тут следы пребывания хотя бы какого-то, пусть даже старого, человека.

Наверное, неизвестная старуха умерла уже очень давно, потому что все углы избы были покрыты сплошной паутиной.

Ни одно зелье со стола взять было невозможно, потому что и там руки натыкались на сплошные сети, а огромные ядовитые пауки смотрели своими четырьмя парами глаз, стремясь то ли убить, то ли просто отравить.

— Тут весьма грязно, — наконец-то промолвила Гроттер.

— Да, — согласился Бейбарсов, а после, скривившись и посмотрев на паука, который упрямо полз по его руке, пробормотал себе под нос заклинание.

Обычно он не нуждался в словах, и то, что сейчас Глеб вынужден был использовать заклинания, свидетельствовало о том, что у него ушло куда больше сил, чем Бейбарсов мог подумать.

Тем не менее, Таня не собиралась его жалеть или беречь — она всё ещё возвращала у себя в душе предельную ненависть.

Да и за что его жалеть?

За то, что он поступил с нею подобным образом?

Естественно, для того, чтобы эта гадость перестала действовать, надо было воспользоваться каким-то волшебством, заставить её разнервничаться, но, тем не менее, Таня старалась об этом не думать.

Любое оправдание Бейбарсова она словно отталкивала в сторону, стремясь убедить себя в том, что он — самый плохой человек на свете.

...Вокруг стало чисто, и даже свеча на столе, единственная присутствующая здесь, но, к счастью, уже не покрытая паутиной, засветилась.

Бейбарсов слабо улыбнулся, а после рухнул на землю, словно только что его вынудили протащить на себе какой-то невероятно тяжёлый предмет.

Руки некромага мелко дрожали, словно он испытывал что-то вроде страха, хотя,

пожалуй, это было свидетельством просто слишком сильной усталости.

— Ты собрался умирать? — стараясь говорить как можно более презрительно, поинтересовалась тут же Таня.

— Не совсем, — прошептал Бейбарсов, усмехаясь. — Но если ты так уж хочешь, то можешь меня добить.

Он закрыл глаза, стараясь не смотреть на девушку, словно любой взгляд мог спровоцировать её, и шумно выдохнул воздух.

Гроттер пыталась бороться с собственной жалостью, которая вспыхнула в её сердце с невероятной быстротой, но совершенно ничего не получалось.

— Удивительно, что ты вообще позволяешь себе подобное, — прошептала наконец-то она, — падать рядом со своим врагом на землю немного опасно, знаешь ли.

— Да я и врагом тебя назвать не могу, — хрипло рассмеялся Бейбарсов, наблюдая за тем, как девушка попыталась подняться с кровати.

Сейчас у неё было всё же немного больше сил, чем у него, поэтому Гроттер протянула руку некромагу, пытаясь помочь ему подняться.

— Как тебе надо восстанавливать силы? — поинтересовалась наконец-то девушка.

— Предположительно просто поспать, — хмыкнул Бейбарсов. — В основном, особенно в таких местах, это очень помогает.

Гроттер с усмешкой вспомнила о той проклятой ночи на “Тибидохсе”, а после попыталась помочь Бейбарсову встать. Собственно говоря, результат был не слишком успешным, потому что сил в ней не осталось ни капли, а Глеб был, надо сказать, далеко не пушинкой и даже не деревяшкой.

Впрочем, Бейбарсов умудрился подняться самостоятельно, но спустя несколько шагов буквально рухнул на кровать.

— Не проси — не встану, — пробормотал Глеб, улёгшись на единственное подобие постели в этой избе, правда, предварительно сбросив всё-таки обувь.

Гроттер не стала спорить, решив, что сталкивать его на пол было бы всё-таки не слишком правильно.

Она устроилась рядом с Бейбарсовым и даже положила голову ему на плечо, пытаясь убедить себя в том, что всё действительно было сделано ради её взгляда.

— И почему надо было... кроме плётки всё остальное? — наконец-то поинтересовалась Гроттер. — Тебе было этого недостаточно?

— Ты всё-таки достаточно привлекательная девушка, — рассмеялся Бейбарсов, уткнувшись носом в рыжие волосы. — Да и просто магия тебя бы разозлила не настолько сильно, как было нужно.

Таня не стала спорить.

Она просто не имела сил говорить ему сейчас, что не верит, и почему-то решила, что легче уж просто согласиться.

Вдруг он всё-таки говорит правду? Мало ли...

===== Боль сорок вторая. Убийца по крови =====

Гроттер была уверена в том, что следовало бы уходить куда-то отсюда, но почему-то Бейбарсов не горел особым желанием менять место жительства столь радикально, словно его тут что-то держало.

Таня предпочитала не спрашивать, что именно — ей просто было не по себе от той ненависти и бесконечных видений, которые стучались в сознание.

— Словно моя голова желает, чтобы я увидела всё то, что пропустила в больнице, — в очередной раз отмахиваясь от назойливого видения, которое буквально стучало в сознание, выдохнула Гроттер.

— Всё настолько серьёзно?

— Хуже некуда, — кривовато усмехнулась Таня, склонив голову набок и словно пытаюсь убедить себя в том, что так будет намного лучше — просто подчиниться и позволить себе не рыдать, словно сумасшедшая.

Она, впрочем, и не плакала никогда в этой избе, но, тем не менее, не могла заставить себя хотя бы на несколько мгновений поверить в то, что Бейбарсов говорит правду и не собирается её убивать.

Может быть, в этом есть определённый оттенок смысла.

Глеб устроился рядом с нею и укрыл девушку тонким, практически полностью изгрызенным молью одеялом. Таня, впрочем, была рада и такому — она постоянно мёрзла и понятия не имела, как согреться и позволить собственной магией вернуться в тело.

— Я не хочу тут оставаться, — промолвила наконец-то она, приподнимаясь на локтях и глядя на Бейбарсова. — Я уйду, а ты делай, что хочешь.

— Никуда ты не уйдёшь, — отрицательно покачал головой Бейбарсов. — Можешь даже и не просить.

— Ты не имеешь права за меня решать!

— Имею, — усмехнулся Бейбарсов. — Я не для того тратил своё время и магию, чтобы ты сейчас ушла.

Гроттер хотелось повторить в очередной раз, что она всё ещё ненавидит его больше всего на свете, вот только шанса сделать это у неё пока что не было. Да и, в конце концов, её ненависть к Глебу была всё-таки не настолько сильной, как Таня пыталась утверждать, и приходилось мириться с этим фактом тоже.

Бейбарсов явно чувствовал, что Гроттер врёт относительно того, что испытывает к нему, вот только сейчас не стремился вмешиваться в её персональный поток ненависти, словно понимая, что, как ни крути, очень даже заслужил подобное отношение к себе.

Тем не менее, Тане постоянно казалось, что её держат на цепи и просто не желают никуда-никуда отпустить.

— Ты уверена, что вообще стоит куда-то телепортироваться? — усмехнувшись, спросил Бейбарсов. — Всё равно, рано или поздно, где-то нас найдут.

Бейбарсов отказывался телепортироваться ещё и потому, что на самом деле у него не было ни единого шанса сделать это в ближайшие несколько дней.

Телепортация, ещё и в незнакомую местность, отбирала бы у него слишком много сил, а Глеб и так не имел их достаточного количества.

— И тебе нечем пополнить резерв? — наконец-то поинтересовалась Таня, пытаюсь придумать хотя бы какой-то способ уйти отсюда.

— Почему же нечем? — усмехнулся Бейбарсов. — Был тут определённый запас, но я не испытываю желание к нему прикасаться.

Таня строго посмотрела на него, словно желая убедить в том, что это необходимо, но Глеб в очередной раз спокойно покачал головой, сообщая, что делать ничего не будет.

Гроттер не успела сказать ему хотя бы несколько слов — её вновь захватило в плен видение.

Последнее, что Гроттер всё ещё успела понять — так это то, что сие видение не такое,

как прежде, оно показывает ей её судьбу, а не чьё-то очередное прошлое.

“Елена и Шурасик остановились рядом с избушкой. Александр достаточно недовольно хмурился и то и дело косился на девушку, словно пытаясь в чём-то её убедить, но Елена молчала.

Она не могла больше сохранять собственные цветные волосы, будучи волшебником при сумасшедшем доме, лечебнице, в которой всё должно быть белым. Именно поэтому за этот год её пряди словно выгорели на солнце.

Сначала они были буквально лишены любого цвета, но после Шурасик, привыкнув к этому, считал её волосы снежно-белыми.

Да и вообще, Свеколт, не видя очень долго источников реального света, не сталкиваясь с солнцем, сильно побледнела.

Сам он всегда был бел, словно стена, но портить собственные волосы пока что не собирался, да у него и не требовали.

Учреждение, в котором он работал, направило его в лечебницу всего лишь на две недели. Впрочем, он всё равно вынужден был носить всё белое, даже тонкие белые перчатки, которые скрывали его руки.

Елена была одета в наглухо застёгнутый белый костюм, или как ещё можно было назвать подобный вид одежды?

Брюки её, которые даже немного обтягивали стройные, но слишком худые ноги девушки, были заправлены в высокие белые сапоги, а блуза и то подобие то ли пиджака, то ли куртки застёгивались на все пуговицы и до самого горла.

В любом случае, назвать подобный наряд более-менее привлекательным у Шурасика не поворачивался язык.

Сам он так и не снял белый халат, но костюм у него оставался чёрным, за исключением рубашки со странным голубоватым оттенком.

— Ты уверена, что это именно тот дом, где они скрываются? — недовольно поинтересовался Александр.

Он терпеть не мог телепортации, и если Ленка воспользовалась ею, отправив их ещё и не в то место, то это обозначало бы очередную их недосемейную ссору.

Свеколт возвращалась домой слишком поздно ночью, уже под светом луны, и заставила поставить дома такие же лампы, как и в больнице.

Работа превращалась в её сплошную жизнь, и это вызывало у Шурасика только слишком много недовольства.

Тем не менее, он не имел пока что совершенно никакого права пытаться что-то сделать с этим всем.

— Уверена, — кивнула Свеколт. — Мы с Глебом учились тут, и если он и помог Гроттер сбежать, то разве что только сюда.

— И вы не могли скоординировать собственные действия?! — возмутился Шурасик. — Он же твой брат!

— Не родной же, — пожала плечами Свеколт. — Не могла я с ним скоординироваться, ты разве не понимаешь, что он будет против того, чтобы я нашла его или эту его Гроттер?

— Но ведь она нужна Чуме, — удивлённо протянул Шурасик. — Не понимаю, правда, почему именно она, но вряд ли твой брат... по Дару мог бы воспротивиться против нашей Повелительницы!

— Глеб-то? Удивительно, что он вообще терпел её столько времени! — упрямо

воскликнула Елена.

— Почему это?

— Да потому что после того, как он получил дар в наследство, складывается такое впечатление, что ему вообще на всех наплевать. Бейбарсов практически отделился от нас с Жанной, да и наша с ним связь в последнее время слишком сильно расшаталась и превратилась в прах. Эти силы Тантала добивают его, но в тот же момент дают власть, и это достаточно опасно.

Шурасик нахмурился.

— И что теперь делать? — наконец-то мрачно поинтересовался он. — Ты собираешься как поступить?

— Ну, мы же должны его обезвредить, — пожалала плечами Елена.

Она внимательно осмотрела поляну, которая казалась ей серой, бросила взгляд на забитые какими-то досками окошка, на деревья, которые, многовековые и практически все изломанные и безлистые, росли вокруг.

— У меня есть тайное средство, — вздохнув, промолвила наконец-то Свеколт. — Я бы не хотела этого делать, но...

— Гроттер нам нужна живой! — воскликнул Шурасик. — Я надеюсь, ты это помнишь, ведь да?

— Помню, — кивнула она. — Помню, не дрожи... Но мы должны обезвредить Глеба, а другого способа, кроме как убить его, я не вижу”.

Гроттер открыла глаза, хватая ртом воздух, а после перевела мрачный взгляд на Бейбарсова, словно пытаясь предупредить его о чём-то.

— Они идут, — только и смогла выдохнуть Гроттер.

Совсем маленький сапфир, почти что крохотный, лежал на его ладони. Бейбарсов сидел с закрытыми глазами на краешке кровати и черпал оттуда энергию.

— Неужели в такой камешек может поместиться столько волшебства? — недоверчиво поинтересовалась Таня.

— Может, — отозвался Бейбарсов, усмехнувшись. — Дай мне руку, сама попробуешь.

Гроттер накрыла собственной тонкой ладошкой камень, чувствуя прикосновение слишком горячих пальцев Глеба, а после содрогнулась, ощутив необъятное море волшебства внутри камешка.

— Ого! — воскликнула она.

— Много, да, — усмехнулся Бейбарсов. — Поразительное свойство камней сохранять энергию очень полезное на самом деле.

Гроттер кивнула. Она и сама взяла часть сил из камешка, позволяя себе ощутить хоть какую-то силу.

Казалось, что в камне на самом деле совсем даже не поубавилось сил. Бейбарсов же, довольно усмехнувшись, вложил его в руку Гроттер, а после отыскал где-то серебряный слиточек, совсем крохотный.

— Кулон или браслет? — поинтересовался он у Тани.

— Кулон, — пожимая плечами, ответила Гроттер, и серебро начало менять собственные очертания.

Наконец-то на руке у Глеба появилась тоненькая, но крепкая цепочка с маленьким кулончиком в виде сапфира, заключённого в серебряные тонкие цепи.

— Держи, — усмехнулся парень. — Тебе должно помочь, если что-то пойдёт не так, а мне пока что хватит моих сил.

Гроттер даже не успела спросить, куда именно он уходил — Бейбарсов захлопнул за собой дверь.

Она оказалась в ловушке.

Вить, кричать, требовать, чтобы её выпустили, было уже слишком поздно — Таня обречённо признала, что ей конец.

Бейбарсов оставил её здесь.

— Ленка? — усмехнувшись, весело поинтересовался Бейбарсов, склонив голову набок и словно любуясь на свою сестру по дару.

— Глеб?

Она не демонстрировала особого удивления, но было видно, что его столь быстрое появление произвело на девушку не такое уж и слабое впечатление.

— Да. Не ожидала, думаю, ты меня тут увидеть... но, боюсь, вам будет лучше уйти сейчас как можно быстрее, — протянул он.

— Почему?

— Потому что я давно уже никого не убивал, — пожал плечами Бейбарсов, вскидывая руку с огненной сферой.

Свеколт оступилась, отшатнувшись назад, и попыталась было защититься взмахом руки, но огонь рванулся к ней.

Она даже не успела добыть собственное оружие, которым собиралась воспользоваться — потеряла сознание.

Шурасик ринулся к ней.

Бейбарсов сначала подумал даже, что тот пытается защитить собой девушку, но после осознал, что тот схватил оружие, что его принесла с собой Свеколт, и пытается им воспользоваться.

Бейбарсов недовольно осклабился.

Выврять из тонких, бессильных рук Шурасика предмет было невероятно просто. Глеб даже не стал применять для этого магию.

— Всё равно Чума её получит!

Его восклицание звучало невероятно жалко, так, словно тот пытался достичь ещё большей ненависти со стороны Глеба.

Странно как-то.

Бейбарсов склонил голову набок, презрительным взглядом окинув парня и словно собираясь наконец-то проклясть его.

Окончательно.

И бесповоротно.

По крайней мере, было намного проще вот так взять и уничтожить его, чем тратить своё собственное время.

Уговоры, рассказы о том, что на самом деле надо сделать — какая лишняя глупость, когда враг поразительно близко.

Как просто их уничтожить.

Бейбарсов взмахнул рукой, наблюдая за тем, как Шурасик описал в воздухе дугу, упав прямо на какой-то сучок дерева.

То, ожив, схватило его в собственные стальные объятия и заставило дрожать, выть от боли.

Дерево не особо церемонилось с новоявленным пленником. Оно просто разорвало его на две части.

Последний, слишком громкий вопль пронзил всех вокруг, но Глеб проигнорировал и это, а посмотрел на Свеколт.

Пользоваться магией не хотелось.

Оружие, которое она принесла, уничтожало некромагов. Наверное, рано или поздно, Шурасик применил бы его.

Сначала против Бейбарсова, но потом — обязательно против Ленки.

Осколки энергии Александра ещё витали вокруг, и Бейбарсов вскинул руку, принимая их, словно желая насладиться какими-то последними вздохами, едва слышным шёпотом, отвратительной смертью.

Это давало ему оттенок надежды.

Глеб наконец-то получил столько волшебства, сколько ему было нужно, и довольно усмехнулся, склонив голову набок.

Замечательно.

Он получил то, что должен был получить. Теперь осталось разве что попытаться впитать в себя несколько осколков энергии Свеколт.

— Ты была нужна живой, сестричка, — выдохнул он, нажимая на курок — оружие было странным и походило на пистолет, пусть и не являлось оным.

Свеколт ничего не почувствовала.

Волшебство Елены взметнулось в воздух, но ему не было так уж просто уйти куда-то далеко-далеко.

Бейбарсов спокойно впитал его в себя, эту магию, которая се йчас была настолько сильно нужна ему.

Силы.

Пополнение.

— Зря вы побежали сюда одни. Деньги, Александр, порой достаются немного иными способами, чем такой, — выдохнул Бейбарсов.

Какой же этот... юноша меркантильный. Победы ему было поразительно мало, а уже за неё давали столько, что людям хватило бы на всю жизнь.

Когда Бейбарсов наконец-то открыл дверь, Гроттер едва ли не бросилась его убивать, но замерла, осознав, что тот сделал.

— Ты их убил, — выдавила из себя девушка.

— Да.

— Но ты не желал меня выпускать. Почему? — удивилась Гроттер. — Почему ты вообще меня тут запер?

Глеб равнодушно пожал плечами.

Он провёл кончиками пальцев по тонкой цепочке, которая висела у неё на шее, а после, неожиданно даже для себя, не то что для девушки, обнял Гроттер, прижимая её к себе, словно нечто очень ценное.

Таня вырваться не пыталась.

Она не доверяла ему, желала куда-то сбежать и не видеть горы трупов, но факт

оставался фактом — Глеб что-то к ней чувствовал.

Осталось разобраться, правда, что именно.

И смириться, если это проклятое знание принесёт ей только невероятно много бедствий, хотя...

Хотя какой смысл сопротивляться?

Жизнь многогранна.

Жизнь многолика, и следует порой заставлять себя смотреть не только на одно из её отражений в воде собственной судьбы.

===== Боль сорок третья. Причины и ультиматумы =====

Гроттер так хотелось спросить у некромага хоть что-то, но, тем не менее, у неё не было ни одной минуты на лишние и глупые вопросы. Ей без конца казалось, что на самом деле следовало бы узнать у Бейбарсова хотя бы что-то, задать ему, по крайней мере, несколько вопросов, а она так и не заставила себя сказать хотя бы несколько, возможно, абсолютно излишних фраз.

Впрочем, какая уж теперь разница, что она будет делать — портал, который открыл Бейбарсов, показался ей не то что страшным, а отвратительным и способным уничтожить абсолютно всё.

Некромагическая синева, пылающая вокруг, не оставляла совершенно ничего после себя — какие-то предметы, мелкие и не особо, разлетались в разные стороны и накрывали всё сплошным потоком невозможной, просто-таки невероятной боли, странной крови, которую можно было почувствовать только на вкус, разве что, да и то не до самого конца.

— Я не пойду в портал! — заупрямилась Гроттер, словно пытаясь отказаться от любой возможности сбежать отсюда, из этого страшного места, от которого веяло невероятной смертью.

Трудно было справиться с собой, но, тем не менее, у неё не оставалось ни единого аргумента, почему они должны уходить пешком или как-то уехать, а не просто телепортироваться.

Гроттер почувствовала что-то вроде страха, и так и не сумела удержаться от него — просто почувствовала внезапно, как что-то неизвестное, очень сильное, потянуло её внутрь, в огромную воронку.

Бейбарсов вроде бы даже оставался рядом, вот только это не оставляло ни единого следа от надежды.

Таня ему упрямо не верила — в конце концов, она ведь прекрасно знала, что Бейбарсов — это лишь некромаг, которому она зачем-то понадобилась, и нет ничего хорошего в том, что он пытается хотя бы немного ей помочь.

Скорее всего, в этом существует его страшная выгода, и всё подобное смешалось вокруг в сплошную пелену.

Тане так хотелось сбежать.

Сбежать, спастись от него и вообще всего, что в последнее время её без конца держало цепями и белыми ремнями, приковывая к старой грусти и боли, которая давно уже должна перегореть.

У неё не оставалось ни единого шанса к сопротивлению — просто сплошной поток дождя, чего-то невообразимого и невероятно страшного.

Гроттер сама не понимала, почему так.

...Когда наконец-то реальность проступила сквозь бесконечный поток воздуха и ещё

чего-то знакомого, Таня поняла, что стоит посреди фруктовых деревьев, которые на самом деле росли именно в её саду.

Таня слишком хорошо знала эту местность, потому что это был единственный уголок всей планеты, на котором она могла оказаться.

Раз в год она обещала выходить в люди — но в последнее время всего этого было слишком, просто чрезмерно много общения с человечеством, которое упрямо ненавидит её и пытается пожелать ей самой страшной смерти на свете.

Гроттер старалась не задумываться над этим.

Она так хотела сбежать отсюда, но, тем не менее, не имела такой возможности — потому что оказалась взаперти, в плену собственного дома, который теперь смотрел на неё пустыми, холодными окнами.

Никаких следов от разрушений видно не было, и Гроттер предпочитала просто ничего не замечать.

— Почему-то я не вижу, чтобы у меня был такой уж и сильный всплеск магии, — протянула Таня, недоверчиво посмотрев на Бейбарсова.

Тот лишь едва слышно рассмеялся, словно услышал что-то невероятно весёлое, но, тем не менее, не стал комментировать ситуацию.

Таня предпочла бы уйти в лес, но Глеб потянул её за руку, заволакивая в дом. Гроттер так хотелось бы сбежать оттуда, но, тем не менее, у неё пока что не было никакого выбора. Рыжеволосая желала оказаться сейчас слишком далеко от него, но сейчас не было такой возможности.

— Оставь меня в покое, — наконец-то как можно более строго промолвила Гроттер. — Я не хочу, чтобы ты был рядом.

— О твоих желаниях пока что никто не спрашивает, — полушёпотом отозвался Бейбарсов, обнимая её за талию. — Поверь, лучше всего для тебя будет пока что находиться рядом со мной и попытаться пройти что-то вроде обучения, настолько быстрого, насколько я смогу тебе дать.

Гроттер помрачнела и рванулась куда-то в дом, захлопнув дверь буквально перед носом у Глеба.

Она даже повернула ключ в замке, собираясь наконец-то спрятаться там, в здании, но Бейбарсов, пробормотав одно-единственное заклинание, спокойно открыл дверь, потянув её на себя.

Сколько бы Таня не попыталась повиснуть на ручке двери, ничего это ей не принесло, не следовало даже и надеяться.

Она даже по инерции упала на Бейбарсова, едва ли не столкнув его с ног, и вынуждена была замереть в объятиях Глеба.

— Всё равно никуда не сбежишь, — с улыбкой заявил Бейбарсов, наблюдая за тем, как Таня вновь куда-то убегает, с таким равнодушием, словно он был повелителем всего этого мира.

Самой близкой и удобной для того, чтобы спрятаться, оказалась библиотека — там были крепкие двери.

Гроттер закрыла их и опустилась на пол, обхватив голову руками и пытаясь как-то успокоиться.

Видения рвались в её голову, не позволяя вот так взять и попросту забыть о том, что она — не просто сбежавшая, а сбежавшая Провидица.

Было больно вообще думать об этом, но Таня старалась как-то справиться с собой.

Она внимательно рассматривала книги в ярких и в мрачных обложках, выбирая из них ту, которую сейчас бы хотела прочесть.

Наконец-то она потянулась к какому-то томику о приключениях неизвестной пока что ей героини или, может быть, героя, но не успела даже прикоснуться к обложке, просто свалившись на пол.

“Чума посмотрела на неё, полуживую от невообразимого страха, с таким презрением, что этого нельзя было даже примерно пояснить. Гроттер лежала без сознания на земле, ещё и у ног проклятого некромага, а Бейбарсов равнодушно смотрел на Чуму, всем своим видом подтверждая, что так и должно было быть.

— Я действительно была похожа на неё, — протянула наконец-то женщина, внимательно рассматривая Таню.

Бейбарсов не промолвил ни единого слова, будто бы чего-то дожидаясь, а после буквально переступил через её тело.

Чума рассмеялась, наблюдая за его поведением — в этом было что-то весёлое для неё.

Тем не менее, сам Глеб реагировал не то что спокойно, он даже не смотрел в сторону старухи, подойдя куда-то к окну.

Он распахнул его, и шторы от ветра взвились в воздух, создавая что-то похожее на крылья за спиной некромага.

Он вдруг громко рассмеялся, чувствуя, как волшебство, силы множества убитых во время бунта вливаются в него.

Сил становилось всё больше.

Чума не смогла бы получить ни капельки тех сил, что проходили через него, замирая сплошным комком у парня в груди.

Он улыбался.

— Ты видишь в бунтах что-то весёлое? — наконец-то поинтересовалась женщина. — Не понимаю, что именно.

— Это прекрасный шанс пополнить собственные энергетические прорехи, — пожал плечами Бейбарсов.

— Да, но это бунт! — женщина осклабилась. — Я уже огласила всё, что должна была огласить, скоро можно проводить транзакцию.

— О, так мир теперь считает, что королевой будет новая? Татьяна, победительница самой ужасной Чумы-дель-Торт? — язвительно поинтересовался Бейбарсов.

— Конечно! — рассмеялась старуха, запрокидывая голову, которая у неё держалась словно на шарнирах, а не на позвоночнике. — Но я сказала им, что я просто поменяю это брэнное тело... Не знаю, потом решим!

— Как хорошо, что вы всех предупредили. Возникнет куда меньше вопросов, — протянул Бейбарсов, взмахивая рукой.

Тело старухи переломалось на несколько частей и осыпалось полубезумным прахом.

Отвратительная вонь распространялась по всему помещению.

Бейбарсов опустился на колени над телом Гроттер и посмотрел на то, что осталось от Чумы, словно раздумывая.

“У тебя есть пять минут на транзакцию после смерти”.

Иначе будет призрак — но разве ему нужен призрак Чумы, вечно мешающий?

Это будет лишним.

Бейбарсов прикоснулся к вискам Тани, словно ещё задумываясь и собираясь что-то сделать, а после отрицательно покачал головой.

Он закрыл все окна, щелчком пальцев уничтожил прах и начал бормотать себе под нос окончательное заклинание.

Скоро.

Совсем скоро”.

Гроттер не понимала, когда она успела оказаться на земле. Теперь, лёжа на холодном полу, она громко всхлипывала, даже не пытаясь успокоиться — у неё просто не было ни единого шанса на это.

Бейбарсов стоял рядом с девушкой на коленях, как и в том проклятом видении, и поглаживал её по голове, словно пытаясь успокоить.

Таня дёрнулась, пытаясь отбросить его руку, но не смогла даже пошевелиться.

— Сними с меня свою проклятую магию!

— Я не колдовал, — отрицательно покачал головой Бейбарсов. — Ты просто очень устала после очередного видения, такое бывает.

— Сама знаю! — Гроттер постаралась ответить как можно более грубо, вот только всё равно это было бессмысленным.

У неё не хватало сил даже на то, чтобы дышать, а тут надо было попытаться сопротивляться чему-либо.

Гроттер просто не могла.

— Слушай, когда я сдохну, прибей меня лучше сразу, — наконец-то прошептала Таня, усмехаясь как-то слишком горько.

Бейбарсов отрицательно покачал головой.

— Прекрати, — спокойно промолвил он. — Никто не собирается тебя убивать. А теперь решай: согласна ты на обучение или нет. Я всё равно от тебя не отстану.

— Зачем ты убил Елену и Шурасика? — ответила вопросом Таня, не собираясь просто так сдаваться.

— Потому что они угрожали твоей жизни. Транзакция — это в твоём случае синоним к слову “смерть”.

Гроттер прекрасно это понимала, но видение подталкивало её к новым решениям. Она села на полу, опираясь о плечо Бейбарсова, а после устроилась поудобнее в его объятиях и посмотрела на книги, которые, казалось, выстроились в слишком ровные ряды перед её глазами.

Рыжеволосой стало как-то не по себе, но, тем не менее, она не оставила себе ни единого шанса сопротивляться этому.

Она просто позволила всему телу расслабиться — это было тем, что ей нужно, просто быть свободной.

Совсем немного, совсем недолго, просто короткий период, который позволит нормально жить дальше.

— Мне кажется, эти смерти на моей совести, — прошептала она. — Все восемнадцать человек, которые погибли во время “Тибидохса”, теперь ещё и эти двое — уже двадцать, и что останется на потом?

Бейбарсов пожал плечами.

— Разве есть разница?

— Ещё какая.

Таня усмехнулась, словно надеясь на то, что вид разноцветных обложек книг наконец-то её успокоит.

Она потянулась ещё раз к той, которая прежде было привлекла её своим видом, и вдруг осознала, что всё это произошло не просто так.

В их народе ещё осталось место писателям, которые могли сотворить что-то действительно интересное, но эта книга казалась невероятно старой.

— Она написана ещё до эры Чумы, — внимательно осмотрев томик, сообщил Бейбарсов. — Удивительно, что она была переиздана сейчас, это кажется мне достаточно рискованным. Где ты её нашла?

— Мне кто-то дал, — пожал плечами Таня. — Мне было всё равно, куда тратить деньги, лучше на книги... Или она тут уже была?

— Большую половину библиотеки ты получила от прежнего хозяина дома?

— Да... Наверное. Я не помню, — упрямо мотнула головой Таня. — Разве это так уж и важно, Глеб?

Название “Провидица” красовалось огромными буквами на обложке, и Таня провела по ним кончиками пальцев.

— Тебе надо отдохнуть, — не стал отвечать на вопрос Бейбарсов. — А потом мы с тобой поговорим.

— Ты уверен?

— Более чем, — упрямо ответил Бейбарсов, словно в этом было что-то более чем невероятное или очень важное. — Потом скажешь, будешь ли ты пытаться выучить что-то, или просто согласишься умереть.

Таня содрогнулась.

Умереть после того, как из-за неё погибло столько людей, казалось самым настоящим свинством.

Естественно, “Тибидохс” — очень опасная штука, но Таня всё равно без конца ждала предательства со стороны Глеба или кого-нибудь ещё.

Её столько раз толкали в пропасть, что она устала оттуда возвращаться более-менее невредимой.

— Я немного почитаю, — наконец-то промолвила Таня. — У себя в спальне, если ты, я надеюсь, не против.

— Это твой дом.

Гроттер устроилась поудобнее на кровати, открывая первую страницу книги. Она всё ещё верила в то, что это было просто выдумкой, но, углубляясь в текст, понимала, что на самом деле ничего более удивительного в библиотеке она никогда не смогла бы найти.

О ком рассказывала эта книга, Таня понять не могла. Провидицы были только женщинами, мужчины никогда не получали такой дар, а автором оказался именно мужчина — но всё это походило на какое-то огромное пророчество о том, что будет когда-то.

Тем не менее, то, что сулил автор всему миру, невероятно походило на современный мир.

Реальность вокруг так сильно походила на то, о чём он рассказывал, что это из более-менее привлекательного становилось отвратительным.

Тем не менее, Таня просто не могла заставить себя отложить эту книгу, слишком уж

интересным е й она оказалась.

Тут описывалась какая-то странная игра, сотни смертей ради одной глупой девчонки, которая возомнила, что она сумасшедшая.

Её убеждали в этом все, кто только окружал её, но, тем не менее, все эти люди в конце книги оказались невероятными предателями.

Таинственная история глупой любви, которая тянулась через всю книгу глупой гирляндой из неимоверно ярких цветов, казалась Тане короткой и неправильной.

Тем не менее, как вообще можно было простить столько всего, что натворил тот, кто в конце остался с главной героиней?

Она смотрела на обложку, словно ожидая что-то увидеть.

Все цветы радуги переплелись где-то в центре прямоугольника, жутко похожего на рамку зеркала.

Наконец-то всё перед глазами начало расплываться, и Таня уже была просто уверена в том, что видит лицо практически знакомого человека.

Сон окружил её сплошной пеленой.

Девушке без конца казалось, что она смотрит, словно в зеркало, в эту книгу и видит кого-то другого.

Следовало задуматься над тем, что это всё могло означать — а Гроттер открыла её где-то уже ближе к концу.

Она сама не знала, что заставляло её цепляться взглядом за проклятый абзац, но Таня не могла простить себе это излишнее к нему внимание, особенно если учитывать тот смысл, который автор вкладывал в эти строки.

Она вообще не должна всё это читать.

Тем не менее, каким бы сильным не было желание наконец-то захлопнуть книгу, она так и не сделала этого.

А очень жаль.

Когда девушка наконец-то оторвалась от книги, она поняла — реальность слишком похожа на выдумку.

===== Боль сорок четвёртая. Согласие =====

Таня заставила себя наконец-то отложить проклятую книгу в сторону и больше даже не смотреть в её сторону.

Какой смысл раз за разом, минуту за минутой пересматривать её, если она всё равно не может ничего изменить? Гроттер это прекрасно осознавала, но, тем не менее, руки раз за разом тянулись к томику.

Вздыхнув, она решила всё-таки отнести его в библиотеку.

Бейбарсов сидел там на софе, читая какое-то издание очередной интересной книги, и Таня предпочла бы, чтобы его здесь вообще не было, но, тем не менее, такой шанс, как просто пройти незамеченной, вряд ли был бы ей подарен.

Глеб поднял голову, проводил девушку слишком пристальным взглядом, словно издеваясь, но, тем не менее, вновь уткнулся в книгу.

Таня даже замерла на выходе из помещения, посмотрев на парня и ожидая, что он наконец-то оторвётся от чтения.

Тот не стал обращать на неё совершенно никакого внимания, словно вдруг решил, что Гроттер ему неинтересна.

— Если ты так на меня смотришь, — наконец-то подал голос некромаг, — то должна

прямо сейчас огласить собственное решение относительно обучения магии, которая, между прочим, с каждым днём становится всё более и более опасной!

Ответом ему послужила с громким стуком захлопнутая дверь.

Таня вылетела на второй этаж по ступенькам так, словно её кто-то гнал и толкал в спину, а после присела на самую последнюю, опёршись спиной о резные перила, которые всегда удивляли её.

Странный узор из невероятных птиц и зверей, которые сражались между собой или сидели в кругу, плясали или замирали в одной-единой позе, всегда слишком сильно увлекал её.

Теперь же Таня смотрела на них едва ли не пустыми глазами, замечая только одно-единственное растение.

Роза.

Почему-то Гроттер была уверена в том, что она должна была оказаться чёрной, чернее всего на свете.

Она не хотела никогда придавать цвет этим перилам, понимая, что тогда всё то, что её так сильно привлекало, сойдёт на нет, но, тем не менее, сегодня ей невероятно захотелось раскрасить розу.

Выделить её цветом, сделать красной, но никак не чёрной.

Гуашь, вопреки всему, у Тани всё-таки нашлась. Она попыталась навести розу красным, но та словно впитывала в себя весь цвет.

От него оставались только бледные разводы, которые, впрочем, всё равно надо было как-то скрыть.

Наконец-то Таня решилась посмотреть правде в глаза — если она сейчас этого не сделает, то почему вообще должна соглашаться на свой шанс жить? Нет, надо быть немного смелее.

Гроттер наконец-то макнула кисточку в чёрную краску и провела ею по лепесткам розы.

Та словно наконец-то приняла родной цвет — и моментально приняла его, красуясь во всех оттенках и готовясь упасть к её ногам в своём первоначальном виде.

Гроттер вспомнила красивый цветок с церемонии, который тогда держала в руках. Наверное, она должна была выбросить его, как Гробыня выбросила свой, воскликнув, что прошлое теперь ей не страшно.

Склепова умудрилась уйти оттуда с гордо поднятой головой, и если Таня не связывалась с ней, то только потому, что сама слишком сильно и слишком упрямо пряталась от людей, чтобы выходить на контакт.

А у Гробыни вряд ли на это появилось бы время.

Она потеряла всякое желание покончить жизнь самоубийством и утверждала, что будет жить.

Таня же так не смогла — может быть, так случилось потому, что Склепова была ответственна не только за собственную жизнь, а и ещё за одну, которая пока что была неотделима от неё.

Всё остальное не казалось важным.

Гроттер усмехнулась, словно пытаясь убедить себя в том, что на самом деле у неё когда-то будет такой же счастливый конец.

Роза нашлась в шкатулке, которую Гроттер спрятала за кроватью, и Таня скользнула по

её сухим, осыпаящимся лепесткам кончиками пальцев, а после с удивлением осознала, что роза в её руках моментально ожила.

Она вздохнула, положив цветок на комод и ещё раз посмотрев на него, словно желая что-то увидеть.

Тот отражался в зеркале, и казался до такой степени прекрасным, что это было не описать обыкновенными словами.

Вместе с цветком, вместе со светлыми, но в тот же момент красочными стенами этой комнаты пришло осознание.

Прежде Гроттер никогда не была до такой степени уверена в собственном решении, но, тем не менее, сейчас решила, что так будет намного лучше.

Она была Провидицей, которая могла видеть собственную судьбу, и, соответственно, имела возможность предсказать то, что случится через несколько часов, хотя обычно видения приходили сами по себе.

Тем не менее, она искала ответ лишь на один вопрос и, получив его, направилась куда-то в ванную.

Впервые Гроттер удержалась от соблазна посмотреть на то окно в конце коридора, которое сейчас не продемонстрировало бы ей ничего, кроме мрака, ведь, в конце концов, солнце давно уже спряталось за горизонтом.

Она просто наконец-то сумела себя убедить в том, что просто так взять и умереть — это далеко не выход.

Гроттер не понимала, когда успела вбить себе в голову понимание этого факта, но, тем не менее, была несоизмеримо счастлива, что наконец-то сумела убедить себя в чём-то подобном и что имела даже определённое право быть немножечко счастливой.

Может быть, она и ошибалась, когда пыталась убедить себя в том, что в этом мире трудно жить.

А может, совсем даже нет, но теперь было намного легче смириться со своей судьбой и понять, что это единственное, что когда-либо сделает её счастливой.

...Поскольку её волосы высыхали невероятно быстро, Таня вполне могла себе позволить принять душ безо всякой осторожности.

Она чувствовала, как холодные струйки воды стекают по телу — Таня даже не позаботилась о том, чтобы снять одежду.

Эти вещи принадлежали мёртвой, и их следовало бы выбросить или вернуть на место. Поэтому Гроттер больше не собиралась даже надевать на себя чёртову слишком длинную для неё юбку и это подобие блузы.

Она вообще предпочитала совершенно другую одежду, и уж точно брюки, а не юбки, поэтому попросту бросила всё это на пол.

Завтра надо будет сжечь.

Если она согласится на обучение, но Бейбарсов, скорее всего поможет ей овладеть подобным волшебством.

Расскажет, как можно воспользоваться пламенем, не ища никаких спичек, и, возможно, это ей поможет.

Гроттер почувствовала, что наконец-то холодная вода немного упорядочила её мысли и вышвырнула оттуда бесконечное сумасшествие.

Возможно, она на самом деле действительно была совершенно нормальной, а все остальные просто убедили её в противоположном.

Таня не знала, как именно переубедить себя ещё раз, да и это было лишним, совершенно ненужным.

Она прикоснулась к холодному атласу собственной ночной сорочки, дорожкой, притащенной непонятно кем в её дом.

Гроттер старалась соответствовать собственному статусу богатого человека, поэтому и согласилась на этот наряд.

Да и спать в ней было прежде достаточно удобно — но после, когда в её жизни ещё раз появился Бейбарсов, Таня спрятала надолго этот предмет гардероба.

Таких у неё было несколько — отбросив ту, старую, Гроттер взяла в руки вторую, которую притащила с собой.

Эту, с кружевами, невероятно дорогую и, к тому же, чёрную, она не одевала ещё ни разу, равно как и комплект нижнего белья, который к ней прилагался. Пожалуй, ей просто не следовало пользоваться подобными роскошествами, да и выбирать себе такие наряды, но почему бы и нет?

Валялкин, наверное, смотрел бы на неё глазами размерами с самые настоящие монеты, словно пытаясь сказать, что пусть она и красивая, но всё равно не следовало тратить такие огромные деньги.

Сейчас сказать ей такое было некому, и Гроттер без зазрения совести надела именно этот наряд.

Какая разница, как отреагирует Бейбарсов?

Она распустила уже давно высохшие волосы и посмотрела в зеркало — теперь Таня могла почувствовать себя хотя бы на мгновение гордой, независимой и, что самое удивительное, привлекательной девушкой.

Может быть, в этом было даже что-то положительное.

...Как она и ожидала, Бейбарсов сидел в кресле в её спальне и отреагировал на её приход весьма удивлённым взглядом.

— Для кого прихорашиваешься? — удивлённо переспросил он, следя за тем, как серебряная цепочка с магическим сапфиром соскользнула с ладони Гроттер, упав в какую-то фарфоровую шкатулку.

Все эти предметы, которые находились в её доме, стоили столько, что сосчитать было достаточно трудно.

Бейбарсов, впрочем, прекрасно знал, что продали Гроттер весь дом не за такие уж и большие деньги.

Особенно если сравнивать с тем, что у неё было.

— Для себя, — пожала плечами Таня, внимательно глядя на некромага, а после, не говоря, а скорее прошептав одними губами “я согласна”, устроилась поудобнее на краю собственной кровати.

Бейбарсов окинул её внимательным взглядом, из-за которого Гроттер почувствовала себя как-то слишком неловко.

Наверное, она слишком провоцирует судьбу.

Некромаг поднялся на ноги, подошёл к Тане ближе, останавливаясь практически в нескольких сантиметрах от неё, а после даже присел рядом на кровать, проведя рукой по её рыжим и вечно сухим волосам.

— Хотя один плюс в том, чтобы быть провидицей, — вдруг улыбнулась Таня. — Никогда не порчу свои волосы фенами.

Бейбарсов усмехнулся.

— Пожалуй, это достаточно важный плюс, — усмехнулся он. — Но у тебя есть магия, и ты могла бы её использовать.

Гроттер пожалала плечами, а после подвинулась ещё ближе к нему, даже попыталась взять некромага за руку, но отшатнулась в определённой неуверенности и с какой-то предельной опаской.

Казалось, Таня только что убедила себя в том, что поступала слишком неправильно, но такие умозаключения Бейбарсова уже мало волновали. Он подался вперёд и, обняв её за талию, поцеловал в губы, мысленно обещая себе, что ни за что не отпустит девушку сегодня ночью, не позволит ей просто так сбежать, забрав с собой все непонятные чары звёздного осеннего неба.

Он прищёлкнул пальцами, гася свет, но тот всё равно не подчинился — где-то, и уж явно не от его магии, едва заметно вспыхнули свечи, заливая комнату тёплым, приятным светом.

Бейбарсов даже не отреагировал на это — так, впрочем, было даже лучше — сегодня ночью отводить от Гроттер взгляда у него не было ни малейшего желания.

Таня едва заметно улыбнулась, мимолётно прикоснувшись лёгким поцелуем к его губам, а после потянулась к пуговицам вечно чёрной рубашки некромага, расстёгивая их.

Бейбарсов, словно повторяя ту не совсем первую их встречу, но первую после её победы, провёл кончиками пальцев по её щеке, а после потянул вниз бретельку её ночной сорочки, целуя Таню в плечо.

На сей раз Гроттер не дрожала и не пыталась сопротивляться, выражая немое и совсем-совсем тихое согласие.

Это было, признаться, не так уж плохо — и он поцеловал её в губы уже более настойчиво, обнимая за талию.

Глеб, словно играя с девушкой, скользнул пальцами по её шее, сопровождая движение собственных рук мелкими поцелуями и позволяя Тане стянуть с него рубашку и швырнуть её куда-то на землю.

Её тонкая сорочка, чёрная, словно ночь, покрытая звёздами, тоже соскользнула со стройного женского тела, позволяя Бейбарсову скользнуть руками по её обнажённой спине.

Таня тихо что-то пробормотала, но сейчас было не до того, чтобы разбирать её практически неслышимые слова.

Она забралась немного глубже в постель, увлекая его за собой, и обвила шею руками, запуская свои тонкие, длинные пальцы загубленного в пучине проблем музыканта в его волосы.

Гроттер запрокинула голову, позволяя ему целовать её в шею столько, сколько некромагу будет угодно, и едва заметно содрогнулась, когда его ладони скользнули вдоль её позвоночника.

Таня не стала противиться, когда пальцы Бейбарсова скользнули по её бюстгальтеру, расстёгивая совсем простую застёжку.

Она и сама потянулась к ремню его брюк, даря уже более страстные поцелуи, чем те мягкие и практически невесомые, что были в самом начале.

Девушка не могла сейчас видеть его лица, да и вовсе прикрыла глаза, прячась от полумрака свеч, но была готова поклясться, что Бейбарсов едва заметно улыбался — не так, как прежде, без презрительной ухмылки на губах, а скорее уж искренне... может быть, так,

как должен улыбаться более-менее счастливый человек.

Он обвёл языком её сосок, сжимая рукой вторую грудь. На сей раз никакого отвращения, боли или унижения не было — Таня едва слышно простонала, выгибаясь навстречу его рукам и прижимаясь к некромагу всем телом, словно требуя чего-то большего.

Таня не могла утверждать, что понимала Бейбарсова сейчас хотя бы немного, но, тем не менее, взаимное желание не могло не сблизить их.

Наконец-то стена, выстроенная из бесконечной ненависти и сплошной боли, рухнула, уступая чему-то куда более приятному.

Таня почувствовала, как его руки скользнули по её талии, ощутила мягкие поцелуи на собственном животе и позволила себе вновь выгнуться навстречу Бейбарсову.

Она ощутила, как тонкая ткань нижнего белья скользнула по её ногам, но не позволила себе открыть глаза.

Вот так, в странном забвении и непонятном вихре страсти, было куда легче забывать о том, что вокруг ещё существовала реальность.

Они были вместе далеко не в первый раз, да и прежде у неё сохранялся странный спектр эмоций, от ненависти до лёгкой симпатии, но сегодня чувства казались идеально чистой палитрой.

Бейбарсов прикоснулся губами к внутренней стороне её бедра, заставляя девушку выгнуться в его руках.

Таня застонала, чувствуя, что его поцелуи вновь начинали подниматься немного выше, оставляя невидимую дорожку от живота и до груди.

Глеб вновь целовал её в шею, скользя ладонями по бёдрам и заставляя девушку наконец-то подчиниться.

Гроттер раздвинула ноги немного шире, выгибаясь навстречу его прикосновениям и едва слышно постанывая.

Не было больше ни гордости, ни желания сопротивляться — ничего.

Таня содрогнулась, чувствуя, как он вошёл в неё — боли никакой не было, не осталось ни единого следа от прошлых унижений.

Бейбарсов двигался в ней, постепенно увеличивая темп и срывая с губ девушки уже более громкие стоны.

Она пыталась то ли обнять его, то ли схватиться ладонями за его плечи — просто наконец-то позволила себе быть его окончательно — без капли сопротивления и глупых, бесконечных возражений.

Желание нарастало с новой силой.

Гроттер почувствовала, что всё вокруг просто смешалось — она не видела ни единой нотки реальности.

Казалось, всё должно было разорваться на мелкие кусочки от каждого нового прикосновения, от каждого проявления невероятного желания.

Таня чувствовала какой-то непонятный клубок внизу живота — ей казалось, что сейчас она просто разорвётся на мелкие кусочки.

Гроттер запомнила только свой последний вскрик, чувствуя, что в ней всё сжимается, и обмякла в руках некромага, ощущая, как он изливается в неё.

Все смешалось в невероятную пелену ощущений — Бейбарсов вновь двигался в ней, не собираясь просто так оставлять девушку, а она ещё раз отвечала взаимностью, чувствуя его нежные прикосновения.

Девушка ещё раз содрогнулась, выгнулась в его руках, оставив несколько тонких, моментально заживающих царапин на его плечах.

Глеб едва ощутимо поцеловал её, после с некой странной игривостью, явно несвойственной некромагам, потянув за мочку уха, а после устроился рядом, ещё раз целуя, правда, уже в висок, и обнимая её одной рукой за талию.

Словно повинувшись волшебству, которым никто не владел, погасли свечи, но Таня с удивлением осознала, что способна видеть даже в темноте.

Попытавшись отыскать взглядом чёрные, словно ночь, глаза некромага, она осознала, что слишком устала — и что вот-вот провалится в сон.

Странная истома накрыла её с головой — и Гроттер закрыла глаза, проваливаясь в сон и чувствуя, что Бейбарсов всё ещё обнимает её.

===== Боль сорок пятая. Сны и страхи =====

“...Семена кунжута сыплются с руки.

Вокруг миллион и одна могила, горящая, невероятно пламенная, словно кто-то только что поднёс фитилёк, и пытающаяся погаснуть под невероятно сильным дождём.

Вода лилась с неба, словно кто-то сумасшедший там, наверху, всё пытался и пытался увеличить её количество.

От этого было немного дурно, да и люди здесь, на земле, задыхались, шагая последней посмертной процессией.

Горстку праха развеяли по ветру, а больше от неё ничего не осталось — новая королева лежала на кроваво-алых простынях, дожидаясь своей незыблемой коронации.

Правила игры скоро будут изменены.

...Ведьминский обычай вгонит в три доски.

Совсем скоро гроб-без-колёсиков полетит к небесам, таинственной магией увлечённый, и волшебство загорится тремя свечками на столе, заставляя весь мир захлебнуться в её магии.

Скоро.

Осталось всего лишь несколько мгновений до решающего боя; осталось несколько секунд до того момента, как контроль будет утерян.

Та-что-победила.

Белый цвет чёртова подвенечного платья закрывается странной чёрной вуалью на глазах; не вдова, но с мёртвым мужем.

Проклятый мир кричит “браво” и “ура”.

Кровь льётся по тонким запястьям.

Ведьма пляшет, показывает свой последний чёртов танец, и всё вокруг вьётся сплошной полосой.

От мира осталось миллион и одна могила.

Семь миллиардов — или, может, больше, — маленьких, тоненьких ниточек, которые пронзает острая коса.

Столько видений, столько боли, которая окружает её и текстом пишется по книге, завершая свою песню.

Ведьма.

Провидица.

Провидица, у которой есть проклятый, чёртов дар, что поджёт весь этот мир и не стремится оставить его в покое.

Реквием.

Реквием по последней аллюзии счастья, о которой так все они мечтали и до которой не успели добраться.

Реквием.

Реквием по мечте, которая стремится добраться до неё, по ангелам, которые пляшут собственный отдельный танец.

Музыка, которую не победить — в ней сила ангелов и сила Дьявола, последнего, который только успеет её увидеть.

Музыка.

Музыка, которая играет и никак не может остановиться, обвивая всё вокруг могильным духом.

Пламя.

Пламя, что заворачивается в непонятный круг и замыкает узор, рукою нарисованный на песке.

Последняя.

Последняя, кто только выжил и продолжит странный бой, который должен быть закончен.

Боль.

Боль, которую невозможно остановить, которая спасает весь этот мир от большей крови.

Страхи.

Страхи.

У страхов характеристики нет.

...Семена кунжута сыплются в песок”.

Гроттер открыла глаза и упрямо мотнула головой, пытаясь отогнать глупые мысли, которые собрались вокруг неё сплошной пеленой и словно набросили петлю на шею.

Она задыхалась от неприятного, тёрпкого ужаса, и то и дело пыталась от него избавиться, но не могла.

Последние две страницы книги о провидице, которую она всё перечитывала и перечитывала, всё не давали ей покоя.

Гроттер шумно вдохнула воздух и повернулась на бок, глядя на спящего некромага, словно тот специально подсунул ей ту книгу, с таким обвинением, что Бейбарсов даже проснулся.

— Доброе утро, — прошептала наконец-то Гроттер, одним взмахом руки разрывая тишину на маленькие кусочки и стремясь поджечь их, чтобы только слишком хорошо пылало. Не слишком честная точка зрения, но по отношению к бесконечной тишине этого мира обязательно сойдёт.

— Доброе, — улыбнулся Бейбарсов, так и не открыв глаза и притянув её к себе.

Гроттер рассмеялась, правда, едва-едва слышно, и поцеловала его в щёку, словно собираясь таким образом поставить клеймо.

— Рад видеть тебя в хорошем настроении, — прошептал Бейбарсов ей на ухо, продолжая обнимать и не планируя вот так просто взять и выпустить из рук. Возможно, это даже можно назвать правильной тактикой.

— Я тоже рада.

Таня села на кровати, прижимая к груди одеяло, и вновь внимательно посмотрела на

него, словно ожидая что-то.

— У тебя есть что-нибудь в холодильнике? — обыкновенным бытовым вопросом разрывая спокойствие этого утра, поинтересовался Бейбарсов.

— Мышь повесилась. Могу принести.

Тане уже давно не было настолько хорошо и весело — она потянулась, зевнула и выскользнула из постели, натягивая на себя тонкий халат, валяющийся где-то на кресле, вероятно, бросила в прошлый раз.

Спокойно так.

— Нет, не надо мыши. Легче телепортировать самобранку, — рассмеялся Бейбарсов, весело глядя на девушку.

— Да? У меня нет самобранки, — пожала плечами Гроттер. — А вообще, сегодня утром кто-то должен был что-то принести.

Рыжеволосая, наконец-то одевшись и кое-как заплетя волосы в подобие косы, чтобы не мешали, направилась вниз.

Удивительно, но сегодня молоденькая кухарка ещё не успела никуда сбежать, может быть, просто задержалась.

Таня посмотрела на Дусю без привычной ненависти и вздохнула, удивляясь тому, как быстро раскололась оболочка её вечного одиночества.

— Доброе утро, — поздоровалась она с девушкой. — Ты принесла продукты? — Гроттер заглянула в холодильник.

— Я так за вас рада! — руки девчонки тряслись, словно она держала в них что-то тяжёлое.

Или просто очень сильно боялась.

Таня удивлённо изогнула бровь, выражая собственное недовольство относительно странной радости и этого заявления.

— И почему же ты за меня рада? — стараясь говорить спокойно и равнодушно, промолвила она.

— Ну... — Дуся моментально покраснела, отступая на шаг и едва ли не уронив нож на пол. — Вы наконец-то нашли себе кого-то.

Гроттер с некоторым недовольством осознала, что Бейбарсов оставил, наверное, то ли пиджак, то ли пальто где-то на первом этаже, да и, пожалуй, наличие мужчины в доме всё равно чувствовалось.

— Нашла, — вздохнула Гроттер. — Сделай какой-то завтрак, а потом уходи, поняла? Не задерживайся.

— Как прикажете!

Гроттер прежде было очень неприятно играть роль хозяйки дома, которая должна была отдавать приказы и ждать их выполнения.

Наверное, это, а ещё невероятное желание смириться с собственным одиночеством заставило её попросить всех приходить очень рано.

Или очень поздно.

Или тогда, когда её просто не будет дома — чтобы больше никто не попадался самой победительнице “Тибидохса” на глаза. Гроттер просто считала, что так будет намного лучше и, возможно, она на самом деле была очень даже права.

Тане так хотелось распрощаться со всем, что её так настоятельно окружало, тогда, в прошлом, что она год не разговаривала ни с кем, кроме собственного отражения.

Наверное, это было рискованным шагом — согласиться на обучение Бейбарсова, пустить его в свой дом...

Но зато это позволяло хотя бы немного видеть людей, точнее, одного-единственного человека.

Правда, никакой боли и ненависти пока что не осталось даже на дне души. Таня была удивлена этим фактом, но так уж сложилось.

Она сама толком не могла понять, почему вдруг сумела смириться со всем, что случилось, откуда пришло такое сильное спокойствие.

Гроттер хотелось бы сказать, что она понимала причины и последствия собственных поступков, но она знала, что это было не так.

...С завтраком Дуся справилась поразительно быстро, а после, в очередной раз кивнув и пожелав счастья, вылетела из дома.

Бейбарсов спустился вниз как раз в то мгновение, когда кухарка захлопнула за собой дверь, словно ждал этого момента.

— У тебя, оказывается, есть прислуга, — усмехнувшись, промолвил он, внимательно глядя на Гроттер.

— А тебя что-то в этом не устраивает?

Рыжеволосая не хотела хамить, но, тем не менее, она ещё и совершенно не умела готовить, и следовало помнить об этом.

Гроттер вообще предпочитала не разговаривать ни о чём подобном, но Бейбарсов, тем не менее, уже успел задеть данную тему, и Тане стало даже как-то не по себе — надо было, наверное, ответить на несколько вопросов.

Он смотрел на неё достаточно пристально, словно ждал вразумительного ответа, а она то и дело прикусывала себе язык, заставляя не задумываться над этим.

Завтрак оказался достаточно вкусным — по крайней мере, насколько смогла понять Гроттер, — но спокойствия это не принесло.

Наличие кухарки здесь разбило окончательно стену её одиночества, которое умудрялся не нарушать Бейбарсов.

Глеб... Просто был — как определённая часть этого её бесконечного отдаления от людей.

Просто кто-то, кто нужен, чтобы не сойти с ума или, напротив, совершить это немного быстрее.

Дуся же оказалась чем-то чужеродным, человеком, которого просто слишком сильно не ждали, и теперь так хотелось разорвать нити её присутствия, просто выбросить всё, что она сделала...

— Ты как-то слишком помрачнела, — вдруг отметил Бейбарсов, внимательно глядя на девушку.

— Тебе кажется.

— Мне не кажется. Неужели тебе настолько трудно хотя бы периодически терпеть человеческое присутствие? — он удивлённо изогнул бровь. — Ну, Гроттер, нельзя же на самом деле так.

Таня нахмурилась и отвернулась.

Ей совершенно не нравилось, когда кто-то там пытался ей указывать, руководил её жизнью, а Бейбарсов делал именно это.

— Ты обещал мне обучение моему же волшебству, — наконец-то вспомнила Гроттер. —

Я всё ещё согласна.

Бейбарсов кивнул, словно заполняя свой план на будущее, а после ещё раз внимательно посмотрел на девушку.

— Уверена, что тебе это нужно?

Казалось, сейчас он вдруг вознамерился отговорить её от всех решений, которые были приняты за прошедший день.

— Если ты дашь мне перечитать одну книгу, то я, возможно, изменю решение, но пока что я действительно в этом уверена, — кивнула Таня, словно пытаясь убедить себя саму и Бейбарсова в том, что это ей и вправду нужно.

— Это ты “Провидицу” собралась перечитывать?

Таня вспомнила последнюю страницу книги, но, тем не менее, не стала утаивать от Бейбарсова этот факт и кивнула.

— Не советую, — вздохнул он. — Нет, раз уж решила, то будем учиться прямо сейчас... ну, возможно, немного позже.

Гроттер хмыкнула и, прихватив грязные тарелки, отправилась куда-то к раковине. Тем не менее, возвращаясь за полотенцем, она умудрилась зацепиться за что-то и свалилась прямо на Бейбарсова.

Глеб весело рассмеялся.

Всё это походило на обыкновенную игру, в которой не было места для её бесконечной грусти.

— Что ты делаешь! — возмутилась Таня. — Не смей прикасаться ко мне, некромаг! — она, вместо того, чтобы сбежать, впрочем, устроилась поудобнее у него на коленях, но всё равно продолжала возмущаться.

Бейбарсов весело рассмеялся, целуя девушку в шею и обнимая её за талию — теперь они казались обыкновенной, нормальной парой...

Людьми из прошлого.

— Вот я ведь вроде бы уже любила один раз, — наконец-то подала голос Таня. — Ивана. Почему так не получалось?

— Так — это как? — удивлённо изогнул бровь Бейбарсов. — Нормально, по-человечески и спокойно? Ну, ты ждала “Тибидохс”.

Гроттер отрицательно покачала головой.

— Я ведь не думала о нём круглосуточно, — наконец-то возразила она. — Даже о казни круглосуточно не думают.

— Это ты так считаешь, потому что тебя никогда не казнили, — хмыкнул Бейбарсов, но возражение показалось Тане слабым и каким-то не слишком уверенным.

— Мне не было с ним просто, — наконец-то подала голос Гроттер, поднимаясь. — С тобой, впрочем, тоже не особо легко, но... немного иначе.

— Ну, конечно. Я ведь вечно требую от тебя чего-то, может, даже хочу, чтобы ты научилась собой руководить, — весело рассмеялся Бейбарсов. — Но разве твой Валялкин совершенно не желал тебе добра?

Гроттер пожала плечами.

Может, и желал.

Она просто не могла разобраться в причинах и последствиях каждого его действия, которые попросту часто оказывались ничтожными.

Ничтожными и бессмысленными.

— Ну, знаешь, я как-то уже даже не уверена в том, что он действительно думал так много о том, чтобы принести мне добро.

Бейбарсов лишь спокойно пожал плечами, не поддавая сомнениям все её слова, будто бы на самом деле так и должно было быть.

Гроттер считала, что она ошибалась, когда вообще доверяла кому-то — и, может быть, это действительно было правильно.

Ей так хотелось бы сейчас просто смириться со всем, что происходило, просто подписать некое соглашение со своей совестью.

— Мне надо, чтобы меня кто-то вечно заставлял что-то делать, — наконец-то подбила итог Гроттер. — А Иван...

— Не был для тебя достаточным стимулом? — удивился Бейбарсов. — Да, Гроттер, понять тебя просто невозможно.

Таня рассмеялась и вновь кивнула, словно подтверждая каждое слово Бейбарсова. Сейчас ей показалось, что всё это даже логично, но, тем не менее, она не могла утверждать, что окончательно согласилась со своими мыслями.

— Мне опять снилась последняя страница.

— Той книги?

Гроттер кивнула.

Эта новость вызвала у Бейбарсова едва заметную улыбку, а после он поднялся на ноги и обнял Гроттер за талию, словно пытаясь успокоить.

— Ну, возможно, это нормально, — наконец-то промолвил он. — Не стану отрицать, книга поражает.

— А ты уверен в том, что там всё выдуманно?

Бейбарсов кивнул. Ложь натянутой струной легла по реальности, пытаясь забрать остатки воздуха, используя её в своих целях.

===== Боль сорок шестая. Стихия =====

Гроттер так хотелось сейчас узнать что-то интересное, разобраться в том, что пояснит ей Бейбарсов, что она даже удивилась собственному рвению.

— Удивительно, но мне действительно хочется учиться, — подала наконец-то голос Гроттер, шагая следом за Бейбарсовым. — А куда мы вообще идём?

— К озеру, — отозвался Глеб, наклоняясь, чтобы спелые яблоки, которые никто не собирался обрывать, не упали ему на голову.

Осень вступала в свои права всё более и более активно, засыпая золотом все травы, обнажая деревья перед предстоящими им морозами и сея холод по утрам тонкими нитями заморозков.

Люди заканчивали собирать урожай, порой по лесу гонялись за грибами и ежами дети, а холод всё больше и больше сковывал душу.

Таня ненавидела зиму. Прошлая принесла ей невероятно много боли и ужаса — она прекрасно помнила, как всё это проходило, и ни единого хорошего воспоминания о зиме у неё до сих пор не осталось.

Гроттер вспоминала о ней с недовольной усмешкой, с мрачным взглядом, который можно было истолковать уже как-то по-своему.

— Мне кажется, что в этом году будет ещё холоднее, — подала голос Таня, поднимая с земли жёлтый лист.

Она сама не понимала, почему её яблони до сих пор увешены яблоками — те, впрочем,

падали под ноги.

Октябрь вступал в свои права, постепенно овладевая всё новыми и новыми территориями. Она выбрала эту местность ещё и потому, что зима тут приходила не так уж и быстро — и теперь чувствовала себя спокойнее.

— Тебе было так плохо зимой? — сжимая её ладонь, слишком холодную сейчас, поинтересовался Бейбарсов.

Сам он выскочил безо всякой куртки, но Гроттер было холодно, и она вынуждена была набросить на плечи пальто.

Шагая всё дальше и дальше, проходя мимо беседки и оказываясь уже в лесу, она внезапно осознала, что зря не взяла с собой шарф.

— Тебе надо учиться вязать, — бросив на Гроттер весёлый взгляд, внезапно заявил Бейбарсов, склонив голову набок.

— Почему?

Он притянул её к себе, обнимая, и Таня, положив парню руки на плечи, внезапно поймала себя на мысли, что он буквально горит изнутри.

— Почему тебе не холодно? — удивлённо поинтересовалась она, забывая о предыдущем вопросе о вязании.

— Моя стихия — огонь, а некромаги вообще не мёрзнут, — пожал плечами Бейбарсов. — Хотя, в принципе, чёткую стихию в случае некромагии найти достаточно трудно. Может, даже ветер.

— Воздух?

— А, нет, не воздух, — отрицательно покачал головой Глеб. — Тут эти тонкости ещё изучать и изучать, так что лучше просто не обращай на это внимания. — Бейбарсов усмехнулся и провёл рукой по её волосам, а после прищёлкнул пальцами, наколдовав наконец-то шарф.

Гроттер благодарно посмотрела на некромага, быстренько надевая шарфик и застёгивая пальто.

Стало теплее.

Они наконец-то дошли до озера, от которого уже настоятельно веяло зимой, и Тане захотелось вдруг вернуться в лес.

— Там было теплее, — пожаловалась она.

— Да, было, но, тем не менее, у нас пока что нет возможности перебирать климатом. Тут будет безопаснее, — покачал головой Глеб.

Гроттер удивлённо изогнула бровь, но удержалась от вопросов, которые показались ей лишними и ненужными.

Она вообще поймала себя на мысли, что не следует пока что ничего спрашивать, когда Бейбарсов не начнёт рассказывать ей хотя бы что-то.

Глеб же, внимательно посмотрев на девушку и покачав головой, словно собираясь что-то сказать, но не решаясь, вновь сжал её ладонь, словно пытаясь согреть.

— Какая стихия тебе ближе всего? — наконец-то поинтересовался он.

— А какой выбор?

Гроттер, впрочем, так и не дождалась ответа, пытаясь представить себе хоть что-то, что было бы ей родным.

При воспоминании о воде по спине прошла дрожь. Проклятый ручеёк пугал её даже там, ещё до того, как стал пропастью.

Наверное, на “Тибидохсе” следовало проявлять определённые наклонности, и она... И она сожгла Веру.

— Попугаева, — выдохнула Гроттер, моментально бледнея и возвращаясь в своё прежнее состояние несчастной сумасшедшей Провидицы.

— Что — Попугаева? — Бейбарсов вздохнул. — К счастью, такой стихии, как сплетница со сломанным носом, пока что ещё не придумали.

— Да нет же! — воскликнула возмущённо Таня. — Я ведь её сожгла тогда... Помнишь, ещё показывали на церемонии... Кто монтировал это видео?

— А чёрт его знает, — отмахнулся Бейбарсов. — Я в этом не участвую, и на том спасибо. У некромагов есть другая работа.

— Плевать, кто это сделал — огонь!

Таня почему-то была даже чрезмерно уверена в собственных наклонностях, перебирая в голове всё, что было связано с пламенем.

— Ну, у меня сейчас под руками нет лишней Попугаевой, — наконец-то со вздохом заявил Бейбарсов.

— Я понимаю, — рыжеволосая усмехнулась. — Но, тем не менее, ты... — она отвела на мгновение взгляд. — Как овладеть стихией?

Глеб, вновь уходя от вопроса, устроился прямо на мягком ковре из листьев, внимательно рассматривая озеро.

Гроттер устроилась рядом с ним.

...Когда это началось, она сама не знала. Волны вдруг рванулись к ней, словно пытаясь убить, но, тем не менее, огибая Бейбарсова.

Гроттер не знала, кто подстроил это, но, тем не менее, сколько не пыталась хотя бы немного противостоять воде, ничего не получалось.

Волны уже практически настигли её, когда Таня вскинула в отчаянье руки, боясь утонуть и вспоминая о том, сколько беды ей принесла вода.

Она чувствовала, что дыхание становится всё более и более тяжёлым, но, тем не менее, для этого были и определённые причины.

Она пыталась не задыхаться, чувствовать себя хотя бы более-менее адекватной, но не следовало даже надеяться на что-то подобное.

Рыжеволосая широко раскрыла глаза, словно собираясь что-то увидеть, а после моментально отвернулась, боясь, что вода догонит её.

Ладони почему-то обожгло каким-то непонятным, но, тем не менее, очень приятным теплом, и девушка наконец-то ощутила его сполна — этот странный жар, о котором она мечтала столько времени.

Столько раз она хотела наконец-то согреться — и вот, теперь появилась такая возможность, теперь ей наконец-то будет тепло!

Наконец-то...

Гроттер повернулась к волне, подумав, что каким-то образом подогрела проклятую воду или остановила её.

Стена из пламени превращала волны в пар, который, впрочем, моментально опадал мелкими капельками в озеро.

Оное казалось практически пересохшим, но постепенно пополнялось, хотя, впрочем, его-то судьба сейчас Гроттер совершенно не заботила.

Бейбарсов взмахом руки наконец-то отпустил волну, а она смотрела на пламя, которое

сотворила сама.

— Удивительно, — протянул Глеб. — Давно я не видел ничего подобного — у тебя прекрасные способности, Гроттер, жаль, что ты пока что не умеешь использовать их так, как нужно.

— И зачем мне пламя? — удивилась Таня, глядя на него, чего можно добиться с его помощью? Озёра, что ли, мне пугать?

Глеб рассмеялся.

Гроттер упрямо не могла понять, почему именно они начали именно с пламени — она бы просто не смогла вызвать его, если бы, конечно, не эта волна, но, тем не менее, теперь ведь получилось.

Странная усталость накрыла Таню, и Гроттер наконец-то заставила себя отозвать магию, чувствуя, как пламя втягивается в её руки.

Бейбарсов продолжал смеяться, а после вдруг потянул Таню на листья, заставляя её лечь на них и целуя её в губы.

Гроттер, наконец-то отпустив ситуацию и расслабившись, тоже громко расхохоталась, сама не зная, почему ей вдруг стало до такой степени смешно.

Они покатались по листьям, едва ли не свалившись в ту самую воду, что продолжала пугать рыжеволосую.

— Ты сильная, — прошептал ей совсем тихо Бейбарсов. — Ты могла бы сжечь там всех на “Тибидохсе”.

— Но ведь разве не бывает в каждом году так, что Провидицы умирают? Я думала, что туда вообще не берут сильных.

Таня смотрела на Бейбарсова с таким недоумением, что ему в очередной раз стало невероятно весело.

— Умирают-то они, но, тем не менее, ты живая, — упрямо мотнул головой Бейбарсов. — И это уже само по себе чудо.

Гроттер посмотрела на него широко раскрытыми от удивления глазами, а после попыталась подняться, но вновь оказалась на тёплых листьях, чувствуя, что странное блаженство продолжает держать её.

— Но я всё равно не могу вызвать огонёк, даже самый маленький, если меня не разозлить, — наконец-то грустно промолвила она.

— Да это ерунда, — мотнул головой Бейбарсов. — Способности у тебя есть, ещё и какие, а учиться нам придётся быстро.

— Почему?

— Потому что если каждый раз, телепортируясь, я буду вынужден исцелять тебя по пути в нужную точку пространства, то не выживем ни ты, ни я.

— То есть, ты потому такой полуживой после телепорта, что вынужден тащить меня за собой? — удивилась Гроттер.

— А ты как думала? — хмыкнул он. — Я даже не возьмусь учить тебя телепортациям, скорее всего, это совершенно бессмысленно.

— Так нечестно!

— Честно, Таня, честно, — мотнул головой Глеб. — Пойми меня правильно — на самом деле у тебя не будет ни единого шанса выжить, если ты будешь во время телепортации настолько терять свои жизненные силы.

Гроттер возмущённо ударила кулаком по траве, и листья вокруг внезапно вспыхнули.

— Провидица! — Глеб вскочил на ноги, стряхивая пламя с рукава собственной рубашки. — Ты совсем сдурела?

— Я случайно!

Тане не хотелось оправдываться, но она чувствовала себя сейчас настолько легко, настолько хорошо...

Гроттер понятия не имела, откуда у неё вообще взялась уверенность в том, что она сможет прожить эту жизнь счастливо.

Словно книга, которую она почему-то решила прочесть, вытянула из неё всю ту гадость, которая её отравляла.

Надежду, что ли, дала.

— Давай-ка лучше попробуем по-человечески направить твою силу, — Бейбарсов вновь устроился поудобнее, усмирив пламя и оставив лишь маленький, но, впрочем, не угасающий костерок.

Таня пододвинулась поближе к источнику пламени, греясь, и постаралась слушать его как можно внимательнее.

Так будет лучше.

— Ну, и как?

— Ну... — Бейбарсов понятия не имел, как именно подобрать слова. Глеб никогда никого ничему не учил, и сегодня было бы намного легче просто показать ей всё, что нужно, но с такими силами...

Теоретик с него был просто отвратительный — некромаг и не пытался ничего учить по книгам, это был удел Свеколт.

— С меня на самом деле отвратительный учитель, — наконец-то признался Бейбарсов. — Поэтому объяснить я могу тебе только по ощущениям. С чего ты хочешь начать?

— Я видела, как ты создавал огненный шар.

Глеб вздохнул.

— Ещё бы, чтобы взять и пойти по простому пути, — покачал недовольно головой он. — Сначала надо попытаться просто воссоздать совершенно неопасное для тебя пламя на ладони, — Бейбарсов посмотрел на Гроттер и в друг вскинул руку, словно собираясь что-то продемонстрировать.

На кончиках его пальцев зажглись огоньки, которые не приносили ему никакого вреда.

Тем не менее, кленовый листок, стоило его только поднести к огоньку, вспыхнул и превратился в прах.

— Вот, как видишь, — довольно продолжил Бейбарсов. — Реакция на магию соответствующая, пламя не вредит только тебе.

— А как такое сделать?

— Ну, есть два способа. Первый — это обыкновенное заклинание пламени плюс защита для пальцев. Так может каждый.

— А второй?

— А второй — почувствовать в себе пламя и выпустить его. Оно будет твоей частью, никогда не навредит тебе, но для других будет просто разрушительным. Это было как с Попугаевой и с той стеной. Попробуй, вдруг получится, — Бейбарсов улёгся на берегу, внимательно глядя куда-то в небо.

Таня попыталась выполнить его указания — раз, другой, но у неё лишь продолжали

уходить силы.

Ей казалось, словно кто-то невидимый открыл огромную воронку, вытягивая в неё все Танины силы.

Гроттер шумно дышала, но, тем не менее, это был единственный звук, который она вообще сейчас смогла себе представить.

Наконец-то рука её вспыхнула. Гроттер попыталась сделать так, чтобы пламя оставалось только на кончиках пальцев, но смогла ограничить его исключительно до размеров ладони и улыбнулась.

— У меня получилось! — воскликнула девушка.

Бейбарсов попытался прикоснуться к огненному язычку, но моментально одёрнул руку — конечно же, рана моментально затянулась, ведь он, как некромаг, прекрасно регенерировал, но пламя было такое, как нужно.

— Сможешь повторить или загасить? — поинтересовался Глеб. — Тебе ведь не только зажигать надо.

Гроттер с удивлением осознала, что пламя прекрасно убиралось и возвращалось, следовало его только попросить.

Это было удивительно трудно, но, тем не менее, у неё получалось, и это приводило Гроттер в странное состояние эйфории.

Она улыбнулась и кивнула.

— Мы можем идти домой? — наконец-то поинтересовалась Гроттер. — Есть почему-то хочется.

— Это от расхода сил... Гроттер, чёрт тебя побери!

Таня даже не поняла, откуда взялось подобное возмущение — она просто посмотрела на Бейбарсова и с удивлением осознала, что тому не на что жаловаться — он был совершенно цел.

Тем не менее, Бейбарсов схватил её за плечи и заставил повернуться куда-то в сторону. Таня широко раскрыла глаза, словно пытаясь понять, что происходит, а после отступила на шаг.

Лес горел.

Волны озера моментально метнулись туда, ограничивая два дерева, которые пылали, но погасить пламя не получалось.

— Забирай оттуда магию, — холодно промолвил Бейбарсов. — Иначе ничего не получится, оно просто всё выгорит.

Она содрогнулась, словно испугавшись, и попыталась кое-как заставить весь мир хоть немного утихнуть и перестать гореть.

Постепенно, по капельке, пламя переместилось к ней, и наконец-то погасло. Деревья, обугленные и уже мёртвые, осыпались горстками пепла.

— Это я сделала? — удивлённо переспросила Таня, покосившись на Бейбарсова. — Правда, действительно, я?!

— Ты, ты, — покачал головой он. — И я очень надеюсь на то, что со своими силами ты после будешь более осторожной. Ведь так?

Гроттер едва заметно кивнула — ей стало как-то не по себе, и Гроттер просто не могла понять, откуда могло появиться что-то подобное, но, тем не менее, и сил отрицать всё произошедшее у неё буквально не осталось.

Бейбарсов взял её за руку и потянул куда-то за собой, в дом. Таня чувствовала себя так

более спокойной и уверенной — ей хотелось, чтобы некромаг никуда не уходил. Удивительно, но теперь доверять ему было намного проще, чем кому-либо другому.

Таня сама не знала, что привело её к подобным выводам, но сама для себя решила, что ни за что не смогла бы вот так, совершенно спокойно, абсолютно послушно шагать следом за Иваном. В их отношениях тогда что-то было не так.

Тогда — не сейчас.

===== Боль сорок седьмая. Оживление мёртвых =====

Спокойная ночь переросла в отвратительное, очень хмурое и беспокойное утро — равнодушное, почти что ледяное и, кажется, невероятно густо посыпанное белым подобием то ли заморозка, то ли снега.

Бейбарсов уже поднялся и, кажется, даже был на улице — его волосы белели от глупого снега, который почему-то решил посыпаться на их головы прямо в конце октября.

Длительное, отвратительное обучение владению собственными силами затягивалось.

Гроттер казалось, что это становилось уже просто банальщиной — удивительно, но ничего нового выучить не получилось.

Бейбарсов учил её каким-то элементарным вещам, владению отдельными заклинаниями, словно она была юной девицей, которая впервые в жизни колдует.

Впрочем, так оно и было.

Таня понимала, что слишком завысила собственные способности, но, тем не менее, так хотела оказаться подальше от скучных уроков в доме, когда она зажигала пламя внутри камина!

Несколько месяцев.

Какой кошмар.

Рыжеволосая наконец-то села в кровати, внимательно глядя на Бейбарсова, словно спрашивая, чем именно сегодня они будут заниматься. Глеб усмехнулся, присаживаясь рядом с Гроттер и обнимая её за талию, то ли намекая на что-то, то ли предполагая на возможность, пожалуй, немного отложенного занятия.

— Доброе утро, — некромаг усмехнулся, целуя её в уголок губ — Гроттер даже не подумала отвернуться.

Отворачиваться в последнее время ей хотелось меньше всего на свете, она попросту не видела в этом совершенно никакого смысла.

Наверное, нет ничего плохого в том, чтобы сейчас ответить ему взаимностью. Борьба она будет немного позже.

Когда?

Таня так и не нашла того прекрасного момента, когда можно было бы разорвать их отношения, превратить их в банальный прах.

Тане казалось, что пока что можно подождать.

Бейбарсов, кажется, поддерживал её в этом глупом решении, и им было взаимно просто — а что будет после — уже совершенно иной вопрос, задаваться которым пока что не стоит, в конце концов, какой смысл?

— Чем мы сегодня занимаемся? — наконец-то поинтересовалась Таня. — Может быть, выходной, а?

— Никаких выходных! — воскликнул моментально Бейбарсов, будто бы убеждая её в том, что это невозможно.

— Но почему?

Глеб посмотрел на Таню так, что ей даже стало немного не по себе — ну вот, опять он пытается давить на её совесть.

Рыжеволосая недовольно скривилась — ей так хотелось бы прогулять хотя бы один такой вот урок, но, тем не менее, Бейбарсов даже не пытался дать ей такую возможность. Всё равно ведь поймает и вернёт обратно на урок.

— И куда мы идём? — поинтересовалась вновь рыжеволосая. — Ну, слушай, перестань делать секреты из уроков!

— Мы идём вечером. Всё то, что на сегодня запланировано, позволено делать исключительно ночью.

— Почему?

Гроттер так хотелось, чтобы Бейбарсов открыл ей секрет, но, тем не менее, Глеб предпочитал заранее не рассказывать о роде их занятий, чтобы Таня не могла подготовиться.

— Но ведь это будет не очередное пламя в камине, правда, Глеб? — уточнила она, выбираясь из постели и заворачиваясь в халат.

— Правда, правда, — кивнул он, подходя ближе к единственному окну в её спальне и всматриваясь в серебристо-белую даль.

— Снег идёт, — скривилась Гроттер. — Идёт и идёт. Между прочим, сейчас у нас только октябрь заканчивается!

Увы, но даже здесь, там, где должно было быть достаточно тепло, никто не мог гарантировать нормальную погоду.

Глеб пытался заставить девушку не бояться холода, но, тем не менее, Таня никак не могла привыкнуть к этому.

Она понимала, что вынуждена будет когда-то бродить и по холоду, и что её счастье, что Тибидохс существовал не среди зимы, но всё же...

Но всё же, нельзя сказать, что всё случившееся — так уж и хорошо. Да и вообще, Гроттер упрямо казалось, что это очень, очень неправильно.

Как бы вернуться в прошлое и всё отменить?

Отменить холода, которые просто сковывают по рукам и ногам, отменить страх, что заставляет содрогаться от ужаса и от боли, отменить всё, что так мешает человечеству?

Правда, Таня не думала о человечестве, исключительно о себе. Ей упрямо казалось, что правильнее было бы стать немного добрее, но каждый раз перед глазами возникал “Тибидохс”, и она просто не могла вести себя подобным образом, не могла допустить, чтобы кто-то был для неё важен, кроме неё самой.

В конце концов, возможно, Таня была права — Бейбарсов вот, к примеру, соглашался с ходом её мыслей.

— Будешь завтракать? — поинтересовался наконец-то Глеб, оборачиваясь и вновь косясь на Гроттер.

Рыжеволосая кивнула.

Она знала, что слова будут совершенно лишними. Даже если Бейбарсов на самом деле не смотрит на неё, но всё равно поймёт, согласна она или нет — он то ли постоянно читал её мысли, то ли попросту чувствовал.

— Буду... Научи меня телепатии!

Гроттер понимала, что на самом деле Глеб вновь откажется от того, чтобы обучить её тому, что она хочет.

— Этому невозможно научиться при твоём уровне подготовки, — отрицательно

покачал головой Глеб.

— Ну Бейбарсов!

— Я сказал нет, значит — нет, — упрямо повторил он. — Сегодня тебя ждёт одна очень интересная магия, а потом, возможно, я подумаю о том, чтобы обучить тебя телепатии.

Тане постоянно казалось, что Бейбарсов буквально специально прятал от неё всякое подобие мыслей.

Словно это было единственным, что он собирался сохранить от собственной ученицы, которая вдруг слишком рьяно взялась за магическую науку.

— Ты постоянно что-то недоговариваешь, — хмыкнула наконец-то Таня. — Ну да и чёрт с тобой, я потом сама всё узнаю, понял?! — она весело рассмеялась, запрокинув голову назад.

Бейбарсов вздохнул.

— Не смейся так, — наконец-то достаточно строго и почему-то очень недовольно попросил он. — Ты так слишком сильно напоминаешь Чуму, а, как мне кажется, это не самая желанная параллель на свете.

Рыжеволосая кивнула. Быть похожей на эту старуху она не просто не хотела — Таня считала это самым страшным на свете, что только могло с нею произойти, боялась, остерегалась любого сходства.

— Откуда ты так много о ней знаешь? — поинтересовалась Гроттер, поцеловав Бейбарсова в щёку и остановившись рядом с ним, словно собираясь уточнить ещё что-то, но решив всё-таки этого не делать.

— О Чуме? — со смехом переспросил Бейбарсов. — Да ну, разве ж это много. Скорее очень даже наоборот.

Очень наоборот.

— О Чуме, если тебе верить, никто никогда ничего не знал, — рассмеялась она, словно вдруг узнала что-то невероятное.

— Так и есть.

Бейбарсов ответил настолько серьёзно, что девушке даже стало немного не по себе. Она вздохнула и направилась на кухню, заворачиваясь в тёплый халат и надеясь на то, что согреется хотя бы чашкой чая.

Это может помочь.

Бейбарсов потащил её куда-то уже ближе к вечеру. Он не телепортировался, хотя в последнее время Таня не тратила такое огромное количество волшебства, причём чужого, на телепортацию.

Привыкла.

Он учил её закрывать собственные магические каналы, по крайней мере, до определённой степени, и не быть энергетическим вампиром.

Впрочем, Бейбарсов рассказывал о том, как опустошать человека изнутри, забирать у него всю жизненную энергию.

Если сделать это очень быстро, то человек не почувствует боли и умрёт очень легко. А если медленно — такой способ убийства превращался в отвратительную пытку, которая даже сводила некоторых с ума.

Даже самых сильных.

Таня, слушая об этом, чувствовала себя немного не на своём месте — ей казалось, что

пользоваться таким волшебством слишком низко и неприятно, что на самом деле даже учиться подобному не нужно.

Но когда она вспоминала о том, каким опасным может быть будущее, когда пробежалась в очередной раз по строкам своей любимой книги — тогда приходило моментальное осознание того, что она была неправа.

Нет.

Надо выучить всё, что только может дать Бейбарсов.

...Снег немного растаял, его, можно сказать, практически не осталось, да и вообще, вокруг стремительно теплело.

Они шли через лес, хотя можно было бы воспользоваться хотя бы каким-то видом транспорта, а не вечно ползти куда-то пешком, сходя с ума от того, что это вообще кому-то нужно.

— Почему не телепортация? Почему обязательно ногами? — возмутилась Таня после своего очередного падения.

Она оделась так, как велел Бейбарсов — достаточно скромно, без лишних нарядов, которые могли бы ей помешать, не натягивая на себя красивую и дорогую одежду, что могла бы испортиться.

Могла бы, могли бы — глупый набор слов и вечное “бы”.

Таня старалась бороться с собственным недовольством, которое буквально закипало в её крови, но, тем не менее, сейчас было не до этого — она вдруг осознала, что оказалась на каком-то странном кладбище и оглянулась.

Бейбарсова не было, хотя мгновение назад он держал её за руку, а после, словно преодолев неизвестную преграду, пропал.

Или преграду, напротив, преодолела именно она.

Парень появился в нескольких метрах от неё, улыбаясь, словно собираясь преподнести какую-то прекрасную новость.

— Сегодня мы научимся передавать собственную жизнь другим... неживым уже существам, — туманно пояснил он.

— Это как?

Бейбарсов усмехнулся, не вдаваясь в подробности, и силком усадил её на какую-то могильную плиту, а после, сжав на мгновение ладонь Гроттер, заставил её положить руку на эпитафию на памятнике.

— Попробуй передать жизнь, — промолвил он. — Представить, что что-то там, внизу, оживает, что твои силы, но не жизненные, а магия, конвертируются и возвращают дыхание.

— Разве можно кого-то оживить?

— Только физически, но и это порой может пригодиться, — рассмеялся Бейбарсов. — Ну, попробуй!

Гроттер почувствовала в себе какой-то непонятный кокон сил — она за последний месяц научилась кое-чему и могла считать себя сильной, хотя теоретически ещё совершенно ничего не знала.

Таня действительно попыталась передать частичку собственной магии тому, что было внизу.

Магия, словно вода, буквально вытекла её, переходя в что-то иное, пока что для неё непонятное и неизведанное.

Гроттер попыталась сделать поток немного более мощным, усилить его, заставить течь

немного более поспешно.

У неё вроде бы даже получалось, и девушка расслабленно улыбнулась, смирившись с тем, что теперь должна была просто ждать результата. Бейбарсов ведь просто не хотел рассказывать ей ни о чём.

Так ему было проще.

Он действительно часто заставлял её что-то сделать, а после показывал результат — так было намного легче, и она могла по крайней мере попытаться немного понять глубины магии.

“На самом деле волшебство — это целый набор запретов. Конечно, некромагия убирает большую их часть, — повторял он раз за разом, — но для того, чтобы уметь вовремя остановить себя, надо сделать один раз то, что на самом деле ты делать не должна!”.

Гроттер сначала считала это глупостью.

...Вместо снега полился дождь, сильный, густой, словно та самая стена, который просто-напросто превратил всё вокруг в сплошной поток воды и холода, невероятного, сильного, просто невероятно сильного.

Гроттер казалось, что так будет правильно.

Рыжеволосая старалась не обращать внимания на то, что вода просто заливала ей глаза, но, тем не менее, не вышло ничего сделать.

Соппротивление свелось к нулю.

— Да что ж это такое! — Таня вскочила с могильной плиты, почувствовав, что та пошатнулась под нею.

Не успела рыжеволосая встать на ноги, как та вдруг сдвинулась с места, поехав в сторону, и Гроттер вынуждена была отскочить к Глебу.

Бейбарсов успокаивающе обнял её за талию и даже поцеловал в висок, словно пытаясь убедить вести себя спокойно.

— Тише, — прошептал он девушке на ухо. — Не переживай, сейчас всё увидишь.

...Мертвяк появился из земли с невероятной скоростью. Он разгребал руками землю, выскальзывал на свободу, извиваясь, словно тот уж, борясь с собственным бесконечным заключением.

Сражался.

За всё то, что именовалось его жизнью, за всё то, что должно было сделать его реальным и нормальным.

— Он дышит!

Гроттер сама не понимала, откуда у неё появилось такое удивление в голосе, почему она смотрела на Бейбарсова, словно какая-то сумасшедшая, а после наблюдала совершенно спокойно за тем, как мертвяк направился к ней.

Рыжеволосая была удивлена собственным спокойствием и словно наблюдала за всем, что происходило, со стороны.

Ей казалось, что это просто какое-то невообразимое существо, но спустя мгновение она поняла, что оживила человека, который должен был оказаться мёртвым. Ей стало страшно, холодно, но не оставалось никакого выбора, ни единого шанса воспротивиться кошмару.

Она дрожала.

— Живой, — выдохнула Гроттер. — Ты же говорил, что мертвого не вернуть, что это уже раз и навсегда.

Мертвяк ослабил, сделал к ней ещё несколько уверенных и быстрых, поспешных

шагов, а потом...

Потом тихо поклонился.

Тане казалось, что у неё под ногами куда-то пропала земля. Она ждала того момента, когда её убьют, растерзают на мелкие кусочки, думала, что её заданием будет спастись, но всё оказалось совершенно наоборот.

Холодно.

Рыжеволосая наблюдала за тем, как мертвяк упал на колени, едва ли не собираясь целовать её руки, и отступила на шаг.

— Встань, — приказала наконец-то тихим, дрожащим голосом рыжеволосая, глядя на него как можно спокойнее.

Бейбарсов усмехнулся, наблюдая за девушкой, которая, казалось, получала удовольствие от того, что произошло.

— Умри, — выдохнула вдруг она.

Тот моментально бросился в могилу, возвращая на место могильную плиту, а откуда-то из-под земли до неё донёсся громкий, утробный вой, который вызвал у девушки содрогание, желание сбежать куда-то.

Какой ужас.

Она шмыгнула носом, словно пытаясь наконец-то убедить себя в том, что это было правильно — но ненависть к Бейбарсову словно вдруг решила напомнить о себе неприятным приступом сердечной боли, к которой Таня совершенно не была готова.

— Ты справилась, — сообщил спокойно парень. — Могу тебя поздравить с невероятно серьёзным свершением, милая моя.

Таня кивнула, а после вдруг пошатнулась и упала прямо ему на руки, не сумев удержаться на ногах.

Бейбарсов даже не успел ничего спросить, осознав, что Гроттер просто потеряла сознание.

===== Боль сорок восьмая. Полёты =====

Гроттер пришла в себя уже где-то в доме, лёжа на кровати и любуясь на совершенно бесцветный потолок.

— Ты упала на кладбище, — сообщил спокойно Бейбарсов.

Гроттер бросила на него взгляд, преисполненный почему-то очень сильной ненависти, мрачный, холодный и практически ледяной, словно случилось что-то такое, что она просто не могла такого допустить.

— Да, — ответила она.

Голос Тани звучал очень спокойно, но вся она дрожала, то ли от страха, то ли от чего-то совершенно другого.

— От потери сил.

— От страха! — воскликнула она, попытавшись вскочить на ноги и как минимум ударить Бейбарсова, но сделать это она просто не могла.

— Нет, милая. Ты вела себя более чем смело, — Бейбарсов обнял её за плечи, улыбаясь достаточно нежно.

Таня только сейчас осознала, что лежит в собственной постели, к тому же, явно переодетая.

— Я, кажется, просила, чтобы ты ко мне не прикасался, когда я без сознания! — с уверенностью воскликнула Гроттер, надеясь, что такая просьба действительно имела место

быть.

Бейбарсов пожал плечами, выражая собственное недоумение, словно на самом деле Таня совершенно ничего ему не сказала.

Тане захотелось просто взвыть прямо тут, на месте, будто бы всё то, что она прежде говорила, было нереальным.

Девушка чувствовала себя обиженной и разбитой, но, тем не менее, она была живой, а это уже оказалось более чем огромным плюсом, если сравнивать ситуацию, в которой она оказалась, с тем, что случилось именно сейчас. Гроттер понимала, что следует радоваться тому, что она на самом деле не свалилась без сознания немного раньше, когда мертвяк ещё не проявил собственного подчинения и не успел закопаться.

— Это отвратительно, — выдохнула наконец-то Гроттер. — Я не понимаю, почему я должна оживлять мёртвых.

— Если оживить мертвеца, который ещё не успел разложиться, можно заставить его заявить что-то, рассказать то, что на самом деле этот человек живым никогда бы не сказал, — протянул Бейбарсов.

— Мне это не нужно! — упрямо воскликнула девушка, а после подумала, что это она только сейчас так думает.

— Ну, в жизни многое меняется, — покачал головой Бейбарсов. — Очень многое, поверь, милая моя.

Он вроде бы даже не желал ей ничего злого, но Таня всё равно не хотела больше повторять ничего подобного.

Ей казалось, что оживление мёртвых было шагом в какую-то пропасть, на территорию святости, на которой она просто не имеет права быть. Поэтому девушка вознамерилась даже отказать от дальнейшего обучения.

Ей невероятно сильно хотелось сейчас высказать Бейбарсову всё, что она только о нём думает, но, возможно, это было бы абсолютно лишним шагом.

— Я... — начала было девушка, но Бейбарсов, притянув её к себе, грубым поцелуем перебил девушку.

Она не успела вывернуться из его рук и вынуждена была замереть в объятиях Глеба, чувствуя себя какой-то...

Не такой, что ли.

— Не переживай, — рассмеялся Бейбарсов, склонив голову набок. — Больше не будет пока что никаких мертвяков.

— Обещаешь? — неуверенно поинтересовалась Таня.

Глеб кивнул.

Рыжеволосая постаралась заставить себя подняться на ноги — у неё вроде бы получилось даже дойти до окна.

Хорошо, что её хотя бы словили.

— Выйди, — наконец-то потребовала девушка. — Я хочу нормально переодеться, и мне неприятно, когда ты на меня так нагло глазеешь.

— Ой, дорогуша, чего я там не видел, — отмахнулся от неё Глеб, всё-таки выходя из комнаты и прикрывая за собой дверь.

Таня швырнула в него подушкой, но, тем не менее, та не долетела до Бейбарсова, ударившись о магическую защиту.

— Так неинтересно! — крикнула ему вслед Гроттер. — И ты всегда жульничаешь,

некромаг!

Ответа так и не последовало, поэтому Таня вынуждена была успокоиться и потянуться к собственной будничной одежде.

Когда Гроттер вышла из спальни, она была уже в более-менее удобных джинсах, кажется, старых, таких давних, что она, наверное, носила их даже до того момента, как прошла “Тибидохс”.

Бейбарсов, по правде говоря, не собирался заострять на этом внимание — просто случайно заметил, но, тем не менее, практически сразу же выбросил из головы все факты относительно её нарядов.

Таня, к тому же, натянула на себя абсолютно непривлекательный свитер, который не мог вызывать совершенно никаких положительных желаний ни у кого. Бейбарсов внимательно рассматривал рыжеволосую, глядя, впрочем, так, словно на самом деле из одежды на ней присутствовало разве что нижнее бельё.

Он стоял у того самого окна, что она его сломала во время своего падения, когда попала в сумасшедший дом.

Бейбарсов открыл его, и теперь холодный осенний воздух, запах растаявшего снега ворвались в помещение.

— Почему ты проветриваешь мой коридор? — мрачно спросила Гроттер.

— Ты против? — Глеб усмехнулся. — На самом деле, я хочу научить тебя ещё одному интересному аспекту волшебства.

Таня нахмурилась.

— Я не хочу ничему учиться! — воскликнула она, поворачиваясь к Бейбарсову спиной. Гроттер зашагала куда-то в направлении ступенек, собираясь перейти на первый этаж, а он даже не попытался её остановить.

— Ну, если ты не хочешь научиться летать...

Гроттер моментально остановилась.

Она возвратилась обратно поразительно быстро, будто бы прилетела на широко раскрытых крыльях.

Бейбарсов усмехнулся.

— Будешь учиться?

— Буду!

Гроттер хотела уже прямо выпрыгивать из окна, раскрыв руки, словно крылья, но Глеб вовремя поймал её за руку.

— Не так, — улыбнувшись, промолвил он. — Выбирай, ступа или музыкальный инструмент? На чём лететь будешь?

На ступе не хотелось.

Наверное, на ней было бы немного проще, но, тем не менее, Гроттер так хотелось что-то возвышенное.

— Музыкальный инструмент, — наконец-то заявила уверенно она, покосившись на Бейбарсова и словно решившись наконец-то на отчаянный шаг.

— Какой?

Рояли и скрипки отпадали сразу, и Таня упрямо видела перед глазами виолончель, но та казалась маловатой.

— Может, контрабас?

— Хороший у вас вкус, девушка, — рассмеялся Бейбарсов. — Пусть будет контрабас, мне, собственно говоря, всё равно.

Таня помрачнела.

Она вдруг подумала, что такой выбор мог быть и не совсем разумным, а самое главное, совершенно неудобным.

Спорить не стала.

Бейбарсов прищёлкнул пальцами, и непонятно откуда появилась ступа и вышеупомянутый контрабас.

— Учти, я учился на этом, — он кивнул на странную метёлку, которая валялась внутри ступы, и с лёгкостью запрыгнул в то, что Гроттер про себя называла кадушкой.

— А как садиться?

— Как хочешь, — рассмеялся Глеб.

Заклинание оказалось коротким и понятным, и Гроттер решила даже, что это поразительно просто.

Вот только...

Взлететь-то она сможет, но как дальше? Как лавировать, поворачивать, набирать высоту и менять курс?

Она не успела это спросить.

Контрабас, стоило промолвить нужные слова и придать им достаточное количество магии, взлетел.

Даже визуализация не нужна.

Тане показалось, что всё так просто, но стоило ей едва ли не уронить свой смычок, который она продолжала сжимать в руке, Гроттер почувствовала, что падает.

— В нём управление!

Гроттер едва смогла расслышать то, что крикнул ей Глеб, тоже взмывая в воздух, но решила прислушаться.

Смычок.

Управление.

Постепенно всё это сложилось в сплошную картину, и Таня спокойно оторвалась от земли, чувствуя себя уже более уверенно.

Ветер вокруг.

Ей казалось, что воздух подходит ей даже немного больше, чем пламя, к которому Таня никак не могла привыкнуть.

Она, браво взмахнув смычком, направила контрабас по непонятной траектории, едва сдержавшись, чтобы не закричать.

Неужели?

Неужели она дождалась того занятия, от которого действительно получала удовольствие, а не так, как всегда?

Неужели это реально?

— Нравится?! — голос Бейбарсова звучал, словно сквозь пелену, но она предпочитала этого просто не слышать.

Гроттер понятия не имела, где находился Бейбарсов — она от удивления едва не свалилась вниз, увидев его совсем рядом.

Глеб продолжал лететь кругами вокруг Тани — ступа уступала в маневренности, но была более надёжной.

Для дальних полётов, наверное.

Гроттер, впрочем, сейчас не согласилась бы лететь на том, на чём летал Бейбарсов — это показалось ей неудобным, неприятным, да и вообще...

Да и вообще.

Рыжеволосая сама чувствовала себя слишком неуверенно, но, тем не менее, испытывала в тот же момент невероятную радость.

Просто невероятную.

...Гроттер не помнила, какого чёрта полетела назад и как такое могло случиться — она взмахнула рукой, но контрабас выполнял противоположное движение.

Гроттер успела уже попрощаться с жизнью, когда совсем-совсем рядом с землёй поняла, в чём дело.

Она же неправильно взяла смычок!

Менять положение было слишком поздно — Таня едва успела вывернуть руку, перенаправляя полёт.

Скорее б почувствовать себя уверенной.

— Осторожнее! — Бейбарсов кричал довольно громко, но Таня не могла ничего услышать, и ответить тоже не могла.

Тишина вокруг.

Только ветер очень громко кричал, буквально выл в ушах, гремел, заставляя её сжиматься и чувствовать себя какой-то невероятно глупой и пустой.

— Как приземлиться?!

Ответа не последовало.

Казалось, Глеб её не слышал — но, тем не менее, дальше продолжать в подобном темпе было невозможно.

Она не могла даже уменьшить скорость.

Просто не могла.

Гроттер казалось, что она сейчас упадёт, что смычок выпадет из слишком затёрпших и уставших рук.

— Как призем... — половина слова исчезла в шуме ветра.

“Направь смычок вниз и вспоминай заклинание”, - послышалось немое указание.

Поздно было разбираться, сказал это Бейбарсов, или, возможно, кто-то другой, но её рука слишком занемела.

Иначе точно разобьётся.

Плохой будет конец.

Заклинание Таня воскликнула запоздало и, наконец-то приземлившись, не слишком удачно, и даже упав с контрабаса, почувствовала, что всё это слишком...

Просто — слишком, одно только слово, и удивительно, что она вообще умудрилась удержать всё в руках.

Чёрт.

— Жива? — Бейбарсов остановился рядом, на ходу выпрыгивая из ступы. Та зависла совсем рядом, где-то над ним, а контрабас вместе со смычком растворился в воздухе.

Вероятно, Бейбарсов куда-то его телепортировал — теперь Таню меньше всего волновал этот вопрос.

Она с удивлением поняла, что вообще может подняться, а это дорогого стоило, если сравнивать с тем, что было за мгновение до этого.

— Жива, — кивнула Таня. — Ты меня не учишь!

— Учю.

Слова Бейбарсова казались такими спокойными, логичными и правильными практически всегда...

Придушить бы его.

Ведь на самом деле это не обучение, а просто попытка толкнуть её в самую настоящую пучину смерти.

Тем не менее, Гроттер знала, что не имеет никакого права спорить.

Всё равно, так или иначе, Бейбарсов окажется прав, а она — проиграет, на что бы они только ни спорили.

— Назад пешком?

— Я тебя удивлю, — покачал головой Бейбарсов. — Но мы отлетели на несколько километров. Если ты желаешь пешком...

— Не надо телепортироваться! — попросила Таня. — Лучше уж просто пешочком, а? Медленно...

— На руках тебя отнесу... Залезай в ступу, — рассмеялся Бейбарсов.

Таня удивлённо осмотрела инструмент, но понятия не имела, как можно было бы в него запрыгнуть.

Это казалось нереальным.

Бейбарсов, досадливо покачав головой, подхватил её на руки, запросто запрыгивая в свой удивительный полётный инструмент.

Таня содрогнулась.

Она сама не помнила, когда Бейбарсов опустил её на землю, обнимая за талию и целуя в висок невообразимо нагло.

Просто легче подчиниться.

Наконец-то магический полётный инструмент взмыл в воздух, и теперь уже можно было не думать о том, как на нём удержаться.

— Знаешь, что, — вдруг совсем тихо прошептал Бейбарсов ей на ухо. — А у тебя, Гроттер, талант.

— Влипать в неприятности?

— Это тоже, — кивнул он. — Хотя пока что я имел в виду исключительно полёты.

===== Боль сорок девятая. Духи =====

“Прежде достигнуть её сознания пытались только будущее, но сегодня прошлое слишком настойчиво билось в двери, колотя огромными кулачищами в её несчастное сознание.

— Откройся! — шептало что-то совсем-совсем рядом, протягивая свои отвратительные, наполовину гнилые руки к ней. — Открой мне свои мысли и пусти меня в них!

Духи были обыкновенными светлячками, которые кружились вокруг неё и стремились проникнуть в грудь.

Таня чувствовала себя моложе, чем была на самом деле, страшная реальность пугала её больше, чем сейчас, и все знаки указывали на то, что совсем-совсем недавно наступило то самое прошлое, которого она так сильно боялась.

Они все походили на призраков.

Вера, немного более высокая и симпатичная, чем была в том прошлом, подошла поближе. Теперь она выглядела немного более старой, и, казалось, даже немного пополнила.

— Это после родов, — пояснила она. — Я должна была выиграть в играх и родить ребёнка спустя год, потому что на моё богатство моментально клюнул бы какой-то хороший и приличный жених.

Она была из прошлого и из будущего одновременно.

...Совсем близко подошёл Валялкин, протянул руку, пытаясь прикоснуться к ней, но, тем не менее, не смог.

— На улице уже декабрь, — сообщил он.

— Я знаю, — кивнула Гроттер, наконец-то заговорив с ними, с жуткими духами этого места, и стремясь наконец-то разобраться с тем, что за видение преследовало её без конца. — Кто ты?

— Я — несбывшееся будущее, которое осталось в прошлом, — сообщил Иван. — Удивительно, теперь тебе нужен твой некромаг и никто больше... Шлюха!

Валялкин воскликнул это с такой уверенностью, что Тане стало не по себе. Она отступила от него на шаг и попыталась заблокировать собственные мысли, как учил её Бейбарсов.

Он говорил, что слабые существа подзеркаливать не умеют, но защиту ставить всё равно нужно — а Таня не была слабой, вот только слишком рано было пока что даже попытаться что-то сделать, что-то изменить, попытаться проникнуть в чужие мысли, которые даже не имели к ней никакого отношения.

Таня наконец-то поняла, где именно она находилась. Поняла, что это просто какое-то пустое поле, которое постепенно затапливало водой, сильной, быстро прибывающей, но, тем не менее, не такой могущественной, чтобы сопротивляться до самого, самого своего конца.

До предела.

Гроттер вытолкнула из головы назойливые мысли о том, что Иван, возможно, очень даже прав, когда просто пытается в чём-то её обвинить.

— Вызови меня, — промолвил он. — Вызови меня, и я расскажу тебе всё то, что узнал тут, за гранью.

— Я не нуждаюсь в советах предателя, — пожав плечами, промолвила равнодушно Гроттер. — Ты мне давно не нужен, Иван Валялкин, запомни, пожалуйста, это раз и навсегда!

— Да неужели? — рассмеялся Валялкин.

Вода прибывала с новой силой. Только теперь Таня поняла, что её руки и ноги прикованы к чему-то, что цепи тянут её вниз, но она постаралась не обращать на это совершенно никакого внимания.

Она чувствовала, что боль от удушья становится всё более и более сильной, что она идёт по нарастающей, пытаясь как-то привести к финалу в виде сплошной смерти, что окружила девушку со всех сторон, не оставляя больше ни единого выбора для девушки.

Гроттер постаралась расслабиться и выстроила невероятно сильные барьеры вокруг собственного сознания.

Магия пылала вокруг них.

Девушка чувствовала, что она становится всё сильнее и сильнее с того момента, как начала сопротивляться.

Боль отступила в сторону, и Гроттер почувствовала, что теперь уже нет смысла закрывать глаза и пытаться всё это отбросить в сторону, отбросить в сторону! Просто так.

Бедный.

Ванечка, умирай”.

Гроттер шумно вдохнула воздух, открывая глаза и вскакивая на ноги, но, тем не менее, моментально вернувшись обратно на стул, на котором она сидела.

— У тебя очередное видение, — недовольно отметил Бейбарсов. — Их частота всё увеличивается

Таня кивнула.

— Я пытаюсь сопротивляться, но ничего не получается, — наконец-то подала голос Таня. — Мне кажется, что совсем-совсем скоро я буквально сойду с ума, и никто меня уже на этой земле не удержит.

— Ну, не думай о плохом, — покачал головой Бейбарсов. — Твой мрачный настрой пока что ничем не подтверждён.

Таня рассмеялась, едва-едва слышно, словно ей вдруг стало весело. На самом деле, она уже едва-едва могла сдерживать давление, которое оказывали на неё потусторонние силы, вот только пока что не оставалось никакой возможности сражаться.

Сопротивление было совершенно бесполезным, и Таня попыталась подумать, что на самом деле это нормально, но ведь она прекрасно знала, что всё логичное и хорошее давно уже выскользнуло за грань.

— Ко мне приходят в видениях люди и просят научиться вызывать духов, — наконец-то выдавила из себя Таня, словно пытаясь рассказать Бейбарсову правду, но упрямо сдерживая себя.

Она понятия не имела, что именно держало её на такой цепи, но, тем не менее, пока что не было ничего, что могло бы ей хотя бы немного помочь.

— И ты собираешься идти у них на поводу?

Казалось, учить её подобному было слишком нежелательно для некромага, и Таня, несмотря ни на что, всё равно упрямо кивнула, чувствуя, что таким образом если не разрешит проблему, то хотя бы досадит Бейбарсову.

— Пусть будет по-твоему, — вдруг согласился он. — Я не против, если тебе уж так сильно этого хочется.

— Серьёзно?

— Серьёзно, — кивнул Бейбарсов. — Но, запомни, это делается не так уж и просто, а ещё — рядом не должен присутствовать никто, кроме самого заклинателя. И духов, естественно, но их я за живых не считаю.

— То есть, тебя не будет рядом? — переспросила она, словно желала уточнить для себя смысл только что сказанных Бейбарсовым слов.

— Да, меня не будет рядом, — согласился Глеб. — Но если тебе так уж сильно хочется испытать себя, то, пожалуй, я не имею сейчас никакого права спорить и запретить тебе сделать нечто подобное. В конце концов, это всё равно твоя жизнь, и никто не имеет права влезть в неё, кроме тебя самой.

— Я готова на риск.

На самом деле, это было совсем не так, но Таня подумала, что очень поздно отступать, когда она уже решила попросить научить её чему-то подобному.

Бейбарсов едва заметно улыбнулся, кивнул, словно соглашаясь с нею, и со вздохом покачал головой, будто бы моментально отрицая всё то, что только мог сказать.

Гроттер не пыталась больше проронить ни единого слова — ей казалось, что правильнее будет и вовсе промолчать.

Она решила, что вообще всё то, что происходило вокруг, было слишком глупым, но, тем не менее, настаивала.

— Я поясню тебе теорию. Но если духи овладеют тобою, ты умрёшь, — без всякой угрозы в голосе вымолвил Бейбарсов. — Поэтому слушать ты будешь меня куда внимательнее, чем во время полётов.

...Со всех сторон медленно наступал декабрь.

Глеб давно уже оставил её одну, приняв решение, что Таня действительно способна справиться с этим ритуалом сама.

Гроттер зажгла свечи, не пользуясь магией, и попыталась поставить их так, как рассказывал Бейбарсов.

Всё это походило на банальную мистику, которая не была ну никак связана с обыкновенной магией.

Гроттер никак не могла победить в себе странное ощущение страха, смешанного с определённым оттенком брезгливости, но, тем не менее, заставила себя быть спокойной и уравновешенной.

Пока что никого рядом не было.

Рыжеволосая прекрасно знала, что, рано или поздно, ей придётся сражаться с духами, пытаться побороть какие-то предательства, но, тем не менее, пока что у неё не было сил на это.

Гроттер с ужасом осознала, что воздух вокруг уже начал мелко-мелко дрожать. Она быстро зашептала нужные слова заклинания, с ненавистью выдыхая имена тех, кого пожелала увидеть.

“Моя невеста”.

Голос, который сказал это, прозвучал у неё в голове, заставив рыжеволосую на мгновение отвлечься от того, что она делала, но Таня заставила себя вернуться в относительную реальность и даже провела ножом по руке.

Капельки крови, мелкие и практически невидимые, перерезали окончательно путь обратно, в прошлое.

— Кем ты была и кем ты стала... — послышался совсем-совсем рядом шипящий голос. — Гроттер, кем ты была и кем ты стала...

Она не решилась оглядываться, дожидаясь того момента, когда дух самостоятельно преодолет расстояние.

Она знала, что это пришёл дух Ивана, точнее, то, что от него осталось, но теперь-то ей было абсолютно всё равно.

— Неужели ты настолько сильно меня любила, чтобы теперь так ненавидеть? — дух попытался прикоснуться к ней.

Глеб учил её ставить барьеры в собственном сознании, но редко останавливался на физическом аспекте данного вопроса. Таня попыталась воссоздать вокруг себя что-то вроде странного кокона, который не пропустил бы Ивана — вроде бы как получилось, хотя уверенной Таня быть не могла.

Ей очень хотелось убедить себя в том, что на самом деле то, что случилось, совершенно нормально.

Но не выходило.

Она чувствовала себя до такой степени потерянной, что это было просто кошмарно.

Гроттер не могла позволить себе вот так взять и отпустить ситуацию, которая окружила её этой пленой.

Просто не могла.

Но и выбора у неё не оставалось, равно как и желания противиться тому, что когда-то было для неё родным и близким.

— Возможно, нет, а может и да, — туманно отозвалась Гроттер, вспоминая о наставлениях некромага.

Свечи замерцали, принимая её ответ, и по спине пробежал холодок недовольства Валялкина — тот, уже мёртвый, превратившийся в тень, пришёл сюда частично, только той злой своей частью, которая умудрилась в последние минуты его жизни получить что-то вроде власти.

— Ты в каждом видении ждал меня, — промолвила Гроттер, заставляя свой голос звучать уверенно и строго. Если сейчас слёзы покатятся по её щекам, то она сдастся и потушит все свечи.

Как только тут станет темно — а Глеб предупреждал её об этом, — дух вырвется из сетей, в которые он нынче закован.

И разрушит всё, что сможет.

Конечно, некромагу было под силу его поймать и вернуть обратно, но зачем тратить на это время, если можно успеть разобраться со всем прямо сейчас, не особо задумываясь над последствиями, которые могут случиться.

Таня понимала это и предпочитала пока что реагировать настолько мирно, насколько ей было удобно и нужно.

Гроттер вздохнула и склонила голову набок, пытаясь смотреть на Ивана презрительно. Его злая часть, та самая, которая пришла к ней, выглядела очень размытой и очень старой.

Это казалось отвратительным фактом всего происходящего, Таня просто не могла понять, почему это произошло, но, тем не менее, глядела в глаза Валялкину, который был в два раза старше неё.

— Хочешь правду? — прохрипел он.

Голос у Ивана тоже переменялся. В нём не осталось совершенно ничего доброго или хорошего, и это показалось Тане противным.

— Хочу!

Гроттер помнила, что не имеет права подниматься на ноги и смотреть ему прямо в глаза. Это придало бы проклятому Валялкину сил.

Именно поэтому она прятала глаза до того отчаянно, что он буквально сипел от невероятной злобы.

— Не смей от меня отворачиваться! — громко воскликнул он. — Никогда, слышишь, никогда не смей от меня отворачиваться... — это звучало пугающе, и Таня вспомнила, что говорил Бейбарсов.

Не всегда, даже у самых опытных магов, получается вызвать духа с первого раза. Если же это вышло у новичков, значит, дух сам желал прийти, и даже самый кривой и неправильный ритуал призвал бы его.

Особенно если перед этим он с такой поразительной частотой затмевал собой каждое её видение.

— Ты думаешь, — шипел Иван, пытаясь найти глаза Гроттер, столкнуться с нею взглядами и поглотить её, — что на самом деле я был последним предателем в твоей жизни?

Посмотри на своего некромага!

— Я его и так вижу, — скривилась Таня. — Без того, чтобы оборачиваться ещё раз. Что тебе от меня нужно?

— От тебя уже ничего, — сипло выдохнул он. — Мне рассказали... Если бы он тогда позволил тебе умереть и судьбе прясть свою нить дальше, всё было бы иначе.

— Насколько иначе?

— Я был бы одним из победителей игр. Двух победителей игр. Шурасик зарезал бы чёртову Склепову практически сразу. Я говорил с духом Гуни...

Тихий отголосок, постепенно перерастающий в шум, свидетельствовал о том, что Гломов приближался сюда.

— Она бы сдохла и оказалась на том свете, — это был не Иван, это была его часть, совсем незначительная, но даже одно-единое слово вызывало у Тани отвращение к этому человеку. — И ты тоже.

Иван достаточно долго молчал. Он словно позволил девушке понять до конца, о чём он вообще рассказывал, а после наконец-то продолжил:

— Я бы выиграл, вышел из игр, женился и жил бы счастливо в том доме, который сейчас заняла ты.

— Видимо, не судьба, — усмехнулась Таня, взвывая ко всей своей жестокости, которая только осталась в глубинах её сознания.

— О, нет! Это твой Бейбарсов прошёл против судьбы. Дважды. Ты должна была погибнуть, и только тогда Чума умерла бы от старости! А так она просто сменит тело!

Таня не понимала, о чём речь.

Внезапная ненависть к Ивану, даже к его частице, ко всему, что могло остаться после него, затопила её с головой. Гроттер прежде не испытывала такого к людям, даже к Бейбарсову.

Глеб её пугал. Глеба она боялась — по крайней мере, до определённого момента. После, конечно, всё прошло, и Таня стала чувствовать себя рядом с ним более уверенной, более сильной.

Бейбарсов иногда срывался и творил множество глупостей, но, тем не менее, он не был таким...

Злобным.

Казалось, в том, что осталось от Валялкина, в его самой плохой части, скопилась ненависть по отношению к Гроттер многих поколений.

— Я терпел тебя столько лет, я пытался быть с тобой добрым, но разве ты отвечала взаимностью? — шипел он. — Я был готов ждать столько, сколько нужно — а ты всё равно, чёрт возьми, никогда не позволила к себе даже прикоснуться!

— Я Провидица, разве ты этого не понимал?! Я не держала тебя! — Гроттер сорвалась. Она понимала, что смотрит в его полупрозрачные и уже почти не синие глаза, но, тем не менее, не хотела отворачиваться.

Иван упивался её силами, которые теперь перетекали в него, и с каждым разом становился всё более и более сильным.

С каждым мгновением, которое он оставался тут, он набирался магией, сильным волшебством, которое не просто пугало, а просто швыряло с головой в омут, в тот ужас, которому не было никакого предела.

— Не держала? — закричал он ещё раз. — Не держала? Да ты только это и делала! Ты

строила с себя недотрогу — но не стоило верить, естественно, особенно если судить по тому, с какой частотой ты оказываешься в одной постели со своим этим некромагом!

Это не Иван. Таня повторила про себя это миллион раз, пока наконец-то осознала, что от Валялкина тут остался только след внешности.

Ванька был добрым, с лёгким налётом периодического раздражения, не более — а это просто какой-то... Кровопийца.

Он не будет жить.

— Сгинь, — равнодушным, спокойным, лишённым всяческих чувств голосом промолвила Таня, ожидая действия.

Не надо было заклинаний — она просто почувствовала, как её же сила вытолкнула подобие Ивана за портал, закрывая за ним все двери.

Испытание духами закончилось. И она в нём вышла абсолютной победительницей, несмотря ни на что.

===== Боль пятидесятая. Готовность =====

Гроттер всегда была уверена в том, что самое страшное, что она только могла сотворить в своей жизни — это убийство Веры. Она просто не хотела вспоминать об этом, но не вспоминать было практически нереально.

Вот только, стоило только вспоминать об этом при Бейбарсове, он вдруг начинал смеяться.

Почему?

Почему вообще он так реагировал на каждое её слово, почему вёл себя до такой степени странно, почему Таня в такие мгновения чувствовала себя слишком далёкой от некромага?

Некромага могущественного, практически всемогущего.

Таня, впрочем, сейчас слишком много думала о Валялкине, о том его подобии, которое умудрилась вышвырнуть из реального мира, как она надеялась, раз и навсегда.

— У тебя получилось, — кивнул Глеб, наблюдая за тем, как девушка вышла из библиотеки, в которой сейчас воцарился ночной полумрак. — Поздравляю. Признаться, мне казалось, что ты не справишься.

— Это не помешало тебе отправить меня туда, — хриловато рассмеялась Таня, покосившись на Бейбарсова. Он не стал даже спорить, просто равнодушно кивнул в ответ на подобное заявление.

— Пусть так, — согласно склонил голову он. — Тем не менее, не вижу ничего плохого в таких методах обучения.

Гроттер едва слышно рассмеялась.

У неё не осталось ни капельки сил сейчас, по крайней мере, Таня была уверена в этом, но и сопротивляться всему тому, что родилось в её сердце, было слишком трудно.

Прежде у неё была определённая ненависть к чему-то отдельному, словно вырванному из контекста, но теперь Таня почувствовала в себе глупую готовность отобрать чужую жизнь, если так будет нужно.

Удивительно — ведь она на тот момент считала Валялкина всё ещё частично живым, тогда, когда вышвыривала его из реального мира раз и навсегда, закрывая следом все ворота, все входы и выходы.

Таня до сих пор, казалось, могла слышать его громкий, истошный вой, который не позволял никому из окружающих духов успокоиться.

Она слышала, как Гуня, которого она не видела никогда в жизни, шептал ей вслед

“спасибо”, словно поминая тот момент, когда Гробыня стала победительницей и вышла из “Тибидохса” живой, здоровой...

Не потерявшей то дитя, о котором она даже и не догадывалась на тот момент — удивительно, но это так.

Гроттер попыталась не задумываться над тем, что она предала или что она сделала сейчас.

Это было слишком болезненно — анализировать собственные поступки в таком тоне, и она не могла позволить себе поступить подобным образом прямо сейчас. Может быть, следовало, но рыжеволосая не видела совершенно никакого смысла.

— Знаешь, мне кажется, ты уже готова к предпоследнему этапу нашего обучения, — протянул Бейбарсов.

— К предпоследнему? — удивилась Таня, вспоминая о его словах на первых занятиях. Бейбарсов утверждал, что выучить всю магию до конца практически невозможно, и что знаний любого мастера не хватит для этого.

Тем не менее, Глеб говорил, что даже тех крох знаний, которые есть у него, хватит для того, чтобы занять её лет на десять.

Таня не хотела такого длительного обучения, но, тем не менее, у него был определённый плюс — познавая все аспекты магии, она могла находиться рядом с Бейбарсовым и не чувствовать себя одинокой.

Следовало согласиться с тем, что это был достаточно значительный плюс. Она понимала, что это просто прекрасно, что она имеет возможность не путаться без конца в глупом, давящем одиночестве.

Одиночества Таня очень боялась, она опасалась его, словно какого-то злого, невероятно опасного пламени.

Гроттер казалось, что однажды всё то, что она знает или умеет, подведёт её, но, тем не менее, старалась оттянуть этот момент настолько, насколько вообще было возможно. Странное желание жить и радоваться жизни оказалось для неё чрезмерно сильным и могущественным.

А теперь Бейбарсов сообщал о том, что их ждёт предпоследнее занятие.

Гроттер даже не позволила приобнять себя, вывернувшись из его рук и подойдя к ближайшему окну.

Сквозь него Таня могла видеть сплошной поток снега. Зима появилась поразительно быстро — ещё с октября она периодически заглядывала в гости потоком снега, а теперь, пусть уже и наступил декабрь, слишком рано засыпала серебристыми снежинками всё вокруг.

Наверное, люди много чего не успели сделать из-за настолько быстро пришедшей зимы, но у неё вряд ли был выбор.

Пока что приходилось только терпеть, склонив голову и соглашаясь со всем, что только диктовала природа.

— Да, к предпоследнему, — кивнул Бейбарсов, всё-таки поймав Таню и притянув её к себе. — И последнее будет достаточно скоро.

— А потом? — с неожиданным для себя самой испугом поинтересовалась Таня. — Что будет потом? Ты уйдёшь, а я опять буду коротать дни, которые остались мне до конца жизни, в абсолютном одиночестве.

Бейбарсов едва слышно рассмеялся, а после отрицательно покачал головой, словно

стремясь возразить ей.

— Не думай об этом, — промолвил он. — Не так уж и страшно, как тебе кажется, это одиночество.

— Но ты всё равно уходишь! — Таня словно чувствовала это его намерение и буквально стремилась остановить, хотя получалось у неё это слишком уж плохо. Бейбарсов всегда знал, что ему нужно, и очень часто его планы и планы Гроттер слишком сильно расходились.

Причём в своих самых основных, самых значительных пунктах. В тех самых, в которых ни Таня, ни сам Бейбарсов не желали отступать в сторону и подчиняться судьбе или кому-то другому.

— Не уйду, — вдруг вполне серьёзно промолвил Бейбарсов. — После конца обучения мы останемся вместе.

Гроттер удивлённо изогнула бровь.

— Ты даже можешь мне это гарантировать? — полушёпотом поинтересовалась девушка, словно спрашивая о том, есть ли хоть какой-то шанс быть счастливыми. Ей прежде казалось, что Бейбарсову нравилось оставаться с нею, но теперь она уже совершенно ничего не могла утверждать.

— Могу! — с уверенностью кивнул Бейбарсов, заглядывая в зелёные глаза своей собеседницы и мимолётно прикасаясь к её губам.

Таня попыталась выдавить из себя хотя бы слабую улыбку, но получилось плохо. Она отвернулась и громко шмыгнула носом, пытаясь напомнить себе о том, что сдержанность более чем важная в подобных моментах.

— Ты всё равно уйдёшь, — протянула она. — Всё равно ты меня обманешь.

— Не обману.

Она не хотела верить ему на слово и мечтала о том, чтобы потребовать какое-то документальное подтверждение.

Хотя, впрочем, это было далеко не положительной и не нормальной мыслью для молодой девушки...

Но она прошла “Тибидохс”.

— Я останусь, — наконец-то с уверенностью промолвил Бейбарсов. — Но для начала мы должны всё-таки закончить обучение, я надеюсь, ты это понимаешь, ведь так, Татьяна?

Он прежде никогда не называл её полным именем, и Тане от этого стало не по себе, но Гроттер кивнула и прижалась к нему, чувствуя, что вихрь телепортации увлекает их куда-то за собой всё дальше и дальше.

Мир накрыло сплошной волной боли и страха.

Когда Гроттер открыла глаза, она поняла, что находится в странном каменном коридоре. Таня подумала, что это какое-то испытание, но вовремя, прежде, чем попыталась зажечь воздух, почувствовала присутствие Бейбарсова.

Вихрем телепортации их разбросало в разные стороны коридора, наверное, потому, что ту на оную стоял неизвестный запрет.

Таня содрогнулась, подумав о том, что Глеб сильно рисковал их жизнями, а, присмотревшись к Бейбарсову, поняла, что тот не просто невероятно бледен, а где-то умудрился по пути потерять рукав своей куртки и, кажется, что-то куда более важное, наверное, то ли часть руки, то ли плеча.

Бейбарсов усмехнулся, наблюдая за искорками регенерации, а после подошёл к двери,

напротив которой они стояли.

Всего дверей было две.

Одна оказалась достаточно далеко и казалась не такой уж и крепкой. Ею заканчивался или скорее начинался мрачный коридор.

Вторая казалась едва ли не бронированной и уж явно была защищена таким количеством заклинаний, которое просто невозможно было преодолеть.

Рука Бейбарсова вспыхнула пламенем, когда он прикоснулся к ручке двери, но Глеб не обратил внимания на боль.

Казалось, это было единственным из заклятий, которые подействовали не него, да и Бейбарсов с лёгкостью перешёл ту самую короткую грань, оказываясь на противоположной стороне.

Переступив через порог.

Таня тоже сделала шаг следом за ним.

Наверное, Бейбарсов забрал на себя все защитные заклинания, потому что Таня не ощутила даже привычного покалывания, которое встречало её каждый раз, когда девушке приходилось переступать порог даже своего собственного, родного дома.

— Всем добрый вечер, — окинув взглядом комнату, промолвил язвительным, холодным, впрочем, голосом Бейбарсов.

Таня только сейчас заметила людей. Их было много, и все они были прикованы к стенам.

Казалось, более несчастных людей трудно было отыскать во всей стране. Конечно, они далеко не радовались жизни, но...

— Все, кто здесь присутствуют, приговорены к сожжению, — протянул Бейбарсов. — Некоторые даже к публичному.

— За что?

Таня сама не знала, что заставило её задать вопрос до такой степени громко, но, тем не менее, не успела прикусить собственный язык и вообще успеть замолчать перед тем, как выкрикнула это.

— За то, что отказался от участия в “Тибидохсе”, моя госпожа, — с неким отвратительным раболепием прошептал один из пленников, тот, который находился совсем-совсем рядом.

— За то, что посмел совершить нападение на должностное лицо, моя госпожа, — промолвил второй.

Они спокойно, тихим голосом сообщали, за что должны были умереть. Впрочем, не все — кто-то кричал, кто-то вслух умолял оставить их в покое и убить сразу, а не на костре, но Таня старалась не слушать.

Мальчишка, совсем худой, который сидел в самом конце камеры, поднял голову и посмотрел на Таню настолько спокойно, что Гроттер стало не по себе.

— Мой приговор станет действительностью тогда, когда они все умрут, — сообщил вдруг он. — Вы ещё успеете.

— Успею что? — воскликнула Таня, глядя на него с непониманием.

— Казнь проводится только один раз в день, — равнодушно промолвил Бейбарсов. — Поэтому того пленника казнят... когда? Где-то через месяц, если я не ошибаюсь, а то и больше времени пройдёт.

Мальчишка кивнул и вновь посмотрел на неё своими огромными, большущими глазами,

словно пытаюсь подействовать как-то на советь или, возможно, что-то другое. Гроттер чувствовала, что её сердце вырывается из груди.

— Если к тому времени всё наладится, — вдруг вновь подал голос Глеб, посмотрев на мальчишку, то мы вернёмся и заберём тебя. Обещаю.

Тот кивнул и благодарно улыбнулся, словно увидев только что нечто вроде света в конце тоннеля.

Счастья, которое ему пока что не принадлежало, но могло попасть в его худые, тонкие ручонки.

Тем не менее, Бейбарсов не обращал больше на мальчишку никакого внимания. Тот сейчас даже был бы рад, чтобы некромаг не смотрел на него.

Бейбарсов, казалось, вытягивал энергию из всего живого. Он подошёл к приговорённому, который был вторым в очереди, и схватил его за горло, забирая у того все остатки магических сил.

И физических тоже.

Несчастный рухнул на пол, едва-едва успев приподняться, и умер с блаженной улыбкой на губах.

Бейбарсов собрал остатки его сил, впитывая их, словно губка — материя для него была энергией, силой, которая наполняла весь этот мир. И теперь, после трудной телепортации, некромаг наконец-то мог позволить себе пополнить запас.

— Что ты сделал? — воскликнула удивлённо Таня. — Ты ведь убил этого человека... Убил, Бейбарсов, убил!

— И ты сделаешь точно то же, — кивнул Глеб, внимательно глядя на неё, так, словно девушка только что получила личный приговор.

— Нет!

Мужчины, прикованные тут — среди преступников не было ни одной женщины, даже какой-то старухи, — начали перешёптываться.

— Госпожа, — подал голос тот, который сидел ближе всего. — У меня сегодня казнь. И я отдал бы всё, чтобы умереть, как тот!

Он кивнул на того мужчину, энергию которого отобрал Бейбарсов.

— Их всё равно сожгут. Даже мёртвых. Их приходят забирать слепые слуги, у которых уничтожены все ощущения, — говорил Глеб. — Они просто волочат их на площадь, привязывают к столбу и сжигают. Мольбы и просьбы не помогут. Убей человека — и облегчи его судьбу.

Таня отрицательно покачала головой, словно отказываясь от всего того, что она должна была сделать.

— Нет!

— Ты убьёшь его. Немедленно убьёшь, — повторил Бейбарсов. — Прямо сейчас, я не вижу другого выхода.

Она попыталась воспротивиться.

Это было безрезультатно.

Мужчина смотрел на Таню с таким обожанием, словно желал, чтобы она сделала всё то, что обещала.

Прямо сейчас.

Прямо в это мгновение.

Таня просто не смогла не поддаться. Она схватила несчастного за горло, чувствуя себя

самой последней тварью, и попыталась представить себе, как его силы капля за каплей перетекают в её тело.

— Убейте! — молили окружающие. — Убейте! Убейте!

Их голоса превратились в сплошной гул. Таня слышала это и не пыталась сопротивляться. Кто-то просил её действовать быстрее, кто-то наоборот требовал, чтобы энергию забирали без спешки.

Сколько их тут?

Таня не понимала уже ничего. Она чувствовала, что просто упала на землю, что голова её закружилась, отказываясь воспринимать реальность.

Она хрипловато дышала и вырывалась, когда кто-то потащил её отсюда. Тане казалось, что её собираются сжечь те самые немые слуги.

Или слепые?

В её голове смешались все мысли, которые только существовали, и Таня не чувствовала ни единого оттенка реальности.

Вся кровь, вся боль стремительно окружили её, заставляя прочувствовать всю жизнь людей, которых она сейчас убивала.

Бейбарсов тоже пополнял собственную энергию, но Таня сейчас не знала, где он находился.

И кто вытащил её из камеры?

...Таня лежала на снегу, глядя на небо. Медленно среди туч таяла луна, свидетельствуя о том, что совсем-совсем скоро наступит утро и солнце выглянет из-за туч.

Зима, ледяная и болезненная, сковала её по рукам и ногам, заставляя терять ощущение реальности.

Гроттер лишь сжимала ладонями снег и пыталась не обращать на него совершенно никакого внимания.

Холодно.

— Ты сумела, — протянул Бейбарсов, обнимая её.

— Кто меня вытащил оттуда? — задала полушёпотом вопрос Гроттер. — Кто... Зачем мне было их убивать? Зачем ты даёшь мне такие уроки? Не магия — просто обыкновенная жестокость, вот что это такое!

— Я тебя вытащил, — усмехнулся Бейбарсов. — Ты немного заигралась, в первый раз всегда пьянит.

— Я убивала людей!

— Ты убивала тех, кто совсем скоро должен был умереть, — отмахнулся от неё Бейбарсов. — Ты подарила им счастье, Гроттер. И, знаешь что? Ты должна уметь быть жестокой, когда это нужно. Иначе ты никогда не сможешь спасти никого.

— А если я смогу? Я смогу вытащить того мальчишку?

— Сможешь, — кивнул Бейбарсов. — Обязательно сможешь.

Она вытащит. Или хотя бы убьёт его, чтобы только немного ограничить страдания.

===== Боль пятьдесят первая. Последний урок =====

Таня мирно дремала на кровати, не в силах заставить себя наконец-то открыть глаза и более-менее нормально отреагировать на лучи солнца, которые столь активно пытались остановиться именно на её лице. Казалось, к оному они испытывали неизвестного, но неизменного характера дивную привязанность.

Бейбарсов лежал рядом. После вчерашней энергии, полученной им, парень выглядел

более чем бодро, и не выражал совершенно никакой усталости в своём внешнем виде, что заставило Гроттер вздохнуть с определённым облегчением.

Вчера она до того испугалась за Глеба, что переживала даже, выживет ли он вообще — он был настолько бледен...

Сегодня от прошлого не осталось ни единого следа.

Впрочем, вопреки всему, никакой безмятежности в чертах лица некромага не наблюдалось. Он, напротив, был даже чрезмерно сосредоточен и что-то бормотал сквозь сон.

Таня несколько раз попыталась разобраться, что именно он говорил, но после отбросила эту дурацкую затею.

Она осторожно прикоснулась кончиками пальцев к плечу Глеба, пытаясь разбудить его, заставить проснуться.

Вообще-то, Таня предпочитала этого не делать, но вряд ли Бейбарсову сейчас снилось что-то хорошее, а некромагам, как он сам говорил, для восстановления сил надо всего два-три часа сна каждые сутки.

Естественно, когда он не спал целую неделю, то после не мог прийти в себя достаточно долго и проводил в постели всю ночь и большую половину дня, но сейчас был совершенно иной случай.

— Доброе утро, — тихо прошептала Таня, целуя его в губы и заставляя наконец-то проснуться.

— Доброе, — Бейбарсов улыбнулся, обнимая её за талию.

Казалось, у него было даже достаточно неплохое настроение, но Гроттер упрямо ловила себя на мысли, что Глеб просто продолжал притворяться, не желая её расстраивать или просто задумав что-то невероятно плохое.

— Всё в порядке? Мне кажется, тебе снились кошмары, — обычно это Глеб спрашивал у Тани, но сегодня вопрос первой задала она.

Бейбарсов отрицательно покачал головой.

— Я сплю в основном без снов, — протянул он. — Да и ты видела кошмар, который мог бы напугать некромага?

Таня рассмеялась.

— Нет. Надеюсь, и не увижу, — с уверенностью воскликнула она. — Но если тебе надо будет чем-то поделиться... То я готова.

Бейбарсов едва заметно кивнул, целуя её в висок, а после выбрался из постели, продолжая выглядеть всё ещё очень мрачным.

Таня внимательно смотрела на чёрный атлас — любовь к тёмным тканям и цветам привил ей Бейбарсов, и теперь Гроттер даже не представляла себе, как можно спать на чём-то белом.

Тем не менее, Глеб и сам нынче был куда мрачнее и тучи, и простыней, на которых они провели эту ночь.

Он долго-долго смотрел на снег, который виднелся за окном сплошной белесой пеленой, а после с раздражением задёрнул шторы.

Глеб не рассчитал силу, и оные буквально свалились вниз сплошным комком, хотя Бейбарсов этого совсем-совсем не желал.

— Прости, — выдохнул он, обращаясь к Гроттер. — Я совсем не хотел натворить что-то подобное, у меня само как-то...

— Всё нормально.

Таня на самом деле понимала, что подобные резкие перемены в его поведении могли свидетельствовать, скорее всего, о какой-то опасности, о чём-то очень плохом, но сама же старалась отбросить эту мысль.

Какой в ней смысл?

— Сегодня у нас последний урок, — протянул наконец-то Глеб, и Тане показалось, что он извинялся не за ту проклятую шгору.

Рыжеволосой было как-то не слишком уютно сейчас — а Бейбарсов, словно пытаясь привести её в ещё большее недоумение, быстрыми шагами покинул комнату.

Он даже ничего не сказал, захлопывая за собой дверь и оставляя Таню в спальне одну. Не намекнул на то, каковым будет урок. Ничего.

Обычно перед подобными занятиями Бейбарсов выглядел пусть напряжённым и сосредоточенным, но достаточно весёлым.

Ему доставляла удовольствие возможность сделать что-то, научить Гроттер чему-то очень важному, рассказать ей что-то новое.

Рыжеволосая видела в подобном его поведении нечто совершенно нормальное, скажем, обыкновенный преподавательский азарт.

Но сейчас она была уверена в том, что у Бейбарсова буквально погасли глаза. Может, оттого, что занятие было последним?

Слабый какой-то аргумент.

Гроттер отыскала Глеба на кухне. Он был уже полностью одет, словно собирался куда-то уходить, и напоминал того некромага, которого она узнала на проклятом поле “Тибидохса”.

Всё то же проклятое кожаное пальто, или как можно назвать подобный наряд — Гроттер так и не спросила, — всё те же высокие сапоги, словно из прошлого тысячелетия.

Глупо как-то.

— У нас в доме, вообще-то, тепло, — отметила наконец-то Таня, глядя на Бейбарсова так, словно он с луны свалился.

Парень отрицательно покачал головой.

— Твоих джинс и даже этого свитера отвратительного салатного цвета, — оценивающим взглядом окинув её, протянул Бейбарсов, — будет явно маловато. В конце концов, мы не собираемся оставаться дома.

— А куда тогда? — удивилась Таня.

Глеб выдержал достаточно долгую паузу, а после протянул Тане куртку.

— Нам надо будет отправиться в достаточно далёкое место, — промолвил наконец-то он. — В северные пещеры. Там всегда холодно.

— Северные пещеры? — удивилась Таня, но Бейбарсов спокойно кивнул. Удивительно, название казалось каким-то до такой степени знакомым, что Гроттер даже стало не по себе.

Когда-то она уже слышала о подобном от Глеба, но не помнила, что такого важного было в тех самых пещерах.

— А что будет? Заключительное занятие — это проверка, или как? — уточнила наконец-то Таня, впрочем, совершенно не переживая за свою судьбу. Вряд ли с нею может случиться что-то плохое.

— Проверка, — кивнул Бейбарсов, ещё больше погрузнев. — Но будь очень осторожна

во время неё, Таня. И учти, что мои слова обычно являются немного большим, чем пустое место без намёка на будущее.

Таня кивнула. Она привыкла к тому, что каждое слово следует ловить и внимательно слушать.

Казалось, что-то продолжало приглушать её эмоции — и вместо того, чтобы грустить, Гроттер лишь радостно и открыто улыбнулась, а потом подошла поближе к Бейбарсову, обнимая её.

— Ты обещал остаться, — прошептала девушка.

— Я останусь, — кивнул он, а последнее “прости меня” показалось ей неясным и непонятным шёпотом. Гроттер так и не поняла, за что извинялся Бейбарсов — то ли за прошлое, в котором он причинил ей немало горя...

То ли за будущее, которое однажды пообещал сделать невероятно радужным, но пока что вроде бы и не пытался выполнять обещанное.

Кто его знает.

Северные пещеры показались ей странными. Действительно странными, если учитывать, что на самом деле это было обыкновенное здание, только очень холодное и вырубленное прямо в скале.

Несмотря на каменную природу, здесь всё казалось белым, точнее, прозрачным — просто Таня автоматически окрестила его каким-то цветом, не пытаясь передать на словах весь диамантовый блеск и прочую красоту этой местности.

Она, впрочем, едва-едва могла идти, и Бейбарсов пытался поддерживать девушку, чтобы она не свалилась на лёд.

— Ты никогда не боялся моих переломов, — рассмеялась Таня, внимательно глядя на него, словно пытаясь понять, что изменилось.

— Лучше без них.

Голос Бейбарсова отражался луной от ледово-каменных стен и повторялся десятки раз. Таня прислушивалась к его бархатному баритону, который расходился в разные стороны от неё и словно стремился утешить девушку.

Ей было беспокойно.

...Причина беспокойства, пожалуй, таилась на огромном стеклянном или, может быть, ледяном троне.

Рыжеволосая смотрела на него, словно пытаясь как-то убедить себя в том, что он совершенно нормальный и абсолютно пустой, но разве зрение не могло обманывать? Таня была уверена в том, что на троне сидит человек, и пусть у неё пока что не было ни единого подтверждения этому факту, она предпочитала верить собственным мыслям, к тому же, была Провидицей.

Смерть подступила так близко, как не стояла рядом с нею даже тогда, во время “Тибидохса”, когда все висели на тонком-тонком волоске.

Окажись она одна, без запаса воздуха, в аквариуме, да ещё и с акулами — и то там было бы намного безопаснее.

А так...

Таня просто не могла заставить себя успокоиться — сердце её билось всё быстрее и быстрее, и Гроттер не понимала, почему Бейбарсов выглядит настолько обеспокоенным.

Куда и делась в одно мгновение его уверенность, которая граничила порой даже с чем-

то куда большим. Куда пропало всё то, что прежде можно было назвать основой нормальной жизни и логичных отношений?

Куда?

Она не понимала.

Тане так хотелось сейчас задать Бейбарсову несколько вопросов, которые касались бы этих волнующих тем, но она не успела. Всколыхнулся воздух вокруг трона, повеяло теплом, даже жаром, и Таня осознала, что она была права.

Закричать Бейбарсову в лицо, что он предатель, было уже слишком поздно. Глеб отступил от неё на шаг, снимая все заклинания, которые до сих пор заставляли её быть спокойной, порой самоуверенной, и она почувствовала всем естеством, что всё изменилось.

Ненависть. Боль. Страх.

Гроттер понимала, что убила людей. Много людей. Вчера у неё был экстаз, за который приходилось расплачиваться сегодня.

Кроме того, она умудрилась вызвать духа, а после запрятать его в воронку смерти, она нарушила столько законов человеческой морали и совести, что пора было уже давно сойти с ума.

Она держалась до этого только благодаря тому, что Бейбарсов ограничил эту часть его мыслей, которая отвечала за беспокойство.

Но даже не это было самым главным. Теперь Таня понимала, кто сидел на троне — и видела, более чем прекрасно видела Чуму, ослабившуюся, словно волк, увидевший овец без пастухов и собак.

— Здравствуй, деточка.

Конечно! Как она могла поверить в то, что Глеб просто так взял и полюбил её? Да ладно он... Чума не могла её так просто отпустить.

Бейбарсов что-то прошептал. Таня не расслышала, что именно, но ей показалось, словно у неё отняли вдруг невероятно важную часть её реальности.

Рыжеволосая не понимала, что случилось и что именно у неё отобрали — но она уж точно не собиралась просто так склонить голову перед Чумой и позволить ей властвовать над всеми.

— Я в молодости была похожа на тебя. Такая же наивная, — протянула вновь Чума.

Гроттер захотелось крикнуть, что это не так, что она не наивна, и что прекрасно разбирается в людях, но какой смысл врать самой себе?

— Неужели ты действительно была уверена, что самый верный из тех, кто служил мне, предал бы меня так просто? — она посмотрела на Бейбарсова, словно на свою собственность.

Тем не менее, Глеб лишь спокойно склонил голову в почтённом полупоклоне.

Таня посмотрела с отчаяньем на Бейбарсова, словно надеясь на то, что он действительно поможет ей, но тот даже не шевельнулся.

Гроттер могла надеяться только на себя саму — но изумрудно-стеклянные полы, сделанные из льда, просто-напросто запрещали ей мечтать о спасении.

Таня знала, что не успеет сделать и нескольких шагов. Её ноги подведут её, они просто подкосятся и не дадут ей просто ступить несколько раз вперёд.

Это будет кошмарно.

Гроттер старалась ограничить эту мысль, усмирить её, успокоить и спрятать как можно дальше, но ответом была пустота.

— Знаешь, он сам предложил хорошо тебя подготовить. Так транзакция прошла бы быстрее, а мне не придётся потом возиться с новым телом, обучая его тем элементарным вещам, которые я знала всегда, — протянула старуха.

Она поднялась. Отвратительные старые лохмотья, которые свисали с её тела, совершенно ничего не прикрывали.

Таня могла смотреть на отвратительное, обожжённое холодом и пламенем тело, на руки, которые оказались просто-напросто отрезанными, будто бы так бывает.

Гроттер не хотелось подчиняться.

Она мечтала о том, что выберется отсюда, ведь так бывает, но чувствовала, что времени даже на сопротивление осталось совсем мало.

Таня попыталась призвать силу.

Ничего.

Пустота в груди заставила её задохнуться и даже рухнуть на колени — Таня не понимала, как такое могло произойти.

Чума не падала.

Она уверенными шагами направлялась к собственной пленнице, не заботясь о той мысли, что Гроттер может сопротивляться. По крайней мере, Таня была уверена, что может, но у неё не осталось ни единого шанса.

Проклятая ведьма всё ближе.

Таня вновь в отчаянье посмотрела на Бейбарсова, но тот продолжал молчать. На его лице застыло какое-то странное каменное выражение, будто бы Глеб был даже не человеком, а чем-то другим, потусторонним.

Он вряд ли отреагировал бы на её мольбы, да и Таня не собиралась тратить на них время. Она лишь чувствовала, как предательские слёзы стекают по её щекам, и пыталась вызвать хотя бы какой-то язычок пламени.

Ничего.

— Глеб заблокировал твою магию, дурочка, — прошептала совсем-совсем тихо Чума, внимательно рассматривая её. — Ты красивая.

Таня постаралась не слушать.

Она копалась в себе, пытаясь отыскать, как взламывается проклятая преграда, как освободить волшебство.

Бейбарсов не отобрал его.

Если бы он сумел это сделать, то, скорее всего, Таня сейчас бы просто не смогла стоять от потери сил. Да и Чума имела планы и на её магию тоже, зачем же пропадать чему-то до такой степени ценному?

Почему-то вызвал удивление тот факт, сколько Бейбарсов заставлял её тренироваться снимать эти барьеры.

А вчера она пресытилась волшебством, но Глеб не разрешил отдать хотя бы капельку собственной энергии.

Неужели это было всё исключительно ради Чумы? Неужели он всё настолько хорошо спланировал и так долго обманывал её?

Таня попыталась вновь отыскать в себе маленький огонёк силы и вдруг наконец-то поймала его за хвост.

Гроттер понятия не имела, как у неё вышло что-то подобное, и рыжеволосая почувствовала, что силы её вдруг начинают распространяться по всему телу.

Чума остановилась.

— Ты научил её?! — возмущённо воскликнула она, прерывая на мгновение свой путь.

Таня понимала, что щель в обороне казалась совсем-совсем маленькой. Она не смогла бы сделать ничего, кроме как вызвать пламя.

Но и это потребовало огромных усилий. Всех её сил хватило только на то, чтобы на несколько секунд выстроить огненную стену.

Она билась в свой барьер, пока тот не разлетелся на куски, и высвободила пламя, но того не было.

Магия покинула её, и Таня, ощутив ужас, моментальный, словно укол чем-то в руку, рухнула на землю.

Всё загорелось.

Рыжеволосая почувствовала, что теряет сознание, падая на ледяной пол проклятых Северных Пещер.

===== Боль пятьдесят вторая. История предательства =====

Ей было так плохо, так плохо...

Огненная дорожка, которая вилась вокруг её ног, но не поддавалась и не позволяла на неё ступить, тянула куда-то всё дальше и дальше.

Таня давно не чувствовала такого предельного умиротворения, которого прежде никогда у неё не было.

— Здравствуй, Гроттер. — прошептал совсем рядом знакомый голос. Она оглянулась и увидела Ивана.

Это было всё то же его злое отражение, по крайней мере, Таня была в этом абсолютно уверена.

Она запомнила эту неизвестную пока что ей полосу, которая пролегла сквозь всё его лицо.

Шрам, наверное.

Рыжеволосой казалось, что на самом деле она ещё жива, но, тем не менее, Валялкин попытался взять её за руку.

— Не прикасайся ко мне! — воскликнула излишне громко она, отступая в сторону, но едва успела вернуться обратно на дорожку.

По обе стороны от них пылало странное пламя, которое не оставляло ни единого шанса выжить.

Тане так хотелось сейчас оказаться подальше от всего того кошмара, который пылал внизу, что она всё ускоряла и ускоряла шаг.

Вряд ли это принесло бы желаемый результат, но, тем не менее, она старалась идти как можно скорее.

— Всё равно ты останешься со мной, — промолвил он. — Никуда, Гроттер, из мира мёртвых не деваются.

— Все воспринимают его так?

Таня сама толком не знала, почему задала этот вопрос. Наверное, Бейбарсов просто слишком долго учил её смотреть на вещи под разными углами, пытаясь разобраться в том, какова их природа.

Она нутром чувствовала, что, как Провидица, у которой были активные силы, видела правду.

— Нет, — отрицательно покачал головой Валялкин. — Я твой проводник.

— Ты даже не полноценный! — воскликнула Таня. — Почему ты? Почему не цельный Иван, в конце концов?

— Ну... — покачал головой Иван. — На самом деле, таких как ты, так же, как и таких, как твой некромаг, убить очень трудно.

— Почему?

— Он не говорил тебе о бессмертии? Ах да, он же просто готовил овцу на убой, — казалось, это веселило Валялкина.

Не Валялкина — то злое, что осталось от него, ту боль, которая переросла в ненависть и сейчас шагала рядом.

Таня старалась не думать о том, каким он был в прошлом. Прошлого не осталось, не осталось и будущего.

Её дорожка начинала извиваться в разы сильнее. Ей было неприятно даже задумываться об этом, но...

Но какая, чёрт возьми, разница?

Рыжеволосая предпочитала вообще не вспоминать ни о чём подобном, да и, кажется, её мысли просто окончательно скрутились в непонятный клубок, из которого едва ли не дым шёл.

Таня постаралась успокоиться.

Если она идёт на тот свет, то это, конечно, очень плохо, но, тем не менее, у неё не было выбора.

— А вот и две ровные дороги!

Валялкин воскликнул это с непередаваемой радостью, и Таня посмотрела туда, куда он указывал.

Им было ещё очень далеко идти.

— На самом деле, — поделился вдруг собственным мнением Иван, — я не уверен в том, что ты должна была сегодня умереть.

— Почему?

— Ну... Знаешь, меня, пусть я только злая копия твоего чёртова светлого идеала, немного осведомили, — протянул он. — У тебя судьба на две развилки расходилась, одна вверх, другая вниз.

— В смысле?

— Ты что, совсем ничего не понимаешь? — удивился Иван. — Неужели ты настолько глупа, Гроттер. Это всё в твоей голове!

Таня понимала, что это значит лишь то, что она всё ещё жива, но, тем не менее, не до конца.

Она не попыталась сопротивляться смерти. Это было бы очень глупо, особенно в подобной ситуации, а глупой Тане быть не хотелось.

Рыжеволосая мечтала о чём-то другом.

У неё когда-то должна была быть нормальная жизнь, но сейчас её не осталось, и Таня просто пыталась не обращать внимания ни на что. Ни на что, что происходило вокруг. Вообще, только на пустоту.

Тане казалось, что это слишком странно — видеть только пламя и тучи где-то у себя под ногами.

Но она упрямо шагала по дорожке.

— Я был уверен, что ты сорвёшься, — протянул наконец-то тот, который называл себя

Иваном. — Я-злой прожил бы, кстати, дольше.

Таня не стала уточнять, откуда ему что-либо было известно — личные секреты сейчас меньше всего интересовали девушку.

Они слишком близко подходили к дорожкам.

— А знаешь, откуда этот шрам? — весело поинтересовался Ванька, проведя по той полосе, что перерезала его лицо.

Таня пожала плечами.

Шрам уродовал его. Он проходил от левого виска и до правой скулы, пересекая тонкой полосой уцелевший глаз, почему-то искривлённый нос...

Губы даже.

Конец шрама, нижний, тот, с которого начинался, очевидно, пока что неизвестный Тане удар, был уродливее всего.

Начало кошмара.

Кривоватый, зазубренный и очень глубокий — теперь это превратилось в огромный бугор на опухшей щеке.

Даже в прошлый раз этого не было.

— Некромаг, — спокойно пояснил Валялкин. — Он ударил меня магическим хлыстом, хотя ты вряд ли знаешь, что это.

Таня вспомнила свою спину.

Гроттер предпочитала не рассказывать никому о тех травмах, которые были исключительно, сугубо личными.

Валялкину знать не нужно.

— Ну, что же, могу только посочувствовать, — протянула наконец-то Таня, стараясь говорить равнодушно.

— Посочувствовать!

В его голосе чувствовалось такое презрение, что Таня вновь испытала к Ивану что-то вроде ненависти.

Он никогда не любил её, даже не пытался относиться к ней хорошо, наверное — по крайней мере, злая половина уж точно.

Гроттер почувствовала это только сейчас.

— Я тебя ненавижу, — промолвила как можно спокойнее Таня, но после поняла, что это не так. — Или... Нет. Я к тебе просто всегда была равнодушна.

— О, да! — воскликнул он. — Можешь теперь признать, что ты любишь своего некромага-предателя, ведь так?

Таня промолчала.

Ей так не хотелось, чтобы Иван говорил что-то подобное! Именно потому она упрямо молчала, стремясь не показывать, что именно чувствует, просто проигнорировать его и не осознавать всей той боли, которая окружала её.

Пеленой.

Гроттер не хотелось, чтобы сейчас мысли в очередной раз превратились в глупый комок. Она мечтала о правде.

Мечтала о справедливости, которой никогда бы не дождалась, потому что так было бы намного более правильно.

Мечтала она скорее о пустоте.

Таня попыталась вырваться из плена своих мыслей и сказать что-то Ивану, но было,

впрочем, слишком поздно для разговоров.

— Развилка.

Он промолвил это настолько будничным тоном, что Таня испытала отчаянное желание его ударить.

— Две дороги, — прошептал Иван. — Выбирай!

— Ты видишь две ровные дороги, которые расходятся вправо и влево? — предположила Таня. — И мне надо выбрать?

— Да, а ты видишь другое?

— Я... нет, — прошептала наконец-то она. — Просто, мало ли, что может случиться или куда надо поворачивать.

Гроттер соврала.

Ивану не надо было знать о том, что она видела на самом деле, не надо было слышать, что на самом деле она увидела не две абсолютно ровные, ничем не отличающиеся друг от друга дороги.

Первая казалась очень светлой и достаточно красивой, вымощенной белым кирпичом — или чем-то другим.

Она была странная.

Она вела в облака, в рай, который никогда не был доступен провидицам, и поэтому Гроттер отвела от неё взгляд.

Её противоположность оказалась лестницей в ад.

Таня понимала, что, скорее всего, именно та предназначена именно для неё, но, тем не менее, не хотела пользоваться.

Не сейчас.

Таня испытывала к ней ещё меньшую симпатию.

И, наконец, третья — ровная, большая и длинная, которая, впрочем, совсем скоро начинала заворачиваться и кружиться.

Но не вверх и не вниз.

Это была дорога её жизни, которая лежала между Раем и Адом.

Если пойти по ней, то можно было наново выстроить собственную судьбу, попытаться жить так, как ей будет угодно.

Именно на этой дороге она будет счастлива и совершенно спокойна.

— Я пойду вот так, — промолвила Таня, кивнув куда-то прямо, махнув рукой, словно собиралась забыть обо всём на свете.

— Туда нельзя. Рассеешься, — промолвил Иван. — Моя добрая половина рванулась туда, милочка.

Часть Валялкина погибла безвременно — и превратилась в пустоту. Осталось лишь зло, скопление ненависти.

Но Таня предпочитала пойти прямо. Где-то когда-то народится человек, который будет добрым отражением Ивана.

Настоящим Валялкиным.

Плевать, где и когда — она просто не могла выбрать другую дорогу, кроме как центральную, которую не видел навеки почивший Иван-зло.

Тьма.

Она просто направилась вперёд, стараясь не оборачиваться и не смотреть на Валялкина. На то, что от него осталось.

Она оживёт когда-то.

Скорее бы.

Тане так хотелось, чтобы она могла вернуться в нормальную жизнь! Но вряд ли она вообще будет что-то видеть.

Пустота.

Темнота.

Пламя и жизнь запутали её, завернули в сплошной отвратительный клубок, в котором не было ни конца, ни начала.

Вся жизнь тут завернулась в сплошной круг, по которому ещё надо было очень даже быстро пройти.

Тане не хотелось.

Она шла и шла, шла и шла, пока наконец-то не потеряла каждую реальную мысль, которая только существовала в её жизни.

Кровь или слёзы.

Но выбрать тебе.

Таня резко открыла глаза, хватая ртом воздух и словно пытаясь вынырнуть из этой отвратительной густой крови, которая окрутила её сплошным потоком, не выпуская на свободу.

— Проснулась-таки? А я думал заказывать погребальную церемонию, — надменный, но знакомый голос прозвучал совсем-совсем рядом, причём достаточно мягко и даже нежно, приятно.

Таня содрогнулась и посмотрела на потолок, понимая, что это совсем даже не её спальня, а всё то, что было до этого...

Не приснилось.

Всё произошло в реальности, она на самом деле была убита предательски Бейбарсовым, и её превратили в Чуму.

Точнее, в её тело вселилась Чума.

Бейбарсов потянулся к девушке, пытаясь её поцеловать, но та вывернулась из его рук, пытаясь понять, что сделать.

Она прекрасно понимала, что на самом деле не имеет права выдать, что на самом деле она не Чума.

Глеб, наверное, имел определённую договорённость с Чумой, они собирались остаться вместе и... Мало ли.

У Чумы должно было быть привлекательное лицо.

— Таня, ты чего? — шёпотом поинтересовался Бейбарсов, целуя её в щёку. — Ты в порядке, Гроттер?

Она сначала кивнула, а после отпрыгнула куда-то в сторону, словно пытаясь заставить себя сбежать.

Ноги не слушались.

Странные парчовые покрывала, которые только ещё больше испугали её, множество непонятно чего, что принесло бы ей только много-много неприятностей, но, тем не менее, всё такое холодное...

Холод.

Таня замерла в его объятиях, словно пытаясь почувствовать себя так же хорошо, как

прежде, а после осознала, что на самом деле всё не так.

Холод.

— Чума, — прохрипела она. — Ты, предатель! Я же теперь должна быть Чумой, да! И скоро стану, верно?

— Не станешь, — равнодушно промолвил Бейбарсов. — Не станешь. Чума мертва, — он выдержал короткую паузу. — Я убил её.

Слова громом прозвучали в её ушах. Таня посмотрела на него, словно дожидаясь какого-то нормального, вразумительного ответа.

— Предатель! — кричала она. — Предатель, предатель, предатель! — она попыталась вывернуться из его рук.

Бейбарсов прижал её к себе, не позволяя вырваться, а девушка замерла наконец-то, чувствуя себя более спокойной.

Ей стало так плохо, так плохо — и она понятия не имела, стоит ли ему верить.

— Почему ты её убил?

— А как иначе? — удивлённо изогнул бровь Бейбарсов. — Таня, разве ты думаешь, что мне так хотелось, чтобы Чума была вместо тебя, — прошептал он. — На кой чёрт мне это нужно?

Таня содрогнулась, попытавшись вывернуться ещё раз, но Бейбарсов не позволил ей сбежать.

— Ты теперь повелительница. Ты теперь глава всего государства! — он рассмеялся. — Чума-дель-Горт в новом теле.

— Ненавижу. Предатель, — выдохнула Таня, проваливаясь в беспокойный сон...

===== Боль пятьдесят третья. Подданные =====

Гроттер не знала, что постоянно толкало её вперёд. Сейчас подчиниться было бы признанием собственного поражения, а она меньше всего на свете хотела этого, поэтому сражалась, сражалась настолько дико, насколько могла себе позволить.

Таня сама не знала, что придало ей столько сил, но, тем не менее, сгусток волшебства, который оторвался от её рук, помог отбросить Бейбарсова куда-то к стене.

Глеб не поднимался.

Странный страх волной накатился на неё, и Гроттер вдруг испытала ужас относительно того, что некромаг может погибнуть.

Бейбарсов, впрочем, достаточно быстро поднялся на ноги, отряхиваясь и собираясь что-то сказать.

Ненависть вспыхнула в её душе с новой силой. Гроттер не была уверена в том, что поступает предельно правильно, но она не оставила сама себе никакого выбора, просто пытаясь подчиниться тому, что происходит.

Рыжеволосой так хотелось сейчас быть более-менее нормальной, логичной, чтобы у неё появился наконец-то шанс стать хотя бы на одно мгновение счастливой, что она собственноручно превращала этот шанс в прах.

— Предатель!

Таня прежде не могла пользоваться тем волшебством, которому Глеб учил её. Нет, она умела, конечно же...

Но не получалось.

А теперь, когда оковы, державшие её, пали в одно-единственное мгновение, Гроттер ощутила невероятную свободу.

Она могла разрушить всё, убить каждого, кто только помешает ей, и теперь рыжеволосая не могла остановиться.

Она вновь и вновь останавливала себя, и каждый раз срывалась с персонально изготовленной цепи.

Её что-то толкало на невероятные преступления, от которых девушка не смогла бы отказаться.

Она запрокинула голову, глаза на потолок. Здесь был расписан странными узорами даже он, и это вызывало у Тани отвращение. Она была практически уверена в том, что вся эта красная краска — кровь, бесконечная кровь.

Рыжеволосая попыталась вновь совладать с собой, но только теперь поняла, что, возможно, не такими уж и отвратительными были заклинания, которые оказались призванными сдержать её.

Но теперь границ не оставалось. Она вскинула руку, чувствуя, что пламя срывается с пальцев даже без её приказа, и равнодушно смотрела на то, как горело дорогущее постельное бельё.

Ей стало наплевать на то, что так она может сжечь весь замок. Пламя перешло на шторы, затапливая их своим ясным сиянием, а девушке всё ещё было абсолютно наплевать на это.

Она так хотела спастись.

Но выхода не осталось.

— Это ты во всём виноват! — она вновь не позволила Бейбарсову сказать ни слова в своё оправдание.

Он мог бы применить собственную магию, но почему-то упрямо не хотел делать это. Таня не знала, почему именно так.

Прежде она бы подумала о причинах, но только не теперь, только не сейчас, когда столько всего свалилось на неё.

Она должна бороться!

Таня сама не знала, почему настолько остервенело повторяла про себя эту мысль раз за разом, пытаясь убедить себя саму в том, что всё это до сих пор актуально.

— Какой же ты предатель, — она опустилась на колени, а после, запрокинув голову, вдруг рассмеялась точно так же, как и Чума, чувствуя, как поток волшебства разлился вокруг неё.

У некромага не было шансов удержать щит, пожалуй. Она не была сильнее, чем сам Бейбарсов, по крайней мере, максимальный пик сил Тани Глеб усмирал с лёгкостью, да и он был опытнее.

Но в своём безумии она потеряла над силами любой контроль, а Бейбарсов утерять желание сопротивляться.

...молния врезалась в его грудь, отбросив Глеба куда-то к стене. Он застыл в неестественной позе на земле, уже не шевелясь.

Синих искр регенерации не было видно.

Таня понимала, что лежачего по всем правилам не бьют, но сегодня ей хотелось уничтожить его окончательно.

Она швырялась в него волшебством поток за потоком, не понимая, откуда берутся все эти молнии, пока не обессилила окончательно.

Где-то снаружи послышался шум. Таня оглянулась в поисках какого-то его источника и

остановила взгляд на окне.

Она рванулась вперёд сама, не собираясь останавливаться ни на мгновение и надеясь на то, что толпу можно будет уничтожить так же просто...

И замерла.

Там было слишком много людей — мужчины и женщины, маленькие дети и старики, которые скопились под стенами высокого замка, сделанного из чёрного камня, и громко-громко кричали.

Она пыталась понять, зачем вообще нужен этот крик, но, тем не менее, никак не могла успокоиться.

— Повелительница! — вопил кто-то, а Гроттер хотелось возразить. Но ненависть её погасла, а адреналин словно вдруг куда-то исчез из крови.

Как же плохо.

Рыжеволосая попыталась сказать что, почувствовать хотя бы некое сочувствие или, возможно, приязнь к этим людям.

Пустота.

В её сердце не осталось совершенно ничего, кроме безумия, а языки пламени срывались со штор и тянулись к её вечным волосам.

А если нет?

Гроттер рванулась обратно, захлопывая за собой двери и не обращая внимания на то, что теперь на руках у неё остались страшные ожоги.

Чума сгорела вся — и ничего, правила, а Таня теперь не могла почувствовать боль. Её больше не сдерживало чужеродное волшебство, она была свободна, и эта свобода довела её до такого состояния.

В комнате всё горело. Гроттер смотрела на недвижимого некромага, который не пытался даже шевельнуться...

И не мог.

Глеб явно был без сознания — и опять не регенерировал, хотя пламя обступило его уже со всех сторон, планируя спустя мгновение превратить его в прах. Это должно было радовать Гроттер, а она вспоминала мальчишку в конце камеры, которому они оба пообещали вернуться, чтобы спасти его наконец-то от огня. Ведь его сожгут совсем-совсем скоро, через какой-то там месяц.

Она могла бы вытащить его сама, хотя бы попытаться — ведь её приветствовали, как новую королеву. Она и была новой королевой.

Она...

Таня сама не понимала, когда вся ненависть растаяла, утонув в море глупых, смешавшихся между собой мыслей.

Она стала на колени рядом с некромагом, которому, впрочем, вряд ли уже можно было чем-то помочь.

Его шея была как-то совсем неестественно повёрнута, и Глеб смотрел пустыми, ничего не видящими глазами куда-то мимо неё.

Рана в груди казалась просто невероятных размеров — сколько молний сюда ударило? Три? Четыре?

Может, больше?

Гроттер захотелось рвать на себе волосы, кричать и выть прямо тут — она не могла поверить в то, что умудрилась убить некромага, казалось, существо совершенно бессмертное.

Это отобрало у неё всякую надежду.

— Ваше Высочество! — подданные колотили в дверь. — Ваше высочество, с вами всё в порядке?

— Пошли вон!

Таня с удивлением осознала, что её голос стал немного более хриплым, словно кто-то переменял его. Она не могла понять, почему так, но, впрочем, разве важно было разобраться в мотивах, когда что-то подобное уже случилось?

Она потеряла способность дышать от слишком сильного напряжения, а её всё равно преследовали слуги и подчинённые, что их Гроттер никогда в глаза не видела, пытаясь лебезить перед новой правительницей.

Она поднялась на ноги. Шум под балконом не стихал — люди ждали того момента, когда наконец-то станет ясно, в каких руках их судьба оказалась теперь.

Она могла быть такой, как Чума, а могла стать светлой и доброй правительницей, но теперь безумие клокотало в её груди.

Впервые в жизни Таня понимала, на что похоже вообще её существование — на эту обгоревшую комнату.

Бейбарсов ещё не был мёртв. Наверное. Таня не могла услышать его дыхание, но сердце Глеба всё ещё билось.

Она могла видеть его.

Видеть сквозь израненные клочки того, что когда-то было его телом — надо было остановиться после первой молнии.

Вся комната теперь была слишком задымлена, и Таня не смогла оставаться здесь. Она вновь выскочила на балкон, не закрывая за собой двери, и в который раз растерялась перед огромной толпой, которой постоянно было что-то нужно.

Гроттер хотелось закричать, чтобы они просто оставили её в покое.

Чего они хотят?

Ведь она не всемогущая, она вообще совершенно ничего сделать не может, и помочь им тоже не может.

Отчаянье, которое сковало её по рукам и ногам, постепенно превращалось в бесконечное безумие.

Она была готова закрыться от человечества и никогда не показываться ему на глаза, но вряд ли хоть кто-то позволил бы ей это сделать. Но рядом не оказалось никого, ни одного человека, у которого был бы шанс поддержать её, и подобная мысль вызывала у Тани невероятный ужас.

Кто она? Она всего лишь тень, которая осталась без своего тела именно в то мгновение, когда человечество потребовало у неё здорового, хорошего, доброго правления.

А что она может сделать? Что может сделать провидица, у которой не осталось ничего, кроме осколков своих жизней?

Таня знала, что выглядит просто ужасно. Её рыжие волосы и зелёные глаза всё так же не пострадали, как и в прошлые разы, но всё остальное...

Таня знала, что одежда висит клочками.

Таня знала, что она сейчас невероятно сильно похожа на мёртвого человека, хотя, возможно, бледность ей идёт.

— Сограждане, — выдохнула она, всматриваясь в тысячи тысяч лиц и понимая, что оградила себя от человечества на полтора года.

Кто-то узнал её. Теперь, когда она больше всего походила на то мгновение, которое демонстрировали по телевизорам, теперь, когда походила на ту самую Провидицу...

Она вспоминала книгу.

В книгах люди оживают по мановению руки, стоит только помечтать, по стуку по клавиатуре писателя или по скрипу его пера.

Всё это не слишком применимо в реальности, а она просто не хотела вспоминать о том, что и кому, а самое главное, когда была должна. Она просто запуталась, просто испугалась, и не осталось ничего, что поддержало бы её.

— Сограждане, — повторила ещё раз Таня, всматриваясь в их худые и несчастные лица. Испуганные. Полные страха.

“Долой Тибидохс”, - скандировала толпа, и Гроттер предпочла бы быть среди них сейчас, но не могла.

“Долой Тибидохс”, - кричали все, а Таня, чувствуя собственное безумие, понимала, впрочем, что отменить его никак нельзя.

Чума уничтожала себе подобных — одну за другой, она убирала провидиц, которые могли бы всё разрушить. Она тоже читала ту книгу, и поняла в ней немного больше, чем сама Таня.

Книга толкнула её на то, чтобы согласиться на обучение. На то, чтобы, чёрт возьми, поверить Бейбарсову — и теперь, после всего, даже не иметь ни капельки сил на ненависть, которую она ему задолжала.

Она никто, пустое место, от которого не останется скоро даже самого крохотного следа. Она должна что-то сделать.

- “Тибидохс” не будет отменён, — прохрипела наконец-то Гроттер, а когда толпа затихла, повторила ещё раз. — “Тибидохс” не будет отменён.

Люди отшатнулись от неё.

То самое бесконечное доверие, которое до этого сияло в их глазах, вдруг погасло, превратившись в пустоту, в оттенок даже пустоты, который невозможно было ограничить жизнью.

Она хотела просто свалиться и потерять сознание.

Но собственная физиология не позволяла ничего такого сделать, ведь она теперь должна была править.

“Долой Тибидохс”.

— Правила “Тибидохса” будут изменены, — наконец-то подала голос она. — Это будут игры на... Не на выживание. Никого не будут убивать.

Неимоверных усилий ей стоило то, что она сейчас стояла перед народом и говорила слова, которые должна была сказать.

Ей так плохо.

Она очень сильно желала сейчас сказать им, что каждый присутствующий здесь умрёт, желает он того или нет.

Она так хотела продемонстрировать людям, что на самом деле может, на что способно волшебство, но всё это казалось настолько трудным, что Таня даже не собиралась сейчас подавать голос.

Ей было больно.

Рыжеволосая дёрнулась, собираясь уходить, но всё же вынудила себя заговорить:

- “Тибидохс” забрал много жизней. Но у него ведь была и светлая эра, эра, когда никого

не убивали.

В той эре погибла Чума, но Таня не спешила говорить это. Она пыталась заставить себя убедить их в собственных добрых намерениях.

Иначе было просто нельзя — Таня прекрасно знала, что не имеет никакого права поступить по-другому.

Она так устала.

Она так сильно хотела сейчас уснуть, но знала, что никто не оставит ей подобной возможности, сколько бы она не желала этого.

— Мы вернёмся к старым правилам. И никто не будет страдать, — прошептала она. — Расходитесь... Мы будем отстраиваться.

Мы.

Она хотела умереть, а не бороться с теми, кто мог бы ей помешать — но, тем не менее, вынуждена была с гордо поднятой головой вернуться в обгоревшую комнату.

Вновь колотили в двери придворные, и на сей раз Гроттер открыла им, требуя, чтобы принесли чистую одежду.

Королева.

Она не хотела этого звания и чувствовала, что безумие совсем скоро сорвётся с цепи. Ей надо был кто-то, кто мог бы её контролировать.

Ещё не поздно было лечить душевные раны в чужих руках, но, тем не менее, у неё не было ни единого человека, которому Таня могла бы доверять хотя бы немного больше, чем остальным.

Короткое “будет сделано” вызвало у неё раздражение, и девушка просто спокойно кивнула, закрывая дверь.

Некромаг... Пора его хоронить.

Таня просто опустилась на колени рядом с Бейбарсовым, понимая, что дотащить его до того, что осталось от кровати, она просто не сможет.

Рыжеволосая не умела петь за упокой или за здравие — всё, что было в её силах, это разве что просто молча перебирать чёрные волосы Глеба.

А вдруг он действительно пытался её спасти? Вот так, странно, вроде бы шагая на поводу у Чумы, но...

“Чума мертва. Я её убил”.

Слова эхом отражались в её голове, а Глеб шёпотом в мыслях обещал, что не оставит её. Но... Но оставил же — и плевать, что она сама виновата в его смерти.

Или не смерти.

Сердце всё ещё билось. Огромная рана на груди не стремилась заживать, и Бейбарсов не подавал признаков жизненной активности.

Кровь не успокаивалась.

В голову назойливо стучалась безумная, глупая песня, которую Таня прежде никогда не слышала — и, тихо напевая её, она так и сидела, глядя пустоту и чувствуя, что если сегодня не умрёт, то уничтожит всех.

У неё не осталось никого, кто мог бы вовремя схватить её за руку и заставить задержаться.

===== Боль пятьдесят четвёртая. Имя =====

Она пела, словно сумасшедшая, и тихая мелодия сплеталась в невероятные цветы, которые окружали Таню своими невидимыми лепестками. Она не видела больше ничего,

кроме пустоты впереди, но так было бы намного легче, чем просто пытаться отыскать в реальности хоть какой-то смысл.

Бейбарсов не шевелился.

Он был мёртв, следовало запомнить это, но Таня всё равно ждала его холодный, надменный взгляд, весёлую и издевательскую в тот же момент улыбку, какую-то колкую фразу, которая заставила бы её прийти в себя.

Этого не было.

Таня вновь попыталась запеть. Мелодия не изменилась ни на мгновение, но, тем не менее, слова были другими.

Она пела.

Тихо.

Слуги пришли и ушли, а двери захлопнулись за ними на все замки, которые только могла придумать Таня.

Гроттер чувствовала, что силы покидают её, но продолжала петь.

— А ты знаешь её настоящее имя?

Голос был мужской, но Гроттер сквозь песню не понимала, чей именно. Она замолчала, но, тем не менее, не хотела больше ничего говорить.

Тане так хотелось просто сесть и плакать, плакать, плакать, вот только вся жизнь стремительно шла под откос, не оставляя времени для слёз. Её мысли сплетались в песню, которую она собиралась спеть.

Теперь не оставалось ничего, что могло бы заставить её замолчать, и Гроттер вновь хотела было запеть, но сдержалась.

— Чьё имя?

— Чумы, — мужской голос звучал хрипло, но достаточно бодро, а когда Гроттер попыталась понять, откуда он доносился, то внезапно осознала, что голос был потрясающе знакомым. Очень знакомым.

Она опустила глаза и столкнулась с ним взглядом.

Некромаг немного приподнялся на локтях, грустно усмехаясь и глядя в её вечно зелёные глаза.

— Её тоже звали Татьяной, — закашлявшись, прохрипел он. — Она потому тебя и выбрала, говорила, что это её... судьба.

Глеб вновь закашлялся и рухнул на пол, больно ударившись затылком о паркет, но вновь попытался подняться.

Он выглядел весьма слабым, но, тем не менее, живым — Гроттер сама не понимала, откуда у неё появилось столько боли и ненависти, если всего лишь несколько минут назад она действительно желала, чтобы Бейбарсов вернулся к жизни. Но теперь она мечтала о мести, и это разъедало её.

Впрочем, может быть, она собиралась мстить не Глебу.

Ужасная толпа под окнами взывала к страху, и Таня понимала, что не желает больше никогда оказаться с нею один на один. Не желает, и точка — теперь вряд ли кто-нибудь смог бы переубедить её в обратном.

— Всё-таки живой, — с оттенком досады прошептала Таня, делая вид, что она слишком расстроена из-за этого.

— Некромаги так просто не умирают.

Да, он рассказывал ей об этом, но, увидев страшную рану, практически дыру, зияющую

в груди, Таня поверила почти...

Но теперь уж смысл?

Никакого.

Гроттер пыталась сопротивляться своим упадническим мыслям, но у неё не осталось никакого выбора, кроме как равнодушно склонить голову и перестать спорить с судьбой, судьбой...

Которой у неё не было.

Предсказательницы лишены возможности видеть то, что их ждёт в будущем. А она видела, и это уже само по себе казалось очень неправильным — Таня с радостью отказалась бы от своего дара.

Но она не могла.

Бейбарсов отчаянно пытался сесть, но Таня не делала ни единой попытки, чтобы помочь ему.

— Я хочу, чтобы ты умер, — выдохнула она.

— Желание королевы выше всего человеческого, — голос Бейбарсова звучал поразительно хрипло.

Он наконец-то сумел сесть, опираясь спиной о стену и глядя куда-то вперёд, словно в этом мире не существовало более интересного занятия, кроме как рассматривание обгорелых стен.

— Я изменила правила “Тибидохса” на те, что были в прошлом, — поделилась вдруг Таня новостью. — Может быть, я сделала это даже не зря — как сам-то считаешь?

— Что я могу сказать против её величества, — Бейбарсов попытался обнять девушку, но ничего не получилось. — Ты знаешь, у Чумы были достаточно интересные планы.

— Какие? — сама не ожидая от себя совершенно никакого любопытства, вдруг спросила Таня. Внимательно глядя на некромага, она упрямо пыталась понять, действительно ли он её не предавал.

— Ну... — Бейбарсов пожал плечами. — Она хотела править вечно. Установить династию. Выйти замуж в новом теле. Последнее меня бесило больше всего на свете.

Таня покосилась на Глеба, всё ещё израненного, но, тем не менее, вполне живого, и вдруг звонко рассмеялась, запрокинув голову назад.

— Неужто за тебя?

Ему тоже почему-то стало весело, но Бейбарсов не мог смеяться, потому что даже обыкновенная улыбка превращалась постепенно в гримасу боли.

— Ты предал меня, — выдохнула наконец-то Таня. — И я за это обещаю убить тебя. А потом...

— Умрёшь сама? Не стоит. Оно всё того не стоит, — упрямо покачал головой Бейбарсов. — А у тебя страна.

— Я её всё равно ненавижу.

— Чума тоже ненавидела. У меня было, увы, несколько обязанностей, которые включали в себя выслушивание её нытья. Правда, это не значилось в официальных документах, — синие искорки наконец-то начали появляться вокруг него, постепенно исцеляя самые страшные раны, вот только Таня всё равно не видела волшебству, которое творилось вокруг Бейбарсова.

— Да? — Гроттер вздохнула. Ей хотелось сказать, что она обязана убить Бейбарсова здесь и сейчас как приспешника Чумы.

— Я не хотел тебя предавать, — промолвил он без нотки оправдания в голосе. — Иначе всё равно было никак.

— Я понимаю. Но я хочу умереть.

Глеб усмехнулся.

— Все мы когда-то хотим уйти из этого мира, но отпускают лишь избранных, Гроттер. Извивистая тропа, знаешь ли.

Она рассмеялась, словно это заявление вызвало вдруг у неё что-то вроде радости.

— Твой проводник...

— Жанна, — хмыкнул он. — Вешала мне на уши лапшу про бессмертие некромагов и про то, что должна была ещё жить, но я разрушил это... в общем, она в своём стиле, даже заикаться начала, как обычно.

Гроттер заметила, что Бейбарсов говорил немного бодрее — и вправду, раны на его груди начали уменьшаться.

Положительная динамика, чёрт её подели.

— У меня был Валялкин, — она чувствовала, что странное умиротворение, которое пока что царило в её сознании, скоро предаст её и превратится в вулкан эмоций.

И она разрушит всё.

Таня обхватила колени руками, глядя куда-то вперёд. Людей уже не было рядом, они разошлись, но...

Таня чувствовала.

Ответственность, которая почему-то решила лечь именно на её хрупкие плечи, давила с такой силой, что можно было просто обезуметь от бесконечного отчаянья.

Таня знала об этом.

Гроттер очень сильно хотелось сейчас убедить себя в том, что всё будет хорошо, но у неё ничего не получалось.

Прогнать Бейбарсова было проще всего.

Что-то подсказывало Гроттер, что он и ушёл бы, не особо-то и споря, потому что слишком устал от всех этих игр людей, которые находятся при власти, и меньше всего желал видеть Гроттер на троне.

Тем не менее, следовало признать тот факт, что на самом деле жива она была исключительно благодаря Бейбарсову. Удивительно, но именно так оно и было, хотя Таня и пыталась отчаянно отрицать все мысли, которые скользили в подобном русле.

— Ты обещал, что останешься после конца моего обучения.

Глеб кивнул. Он помнил то, что говорил ей, и пока что не стремился предавать собственные заявления.

— Обещал. Но это только если у тебя возникнет соответствующее желание, — протянул он. — Да и... В общем, Гроттер, решай сама.

— Я решила.

Её тон не сулил совершенно ничего хорошего, и Таня поднялась на ноги, глядя на всё ещё слабого и не способного стоять на ногах некромага с презрением сверху вниз.

— О, Ваше Высочество, — он скривился и отвёл взгляд куда-то в сторону.

— Ты обещал, что останешься. И если ты посмеешь уйти, тем более без моего ведома, я тебя убью. Публично. Казнь, как тебе вариант окончания жизни? — язвительно уточнила девушка.

— Некромаги не умирают.

— Значит, казнить тебя будут до тех пор, пока ты не перестанешь регенерировать. Я тебя в мясорубке перекручу на мелкие кусочки, чтоб ты поскорее умер, но ты всё равно не посмеешь быть счастливым, пока я страдаю тут!

— Дар Провидицы сделал из тебя чудовище, — рассмеялся Глеб. — Если б я не привык к этому, наверное, было бы страшно.

Гроттер захотелось его ударить.

Она не собиралась себя сдерживать, но некромаг даже не содрогнулся, когда Таня залепила ему звонкую пощёчину, наклонившись и попытавшись посмотреть в глаза.

Молчок.

Некромаг внимательно смотрел на неё, словно собираясь сказать что-то, но оставляя пока что при себе все мысли, которые в основном вились вокруг сплошного презрения, что душило её.

Гроттер хотелось уйти, но ей было просто некуда, поэтому Гроттер предпочитала молчать и ждать ответа.

Бейбарсов тоже пока что никак не реагировал.

— Ну? — наконец-то прошептала она. — Когда ты скажешь хоть что-то, чёртов некромаг?! Ты решил испытывать моё терпение.

Бейбарсов с улыбкой кивнул и всё-таки поднялся на ноги, добираясь до кровати. Он пошатывался, но не принял бы никакой помощи, даже если Таня вздумала бы вдруг её предложить.

Но она не пыталась это сделать.

Таня просто смотрела совершенно спокойно на всё то, что делал Бейбарсов, следила за ним равнодушным, но преисполненным болью взглядом и ждала, когда же чёртов Бейбарсов наконец-то сдастся.

Он молчал.

Он, наверное, просто решил выдержать всё, что только она бы пожелала, и Бейбарсову было наплевать на то, что Таня вздумала сделать.

Ей так хотелось сейчас высказать ему всё, что только она думала.

Но она молчала.

— Если ты хочешь, то я, конечно же, останусь, — протянул наконец-то он, устраиваясь на кровати и внимательно глядя на девушку. — Присядь рядом, не стой там столбом, королева.

Последнее было сказано с таким презрением, что Гроттер немедля отошла от Бейбарсова на несколько шагов.

Она была расстроена и зла, потому что все её угрозы словно уходили куда-то в пустоту, но Глеб реагировал спокойно.

— Ты женишься на мне, — выдохнула она.

— Разве ты меня не ненавидишь? — рассмеялся Бейбарсов. Ему всё ещё было трудно дышать, но Глеб постепенно справлялся со всеми ранами, которые только она ему нанесла.

— Ненавижу!

Гроттер хотела было воскликнуть ещё что-то, вновь пользоваться магией, но её сердце словно насквозь пронзило невероятной нежностью к некромагу. Она сама не понимала, откуда это взялось, но...

Её чувства всегда казались девушке предельно странными.

Она присела рядом с ним, положив руку на плечо, словно пытаюсь поддержать, и тихо

спросила:

— Почему регенерация так медленно проходит?

Бейбарсов хмыкнул, не собираясь отвечать, а после, спустя мгновение, уже с трудом выговорил:

— Энергии мало.

Она кивнула. Это было более чем логичным ответом, и рыжеволосая старалась не задумываться над этим.

Она чувствовала себя невероятно испуганной.

Наверное, следовало сдаться, но, тем не менее, Таня пыталась не думать об этом. Ей просто было неприятно и больно, но в тот же момент чувства заслепили девушку с новой силой.

Она осторожно, с нежностью поцеловала некромага в губы, а тот едва смог одной рукой обнять её в ответ.

Сил у самой Гроттер осталось совсем мало, но она всё равно искренне пыталась передать их Бейбарсову.

— Не стоит.

Он оборвал её поразительно быстро и коротким жестом руки, а после попытался лечь поудобнее на кровати.

У Бейбарсова ко всем прелестям жутко болела голова — он кривился от неожиданной и неприятной боли, но упрямо терпел её.

Таня устроилась рядом.

— Как можно пополнить твои силы? — спросила она совсем-совсем тихо, проведя кончиками пальцев по его руке.

— Не знаю. Как смогу ходить — пойду куда-то на скотный двор, заберу энергию у умирающих животных.

Таня кивнула.

Она попыталась не демонстрировать собственных чувств слишком открыто и улыbnулась вновь с нежностью.

— И всё-таки, ты меня ненавидишь.

— Да вроде бы как даже нет, — отрицательно покачала головой Таня. — А если и ненавижу, то не сейчас.

— И ты всё равно хочешь, чтобы я на тебе женился, — протянул он. — Поразительно. А я ещё не верил в то, что женская логика настолько опасна. Таня, но почему?

— А ты так сильно меня ненавидишь или настолько не желаешь жениться?

Бейбарсов усмехнулся и отрицательно покачал головой, словно показывая, что он на самом деле не против.

— Ты будешь помогать мне сдерживать мою магию. Поможешь привыкнуть к тому, что происходит вокруг.

— Уверена?

— Уверена, — кивнула Таня. — Ты будешь тем, кто вытащит меня из всего этого кошмара и вернёт к реальности.

Глеб молча кивнул, соглашаясь с её словами, а после обнял девушку одной рукой, словно пытаясь смириться с собственными мыслями.

Плохо.

Было действительно очень плохо и трудно разобраться с реальностью, но они пытались

— возможно, пытались.

Бейбарсов не задумывался над этим вопросом.

Он поцеловал её ещё раз, совершенно спокойно на этот раз, равнодушно и без всяких чувств — по крайней мере, Тане так показалось. Она и сама постепенно проваливалась в сон, ощущая вокруг сплошную пустоту.

Это было достаточно болезненно.

Но основная мысль оставалась константой — если Бейбарсов не попытается помочь ей успокоиться, то она вынуждена будет уничтожить всех вокруг.

===== Боль пятьдесят пятая. Кровь без слёз =====

Гроттер не знала, что заставило её настоять на этой церемонии. Не понимала, откуда в ней столько ненависти. Не чувствовала ничего, за исключением слишком сильной боли, которая заставляла её каждый раз сходить с ума от безумного осознания собственной слабости и несовершенства.

Она сама не знала, как относится к некромагу — это был сплошной набор отдельных глупых ритуалов.

Боли.

И крови.

Она то пылала к нему такой ненавистью, что, наверное, более злого человека по всему миру отыскать было практически невозможно, то едва ли не бросалась на шею, мечтая зацеловать до полубезумия.

Она не знала, почему так.

Гроттер так стремилась стать счастливой, что в своём стремлении потеряла окончательно разум и сознание.

— Ты уверена? — Бейбарсов остановился рядом с нею, положив руку на плечо. Он всё ещё был бледен и восстанавливался после ран, хотя прошло две недели после того, что она умудрилась натворить.

— Уверена.

Две недели правления сумасшедшей девушки, которая изначально даже сама не понимала, что творит.

Это уже немного позже она наконец-то свыклась со всем, с чем должна была, и теперь реагировала поразительно спокойно.

Сначала было плохо. Она взялась за “Тибидохс” — бросилась на него, словно голодная львица на тушу только что убитого оленя.

Пока идея была свежа, первые два или три дня, она была счастлива этим заниматься, но когда всё утонуло в бюрократии, вспылала невероятной ненавистью ко всему, чем только занималась.

А так хотелось быть нужной.

Так хотелось быть хотя бы немного полезной, но вряд ли у неё вообще должна была появиться подобная возможность.

Она — никто.

Только тень Чумы, у которой нет реальности и желания что-то сделать, чтобы та самая реальность всё-таки появилась. Гроттер чувствовала пустоту вокруг себя, и она была настолько всепоглощающей, что Таня отбросила в сторону все попытки сражаться и попросту мирно подчинилась.

Бейбарсов не отговаривал её ни от чего. Ему словно было всё равно — некромаг

смотрел на неё, но молчал каждый раз, когда Таня что-то спрашивала, или же тихо соглашался и бормотал “делай, что хочешь”.

Гроттер хотелось творить всё, что взбредёт ей в голову, вот только она не могла позволить себе просто так взять и разорвать ту самую непонятную, почти что магическую связь с некромагом.

И она пыталась её усилить.

Казалось, Бейбарсов не испытывал ни страха, ни ужаса, ни ненависти по отношению к ней — он не изменился.

Он, чёрт возьми, вообще никогда не менялся, тогда как она вынуждена была пасть до такой степени низко.

— Если ты откажешься, — прошипела Гроттер. — Весь этот мир превратится в прах. И ты знаешь, что я не лгу.

— Знаю.

— Значит, ты не откажешься? — ещё пять секунд назад она казалась стервой, змеей, которая способна на всё, теперь — превратилась в пушистого котёнка.

— Не откажусь, — отрицательно покачал головой Бейбарсов. — Единственное “но”, это всё происходит не из-за моей любви к миру.

— А почему?

Гроттер хотелось, чтобы он хоть раз в жизни сказал то, что ей хотелось бы услышать — короткое, спокойное “я тебя люблю”, которое, возможно, подарило бы ей хотя бы подобие надежды.

Но нет.

Бейбарсов словно специально всё оттягивал и оттягивал момент, когда можно было быть с нею, а потом, будто бы издеваясь, напоминал о собственном существовании.

Он выполнял её задания, но на расстоянии — и играл всё ту же роль, что и каждое мгновение до этого.

Каждый раз.

— Ты всё время играл по правилам Чумы, — с обвинением в голосе выдохнула Таня. — Ты должен мне подчиняться.

Он удивлённо изогнул бровь, словно недоумевая, с чего она вообще могла взять такую ерунду.

— Нет, ты немного ошибаешься, — наконец-то промолвил Глеб. — На самом деле я никому ничего не должен.

Таня сжала руки в кулаки и отвернулась от некромага — кто он ей, в конце концов? До поры до времени всего лишь подданный, только она словно специально делает этот мир всё более и более коротким.

Где она, та самая пора?

За каким углом прячется её конец?

Бейбарсов согласился на ней жениться — со смехом заявил, что по любви; только в чёрных глазах слишком много ненависти и боли, которая растворилась в сплошном потоке некромагии.

И пустота.

Он не пустой изнутри, но, тем не менее, способен очень даже хорошо притворяться. Делать то, что только ему нужно.

Таня чувствовала это — ей казалось порой, что она просто наивная птичка, которая

оказалась в логове слишком хорошо играющего собственную роль змея.

Ферзь — фигура важная. Но передвигает её всё равно игрок, а ферзями очень часто жертвуют.

И кто из них кто?

Или тут есть фигура короля.

...Глеб не стал напоминать о том, что процедура достаточно рискованная, что на самом деле у них есть огромные шансы попросту погибнуть — его ледяное равнодушие продолжало существовать.

Складывалось такое впечатление, что всё это он говорил или делал назло, только чтобы немного досадить девушке.

Таня пыталась смириться с этим, но у неё не было такого шанса, и рыжеволосая предпочитала вечную, без конца сильную и могущественную борьбу с тем, что было, впрочем, ей не до конца подвластно.

Она остановилась перед зеркалом, глядя на белоснежное платье.

Цвет невинности — это свадебное платье подготовила для себя в новом теле Чума, которой в её безумии так хотелось новой жизни.

После неё осталось слишком много записей, которые говорили о её планах на будущее — дерзких планах.

Противных, отвратительных, гадких.

Таня, впрочем, даже могла бы ей поверить — но во всём этом не было ни единой капельки искренности.

Чума была поддельной, насквозь прогнившей и превратившейся в глупый кусок плоти, в котором смысла не больше, чем в обыкновенной продажной шкуре.

...А ещё эта фата. Символ, чёрт возьми, невинности — а кто его знает, кем была на самом деле Чума.

Глеб говорил, она могла переносить собственное сознание в мысли других провидиц, но ненадолго.

Пользовалась их телами, словно вещь, использовала так, как ей одной только было удобно это сделать.

Получала удовольствие.

После тело отторгало и её, и истинную хозяйку — провидицы умирали толпами. Вот только, впрочем, пока Чума была при власти, это ни для кого ничего не означало.

Таня боялась, что однажды и её саму будет ожидать именно такая судьба, но пыталась вести себя как можно тише и спокойнее, не высовываться и не подвергать опасности всё то, что она только знала и любила.

Выходило до поры до времени — до “Тибидохса”, который она возненавидела искренне всем своим сердцем.

Теперь уже было поздно.

Она не понимала, о какой невинности в своём лице могла говорить Чума — Гроттер сейчас выходила замуж за того, кто переломал ей всю жизнь, но, впрочем, у неё хотя бы не было кандидатов.

А мораль?

Невинность — она в душе, хотя тело тоже играет определённую роль.

— Ваше Высочество, пора, — шепнул кто-то из слуг и, дождавшись её короткого кивка, убежал.

Таня не собиралась отступать — она знала, что сделает то, что задумала, даже не дрогнув, и, возможно, это подарит ей хотя бы несколько мгновений счастья в том далёком будущем, до которого ещё надо добраться.

Она пошла вперёд.

Здесь, в тёмном тронном зале, который был слишком похож на тот, что существовал в Северных Пещерах, не собралась толпа.

Нет.

Толпа радовалась за свою королеву там.

За границами замка они могли кричать и вопить столько, сколько пожелали бы — Тане оказалось наплевать на них и на все их проклятые мысли, которые она слышала в собственной голове бесконечным эхом.

Девушка до такой степени сильно мечтала сбежать отсюда, скрыться, что упрямо шагала вперёд.

Ковёр под её ногами был чёрным и невероятно затоптанным. По нему каждый день проходили сотни людей. Они тащили собственные донесения к Чуме.

Но Таня ещё не вступала сюда.

Она дала слово, что займёт тронный зал только после собственной свадьбы, и собиралась выполнить его, тем более, что это было совершенно нетрудно.

Специально для этого приготовили даже парный трон, который, впрочем, должны были установить после её свадьбы.

Почему?

И на этот вопрос тоже был ответ. Подданные боялись того, что на самом деле их повелительница только разочаруется, когда очередное торжество банально сорвётся — но Таня ведь знала, что Бейбарсов совершенно никуда от неё не скроется.

И, что самое странное, не хочет.

Ему это не нужно.

Он сам сказал, что все меры безопасности совершенно лишни — если бы Глеб так сильно пожелал от неё сбежать, то сделал бы это до такой степени быстро, что она не успела бы совершенно ничего заметить.

Но, судя по всему, он вдруг решил, что на самом деле вот так, безо всяких отлагательств, без того, что могло помочь ему убежать, будет проще.

Да и кто ему поможет?

Повелительница сказала ясно, что желает получить хотя бы какого-то человека в собственную безраздельную верность.

...Белое платье со шлейфом, наверное, будет грязным. Таня поймала себя на этой мысли слишком поздно, когда шлейф уже скользнул по старому чёрному ковру.

Со всех сторон над нею нависали сумерки, которые, при отсутствии окон в тронном зале, поглощали всех вокруг.

На улице был всё ещё день или, может быть, уже вечер. У неё не было свидетелей или ангелочков-детишек, которые держали бы шлейф. У неё в распоряжении осталась только собственная ненависть и боль, которую она так сильно пыталась перелить через край и отдать кому-то другому.

Чаша оказалась переполненной — её кровь слишком густа, чтобы просто так литься по венам.

— Вы уверены, что... — подал несмело голос кто-то из подданных, но Таня прервала

его быстрым взмахом руки.

На её руках были тонкие атласные перчатки, которые какая-то ткачиха решила подарить ей. Или швея?

В рыжих волосах запуталась диадема. Изумрудная недокорона для недокоролевы, которой должна была воспользоваться Чума. Таня знала, что она мечтала об этом, но прекрасно понимала, что на самом деле проклятая старуха никогда в своей жизни не получит того, что хотела.

Чума давно уже была мертва.

Следовало учитывать, вероятно, этот факт — да и вообще, то, что Чума всё-таки умерла, радовало её до такой степени, что Таня даже улыбалась, понимая, что, впрочем, это очень неуместно.

— Я разбираюсь в людях, — коротко ответила Гроттер.

В её любимой книге, которая лежала у неё под подушкой, было написано примерно так. Она следовала по тому сюжету, который кто-то написал.

Разыграть в реальности то, что было просто книгой, казалось не таким уж трудным, как изначально, и Таня просто получала удовольствие от того, что не вынуждена была думать.

Её букет из белых роз колол руки даже сквозь перчатки, но ловить его было некому. Таня настояла даже на том, чтобы никого не пускали сюда.

Только того, кто проведёт обряд, естественно.

Тихий шёпот пробежался между теми, кто отвечал за проведение церемонии. Ясная фраза “бросил” звучала в её ушах, а Таня пыталась представить себе, как отдаст приказ отрезать Бейбарсову руку или отрубить голову.

Может быть, он хоть когда-то испугается.

Но Бейбарсова не было. Она ждала его, ждала, потому что была уверена в том, что Глеб придёт, а его не было.

Нигде.

Таня давно уже не подавляла в себе даже первые проявления ненависти, но сейчас они усиливались.

Не по дням, а по часам.

Гроттер была готова уничтожить всех вокруг и практически проговорила нужное заклинание, когда почувствовала, как чья-то рука легла на её плечо.

Бейбарсов.

Она почувствовала его чёрт знает каким образом — просто почувствовала, и точка, не было никаких сомнений.

Оставалось только дышать.

Церемония была немая. Таня равнодушно смотрела на то, как спокойно убивал священник какое-то создание...

Крольчонок?

А может, что-то большее?

Она не фиксировала этого в собственном сознании, позволила себе раствориться в тихом пении.

Кровь без слёз.

Гроттер помнила, как её запястье разрезал какой-то нож, помнила, как тем же ножом провели по руке Глеба, и как их кровь смешалась.

Тонкая лента алого цвета скользнула по ладоням.

Кровотечение никто не останавливал. Глеб был в чёрном — единственное, что Таня наконец-то имела возможность увидеть его в белой рубашке, — и ему это грозило куда меньше, чем ей.

Белое платье цвета невинности.

Белое платье в крови.

Она слышала громкие песнопения запрещённого прежде ритуала, которого презирала даже сама Чума, и смотрела в глаза единственного отпущенного мальчишки из камеры сожжения.

Он принёс им кольца.

Таня помнила, как серебро едва-едва скользнуло на окровавленный палец, как она вынуждена была недовольно хмуриться, пытаясь надеть его Бейбарсову.

Кровь смешалась.

Кровь воссоздала нечто сплошное, больше похожее на глупую лужу на полу, чем на единство, но, тем не менее, далеко не бессмысленное.

Пение продолжалось.

Двадцать один сожжённый, двадцать один сожжённый.

И против них — один свободный человек, мальчишка, который ходил с факелом, выполняя то, что сказала повелительница.

Огонь.

Гроттер не пыталась сопротивляться, она запрокинула голову и смотрела на потолки, чёрные и закрывающие от неё небеса.

Воздух наполнился гарью.

Двадцать один сожжённый. Один мальчишка с факелом, который должен был стать двадцать вторым.

Они. Двое. Связанные кровью и смертельной раной.

===== Боль пятьдесят шестая. Первая брачная ночь =====

Кровь всё ещё текла по её запястью. Исцелять, по крайней мере, при священниках, было строго запрещено, и Таня заставила себя воздержаться.

Бейбарсов тоже заблокировал регенерацию — но сейчас, сидя на краешке кровати, бормотал заклинания.

Он исцелял собственную руку, которая уже не поддавалась нормальному магическому заживлению, потому что терпеть не мог бинты.

Отказывался даже тогда, когда они были необходимы.

Таня остановилась напротив высокого, длиною во весь её рост, зеркала и посмотрела на израненную руку, которая теперь казалась ей отвратительной.

Она умудрилась остановить кровотечение, и даже порез уже успел затянуться, хотя Гроттер и не была некромагией.

Но на душе раны оставались.

Её платье было всё в бурых пятнах своей и чужой крови, и Таня равнодушно смотрела на них, срывая со своей головы фату.

— Предатель! — закричала она, повторяясь снова и снова и швыряя диадему на пол.

Глеб остановил её коротким заклинанием, поднял и положил на комод, а после подошёл к супруге ближе.

— Сейчас в чём я тебя предал? — тихо поинтересовался он, даже не думая её поцеловать или хотя бы обнять.

Он выпутывал шпильки из волос девушки, освобождая прядь за прядью из глупого плена, и молчал.

Таня была за это благодарна.

— Ты опоздал, — прошипела она. — Ты вынужден был прийти раньше, а не заставлять меня краснеть перед ними.

— Ты не краснела, — равнодушно промолвил Бейбарсов. — Прежде я думал, что ты её полная противоположность, но ты такая же, как и она.

Татьяна — то ли Гроттер, то ли та, что стала Чумой-дель-Торт и, возможно, имела идентичную фамилию.

Жестокость.

Её имя — несмотря на все переводы, — почему-то звучало именно так. И все семейные ценности и пророчества — всё это было пустыми словами, на которые не следовало обращать никакого внимания.

Её имя было кровавым и покрытым странной пеленой ужаса и невероятной боли, которой она так сильно опасалась сейчас.

Гроттер не хотелось признавать, что она ненавидела собственное имя. Она не должна была его менять.

— У тебя что-то с нею было? — оглянувшись, поинтересовалась совершенно равнодушно у Бейбарсова Таня. — С Чумой?

— Гроттер, ты издеваешься, или как? — на мгновение он вышел из своего состояния вечной апатии и рассмеялся.

— Было или нет?

— Гроттер, ты её видела? — вновь обратился к Тане по фамилии некромаг. — Ты как себе это представляешь?

Таня не представляла. Чума была отвратительной, гадкой старухой, Бейбарсов — молодым мужчиной, привлекательным и способным тянуть за собой толпы девиц. Предположение теперь казалось Тане невероятно глупым, но она не стремилась от него так быстро и просто отказываться.

— Ну, она же вселялась в разных девушек.

— В Провидиц, — кивнул Бейбарсов. — Заметь, я об этом прекрасно знал, поэтому предположительно единственной провидицей, с которой я спал, была ты.

— А если она овладевала мной?

— Ты выпадала в транс, свойственный подобному состоянию, только один раз, — покачал головой Глеб. — Но ты выжила.

Таня кивнула. Это было сущим бредом, и она не должна была ревновать своего новоявленного супруга ко всему.

Она просто не имела на это права.

Бейбарсов не был прямо уж таким и оплотом верности и светлых чувств, но, тем не менее, он предавал её... не так.

У него было миллион других способов, как разрезать её душу на две части, и физическая измена временно в них не входила.

— И много же у тебя было девушек?

Этот вопрос прозвучал глупо, и, кажется, Таня уже задавала его, хотя сказать, когда именно это случилось, она не могла.

— Много, — кивнул Бейбарсов. — Но я их предположительно не считал, а фамилии не

записывал в реестр.

— Я не собираюсь их искать.

Гроттер прекрасно понимала, что Бейбарсову наплевать на её чувства — равно, как и ей самой на его.

Они получали удовольствие от того, что были просто взаимно жестоки друг к другу и не пытались ничего...

Ничего исправить.

Глеб усмехнулся, рассматривая её и останавливаясь взглядом на бурых пятнах крови, но ничего не говорил.

Таня тоже молчала.

Она смотрела, и слишком внимательно, наверное, смотрела на то, как её собственные рыжие волосы разметались по плечам.

Булавки, украшенные жемчужинами, лежали где-то рядом с диадемой, и без них Гроттер чувствовала себя естественнее.

Она улыбнулась собственному отражению и потянула за какой-то маленький кончик нитки, развязывая практически невидимый узелок.

Он повлѣк за собой действие механизма.

Платье расстѣгивалось практически само — тут не было магии, лишь ловкость рук и никакого мошенничества, но Гроттер всё равно ждала хотя бы мельчайшего интереса во взгляде Бейбарсова.

Платье в алых и бурых пятнах упало к её ногам. Гроттер даже не отвела взгляда от зеркала, словно забыв о всяком понятии стыда.

Нижнее бельѣ соскользнуло следом — Бейбарсов даже не посмотрел на неё, отставляя собственную окровавленную одежду где-то на полу.

Ритуал должен быть скреплѣн не только кровью.

Гроттер это почему-то не смущало, но, тем не менее, до конца допустить физическую близость она всё равно не могла.

Она разрывалась на две части.

Две равные половины, в которых не было больше ничего от хорошей, доброй, светленькой Танечки.

Если такая Гроттер вообще когда-то существовала.

— А ты знаешь, какая у неё была фамилия? — Бейбарсов смотрел на Таню, словно издеваясь, своим спокойным взглядом.

Он успел уже лечь на кровать, и Гроттер, устроившись рядом и потянув на себя одеяло, которым укрылся некромаг, попыталась заставить себя хотя бы обнять его.

Так было бы правильнее.

— И какая же, — собираясь уснуть прямо сейчас и нарушить все правила — пусть тем, кто явится подсматривать, будет достаточно разбросанной одежды, — прошептала совсем тихо Таня.

— Гроттер.

Её пронзило словно какой-то молнией, и Таня резко села на кровати, словно пытаясь понять, что произошло.

— У Сарданапала, как ты знаешь, Черноморова, — равнодушно продолжал Бейбарсов, — была любовница.

— Горгонова же, да?

— Нет, — отрицательно покачал головой он. — Не та. Другая. Чума не говорила, как её звали, но та женщина состояла с Сарданапалом не в официальном браке, и поэтому дочери дала свою фамилию.

Таня содрогнулась.

— А ещё Чума однажды предсказала, что появится та, кого зовут так же, как и её, и разрушит её, — продолжал спокойно говорить Бейбарсов.

Таня была благодарна ему за эту проклятую правду, и чувствовала себя так более спокойно.

К тому же, Чума мертва.

Она повторяла это про себя, словно мантру — потому что Чума больше не могла ничем им навредить.

Чума мертва, Чума больше никогда не вернётся в эту реальность, потому что даже такие твари, как она сама, никогда не оживают.

— У неё когда-то было что-то вроде первой любви — рано или поздно такое случается у каждой девушки, даже у провидицы, — и она умудрилась забеременеть. Куда делся ребёнок никто не знал, но он получил фамилию от матери, — протянул Глеб. — Спустя много лет родилась ты.

— Какая-то там прапра... внучка?

— Да, — кивнул Бейбарсов. — Именно так. Не знаю, важно ли это, но, наверное, тебе надо было бы это знать.

Гроттер кивнула. Ей было приятно услышать от него хоть раз в жизни правду, да и всё вокруг стало казаться менее страшным.

Таня вновь вспомнила о том, что на самом деле они уже вроде бы как даже супруги — но, тем не менее, ничего от этого не изменилось.

Разве что сердце, казалось, всё быстрее и быстрее покрывалось кровью, но Таня не стремилась думать об этом.

Она сама не знала, зачем села, прижимая в неожиданном порыве скромности одеяло к груди, и зачем заставила Бейбарсова устроиться рядом с нею, не позволяя ему просто спокойно уснуть.

Некромаг никак не отреагировал.

Таня смотрела на окровавленную одежду где-то там, внизу, на полу, а после заставила себя перевести взгляд на мужа.

— Зачем ты это сделала?

Его вопрос прозвучал совсем внезапно, словно гром посреди ясного неба, ещё и зимой, и Таня пожала плечами, не имея ответа на его вопрос.

— Ты же меня не любишь, Гроттер. Зачем ты тогда вообще вышла за меня замуж, ещё и... вот так.

Нерасторжимый брак по таинственной церемонии, которая никогда не была подвластна Чуме.

Чума запретила всё это — от Чумы не осталось и горстки пепла, а у них был ещё шанс жить и жить.

— Ты же знаешь, эта церемония гарантирует... — она тихо хихикнула, положив голову ему на плечо, — здоровое и счастливое потомство. Ничего плохого в детях я не вижу.

— Да, разве что ты их ненавидишь, а так — всё в порядке.

Дети. У некромагов детей не бывает за редким исключением — это Глеб тоже говорил,

но у них есть шанс, особенно если учитывать чёртов ритуал, на который её дёрнуло, несмотря ни на что, нечто светлое.

Смешно.

Гроттер потянулась к его губам, сама не ожидая от себя такого, а после содрогнулась, чувствуя, как одеяло соскользнуло куда-то вниз, обнажая её тело.

Конечно, стыдиться было нечего. Бейбарсов видел её далеко не в первый раз, да и... какой смысл прятаться от собственного, между прочим, даже законного мужа?

Бейбарсов поцеловал её в шею, после провёл кончиками пальцев по новому шраму на ключице, сопровождая осторожное прикосновение мелкими и едва ощутимыми поцелуями, отчего Таня тихо рассмеялась.

— Щекотно, — прошептала она.

Бейбарсов улыбнулся в ответ, словно принимая подобное заявление в её исполнении, и поцеловал девушку в губы, обнимая её за талию.

Рыжеволосая устроилась поудобнее в его горячих объятиях, чувствуя себя вновь удивительно спокойно.

Словно прошлое решило заглянуть в гости.

Скользнув ладонями по его груди, Таня вдруг почувствовала, что что-то изменилось — её руки остановились на шрамах, достаточно свежих и выглядевших весьма неприятно.

На спине у Бейбарсова можно было увидеть несколько старых, практически до конца исцелившихся полос от прежних травм, следов прошлого, но эти были совсем-совсем свежими.

Она провела по ним кончиками пальцев, словно пытаясь заставить проклятые рубцы исчезнуть.

— Больно?

Какой глупый вопрос.

Таня не знала, почему задала его, но, тем не менее, слово уже нельзя было вернуть обратно.

Глеб отрицательно покачал головой.

— Я их не чувствую, — прошептал он. — В смысле, боли от них совсем никакой нет, разве что иногда. Рана ведь уже зажила.

Таня хотела было убрать собственную руку, подумав почему-то, что может причинять некоторые неудобства, но Глеб придержал её ладонь, не позволяя девушке отодвинуться.

Ей вдруг стало стыдно. Она играла на собственных чувствах, ставила ставки на то, что должна не выдержать и сдаться — и наоборот проигрывала в своей глупой дуэли, получая право на куш, который стоял в центре всего этого.

Гроттер сама не знала, что с нею происходит — она просто тихо всхлипывала, уткнувшись носом в плечо некромага.

Солёные капельки текли по её щекам, соскальзывая после на тело некромага и оставляя на нём практически невидимые следы.

— Это я виновата, — подала голос Таня. — Я виновата...

Она не хотела признавать ничего подобного — но теперь, разомлев от неожиданного тепла, почувствовала, что её тянет на откровения.

Так было намного легче. Проще вообще осознавать что-либо, да и разбираться в реальности теперь тоже было...

Просто.

Они, может быть, любили друг друга

Причиняли слишком много боли, слишком много страха, но, тем не менее, это всё компенсировалось странными приступами нежности, которые наступали то у некромага, то у Гроттер.

Откуда?

Зачем?

Таня шмыгнула носом, обнимая его и чувствуя себя всё более и более беззащитной — она понятия не имела, за что ей всё это, но теперь стало немного проще жить в этом мире, хотя, может быть, она и ошиблась.

— Я тебя... — Таня хотела сказать стандартное “ненавижу”, но воздержалась, оставляя Бейбарсову возможность самостоятельно дополнить то, что она хотела сказать тем словом, которое он считал наиболее подходящим.

Он не позволил ей договорить, целуя в губы.

Таня не стала сопротивляться. Сегодня Бейбарсов не причинял ей боли — и она спокойно относилась к нему, чувствовала, как где-то внизу живота нарастает желание, свёртываясь в тугий комок...

Всё было таким нереальным. Таким пустым.

Таким глупым-глупым, что она могла просто прощаться с жизнью прямо сейчас, помахав миру рукой.

Таня чувствовала его прикосновения, ощущала осторожные или даже грубые толчки внутри себя, но не сопротивлялась.

...Гроттер вдруг вспомнила, что просто лежать и обнимать человека было приятно. Бейбарсов не спорил — он тоже приобнял её одной рукой за талию, позволяя девушке устроиться поудобнее на его плече.

— Ты так и не договорила, — внезапно промолвил он.

— Придумай конец сам, — предложила Таня. Она не видела лучшей альтернативы, просто не пыталась сопротивляться тому, что сказал бы сейчас некромаг.

— Не хочу, — пожал плечами Бейбарсов.

Им просто не хватало смелости. Слишком много боли и слишком много крови, которая катилась по их рукам и оставляла отвратительные следы на одежде. Слишком много всего, чему так трудно сопротивляться.

Они просто молчали. Они не умели признаваться в любви, потому что проклятая жизнь предпочитала не учить этому.

Она лишь оставляла мелкие и огромные шрамы на душе.

Таня прикоснулась губами к тому, который ей казался у Бейбарсова самым большим — он словно переходил к его сердцу, становясь всё более и более страшным с каждым мгновением созерцания.

Глеб обнял её крепче.

— Я тебя люблю, — послышалось тихое, практически неслышимое признание.

И никто не знал, кто говорил это.

===== Боль пятьдесят седьмая. Правление =====

Прежде утро не казалось ей настолько болезненным и страшным; теперь Гроттер, сама не зная, почему так, стремилась как можно быстрее сбежать в ночь, спрятаться от проклятых солнечных лучей, которые доводили её практически до безумия.

Кому что приносит принуждение? Гроттер на этот вопрос ответить пока что не могла,

но, тем не менее, упрямо верила в то, что её жизнь действительно лишь череда случайностей, которые привели её к нынешнему состоянию.

Шрамы некромага стали менее заметными, наверное, за неделю регенерация практически закончила собственное дело, но Таня всё равно могла увидеть их.

Остался, впрочем, на самом деле только один — тот, широкий и слишком длинный, прошедший едва ли не до сердца магической молнией.

Бейбарсов говорил, что ему, в принципе, абсолютно наплевать на шрамы, всё равно заживёт, но Тане казалось, что он умирает.

Почему?

Рыжеволосая понятия не имела, что нагоняло на неё это странное беспокойство, которое порой превращалось в странное, отвратительное торжество, но, тем не менее, Бейбарсов бледнел и бледнел, и всё чаще куда-то пропадал.

А она — правительница.

Она вообще не понимала, как можно было выжить на такой должности много лет — Тане в последнее время казалось, что легче сойти с ума, чем согласиться продолжать работать в подобном темпе.

Тем не мене, ей не оставляли выбора, и девушка, сцепив зубы, терпела собственные обязанности, периодически срываясь.

— Где тебя носило? — она вновь внимательно посмотрела на Бейбарсова, а после, словно желая что-то проверить, дёрнула его за воротник рубашки, пытаясь проверить что-то.

Ничего.

Крови не было, хотя ей почему-то показалось, что Глеб явился с очередной порцией новых ран.

— Ты должен помогать мне править, — упрямо промолвила Таня. — А вместо этого ты пропадаешь чёрт знает где.

— Я ничего тебе не должен, Гроттер, — он перехватил её руку за запястье, отводя её в сторону — Таня не успела даже подумать о том, чтобы ударить Бейбарсова, но он, очевидно, научился ощущать, что именно она будет творить спустя несколько мгновений. — И советую тебе поспешить на очередное заседание, а то ведь опоздаешь.

Таня скривилась.

— Я тоже ничего никому не была должна, — выдохнула Таня. — Пока, чёрт возьми, не оказалась тут.

Бейбарсов спокойно пожал плечами, словно ему было абсолютно наплевать на то, что считала Таня.

— Если хочешь, — наконец-то достаточно мирно промолвил он, — то сегодня я могу сходить с тобой.

Таня кивнула. Она не привыкла к тому, чтобы хоть кто-то заботился о ней — последняя неделя отозвалась глупой чередой странностей и бесконечного одиночества, которое постепенно начинало ей надоедать.

Гроттер очень хотелось, чтобы всё было, как тогда, в то первое утро, когда она проснулась счастливой рядом со своим мужем и чувствовала, что, возможно, она теперь доверяет ему немного больше, чем это было прежде.

Бейбарсов, если честно, никуда и уходить не хотел в тот, в первый день, пытался её поддержать, улыбался даже — для него это вообще было редкостью.

А после появилось то, что называлось её работой.

Таня понятия не имела, почему она вообще согласилась идти куда-либо, зачем отправилась туда, но, тем не менее, тонкая молния невидимых слов разрушила всё то, что прежде было между ними общего. Хорошее растворилось в воздухе, не оставляя ей ни единого шанса.

А у них всё могло быть хорошо.

— Хочу, — кивнула девушка, отряхивая собственный пиджак от пыли, которой не существовало.

Глеб кивнул.

— Тогда собирайся. Десять минут осталось, — он вздохнул, присаживаясь на диван и устало глядя на потолок, словно там было что-то интересное.

Впервые в жизни Гроттер настолько сильно захотелось отказаться от всего, чем она вынуждена была тут заниматься.

Зачем всё это?

Она терпеть не могла все эти заседания, которые тянулись просто невероятно долго, ненавидела всё, что только было с ними связано, и так надеялась на прекрасную возможность сбежать от ответственности, что теперь это стало просто невыносимым, до ужаса невыносимым.

Рыжеволосая попыталась как-то справиться с собственными глупыми, необъяснимыми мыслями, вот только теперь их стало ещё больше.

— Ваше высочество, — кто-то уклонился ей, но Таня не смогла узнать этого человека, потому что видела его впервые в жизни.

Она заняла своё место за столом, даже не посмотрев на Бейбарсова — тот сел напротив, словно специально устанавливая расстояние в длину стола, и Гроттер стало как-то не по себе от этого факта.

Тем не менее, зато она могла смотреть вперёд и видеть некромага, а не какую-то очередную жирную тушу, которая по ошибке считает себя человеком.

Рыжеволосая усмехнулась этой абсурдной мысли и продолжила внимательно осматриваться, словно надеясь на что-то другое, новое и, возможно, хорошее.

— Садитесь, — взмахом руки приказала Таня, не глядя на тех, кто называл себя советниками и министрами.

Она не знала, зачем вообще нужны были собрания, на которых никогда ничего не решалось, но они требовали это и без конца портили нервы ей собственными придирками.

Воздух был переполнен волшебством. Гроттер не хотела впутывать его, хотя, впрочем, могла; Бейбарсов вёл себя ещё спокойнее, но вокруг его рук скользили тонкие синие искорки.

Кажется, некромаг словно вернулся к жизни — Таня не понимала, откуда у него появлялось такое энергетическое истощение, но не задавала себе этого вопроса.

“Всё вокруг было серо-белым. Серо-белые министры с отсутствующей аурой, весь мир серо-белый.

У этих предметов не было больше энергетики. Вся она скопилась вокруг Бейбарсова, словно он не мог просто так взять и отпустить несколько капель волшебства на свободу.

Где-то совсем рядом только что превратился в два засушенных листка прекрасный вазон. Цветы в вазе завяли.

Один министр упрямо держался за сердце. От него велась тонкая синеватая ниточка, и

тоже таяла в непонятном клубке, что его держал в руках Бейбарсов, и это вызывало удивление”.

Гроттер с удивлением осознала, что видение было реальностью. Министр действительно держался за сердце и едва слышно хрипел.

— Покиньте помещение, — приказала равнодушным голосом ему девушка — этот старик был единственным, кого она спокойно терпела из всего этого высокого совета, с которым она, видите ли, вынуждена советоваться.

Они никто.

По сравнению с нею они никто.

Таня старалась смотреть в одну точку. Сначала её выбор остановился на картине, которая висела где-то за спиной у Бейбарсова, но рыжеволосая ничего не понимала во всех этих тонкостях и уж тем более в подобных картинах.

Она почувствовала запах гари — Глеб, оглянувшись, прищёлкнул пальцами, и картина моментально погасла.

— Ваше высочество...

— Я не высочество! — Таня вскочила, с презрением глядя на того, кто посмел подать голос, а после, устало вздохнув, едва ли не свалилась с ног.

Прежде ей было не так уж и плохо, но сейчас безумие отвратительным комком вновь свернулось где-то в груди.

Ей так хотелось отдохнуть.

— Докладывайте, — махнула она рукой как-то слишком неопределённо. — Только скорее, у меня времени нет.

Она поймала на себе недовольный и достаточно удивлённый взгляд Бейбарсова и едва заметно кивнула, словно подтверждая что-то.

Человек заговорил.

“Клубок сил становился всё больше и больше, разрастался в его руках, будто бы стремясь охватить всё вокруг.

Тот, кто докладывал, схватился за сердце и рухнул прямо на стол, словно пытаясь устоять на ногах, но слишком неуместно потеряв сознание. Его дух отделился от тела и куда-то поспешно, очень быстро улетел.

Сила человека превратилась в энергию.

Всё, что только было можно вытянуть из него, перетекло в руки Бейбарсова, и безумие на мгновение отступило. Но стоило только энергии успокоиться, а министру превратиться в прах, как её сознание захватило что-то невероятное, похожее на тёмные щупальца зла.

Она тоже была цветной, равно как и некромаг, а все остальные казались невероятно серыми.

Она вскочила на ноги, не собираясь дослушивать пение мёртвых, которые кружились вокруг сплошной волной.

Кто-то шептал ей что-то на ухо, а синий клубок волшебства продолжал крутиться в руках некромага.

Мёртвые вокруг неё, духи, отвратительные и неповороткие, стекались к его рукам и замирали там.

Так они умирали, в агонии, в отвратительных и громких криках, не оставляя себе самим ни единого шанса на то, чтобы отойти и, возможно, попытаться выздороветь.

Наконец-то весь мир затих в агонии, а люди, все, кроме Бейбарсова, посмотрели на неё.

Глеб успел заметить всё, что было ему нужно, ещё намного раньше. Щит полыхнул вокруг него — магический и невероятно сильный.

Теперь вряд ли он вообще пропустил бы хоть одну капельку волшебства, о которой только можно было говорить.

Наконец-то всё вокруг залило потрясающим, невероятно ярким светом, который просто невозможно было описать.

Никто не стал даже примерно задумываться относительно всего происходящего — просто мир пылал слишком ярко, слишком сильно, чтобы это можно было назвать хотя бы подобием реальности.

Он шумно выдохнул воздух, и клубок наконец-то расплёлся. Часть энергии рванулась к стенам, укрепляя их, часть переместилась на предметы, но ни одна капелька не тронула людей, которых он так нагло использовал.

И только тогда поток вырвался на свободу”.

Первым смело стол — Таня это умудрилась заметить совершенно случайно, совсем не контролируя то, что творила. Волшебство лилось с её рук, не стремясь останавливаться, а Бейбарсов спокойно сидел на своём месте — его словно ничто не могло задеть, и даже картина, которая должна была свалиться Глебу на голову, удержалась.

Она правила ими целую неделю, ожидая поддержки от Бейбарсова, но её не поступало ни на одно мгновение.

Гроттер чувствовала, как эта мысль сплошным потоком разливается у неё в голове, и наконец-то позволила всему своему естеству открыться навстречу невероятно сильным потокам магии и позволить поглотить себя.

Она просто шумно дышала.

Это было невероятно — Гроттер уже и не реагировала на то, что, возможно, должно было её остановить, или же наоборот позволить ей оказаться рядом с источником волшебства.

Люди умерли.

Гроттер чувствовала, как магия снесла их, превращая в пепел, но она не могла контролировать это.

В голове осталась только одна мысль.

Она была такой же Чумой, как и та, что правила до этого — пора уже одалживать тот псевдоним и радоваться жизни.

А что?

Разве она не настолько же жестока, не испортила такое огромное количество жизней за неделю?

Сколько смертей?

Поток волшебства пробежался по комнате, словно собираясь атаковать Бейбарсова, но он даже не шевелился, тогда как остальные просто умерли — они были изуродованы, а Таня не могла понять, почему.

Пламя загорелось само по себе, на всех стенах — и она вдруг вспомнила о том, что отправила одного из министров куда-то в больничное крыло и что он, к счастью для самого себя, её послушал.

Эта мысль заставила её успокоиться и выбросить из головы всё своё сумасшествие, утихнуть и понять, что она натворила.

Таня уже не устраивала истерики — конечно, этих людей она жалела куда меньше, чем

Бейбарсова тогда, когда практически убила его. Это было даже достаточно логично, и не следовало переживать по подобному поводу — всё то, что случилось, того совсем не стоило.

Она так устала от собственного вечно глупого и неправильного поведения, что можно было банально выбросить из головы всё, о чём она вообще только когда-либо думала. И так было бы правильно.

Таня уже даже не пыталась вспомнить о реальности. Та осталась чем-то невероятно далёким и глупым.

Она просто позволяла миру пылать.

...Когда пламя затихло, когда тела вынесли, не сказав ей ни единого слова, когда кто-то опять уклонился ей в ноги, всё начало казаться банальным фарсом.

Сценкой, которую специально для неё так удобно разыграли, подобрав мёртвых актёров и одного живого.

— Ты знал, — выдохнула она, глядя на Бейбарсова.

— О том, что такое будет? — переспросил Глеб. — Знал.

Гроттер не понимала, как это случилось. Она вообще ничего не понимала, потому что жизнь всегда казалась девушке слишком нелогичной.

Она просто сползла на пол, пытаясь не смотреть на то, как кто-то что-то там подметал — хотелось убить и его.

Человек ушёл.

Человек ушёл, и все двери замкнулись раз и навсегда. Приступ её ненависти становился всё сильнее и сильнее, а Тане захотелось спросить, как долго всё это с нею будет продолжаться и происходить.

— Сколько?

— Сколько дней? Сколько лет? А насколько хватит.

Гроттер содрогнулась. Ей показалось, что её безумие может остановить только смерть, вот только смерти пока что рядом не наблюдалось.

— Ты позволил мне убить их, — выдохнула девушка. — Ты позволил мне убить их! Предатель!

Вернулось.

Она просто стояла на коленях и кричала, чувствуя, как боль пытается вырваться на свободу. Странные мысли, которые прежде кружились у неё в голове, теперь все перепутались и вызывали только невероятную боль в сердце, которую просто невозможно было победить прямо сейчас.

Таня чувствовала, что это безумие. Она осознавала, что так и должно быть — даже последовательница Чумы обязана умереть.

И никто, никто в этом чёртовом, отвратительном мире не мог даже попытаться её успокоить, потому что это бессмысленно.

Гроттер просто потеряла всякое желание мечтать и думать о том, что происходит — она так сильно хотела оказаться в реальности...

Так сильно хотела, но её что-то не пускало.

— Это всё переходит в поток бессмысленных слов, — выдохнула она, пытаясь собраться с собственными мыслями, но ничего не получалось.

Гроттер почувствовала, как сознание постепенно, слишком неуверенно ускользало от неё, не оставив ни единого шанса успеть ухватиться за него хотя бы рукой, просто удержат, чтобы потом, чуть позже, было хоть немного легче.

Она просто молча плакала.

Бейбарсов поднялся на ноги и, взмахом руки сняв заклинание с двери, вышел из помещения.

Ему явно было наплевать и на то, что ей до такой степени плохо, и на то, что должен поддерживать собственную супругу.

Казалось, Глеб вообще утонул в собственном равнодушии раз и навсегда.

“Скоро всё должно решиться”.

Короткая фраза пророчества промелькнула в её голове, но Таня не стала задумываться над нею.

У неё давно уже не было видений, и Таня отказалась от них раз и навсегда, не стремясь даже поймать хотя бы одно, чтобы знать, к чему готовиться и как следует жить в этом проклятом мире.

Всё вокруг превратилось в сплошные тучи, которые были готовы пролиться грозой прямо на неё, и Гроттер старалась на это никак не реагировать.

===== Боль пятьдесят восьмая. В честь Чумы =====

Её называли в честь Чумы — не просто так, а потому, что было нужно поступить подобным образом. Её просто называли в честь Чумы.

Таня осознала это только сейчас, когда, после того, что сотворила, после боли из тысячи смертей, поняла, что это её грех, а искупать его пока что никому, да и вряд ли хотя бы один сумасшедший на подобное сможет согласиться. Ей давно пора было бы смириться, а она не может.

Гроттер запрокинула голову, глядя на небо. Она стояла на балконе и радовалась тому, что никто из этих проклятых людишек пока что не посмел прийти к ней с прошением — вероятно, народ наконец-то понял, что это было бы достаточно глупо — просить у правительницы что-то.

Они ненавидели министров, а она была той, кто отменил “Тибидохс”. Вот потому ей и простят.

Нет, она, конечно, не до конца отменила, но то, что она натворила, уже можно считать радостью для народа.

...На улице было холодно. Январь холодными потоками воздуха и снега без конца бил по лицу, по обнажённым рукам, наплевав на то, что он тоже должен быть подвластен каким-то высшим силам.

Таня старалась не прислушиваться к шуму ветра. Она упрямо молчала — то до того спокойно, что становилось даже немного дурно.

Хотелось остаться тут, на балконе, навеки, замёрзнуть и превратиться в элементарную сосульку, которая когда-то свалится человеку на голову и, без осознания собственной вины, убьёт его.

Таня уже устала от того, что она вынуждена была каждый раз думать о том, что натворила — особенно о том, что случилось сегодня днём.

Даже Бейбарсов ей не помог.

“Он был тем, кто сумел всё предсказать, но теперь надо было как-то сбежать от проклятой Чумы, которая вынуждена будет убить его, пусть даже пока что бессмертного.

Собственный дар давил на него, заставляя захлёбываться в крови, и всё то, что случилось, должно было повториться.

Тантал потянулся за пером и чернильницей и начал медленно, тихо записывать серию

отвратительных пророчеств, которые пришли к нему. Конечно — последний убитый был пророком, который передал ему свою силу, словно какой-то яд, влил в него возможность видеть будущее.

Там, спустя сотни лет страха и боли, должен был появиться лучик света.

...Когда-то давным-давно Провидицы были сильными, настолько могущественными, что никто не мог им противостоять. Провидицы могли творить всё, что только им было угодно, потому что их сила превышала все те, которые только могли себе позволить остальные.

Провидицы использовали свой дар так, как только им было угодно, и это казалось самым страшным на свете даром, который только можно было придумать.

Старые-старые маги часто говорили, что нет такой Провидицы, которая не сошла бы с ума.

Но когда это происходило, их волшебные силы теряли всякий контроль, и женщины были готовы разрушить весь мир и швырнуть его к собственным ногам, чтобы только было на чём танцевать.

Маги объединились и лишили их способностей — теперь Провидицы видели только судьбы других... и не могли колдовать.

Слабые магически и физически.

Никто из них больше не пытался сопротивляться своему безумию, но ничего и не случалось плохого.

Мужчина, впрочем, знал — маги не успели задеть одну-единственную провидицу, и теперь она была той, кто мог породить новое поколение страха и ужаса.

Он и сам стал пророком, правда, не по собственной воле, и теперь видел всё. Их было две, похожие, как две капли воды, но с разницей в полтысячелетия. Одна — которая принесёт всему миру Чуму, и вторая, которая Чуму уничтожит, а сама сумеет выбраться из бесконечного потока безумия.

Возможно”.

Тяжёлые снеговые тучи затянули небо, не оставляя ни единого, даже самого маленького, просвета, отбирая всё, что только можно назвать положительным или хорошим. Кровь и боль навсегда убили реальность и любовь, и оставалось только смотреть вверх, на небеса, и пытаться отыскать в них самого себя.

Пошёл снег.

Он сыпал и сыпал, оставляя влажные следы на рыжих волосах, вот только те продолжали моментально высыхать.

Всё вокруг таяло.

Мир стремился к бесконечности, и Гроттер наконец-то позволила образам проникнуть в её голову.

Может быть, так она лучше поймёт.

Может быть, это подарит ей надежду.

Хоть когда-то.

“Он наконец-то начал писать. Его книга должна была храниться в старой-старой библиотеке столько лет, сколько хватит на неё защитных заклинаний. И всё это станет прекрасным напутствием.

Её историю вряд ли забудут. Она будет страшной и коварной, преисполненной ужасом и убийствами.

Конечно, книга не пересказывала всю правду, но тонкие намёки — они должны были показать всё.

Тантал, впрочем, знал — там, в пророчествах, был явно не он. Он не прожил бы до такого момента, не был бы настолько молод, а энергию молодости некромаги всегда прекрасно чувствовали.

Некромаги многое прекрасно чувствовали.

Он заключил собственные силы в маленькую баночку с чернилами, оставив только то, что осталось в нём от проклятого пророка, и оставил её, зная, что время само передаст дар тому, кому нужно.

Старый пророк умер, умирал и он, оставив книгу там, где она должна была ждать ту, для кого была предназначена.

Наступали тёмные века, Сарданапал пощадил в последнее мгновение собственную дочь, придумав “Тибидохс” для её же смерти.

Всё вокруг завертелось в круговерт следующего тысячелетия, которое несло людям перемены, кому-то плохие, а кому-то очень даже хорошие.

Мир превратился в круговорот мыслей и песен, которые можно было громко-громко петь там, где начиналась реальность и заканчивалась кровь, смешанная с бесконечной болью и сильным давлением.

Скоро всё закончится”.

Гроттер закрыла за собой дверь балкона, оказываясь в комнате. Ей не хотелось никого видеть, но Глеб и не собирался приходить, потому что, очевидно, понимал, что ничего хорошего это ему не даст.

В конце концов, она слишком увлеклась в последнее время кровью, чтобы позволить хотя бы одно помилование.

Нет. Было слишком поздно для любого сопротивления, и оно окончательно разрушило то, что когда-то желало создать человечество. Боль лилась через край, и этого для предельного возмездия оказалось достаточно.

Осталось несколько шагов в сторону или, возможно, прямо, чтобы больше не было ничего хорошего или нормального в этой жизни.

Оставалось несколько капель крови, которая стремилась затопить всё вокруг и устроить бой, последний в этом мире бой.

Кровь застыла в жилах.

Ничего хорошего больше не будет, ничто плохое не постучится в дверь реальности, ничто. Просто пустота.

Ничего вокруг не осталось.

“Молодой некромаг вздохнул. Ему не хотелось выполнять очередное глупое задание ради тех осколков дара.

Кто-то будет сильнее, кто-то будет слабее, и ничего хорошего из них не получится. Бейбарсова это невероятно раздражало — он видеть не хотел проклятую старуху, эту чёртову избу...

И Ленку с Жанной тоже, потому что ничего в них человеческого не оставалось, хорошего уж точно.

Бейбарсов знал и о том, что он сам больше всего похож на чудовище, точно не для человека, но ему было проще просто смириться с этими мыслями и не думать о том, к чему всё это приведёт.

Он осмотрелся, собираясь отыскать то, что приказала найти старуха, и натолкнулся взглядом на какую-то бутылочку.

Чернила?

Он не знал, зачем это делает, но что-то заставило его открыть эту чёртову баночку, будто бы его толкало на это что-то странное и глупое.

Бейбарсов вдохнул странный запах чернил, которым, наверное, было уже много сотен лет, а после почувствовал, как черноватые частицы отрываются от частицы, приликая к его коже.

Это накрыло его с головой.

Голова сильно болела, кровь невероятно быстро носилась по венам, и Бейбарсов чувствовал, что сейчас рухнет.

Магия.

Магия захватила его, пытаясь подчинить себе, а он даже сначала не пробовал сопротивляться, это получалось скорее уж автоматически, парень понятия не имел, почему так происходило.

Кто-то закричал.

Старуха умерла, и Бейбарсов почувствовал, как новая доза сил, на этот раз уже более чем доступная, в отличие от предыдущего.

Бейбарсов вздохнул.

Ему не хотелось даже чувствовать то, что он умудрился вдохнуть, но, тем не менее, старался не обращать на это никакого внимания.

Чёрт.

Этот мир продолжал гореть, и Бейбарсов мотнул головой, предпочитая не задумываться над этим.

Кровь.

Кровь горела в жилах, стараясь прожечь его насквозь, но Глеб не обратил никакого отношения на это.

Ему просто было наплевать. Ну, силы, ну, будет он сильнее, чем Ленка и Жанна? Какая только разница?”

Прошлое заставило её содрогнуться. Таня предпочла не обращать на это никакого внимания — она рванулась к шкафу с книгами, который стоял в её спальне здесь, в этом огромном замке.

Она терпеть не могла это место, но предпочла остаться именно здесь сейчас, пусть и одна.

Она открыла книгу уже где-то на самых последних страницах и пробежалась внимательным взглядом по строкам.

Ну вот.

Наконец-то.

Она отыскиала то, что ей сейчас было так важно прочесть, и жадным, очень внимательным взглядом скользила по интересующим её строкам. Теперь она могла верить в эту летопись собственной судьбы.

Что будет дальше, её совсем не интересовало — Гроттер просто старалась не задумываться над тем, что делает. Она забывала эту книгу и действовала по наитию, но сейчас освежила несколькими фразами собственные воспоминания.

Кровь ударила ей в голову.

Гроттер чувствовала, что видений с каждой секундой будет всё больше и больше, поэтому буквально вылетела в коридор, столкнувшись с каким-то слугой.

— Скажи Бейбарсову, что я приказала ему явиться ко мне в спальню, — промолвила она. — Немедленно!

— А если...

— Отказы не принимаются. Если он не придёт, ты будешь первым, кого я разорву на мелкие кусочки и скормлю собственным птицам. Живьём!

Несчастный побежал искать Глеба — она довольно улыбнулась и вновь вернулась к себе в спальню, ложась на кровать и закрывая глаза.

Видение вновь с головой затопило её.

Гроттер чувствовала, как что-то прикасается к её руке, не понимала, где находится, и без конца тонула во всех своих предсказаниях.

“- Сжечь все книги!

Чума смотрела на своих подданных, словно собиралась уничтожить сейчас каждого из них, но при этом не угрожала пока что никому, кроме книг.

— Не хочу, чтобы эта дрянная история вообще существовала в реальности. Заберите её у всех!

— Как прикажете, госпожа, — раскланялись слуги.

Только один из них на мгновение остановился. Такая книга лежала в его библиотеке, но никто не мог зайти туда, и узнать о существовании книги Чума, наверное, не смогла бы никогда.

Поэтому он не собирался жечь свой экземпляр.

Что-то подсказывало мужчине, что когда-то решающую роль сыграет именно то, что он сохранит нужный томик.

Может быть, уже его дети или внуки будут жить в мире, где нет проклятой старухи, так же, как и в книге написано.

И над ними больше не будет висеть дамокловым мечом “Тибидохс”, а вторая Чума с истинным именем, как и у этой, восстанет из своего безумия и будет править страной вечно.

Или хотя бы пару тысяч лет.

На счастье”.

Гроттер открыла глаза. Она чувствовала, что видения рассказывали ей о прошлом, но оно было настолько реалистичным, что Гроттер удивлял невероятно даже этот факт. Прежде она никогда не имела настолько реалистичных видений о прошлом, в основном её мучило именно будущее.

Теперь же всё поспешно переменялось, и Таня могла чувствовать себя хоть немного более уверенной в собственных действиях.

Могла не переживать по всякому поводу.

Она поняла, что не должна ощущать себя настолько разбитой, как обычно — и должна воспользоваться шансом отбросить всё в сторону и не мучить себя глупыми, никого не интересующими мыслями.

Она будет жить.

“Тонкие щупальца чего-то тёмного, такого, что люди это называют безумием, скользнули в её сознание.

Она чувствовала, как те буквально проскальзывали по каждой мысли, доступной или не очень, и уничтожали её.

Сумасшествие.

Оно было повальным, сплошным и бесконечным, с ним невозможно было бороться, а Таня и не пыталась.

Она понимала, что поступает неправильно, но это было так просто... Так просто, что она сходила с ума.

Какая она? Первая или вторая?

Та, которая будет мертва или та, которая станет победительницей? Книга молчала. Книга ничего не сказала.

Истории свойственно повторение, а она жила в прошлом, углубляясь мыслями в собственные идеи.

— Теперь “Тибидохс” станет игрой на выживание, — выдохнула девушка, сжимая в кулаки то, что когда-то было её руками.

Обгорелые. Отрезанные.

Прошое или будущее?”

У Гроттер не было ответа на этот вопрос. Она лежала на спине и созерцала потолок, расписанный кровавыми узорами.

Больше всего на свете ей хотелось вырваться отсюда и оказаться на свободе, свободе, которая всегда посягала бы на её глупый реализм.

Девушка села на кровати и попыталась мотнуть головой, чтобы вернуть себе ощущение пребывания в этом мире.

Видений больше не было.

Они не зудели вокруг неё, словно стая сумасшедших мошек, больше не мешали настолько сильно, и она довольно улыбнулась.

Открылась с тихим скрипом дверь, и Гроттер уже хотела было обвинить человека, который пришёл, в том, что он посмел её побеспокоить, но это оказался Бейбарсов — и Таня едва заметно улыбнулась.

— Это ты, — хмыкнула она, склонив голову набок и внимательно рассматривая его. — Удивительно, что ты всё-таки пришёл.

— Ну, а как иначе? — рассмеялся Бейбарсов, присаживаясь рядом с нею и сжимая её тонкую, даже слишком, ладонь. — Что тебе нужно?

Гроттер пожала плечами.

Ответ “ничего” потоком лжи так и не решился соскользнуть с её губ, словно это было на сегодня запретом.

===== Боль пятьдесят девятая. Твой последний ритуал =====

Гроттер не хотела доверять собственным предположениям. Она бы с радостью поискала хоть какой-то альтернативный вариант, но ни одно разумное решение так и не пришло ей в голову. Да и, наверное, девушка не особо-то старалась его отыскать, равнодушно соглашаясь с тем, что будет дальше, несмотря на все проклятые предсказания, которые только она может получить.

Таня подошла к Бейбарсову поближе, останавливаясь рядом с ним и тихо, одними губами выдохнула стандартное:

— Предатель.

Глеб усмехнулся и равнодушно пожал плечами, не отрицая ничего из того, что только она могла бы сейчас сказать.

Девушка старалась не думать о том, что мог означать столь пристальный взгляд его

чёрных глаз, какой набор характеристик хранился на неё в его разуме — сознание чужого человека.

Того, кто был её мужем.

— Знаешь, мне кажется, что ты до сих пор ничего ко мне не чувствуешь, — прошептала наконец-то Гроттер, отворачиваясь и стараясь хотя бы на несколько мгновений заставить умолкнуть то проклятое создание с чёрными щупальцами, которое жило в её голове и упрямо шептало что-то.

Она с такой радостью сейчас упала бы прямо тут, не думая о том, каковы последствия могут быть у каждого её поступка. Вот только вряд ли это было бы правильным решением. Может быть, она вообще всю свою жизнь проиграла в глупом сражении, может и видения её — просто фантазия, но если так предрешиено, то она уж попытается выполнить собственное предназначение.

— Может быть, и так, — кивнул Бейбарсов. — Но, тем не менее, тогда нет ни одной причины, чтобы я тратил на тебя столько своего времени.

Таня рассмеялась. Это было не самым приятным признанием в любви, но она оценила. Таня предпочитала бы, чтобы Бейбарсов всегда говорил ей что-то подобное, пусть даже загадками, которые он, наверное, любил.

— Я тоже очень тебя люблю, предатель, — улыбнувшись, сообщила она, а после, ища защиту хотя бы в его руках, порывисто обняла некромага, ожидая, что именно он сделает в ответ.

Глеб достаточно долго просто стоял на месте, а после наконец-то приобнял Гроттер одной рукой, поцеловав её в висок и что-то совсем тихо прошептав. Кажется, таким образом он просто успокаивал её, но, может быть, не следовало верить в то, что он вообще только мог сказать ей, хотя бы даже полушёпотом?

Рыжеволосая усмехнулась, прощаясь с собственным не слишком трезвым сознанием и теряясь в его потоках с такой быстротой, что оно просто-напросто успело раствориться в её глупых мыслях.

— Зачем был тот магический шар? — наконец-то задала волнующий её вопрос Гроттер, внимательно глядя на некромага и ожидая от него ответ. Может быть, парень и не смог бы его дать, но, тем не менее, в том, чтобы задавать вопросы, всегда был определённый, свой смысл.

Таня ценила уже то, что Глеб вообще сейчас находился рядом, и не хотела просто так взять и потерять его прямо сейчас, бессмысленно и беспощадно забывая о том, что вообще между ними.

Может быть, всё то, что крутилось у неё в голове, было бредом сумасшедшей девушки, которая потеряла собственную совесть и разум, здравый смысл и всё, что только должно быть у нормального человека.

Тем не менее, даже если так оно и было, Глеб всё равно был замешан во всём, что с нею случилось.

— Ты видела энергетическое поле? — тихо поинтересовался он, наклоняясь и целуя её в губы. Таня в ответ едва заметно улыбнулась, выворачиваясь из его рук и делая вид, что она всё ещё та самая нормальная, способная что-то осознавать Татьяна, о которой, возможно, он и мечтает.

— Да, я видела, — согласно кивнула Гроттер. — И мне очень даже интересно, что именно ты задумал и что собирался сделать.

— Я... Чувствую, когда ты собираешься в очередной раз взорваться, — пожал плечами Бейбарсов. — Надо было сделать так, чтобы ты не уничтожила всё здание взрывом магии.

— Оттуда укрепление стен, пола, потолка, — кивнула она. — И ты даже вокруг себя щит создал, но только не вокруг людей, которые так сильно пытались помочь мне на правительственном пути.

Они рассмеялись, не сговариваясь, потому что то, что сказала Гроттер, действительно было предельно смешным. Казалось, она не собиралась никого смешить — но Бейбарсов не задумывался над этим.

Таня могла быть какой угодно, но это нисколько не мешало немного любить её, совсем-совсем чуть-чуть, а может, даже и наоборот.

Не оставалось никакого смысла во всём, что только она делала бы, вот только, казалось, Гроттер не хотела ничего такого. Она просто пыталась убедить весь мир в том, на что способна, и оставалось подчиниться подобному её порыву и просто склонить голову перед такой, какой была рыжеволосая.

Она, стоит согласиться, достаточно странный человек, но это не меняет того, что не такой уж и плохой, надо сказать.

Просто нужно привыкнуть.

— Ты сумасшедшая, Гроттер, — предчувствуя что-то, но почему-то упрямо не убегая, промолвил Бейбарсов.

Сейчас было бы так хорошо, если бы он сумел заблокировать её магию, но, очевидно, достаточно поздно совершать что-то подобное. Таня прекрасно это понимала, хоть признавать что-то подобное совершенно не хотелось.

Она так привыкла к тому, что Бейбарсов не противостоял ей, лишь равнодушно выставлял защиту, накрывая магическими щитами всю страну... может быть, именно это и было причиной его бесконечной бледности и постоянной нехватки сил.

— Ты никогда не говоришь мне правду, — Гроттер улыбнулась, а после её зелёные глаза потемнели, словно собирались стать такими же чёрными, как и у настоящего некромага, и Таня едва слышно, с ненавистью и презрением, выдохнула: — Дорогой, ты предатель. И ты всегда им был.

Глеб не собирался говорить ничего другого. Он упрямо молчал, словно на самом деле предавал её всё это время, а не судьба слишком сильно пошутила, пытаясь свести их вместе на каждой точке этой проклятой реальности.

...На сей раз чутьё тоже не подвело его. Бейбарсов успел вскинуть руку как раз вовремя, блокируя её волшебство, которое так и стремилось вырваться на свободу, но его стараний, очевидно, было недостаточно.

Гроттер чувствовала, что безумие растекается по крови и окончательно вступает в права, которые у него были.

Она — Провидица. Проклятая Провидица, которая обязана сойти с ума, отсутствующее, пустое в пророчестве место, которое следует заполнить, пока не случилось чего-то ещё более плохого, чем сейчас.

И то, что от неё в разные стороны летят магические искры, что она смотрит вперёд с такой сосредоточенностью, словно пытается кого-то убить, всё это тоже часть сумасшествия, которая обязательно должна была стать реальностью, и будет ею, кто что не говорил бы, сколько бы всего ни случилось.

Она его так ненавидит, так ненавидит... Плевать, что до любви всего лишь один шаг,

всего один шанс, которым надо воспользоваться, она всё равно тонет в собственной ненависти, захлёбывается ею.

В полшаге стоя от любви.

Бейбарсов не стал просто так стоять. Он словно знал, что сегодня на первой или второй атаке всё ни за что не закончится.

Он был сильным магом, может быть, даже более сильным, чем она сама, и Таня почувствовала могучий удар в грудь, а после осознала, что сползла по противоположной стене.

Бейбарсов стоял совсем рядом со стеклом — их разделяла кровать, которую она превратила в элементарное пепелище одним взмахом руки. И опять пламя, пламя, которое слишком сильно вырывается из-под контроля.

Вся её магия вполне нормальная. Самое страшное — это бесконечные предсказания, которые свели её с ума, и то непонятное чёрное естество, которое сейчас так быстро подползает к сердцу.

— Ты должна сопротивляться, — промолвил Бейбарсов, словно чувствуя это, но Таня упрямо и уверенно отрицательно покачала головой.

— Не хочу, — выдохнула она совсем тихо, глядя на него и словно пытаясь убедить в том, что на самом деле она сейчас очень даже права и имеет полное право сейчас сделать последний шаг и уничтожить его окончательно, одним только взмахом руки, который прямо сейчас и может допустить.

— Хочешь, — упрямо мотнул головой Бейбарсов. Конечно, спорить с ним всегда было невероятно бессмысленно — Глеб оказался единственным, кто мог спорить с нею, но, тем не менее, этого было недостаточно, равно как и всех его сил.

Стекло за спиной у некромага взорвалось и моментально собралось по мелким кусочкам — он остановил действие заклинания, но это требовало слишком большого количества сил, а их у Бейбарсова сейчас действительно не было.

Он едва заметно усмехнулся, а после, взмахом руки восстанавливая кровать и обходя её, приблизился к Гроттер.

Она метала в него молнию за молнией, а Бейбарсов словно не особо пытался сопротивляться. Волшебство оставляло мелкие кровавые порезы там, куда приходились магические удары, но это было не так уж и важно — Глеб словно осознал, что всё, что только он попытается сделать, всё равно, так или иначе, будет абсолютно бесполезным.

Это убило в нём желание сражаться.

Бейбарсов просто не хотел ничего делать — ему было абсолютно наплевать на то, что реальность требовала действий, это было просто приятной жертвой подчинения с его стороны.

— Правь, если тебе так хочется, — останавливаясь совсем рядом, тихо проговорил Бейбарсов, и его пересохшие губы едва-едва заметно шевелились. — Думаю, у тебя всё равно ничего не получится.

— Предатель! — воскликнула она на предельно визгливых нотках, не чувствуя ничего, кроме собственной злобы, что затаилась где-то в сердце и столь активно вырывалась на свободу. — Предатель!

Бейбарсов кивнул, словно соглашаясь с подобной своей характеристикой, а после одним щелчком пальцев снял с себя магическую защиту, всю, которая только у него была. И только сейчас Таня внезапно сумела осознать, почему тот в последнее время тратил такое огромное

количество энергии.

На всё.

На всё, что попадалось под руку.

Казалось, Бейбарсов потерял вообще способность жить. Та самая тьма, которая таилась в ней, разъедала его ауру, превращая её в едва ли не сетку с дырками, в что-то невероятно испорченное и старое.

Бейбарсов не обращал на это совершенно никакого внимания, будто бы на самом деле ему было всё равно, но, тем не менее, то же, что убивало её рассудок, выпивало его изнутри. Единственным вариантом спасти Глеба было разве что убрать этот мрак, но Таня не хотела этого делать.

Её желание обвинить Бейбарсова в предательстве было невероятно сильным, и превышало его только то, что Таня невероятно сильно хотела убить его прямо сейчас. Теперь, когда от её магии Глеба совершенно ничего не скрывало, было потрясающе просто это сделать.

Духи безумия стояли у неё за спиной. Они шептали советы, и Бейбарсов, казалось, тоже слышал их.

Слетел и блок мыслей, который Глеб никогда не снимал, и Таня почувствовала, что способна проникнуть в его сознание. Тем не менее, она пока что была вынуждена сдерживаться, чтобы не позволить себе узнать лишнее и не остановиться тогда, когда это будет крайне неуместно.

Её сознание оказалось пустым, словно чистый лист. Таня понятия не имела, что убрало оттуда все её мысли, но, тем не менее, у неё теперь не осталось ни единого логичного воспоминания, на которое можно было бы опереться.

Словно кто-то хорошо постарался, ластиком убирая всё, что только можно убрать. Гроттер чувствовала это, и подобный факт вызывал у неё едва заметную улыбку, заставляя смеяться над самой собой.

Рыжеволосая склонила голову набок, внимательным, изучающим взглядом осматривая Глеба и скользя кончиками пальцев по его руке.

Она словно пыталась узнать, разобраться в его мыслях, вот только теперь в этом не было никакого смысла, совсем никакого.

Гроттер улыбнулась едва заметно, а после прошептала тихо-тихо, будто бы вынося свой последний приговор:

— Ты зря снял магическую защиту, некромаг... предатель, — она всегда называла его только так. — Вот твоё настоящее имя.

— Я просто больше не могу её держать, — усмехнулся Бейбарсов. — Убивай, если хочешь, вся моя магия ушла на то, что сидит в твоей голове.

— В моей голове ничего нет. Только моё сознание, — рассмеялась Таня, словно наконец-то убеждая себя в том, что поступает правильно. Он — враг, которого следует уничтожить, и она обязательно сделает это, если только поймёт, как именно должна будет поступать. И не стоит заставлять себя останавливаться.

Бейбарсов не заставит её успокоиться или поступить как-то иначе. Он может делать всё, что только пожелает, но это всё равно будет совершенно бессмысленно, что бы только Глеб ни говорил.

— Ты до сих пор считаешь, что ты способна на то, чтобы победить то, что в тебе сидит? — его глаза становились немного чернее, чем это было обычно. — Гроттер, ты уже

проиграла.

— Я не Чума. Я выиграла, — упрямо промолвила она, прекрасно понимая, что обманывает саму себя.

Глеб рассмеялся.

Ему почему-то было невероятно весело с того, что она говорила, и парень просто рассмеялся, тихо, едва слышно, но, тем не менее, заставляя её содрогаться от каждого звука его голоса.

— Убей меня.

Она сама не знала, почему поверила Бейбарсову на слово и позволила себе поверить в то, что он действительно сказал это. Гроттер даже не попыталась схватить нож или воспользоваться заклинанием, потому что это обязательно было бы совершенно бесполезным.

Гроттер положила руку куда-то туда, где должно было оказаться его сердце, и попыталась почувствовать, как оно бьётся.

Пьянит.

Таня не понимала, когда именно она воспользовалась собственной магией, чтобы начать переливать в собственное тело потоки волшебства, но это действительно случилось. Гроттер ощущала, как его энергия проходила сквозь её тело и останавливалась где-то там, где это было бы совсем нелишним.

Его магия была очень сильной, слишком могущественной, и Гроттер буквально тонула в ней, чувствуя, что это только маленькая часть.

...Глаза Бейбарсова словно вспыхнули в темноте, будто бы он был котом — Таня только сейчас поймала себя на мысли, что вокруг стало слишком темно, и только маленькая свеча на комодe сейчас отражала собственный огонёк от зеркала, освещая комнату.

Гроттер попыталась увеличить поток волшебства, которое переходило в неё — увы, но убить его так быстро, как это вышло бы с кем-либо другим, оказалось практически невозможным.

Таня не понимала, почему.

Несмотря на то, что сейчас он казался обессиленным, Бейбарсов был просто огромным источником магии.

Ему можно было творить всё, что только в голову придёт, пожалуй, и ничего от этого бы не изменилось ни на одно, даже самое маленькое, мгновение. Она понимала это, осознавала, хотя на самом деле думать о подобном было не слишком-то и приятно, и тонула в том, что называла своим подсознанием.

Гроттер не хотелось умирать.

Она считала, что обязательно победит — и вдруг вокруг запылало сотни свечей. Свечей? Или, может, просто загорелся ковёр — Гроттер не знала, что случилось, ей было попросту наплевать на всё происходящее.

Глаза Бейбарсова опасно вспыхнули чернотой.

Среди слишком ярких языков пламени они были даже слишком чёрными. Казалось, у Бейбарсова не было даже белков — всё заволокло темнотой, которая просто пьянила и заставляла всё больше и больше всматриваться в его глаза.

Таня чувствовала это непонятное, глупое притяжение, которое не давало ей покоя, и понимала, что что-то пошло не так. Её распланированное убийство, которое она собиралась совершить, катилось куда-то с невероятной скоростью, собираясь разрушить всё, что только

она могла решить.

Кровь и боль смешались воедино в ней одной, не оставляя больше ничего, что могло бы послужить нормальным смыслом для происходящего.

Таня хватала ртом воздух, понимая, что не может просто отвести взгляда от Бейбарсова.

— Не думай, что всё это было ради тебя, — вдруг выдохнул Глеб из последних сил. Таня почувствовала, что и сама совершенно не может говорить — их волшебство слилось воедино. Формируя сплошной разрушающий поток, оно переходило из одного тела в другое, собираясь разорвать весь этот мир на маленькие кусочки.

Гроттер ощущала это и осознавала, что долго так не протянет, но и отступить просто так она на самом деле попросту не могла, поэтому продолжала стоять на месте, не думая даже сдвигаться куда-то в сторону.

Может быть, она поступала неправильно, может, это всё было эгоистично и глупо, но, тем не менее...

Наверное, у неё просто не оставалось другого логичного выбора — Таня так пыталась заставить себя спокойно, нормально жить, что это всё походило на идеальное безумие, что накрыло её с головой.

Гроттер запрокинула голову, пытаясь рассмотреть красную линию крови на потолке, которая всегда была для неё до такой степени знакомой и до такой степени чужеродной.

— Во всех нас живут свои бесы, — выдохнул Бейбарсов, и мрак сковал его окончательно. Чернота его глаз привлекала к себе — и Таня понимала, что ни за что не отведёт взгляд, хотя это и грозило ей смертью.

Два обратных потока энергии словно выдернули из неё, и рыжеволосая могла только что-то шептать, пытаясь вернуть волшебство, которое переходило к Бейбарсову. Магия последнего их общего ритуала слилась воедино, а после наконец-то смешалась в сплошной бесконечности.

Змей времени укусил себя самого за хвост.

Весь мир был поглощён в невероятный поток чего-то страшного, но в тот же момент невероятно привлекательного, а после просто ничего нормального не осталось — лишь мир растворился в воздухе.

Не было боли, не было крови, только слёзы текли по щекам, а после в одно единственное мгновение мир раскололся на две части, взрываясь светом солнца, которое собиралось восходить...

===== Боль шестидесятая. Провидица и Некромаг =====

Кровь струилась по пальцам, оставляя неприятные, липкие следы. Ни единого воспоминания в голове, которое было бы связано с чем-то хорошим, не осталось, но зато боли было слишком, слишком много. Трудно осознавать, что всё это случилось именно с ними и именно вот так, но теперь выбор вряд ли когда-то появится, да и вообще, стоит ли ждать чего-то подобного?

Тане невероятно сильно хотелось открыть глаза и почувствовать, что она жива. Она не могла себе этого позволить, но желание было просто невероятно сильным, и Гроттер попыталась привстать, так и не открывая глаза.

Что-то исчезло.

Рыжеволосой показалось, что впервые за десятки лет она не слышала ни единого голоса, что нашёптывал ей странную инструкцию на ухо. Это было достаточно непривычно, и Таня упрямо мотнула головой, отказываясь верить в что-то подобное. Пустота и тишина не

свойственны Провидицам!

Она лежала на мягком ковре — вероятно, упала на него в прошлый раз, когда почему-то решила попытаться вытянуть из Бейбарсова его волшебство, вот только как тогда она умудрилась выжить?

Таня открыла глаза в страхе, что вокруг не будет ничего. Что она умерла. Но, тем не менее, пушистый мягкий ковёр оказался реальностью.

Совсем рядом, в сантиметрах десяти от неё, виднелась кровать — Таня практически уткнулась носом в атласные покрывала.

Бейбарсова рядом не было — но, когда Гроттер повернулась на другой бок, она осознала, что Глеб тоже лежит на всё том же ковре, правда, немного дальше.

Она посмотрела на порез на собственной руке — тот постепенно, очень медленно затягивался.

Волшебство у неё было. Таня чувствовала в себе силу и знала, что спокойно может вызвать прямо сейчас огонь или ещё что-то в этом роде, что она способна разрушить очень многое, точно так же, как и отстроить у неё бы тоже получилось, но, тем не менее, не было голосов.

— Глеб? — она думала, что была уже глухой, просто потому ничего и не слышала, вот только голос прозвучал достаточно звонко, а Глеб даже поднял голову, отреагировав на её голос, и что-то тихонько прошептал.

Живой.

Это было удивительно, особенно в сочетании со всеми остальными фактами, но Гроттер впервые в жизни не испытала совершенно ни одного оттенка ненависти по отношению к этому человеку.

— Да? — наконец-то тихо прохрипел Бейбарсов.

Впрочем, казалось, он был рад случившемуся. Почему-то Гроттер подумала, что впервые в жизни видит у него на лице пусть очень вымученную, но при этом совершенно искреннюю улыбку.

Словно...

Словно у него что-то пропало вдруг — какая-то частица ненависти, боли, что постоянно давила на него и не давала никакой возможности даже вздохнуть. Глеб выглядел вполне счастливым.

Он лёг на спину и вдруг весело рассмеялся, словно только что случилось что-то невероятно, невообразимо хорошее.

— Что такое? — удивлённо переспросила Гроттер, подвигаясь немного ближе и чувствуя, как Глеб осторожно, словно опасаясь разбить какую-то хрупкую вещь, обнимает её за талию и целует в висок.

— Ничего, — выдохнул он. — Наконец-то эта гадость куда-то ушла, — он весело улыбнулся. — Неужели я дожил до этого момента.

Таня бросила на него удивлённый взгляд, а после попыталась вернуться в собственные мысли.

Немного абсурдные, они смешались в сплошной поток и теперь свидетельствовали о чём-то очень глупом и странном, только Таня не могла понять, о чём именно.

Она так сильно мечтала о том, чтобы быть свободной — а теперь у неё в голове не было ни одного отрывка из видения. Ничего. Теперь стало так тихо, что она даже испытала странное торжество в собственных мыслях, торжество, которое помогало ей жить.

— Я не слышу видений, — прошептала Таня, положив голову ему на плечо. — Я тебя не ненавижу. Не считаю предателем!

— О, неужели где-то вымер целый лес? — Бейбарсов привстал на локтях, но после вновь рухнул на всё тот же ковёр. — А может, ты больше уже не Провидица? — он вздохнул. — Ты — не провидица, во мне не просыпается то счастье, которое я получил в недонаследство от Тантала.

— Ты о чём?

— О чернеющих глазах, приступах ненависти, дырах в ауре, которые вытягивают все силы, которые только можно вытянуть, — более спокойно пояснил он.

Впрочем, Глеб всё ещё улыбался, словно настроение у него было просто прекрасное. Он сел, а после даже поднялся на ноги и протянул руку, помогая встать и Гроттер.

Рыжеволосая была благодарна даже за эту, казалось, совсем маленькую помощь, в которой, возможно, была определённая польза.

Наконец-то, уже стоя на ногах, она потянулась, чтобы поцеловать собственного супруга.

— Ты ведь всё ещё некромаг? — вдруг с некоторой опаской, словно переживая, что он потерял всё, прошептала Таня, внимательно глядя в его чёрные глаза. Бейбарсов, немного помолчав, совершенно спокойно кивнул.

— Некромаг. Только, кажется, дар наконец-то прижился, — пояснил он. — Прежде мне казалось, что он вырывается куда-то на свободу, а сейчас... Пропало, наверное, то, что мешало — те осколки от старухи, которые мне достались.

Гроттер усмехнулась. Ей казалось, что он когда-то уже это говорил, но Таня не могла поверить в то, что всё было хорошо.

— А где книга? — наконец-то поинтересовалась она. Она поискала взглядом, словно надеясь увидеть, где конкретно та находится, томик “Провидицы”, но, тем не менее, такой книги словно не существовало никогда в жизни.

Бейбарсов пожал плечами, выражая собственное недоумение, а после присел на край кровати, усаживая Гроттер к себе на колени.

— Удивительно, — протянул наконец-то он, — но, как ни крути, а волшебство сыграло с нами достаточно странную шутку. Оно, может быть, смешалось, но какая-то часть ушла, — Бейбарсов поцеловал девушку в щёку, не позволяя ей вывернуться из его рук и оказаться на сомнительной свободе.

Впрочем, у Тани даже не появлялось подобного желания. Она весело улыбнулась, а после звонко рассмеялась, словно демонстрируя своё, возможно, чрезмерно хорошее настроение, которое могло бы быть и немного более смутным сейчас.

— Я больше не Провидица, — выдохнула она. — Выходит... В истории пишут правду, когда говорят о том, что провидиц лишили их первоначального дара?

— Когда-то где-то я об этом читал, — вздохнул Бейбарсов. — Вы ведь бессмертные были не благодаря видениям, судя по всему.

Таня пожалала плечами.

О бессмертии она слышала впервые в жизни, но теперь, когда не было никаких видений, когда она могла чувствовать себя счастливой, хотелось бы провести с Бейбарсовым как можно больше времени.

— У вас разделили силы на две части, словно ножом разрезали. Всё, что давало вам могущество, бессмертие, конечно, относительное, но всё же, да и многое другое, попросту отобрали.

— Но у меня-то осталось, — наконец-то немного удивлённо протянула девушка. — И я не понимаю, почему так вышло.

— Провидицы порождали Провидиц, — выдохнул Бейбарсов. — Их потому и уничтожали всегда с помощью “Тибидохса”, потому что столько безумных, сумасшедших женщин никому не было нужно.

Гроттер кивнула. Она не была Провидицей — она не чувствовала ничего, что прежде характеризовало это состояние.

— Но кто я теперь? — переспросила наконец-то она у Бейбарсова. — Ведь вроде бы магия никуда не исчезла!

— Исчезла вторая часть. То, что оставили, вместо того, чтобы отобрать... Древние маги были, наверное, трусами, — рассмеялся Глеб. — Да какая теперь разница, кто ты теперь? Просто ведьма.

Она кивнула. Быть просто ведьмой оказалось куда приятнее, чем Провидицей — и Таня впервые в жизни поняла это.

Она всё ещё обнимала Бейбарсова, чувствуя, что наконец-то может не ждать того момента, когда мрак выберется из её сознания и окажется на свободе. Бейбарсов тоже упрямо молчал, словно на самом деле ему не хотелось поделиться собственным мнением или даже рассказать ей о чём-то. Таня не могла ничего гарантировать — она просто мечтала наконец-то расслабиться и не задумываться над всем, что было прежде.

— Но это не лишает меня проклятой потребности править, — прошептала Гроттер. — И я всё ещё вынуждена быть жестокой правительницей, разве не так?

— Не так, — отрицательно покачал головой Глеб. — Ты можешь быть, скажем, просто строгой, а не жестокой, и это будет прелестной альтернативой всему тому, о чём ты сейчас думаешь.

Гроттер спорить не стала. Возможно, было даже немного приятно сейчас просто молча кивнуть и согласиться с тем, что он говорил — ибо, в конце концов, так она чувствовала себя просто свободной девушкой.

Не осталось ничего, что могло столкнуть её в глупое сочетание бесконечных миров. Не осталось ни единой капельки сознания, которая могла бы раствориться в воздухе. Не было ничего, что прежде так долго убивало её изнутри, даря только сплошные странности и страхи, которые подчиняли себе её мысли.

Можно было радоваться жизни и тому, что она умудрилась дожить до этого момента, а не без конца расстраиваться по этому поводу, или, может быть, по какому-то другому.

Неужели хотя бы когда-то наступит такой момент, когда она действительно будет счастлива? Неужели такое возможно.

Гроттер усмехнулась, чувствуя, что желание жить у неё наконец-то появилось, а не исчезало вновь и вновь.

— Значит, я могу просто радоваться жизни? — наконец-то спокойно предположила она, внимательно глядя на Бейбарсова.

— Не ты, а мы, — отрицательно покачал головой Глеб, а после весело рассмеялся, продолжая обнимать её и прижимать к себе. — Удивительная ты девушка, Гроттер. Странная, конечно, но всё равно удивительная!

Гроттер захотелось отрицать сказанное, но почему-то она не стала этого делать. Таня лишь просто перебралась на постель, увлекая Бейбарсова за собой и целуя его в губы.

— Может быть, мне давно надо было сказать это, ещё тогда, когда я находилась... в

немного неадекватном состоянии, но я тебя, некромаг, немного люблю, — весело смеясь, сообщила вдруг Гроттер, устраиваясь совсем рядом с ним и целуя Бейбарсова то в щёку, то в губы.

— Взаимно, — рассмеялся Глеб, толкая её на подушки. Он сейчас выглядел вполне отдохнувшим, а регенерация, наверное, у Бейбарсова наконец-то заработала так, как ей надо было работать.

Последняя страница проклятой книги растворилась в памяти и в воздухе. Не было больше никакого предсказания, не осталось ничего, что могло бы им до такой степени нагло помешать и разрушить их жизнь.

Таня чувствовала, что наконец-то всё стало на свои места. Ей не хотелось забывать прошлое, но, кажется, оно осталось старой, уже давно затянувшейся раной.

Давно было пора смириться со всем, что так часто грызло её, разрушая изнутри, а она не могла.

Теперь, когда она не была Провидицей, всё оказалось таким простым... Даже мысли о том, чтобы, возможно, быть счастливой и дальше, и казались совершенно абсурдными, как это было прежде.

Теперь Таня могла смотреть некромагу в глаза и смеяться, смеяться не почему-то, а просто так, потому что ей вдруг захотелось быть более чем счастливой.

Может быть, достаточно странным могло оказаться то, что она пыталась продолжать жить без зазрения совести.

Но ей казалось это нормальным.

— Это очень плохо, что я не жалею, что когда-то сумела победить в проклятых играх? — весело поинтересовалась Гроттер, устраиваясь поудобнее рядом с Бейбарсовым. — Чёрт, чем я только думала, когда потянула тебя на ту кровопролитную церемонию обручения... могли бы просто...

— Могли бы, — пожал плечами он, а после рассмеялся, поцеловал девушку в шею, скользя кончиками пальцев по пуговицам её блузки, и прижал ещё ближе к себе — может быть, теперь они похожи на нормальную молодую пару. — Но ты ведь сама говорила о том, что это единственный способ, возможно, когда-то иметь детей.

— Возможно, когда-то... — скривилась Гроттер. — Я сейчас хочу!

...Эйфория постепенно отступала. Они просто лежали рядом, молчали и вспоминали о том, сколько всего когда-то успели натворить.

Гроттер не чувствовала себя виноватой. Удивительно — но что-то странное поселилось в её сердце, не позволяя просто так взять и разрушить счастливые мысли.

Это было неправильно, но, тем не менее, Таня теперь наконец-то поверила в собственные силы.

Она могла быть счастливой.

Могла — и должна была оказаться именно таковой, а не пытаться разрушить всё то, что столько лет выстраивала в собственных мыслях или, возможно, в абсолютно логичной и нормальной реальности.

Гроттер понимала, что у неё было два пути. Теперь уж точно два, а не три — и она могла либо рвануться вниз, пытаясь оплакать всех мёртвых, о которых думала сейчас слишком отстранённо, либо попытаться просто радоваться жизни.

Убило ли то, что случилось, в ней жестокость и ненависть? Вряд ли. Сердце было покрыто рубцами, и вряд ли в нём найдётся так уж много места для чужих людей.

Глеб... Возможно. Может быть, их ребёнок, которого пока что нет — но будет, Таня чувствовала это.

Интуиция — куда лучший подарок, чем проклятый дар провидицы, и теперь она прекрасно это понимала.

— Неужели люди действительно живут вот так? Радуются, пытаются строить планы?..

— ...Бьют мужей по голове сковородами, кричат, швыряются магией, если она у них есть. Всякое бывает, — рассмеялся Бейбарсов.

— А ты-то откуда знаешь? Не поверю, что у тебя когда-то была нормальная семья.

— Я помню своих родителей... — пожал плечами он. — Моя мать очень часто отчитывала отца за то, что он в очередной раз употребил слишком большую порцию спиртного. Имела привычку швырять в него посудой.

— А что отец?

— А я на тебя как реагирую? Поймал либо подождал, когда кровь успокоилась — и приходится как-то мириться, — рассмеялся Бейбарсов.

— Они живы?

— Живы, — кивнул Глеб. — Не знаю, где теперь поселились, но явно живы, я бы иначе почувствовал.

Гроттер усмехнулась. Да, прекрасная новость — может быть, ей придётся даже знакомиться со своей свекровью.

— Почему к нам никто не приходит с новыми донесениями и ещё какой-то ерундой? — спросила наконец-то Таня.

Ей хотелось спать, очень сильно хотелось, и она уже практически задремала, но, тем не менее, не могла позволить себе расслабиться, когда предчувствовала появление ещё некоторых людей рядом.

Это было для неё просто непростительным.

— Причин несколько, — весело пояснил Бейбарсов. — Первая из них — это, пожалуй, закрытая дверь. К тому же, когда ты колдовала и пыталась меня здесь очень мило убить, то достаточно сильно громынуло, и, как по мне, несколько человек получили если не по голове, то уж по носу точно. Посему пока что никто особо не рвётся к нам, собираясь выяснять отношения и, возможно, что-то там ещё узнавать.

Таня весело рассмеялась, чувствуя, что, возможно, это так прекрасно, когда есть возможность просто поговорить с кем-то, а не искать себе лишние приключения на голову.

Она давно не чувствовала себя действительно счастливой, но, тем не менее, теперь начала считать, что всё было на самом деле прекрасно.

— Сомневаюсь, что из меня получится хорошая правительница. Я сейчас не чувствую мук совести, а они должны быть у доброго человека.

— Зачем быть доброй? — удивился Бейбарсов. — Разве доброта приносит счастье, удачу, что-то хорошее? Сомневаюсь.

Таня, недоумевающая и не до конца понимая, что именно он имеет в виду, пожала плечами, словно спрашивая, что Глеб ещё собирается сказать. Он улыбался и, кажется, пока что не спешил задумываться относительно собственных слов хоть о чём-то, но был ведь какой-то смысл и в этих немых паузах.

— Знаешь, возможно, править придётся действительно жестоко. Но люди привыкли, а после Чумы любое послабление покажется им идеалом.

Гроттер даже не стала вспоминать о том, где жила до того, как победила в “Тибидохсе”.

Смешно просто, как она умудрилась вырваться оттуда, так и не умерев по пути, но это следовало считать хорошим, положительным качеством и огромным плюсом для собственной жизни. Конечно, она сильно мечтала об одиночестве, но да и оно сейчас казалось не слишком-то и важным, если так уж и думать о том, чего следует ждать в будущем.

Гроттер прекрасно это понимала, поэтому не решалась спорить с судьбой. Её мысли были логичны — спокойны и равнодушны, будто бы на самом деле не существовало совершенно ничего, что могло бы нарушить их спокойную вереницу.

Счастье существует. Оно порой бывает призрачным, удивительным, но, тем не менее, оно существует.

— Может, ты и прав, — кивнула Гроттер. — Может быть, действительно следует просто держать этот мир в своих руках, а дальше — пусть будет то, что будет... А если не захочется править, всегда можно сбежать на противоположном конце вселенной.

Она подняла глаза к потолку. Узоры, которые были там нарисованы, на самом деле оказались не кровавыми. Это была даже не краска. Это были узоры, нарисованные болью на сердцах.

Места, где проводили ножом, давно превратились в грубые шрамы, вот только те всё равно казались кроваво-алым узором, который способен всё ещё разрушать и уничтожать изнутри собственное спокойствие.

— Я тебя люблю.

Гроттер взмахнула рукой, указывая на стену, словно собираясь что-то сделать, но не решаясь, и наконец-то растаяли узоры, которые только были там нарисованы. Боли больше не было, она просто растворилась. И наплевать на то, что подумают остальные.

— Я тоже тебя люблю, Гроттер, — а подтверждение, может быть, уже пришло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net